

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

ЧЕКМАРЁВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

**ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
РУССКОГО САДОВО-ПАРКОВОГО
ИСКУССТВА
(до середины XIX в.)**

17.00.04

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИС-
КУССТВО И АРХИТЕКТУРА (ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)**

**ДИССЕРТАЦИЯ НА СОИСКАНИЕ
УЧ.СТ.ДОКТОРА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ**

Научный консультант д.иск.проф. И.И. Тучков

Т О М 1

Москва, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ, НАХОДКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ	
1. Русская фауна и флора в Англии. Джон Традесконт - первый английский садовник на севере России.....	17
2. Царские посланники в королевских заповедных рощах, парках и садах....	34
3. Частные и корпоративные сады англичан в России	54
4. Аптекарские и Потешные государевы сады. Христофор Галовой и Петр Энглес - первые английские садовые мастера на царской службе.....	59
5. Петр I в Англии и заведение регулярного садоводства в Петербургском регионе	78
Глава II	
ОБРАЗЫ И ОБРАЗЦЫ РОССИЙСКОГО «АНГЛИЙСКОГО САДА»	
1. Природа и сельская жизнь в английской и русской поэзии.....	111
2. Роль специализированных изданий по заведению и обустройству парков: английская основа и ее русская интерпретация	138
Глава III	
АНГЛИЙСКОЕ САДОВОДСТВО И РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР	
1. Екатерина II	202
2. Павел I, Мария Федоровна, Александр I, Елизавета Алексеевна, Николай I, Александра Федоровна, Михаил Павлович, Константин Павлович, Александр Николаевич.....	237
Глава IV	
АНГЛИЙСКАЯ ПЛАНТОМАНИЯ РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ	
1. «Здесь барин Руской должен жить»!	269
2. Б.И. Куракин, И.И. Черкасов, И.Л. Талызин, И.А. Щербатов, Чернышевы, Голицыны, Демидовы	281
3. Воронцовы, Е.Р. Дашкова, А.А. Самборский, Разумовские, И.И. Шувалов	309
4. И.П. Тюфякин, А.Б. Куракин, Н.П. Шереметев,	

С.С. Гагарин, Орловы, В.П. Орлов-Давыдов, Нарышкины, Н.В. Репнин	343
5. Н.С. Мордвинов, В.Н. Зиновьев, Н.Б. Юсупов, Г.И. Бибииков, Г.А. Потемкин	388
6. Румянцевы, Вяземские, А.Г. Головкин, Ф.В. Ростопчин, А.П. Ермолов, А.Г. Бобринский	408
7. Строгановы, Николаи, И.И. Баратинский, В.П. Кочубей	447

ТОМ 2

Глава V ТВОРЧЕСТВО АНГЛИЙСКИХ САДОВЫХ МАСТЕРОВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ РЕГИОНЕ

1. Гатчина. Чарлз Спарроу, Джон Спарроу, Джеймс Хаккет, Ипар (1769-1801гг.).....	7
2. К биографии мастера. Ораниенбаум. Пулково. Джон Буш (1771-1772 гг.)	35
3. Царскосельский Екатерининский парк. Джон Буш, Джозеф Буш, Василий Торн, Джон Мак-Ларен, Дункан Мензис, Чарлз Мэннерс, Джозеф Тиксон, Томас Грей, Джон Сноу, Чарлз Камерон, Архип Бляк (1773-1853 гг.)	45
4. Павловск. Чарлз Камерон (1779-1796, 1800-1801 гг.).....	64
5. Пелла Джон Манро, Джозеф Буш (1785-1789 гг.)	85
6. Баболовский дворец, Шампетр, Рябово, Каменный остров, Императорский повивальный институт, Знаменка, Пулковская обсерватория. Джозеф Буш (1783-1830-е гг.)	92
7. Верхний и Нижний парки Ораниенбаума. Иоганн Итон, Джозеф Буш (сер. 1810-х, 1830-е гг.)	102
8. К биографии мастера. Осиновая роща, Сиверсова дача, Островки, Горбылевская дача, Петербургское Адмиралтейство. Уильям Гульд (1777-1805 гг.)	105
9. Таврический дворец. Уильям Гульд, Джон Мак-Ларен, Чарлз Мэннерс, Мартин Колл, Уильям Грей (1783-1851 гг.)	124
10. Остров Котлин, Этляндская усадьба герцогини Кингстон. Генри Моуэт (1778-1784 гг.)	144
11. Петергофский Английский парк. Джеймс Медер, Томас Вилкенсон, Лонсдейл, Джон Мак-Ларен, Уильям Гульд (1779-1805 гг.)	153
12. Стрельна. Адам Холл, Джозеф Тиксон-старший, Джозеф Тиксон-младший (1798-1829 гг.)	165
13. Ропша.	

Томас Грей, Джозеф Буш, Роберт Робинсон, Джеймс Медер, Джон Мак-Ларен, Бонквест, Исаак Ольдекер, Уильям Грей (1785-1840 гг.).....	176
14. К биографии мастера. Сад на кронверке Петропавловской крепости, столичный Михайловский дворец, Царскосельские Лицейский сад, Отдельный парк, Петергофская Александрия. Адам Менелас (1817-1829 гг.)	189
15. Аничков дворец. Людвиг Таперс, Уильям Гульд, Адам Менелас (1743-1754, 1777-1779, 1817-1820 гг.).....	213
16. Царскосельский Александровский парк. Джозеф Буш, Чарлз Мэннерс, Адам Менелас (1790-е-1825 гг.).....	221
17. Елагин остров. Уильям Гульд, Джозеф Буш, Питер Бук (1778-1780-е, 1816-1827 гг.).....	240
18. Дудергофские горы, Красное Село. Томас Грей, Уильям Грей (1826-1840 гг.).....	250

Глава VI

ТВОРЧЕСТВО АНГЛИЙСКИХ САДОВЫХ МАСТЕРОВ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

1. Хорошево-Троекурово. Уильям Гульд (1777-1778 гг.).....	263
2. Дубровицы. Уильям Гульд (1780-е гг.).....	274
3. Царицыно. Фрэнсис Рид (1784-1799 гг.).....	288
4. Семеновское-Отрада. Фрэнсис Рид (1787-1799 гг.).....	310
5. Останкино. Фрэнсис Рид, Роберт Мэннерс (1791-1831 гг.).....	322
6. Странноприимный дом Шереметева. Роберт Мэннерс (2-я пол. 1810-х , 1820-е гг.).....	358
7. Горенки, Гороховое поле, Петровский подъездной дворец. Адам Менелас (1800-е, 1820-е гг.).....	366
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	386

ТОМ 3

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие	6
Глава I	25

Глава II	83
Глава III	123
Глава IV	176
Глава V	293
Глава VI	408
СПИСОК АРХИВНЫХ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	457
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	531

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало рассмотрению русско-английских связей было положено во второй половине XIX в.¹ Уже на этом исходном этапе был определен ряд общих тенденций, выявлен и проанализирован значительный фактический материал. Впрочем, наибольший интерес представляли тогда вопросы, связанные со становлением и исходной фазой их развития, целиком относящейся ко 2-й половине XVI - концу XVII вв. Преимущественное же внимание уделялось историко-экономическим и историко-политическим аспектам. К этому времени восходят и первые публикации вновь выявленных источников, освещающих самые различные стороны двустороннего сотрудничества. В качестве примера в данной связи следует назвать: первое прибытие англичан в Россию и русских в Англию, дипломатические отношения Ивана IV с Елизаветой I, появление английской колонии в России, царские грамоты, хранящиеся в британских собраниях и документы дипломатической переписки английских посланников при русском дворе. Среди наиболее крупных фигур этого первого исследовательского периода следует назвать Ю.В. Толстого, И.Х. Гамеля, И.И. Срезневского и В.А. Лебедева.²

Вплоть до последнего времени самой изученной сферой двусторонних отношений остаются русско-английские литературные связи. На сегодняшний день мы располагаем весьма впечатляющим числом работ, посвященным многовековым контактам в самых различных областях. В контексте становления и развития русской литературы Нового времени особый интерес проявлен к такой обширной теме, как «Шекспир и Россия». В начале XX в. ведущие позиции в ее изучении принадлежали отечественным исследователям - Н.Н. Бахтину, Е. Бошняку и Ч. Ветринскому.³ Лишь на следующем этапе изучения эти вопросы привлекут внимание и зарубежных коллег.⁴

И по широте поставленных задач, и по глубине исследовательского метода особого внимания заслуживает обширное научное наследие М.П. Алексева. На

всем протяжении своей полувековой исследовательской деятельности он занимался выявлением двусторонних литературных контактов, что и позволило проследить их становление и развитие с наибольшей полнотой. Сфера научных интересов академика была необычайно обширной, что подтверждается рассмотрением самых различных вопросов. Достаточно, например, назвать: «анекдоты С. Коллинза о Грозном», «английские мемуары о декабристах, «российскую корреспонденцию Т. Мура». Ему же принадлежит не имеющий аналогов фундаментальный труд, целиком посвященный русско-английским литературным связям XII - 1-й половины XIX вв.⁵

Исследовательская деятельность младшего современника М.П. Алексева - Ю.Д. Левина прослеживается с начала 1960-х гг. Помимо такой ставшей уже традиционной для рассмотрения темы, как «Шекспир и Россия», он не менее активно занимался изучением целого ряда вопросов, затрагивающих фундаментальные для развития русской литературы проблемы. Именно ему удастся прояснить влияние английской просветительской журналистикой на русскую литературу XVIII в. и английской поэзии на становление и развитие литературы русского сентиментализма. Он же проследит воздействие творчества Г. Филдинга, У. Хогарта и Оссиана на самых различных этапах развития русской литературы.⁶

Особая роль в изучении русско-английских связей принадлежит английскому исследователю Э.Г. Кроссу. Его полувековая научная деятельность имеет исключительную ценность для представителей самых различных гуманитарных дисциплин. Им созданы десятки статей и целый ряд фундаментальных монографических работ, посвященных самым различным сферам двусторонних отношений. Впрочем, приоритетным для Кросса неизменно остается XVIII век и, прежде всего, екатерининская эпоха. В своей исследовательской деятельности он широко привлекает архивные и достаточно редкие библиографические источники, долгое время остававшиеся недоступными для отечественного исследователя в силу целого ряда причин. Необычайно широкий диапазон затраги-

ваемых Кроссом тем и направлений обусловил появление принципиально новых представлений об истинных причинах двустороннего сближения и охлаждения. При этом практически все его работы носят ярко выраженную прикладную направленность. И все же первостепенное значение в них уделено культурным контактам, представленными двумя основополагающими темами: «русские в Англии» и «англичане в России». Именно с этой актуальной проблематикой и сопряжено решение более частных вопросов, таких, например, как пребывание в Англии Петра I, представителей аристократических семей, поэтов, мастеровых и инженеров, настоятелей посольской церкви и т.д. Соответственно и Россия становится не менее пристальным объектом изучения в контексте кратковременного, длительного или постоянного проживания здесь британцев, принадлежащих самым различным социальным группам. Среди них мы находим, например, и настоятеля англиканской петербургской церкви У. Тука, и адмирала на русской службе С. Грейга, и герцогиню Кингстон, и баронессу Димсдейл, и труппу английских актеров, успешно гастролировавших в Петербурге.⁷

В отличие от литературоведения капитальные труды, освещающие двусторонние художественные связи, в настоящее время отсутствуют. Объясняется это тем обстоятельством, что такой исследовательский интерес обозначился сравнительно недавно, а сам предмет изучения оказался необычайно обширным. Поэтому в ближайшее время остается наиболее актуальным решение отдельных (частных) вопросов, без чего, собственно, невозможно подойти и к выявлению общих закономерностей.

Историки искусства приступили к освоению российско-британских связей в начале 1910-х гг. Впрочем, самой ранней публикацией следует признать одну из первых статей В.В. Стасова за 1859 г. Посвящена она была случайно обнаруженному на вывеске в английской таверне портрету Петра I, принадлежащего творчеству неизвестного английского мастера.⁸

Целиком относящийся ко 2-й половине XX - началу XXI вв. основной мас-

сив искусствоведческих работ кардинально отличается от предшествующего периода впечатляющим разнообразием тем и направлений. Изучение отдельных проблем или же рассмотрение сугубо локальных вопросов приобрело качественно иное содержание.

В настоящее время в области живописи отчетливо просматриваются четыре исследовательских направления. Одно из них посвящено сложению и анализу коллекций английских произведений, ставших составной частью отечественных музейных собраний.⁹ В другом рассматриваются особенности российского заказа и художественное качество оказавшихся в России живописных полотен таких, например, крупных английских мастеров, как Дж. Рейнольдс,¹⁰ Т. Лоуренс¹¹ и Р. Пэтон.¹² Третье целиком связано с выявлением общих и частных закономерностей двустороннего сближения, наиболее ярко заявивших о себе во второй половине XVIII – первой половине XIX в.¹³ Наконец, четвертое адресовано деятельности британских мастеров, непосредственно работавших в России.¹⁴ В данном случае имеется ввиду целый ряд монографических работ, посвященных творчеству Э. Каннингхэма,¹⁵ У. Бромптона,¹⁶ Д.-А. Аткинсона,¹⁷ Дж. Хирна,¹⁸ Р. Кер-Портера,¹⁹ К. Робертсон.²⁰ Самое же значительное число исследований посвящено одному из крупнейших портретистов 1-й трети XIX в. - Дж. Доу, творчество которого получило наиболее обстоятельный анализ в трудах Г.Б. Андреевой.²¹

Много общего с живописью имеют исследования, посвященные двусторонним связям в области графики. Часть из них охватывает сложение коллекций, ставших составной частью общенациональных музейных собраний.²² Так, в трех работах И.Г. Ландер анализируется обширное собрание английских гравюр графа Н.П. Шереметева.²³ Ей же и Э.Г. Кроссу принадлежат исследования, проясняющие двусторонние контакты и в области книжной графики.²⁴ Принципиально важное значение в этой связи имеют изыскания Е.А. Некрасовой и Э.Г. Кросса в области карикатурного жанра.²⁵ Монографические же исследования на сегодняшний день охватывают творчество только двух мастеров - обучавшего-

ся в Англии гравера Г. Скородумова²⁶ и придворного гравера Д. Уокера, оставивших значительное художественное наследие.²⁷

Наибольшее число искусствоведческих работ посвящено необычайно обширным двусторонним связям в области прикладного искусства. Основная их часть напрямую связана с формированием царской коллекции и художественным анализом золотых и серебряных изделий, доставлявшихся в Россию на всем протяжении конца XVI – первой половины XVII вв. в качестве посольских даров. Такой интерес объясняется уникальностью кремлевского собрания, так как аналогичные произведения в самой Англии были полностью утрачены в правление О. Кромвеля.²⁸ Распространение в России художественно значимых английских оловянных изделий рассматривается в статьях И. Гальнбека, А.С. Косцовой и Е.Ю. Ельковой.²⁹ Творчество английских мастеров (часовщиков, медальеров, «телескопного искусства»), чьи произведения находятся преимущественно в собрании Эрмитажа, освещается в работах С. Тройницкого, В.Л. Ченакала, В.К. Макарова.³⁰ Еще более значителен круг исследователей, изучавших само появление и распространение в России английского фарфора и фаянса.³¹ Особый интерес в этой связи представляет целый ряд монографических работ, проясняющих обстоятельства заказа и художественное качество сервиза «Зеленая лягушка», изготовленного по заказу Екатерины II для императорского «Чесменского замка».³² Само же сложение в екатерининский период крупной императорской коллекции английской глиптики, сопровождающийся детальным анализом входящих в нее произведений, рассматривается в статьях М. Уиллиса и Ю.О. Коган.³³ Также эрмитажному собранию английских шпалер и вышивок, с кратким упоминанием об их доставке в Россию, посвящены научные сообщения В. Макарова и Т. Косоуровой.³⁴ Значительное число работ отвечает обширной теме «английская мебель и интерпретации ее образцов в России». Такого рода исследования появились сравнительно недавно, и эта проблематика целиком находится в ведении отечественных специалистов - Т.В. Раппе, И.К. Ефремовой и И.К. Ботт.³⁵

Связи в области скульптуры представлены тремя основными темами, причем все они напрямую связаны с отечественными музейными собраниями. Одна из них представлена декоративной «корабельной скульптурой» петровского времени, другая посвящена скульптурным портретам известных британцев, принадлежащих творчеству Д. Ноллекенса и француженки М. Колло петербургского ее периода, наконец, третья - формированию античных коллекций скульптуры.³⁶

В изучении архитектурного творчества просматривается два основополагающих направления. Одно из них составляет сравнительно небольшую часть исследований, освещающих лишь отдельные эпизоды, имевшие место с конца XVI в. вплоть до середины XIX в.³⁷ Другое базируется на выявлении художественной индивидуальности отдельно взятых британских зодчих, непосредственно работавших в России. Из всех имеющихся на сегодняшний день работ, напрямую затрагивающих проблематику российско-британских художественных связей, наибольший интерес исследователей был проявлен к многогранному творчеству Ч. Камерона. Показательно, что первая публикация («Значение архитектора Камерона») была осуществлена П.Н. Петровым еще в 1885 г. Самыми крупными исследователями российского творчества зодчего следует признать Г.К. Лукомского, В.Н. Талепоровского и Д.О. Швидковского.³⁸ В целом ряде монографических работ исследуется творчество младших современников Камерона, представителей его же команды, - архитекторов А.А. Менеласа³⁹ и В.И. Гесте.⁴⁰

Еще в середине XIX в. привлекла внимание садоводческая деятельность Джона Традесканта, посетившего в начале XVII в. Архангельск и составившего первую коллекцию северо-русской флоры.⁴¹ Изучение же двусторонних отношений в садово-парковом искусстве представлено всего лишь одним базовым направлением. Оно целиком связано с концом XVIII – 1-й половиной XIX вв. и отвечает становлению и полувековому развитию отечественного пейзажного садоводства. Собственно этой поистине неисчерпаемой теме и посвящено зна-

чительное число исследовательских работ. Ряд из них освещает устойчиво сохранявшийся интерес Екатерины II к ландшафтному садоводству. Причем этот вопрос рассматривается отечественными и британскими исследователями в контексте ее просветительского мировоззрения и активно происходившего усвоения руссоистских идей. Основоположниками этой темы станут британские исследователи - Д. Ньюмен, Э. Кросс и П. Хейден.⁴² На качественно ином уровне ее дальнейшее развитие получит в статьях Б.М. Соколова и А. Веселовой.⁴³ Своей работой И.В. Щерблыгина определит еще одно важное исследовательское направление, целиком связанное с освоением А.Т. Болотовым теоретических и практических сторон английского пейзажного садоводства.⁴⁴ Не меньшую актуальность для последующей разработки представляет и статья С.Б. Горбатенко, в которой становление пейзажного садоводства напрямую связывается с самим заказчиком.⁴⁵

Предельно краткий обзор российской деятельности английских садовых мастеров содержится в работах британских исследователей - Е. Коха и Э.Г. Кросса.⁴⁶ Среди отечественных специалистов особая роль в этой связи принадлежит А.Л. Рейману. На основе неизданной рукописи видной исследовательницы русско-английских художественных связей А.П. Мюллер (1889-1941) он составил словарь работавших в России английских садовых мастеров.⁴⁷

В целом ряде работ затрагивается творчество отдельных английских садовников, работавших в императорских и аристократических имениях. Так, И.Г. Степаненко, М. Келер и Н.Е. Туманова освещают деятельность Джона Буша и Джозефа Буша в Царском Селе,⁴⁸ В.Ф. Шилков и Е.Н. Глезер - Д. Медера в Петергофе,⁴⁹ О.А. Иванова и П. Хейден - Ч. Камерона в Павловске,⁵⁰ А.Л. Рейман - Т. Грея в Красном Селе⁵¹ и И. Олдекера в Ропше,⁵² Б. Михайлов - Ф. Рида в Царицыне и Останкине,⁵³ А.В. Воронцов - У. Гульда в различных регионах страны,⁵⁴ наконец, Д.И. Немчинова - Джозефа Буша на Елагином острове.⁵⁵

Следует подчеркнуть, что отечественная и зарубежная исследовательская база двустороннего сотрудничества в области садово-паркового искусства все

еще остается крайне неразвитой. Даже несмотря на свой узкий хронологический период она не выходит за рамки рассмотрения отдельных (частных) эпизодов. Также практически полностью отсутствует документально подтвержденный анализ большинства выдающихся отечественных пейзажных парков и соответственно их первоначальный художественный облик не определен. И это несмотря на то, что ни одна другая сфера русско-английских художественных связей не обладает столь мощной источниковедческой базой.

Несомненно, русско-английским связям в садово-парковом искусстве принадлежит неоспоримое преимущество и по числу участников, и по значимости общехудожественного своего воздействия. Достаточно сказать, что общая численность работавших в России английских садовых мастеров исчисляется десятками, а сфера их творческой активности распространяется практически на всю ее европейскую часть. Непосредственное же их воздействие на становление и развитие отечественного пейзажного стиля до сих пор не являлось предметом целенаправленного исследования, хотя в данном случае мы имеем дело с самой передовой художественной школой, быстро преодолевшей национальные границы. Теоретические и практические достижения британцев оказали столь существенное воздействие на повсеместное развитие садово-паркового искусства, что очень скоро стали органической составной частью самых различных национальных художественных культур. Весьма показательным, что аналогично большинству европейских стран и в сознании россиян пейзажный парк стал синонимом «аглинского сада». Следовательно, мы имеем дело с одним из ключевых направлений в развитии искусства Нового времени.

Выявление общих тенденций двустороннего сближения в самых различных областях художественной жизни вплотную подвело автора к определению перспективных направлений и выбору адекватного исследовательского метода. Так постепенно из нестройной массы отдельных документов стали прорисовываться общие ориентиры работы, уточнялась ее структура и название глав. Большим подспорьем в этом деле стало непосредственное знакомство с целым ря-

дом британских парков, письменными и иллюстративными материалами, хранящимися в музеях, архивах и библиотеках Лондона, Кембриджа, Оксфорда и Эдинбурга. Приношу в данной связи особую благодарность Питеру Хейдену (Peter Hayden) – члену Совета Английского общества исторических садов (The Garden History Society), автору многочисленных публикаций, посвященных историческим садам и паркам Великобритании и России.

В работе делается первая попытка комплексного рассмотрения заявленной проблематики. В общем контексте художественного процесса XVIII – 1-й половины XIX вв., напрямую связанного с необычайно сильным воздействием Англии на общеевропейское осмысление идейно-образных основ пейзажного садоводства, нам было важно проследить его становление и развитие в рамках отдельно взятой национальной культуры. Именно в этой связи мы очертили профессиональную деятельность целого ряда английских садовых мастеров, прояснили своеобразие их художественного метода и попытались воссоздать (частично или полностью) первоначальный облик созданных ими парковых композиций. Определяя основные этапы развития вполне конкретных усадебных комплексов, нам часто удавалось уточнить и временные рамки их создания. Помимо собственно аналитического обзора парков, в научный оборот вводится и целый пласт вновь выявленных архивных и библиографических источников, позволяющих с еще большей основательностью подойти к их детальному изучению и научной реставрации.

Предпринятая разработка заявленных тем в целом отвечает степени их изученности. Большинство из них в специальной отечественной и зарубежной литературе не были даже заявлены, другие до сих пор не получили должного освещения. Чисто объективными причинами объясняется неодинаковый объем глав. Обусловлено это наличием исходного материала и общехудожественной значимостью исследуемых вопросов. Сама же их постановка отвечает основополагающим тенденциям двустороннего художественного сближения. Обильно встречающиеся в главах письменные свидетельства, необычайно ярко воспро-

изводящие общехудожественную атмосферу тех лет, наглядно это подтверждает. Привлечение столь разнообразного круга первоисточников с самого начала стало насущной необходимостью. Как известно, в первоизданных своих формах сады и парки существуют крайне непродолжительное время. Поэтому всякого рода позднейшие наслоения, трансформации, частичное или полное исчезновение парковых частей или же отдельных структурных элементов крайне затрудняет выявление их первоначального облика. Избранный же нами типологически-системный метод позволил проанализировать исторические свидетельства с должной полнотой. В основной своей массе они прокомментированы или сопровождаются отдельными разъяснениями. Однако предлагаемая работа не может претендовать ни на полноту исследуемых вопросов, ни на систематический характер изложения: обозначенные нами темы потребуют дополнительных разысканий и уточнений.

Отдельное место мы уделили двусторонним контактам, имевшим место на всем протяжении 1550-х – 1730-х гг. В общем контексте становления и развития отечественного пейзажного стиля принципиальное значение имело рассмотрение вопроса о собственно российском интересе к английской «природной поэзии» в лице наиболее ярких его представителей, почитателей и последователей. Не менее значимой оказалась и тема российского заказчика, вдохновленного общей идеей заведения своего собственного «аглинского сада». Как выясняется, наиболее интенсивный характер эти художественные контакты приобретут именно в екатерининский период.

Становление отечественного пейзажного садоводства обусловило постановку принципиально новых художественных задач, в значительной мере связанных с реконструктивными мероприятиями. Все они, так или иначе, отвечали радикальной трансформации уже сложившихся по преимуществу барочных усадебных комплексов, часто ведущих свое происхождение в Московском регионе от допетровских родовых вотчин. Однако в отличие от предшествующего времени, когда при главном доме создавалась соразмерная ему садово-парковая композиция, те-

перь главной целью становится формирование образно значимой пейзажной среды, нередко выходившей даже за пределы межевых границ имения. Именно колоссальными издержками и можно, прежде всего, объяснить наличие сравнительно узкого круга потенциального российского заказчика – представителей императорской фамилии или придворной аристократии.

Закрепление теории и практики новейшего английского садоводства на русской почве обеспечивалось и постоянно прибывающими английскими садовыми мастерами, которые создавали пейзажные парки в тесной зависимости от особенностей места, сложившейся структуры застройки, вполне конкретных предпочтений заказчика. Впрочем, в каждом таком случае речь заходила о создании художественно выразительной пейзажной среды, приводившей к полному преобразению исходной местности. И здесь в первую очередь заявляла о себе приобретенная ими еще на родине профессиональная выучка и художественная интуиция. Достаточно, например, упомянуть, что главный садовник князя Г.А. Потемкина - У. Гульд при проектировании российских своих парков нередко прибегал к макетированию, пытаясь избежать даже незначительных погрешностей.

Первые контакты России и Англии восходят к XI столетию, однако начало регулярным отношениям было положено в 1553 г. Именно тогда и зародились двусторонние художественные связи, разменявшие четыре с половиной столетия своего развития. И хотя на сегодняшний день мы уже обладаем вполне сложившейся исследовательской базой, следует признать, что в данном направлении сделаны только первые шаги. Многие эпизоды и темы все еще ждут своего исследователя, да и то, что уже известно, потребует уточнения, дополнения и развития. В непреходящей ценности такого изучения, несомненно, одно: всякий раз мы имеем дело с ключевыми проблемами общеевропейских художественных взаимовлияний и взаимодействий. Да и при рассмотрении самых различных этапов развития отечественного искусства на первый план выдвигаются все те же основополагающие вопросы. Их решение и являлось главной целью нашей работы.

Глава I

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ, НАХОДКИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

1. Русская фауна и флора в Англии. Джон Традескант - первый английский садовник на севере России. 2. Царские посланники в королевских заповедных рощах, парках и садах. 3. Частные и корпоративные сады англичан в России. 4. Аптекарские и Потешные государевы сады. Христофор Галовой и Петр Энглез - первые английские садовые мастера на царской службе. 5. Петр I в Англии и заведение регулярного садоводства в Петербургском регионе.

1. Русская фауна и флора в Англии. Джон Традескант - первый английский садовник на севере России

Становление русско-английских отношений в самых различных областях хозяйственной и культурной жизни стало возможным после открытия в 1553 г. Северного морского пути Р. Ченслором (Richard Chancellor, ?-1556), чей корабль «Эдуард-Благое Предприятие» после длительного и изнурительного странствования неожиданно оказался в устье Двины: «Ченслор направил курс к неизвестным странам и зашел так далеко, что оказался в местах, где совсем не было ночи...»¹ Высадившиеся на берег были поражены вновь открытой страной. Бескрайние русские земли произвели на англичан неизгладимое впечатление. Перед ними предстал совершенно особый природный мир, обладавший удивительным своеобразием. Все было ново, непривычно, неожиданно, все побуждало к сравнению с Англией. Подтверждением тому служат многочисленные письменные свидетельства, в которых русская флора и фауна получила не менее заинтересованный отклик.

В 1568 г. вновь открытым морским путем во главе английского посольства прибыл в Московию Т. Рандольф (Thomas Randolph, 1523-1605?). Восторгаясь

всем тут увиденным, он отмечал: «Страна здесь очень красива; ровная, приятная, густо населенная, пашни, пастбища, много лугов, рек, красивых и больших лесов».² Доктор гражданского права Дж. Флетчер (Giles Fletcher), отправленный королевой к царю Федору Иоанновичу (1584-1598) в 1588 г., добавит: «...летом все принимает совсем другой вид: леса (большей частью сосновые и березовые) так свежи, луга и нивы так зелены (и это выше юга), такое множество разнообразных цветов и птиц (по большей части соловьев, которые здесь, кажется, голосистее и разнообразнее, нежели где-либо), что трудно отыскать другую страну, где бы можно было путешествовать с большим удовольствием».³ Проявляя повышенный интерес к традиционному русскому садоводству и огородничеству, он напишет: «Из плодов здесь родятся яблоки, груши, сливы, вишни, красные и черные (впрочем, последние растут без прививки), дыня, похожая на тыкву, но слаще и приятнее вкусом, огурцы, арбузы, малина, земляника, брусника и много других ягод в каждом лесу и огороде. Хлебные же растения суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо, которое почти одинакового вкуса с рисом».⁴

В качестве капеллана и переводчика к отправленному в Россию в 1618 г. английскому посольству присоединится оксфордский священник Р. Джеймс (Richard James). Оказавшись в окрестностях Холмогор, он, очевидно, первым из британцев оставит в своем дневнике одну весьма примечательную запись, явно свидетельствующую о чисто образном восприятии русской природы: «Самое восхитительное эхо звучит верстах в двадцати-тридцати за Троицей, где оно раздается в глубине лесов на песках с большим благозвучием, чем игра на двух органах».⁵

Не с меньшим удивлением британцы повсеместно сталкивались и с русской фауной. Надо полагать, что поначалу основной интерес был проявлен к обитателям северных широт. Одним из первых с ними вплотную столкнется командир корабля С. Бэрроу. Обследуя побережье Белого моря в 1556 г., он в Судовом журнале отметит: «За Вайгачом находится земля, называемая Новой Зем-

лей, очень большая, но людей на ней мы не видели. Там мы добыли довольно много дичи и видели белых лисиц и медведей». ⁶ Разнообразие животного мира Московии не останется без внимания и Флетчера. Суммируя яркие свои наблюдения, он подчеркнет: «Особого рода животные суть: лось, олень, дикая лошадь, медведь, россомаха, или лесная собака, рысь, бобер, соболь, куница, черная и темная лисица, белый медведь, водящийся у морских берегов близ Печоры, горноста́й, серая белка. Есть также род белки, у которой на спине клок волос, очень похожий на перья, а хвост шире, нежели у других белок; перескакивая с одного дерева на другое, она расправляет его и действует им как будто крылом, прыгает на большое пространство и, по-видимому, летает, почему и называют ее летучею векшей. Зайцы и белки летом одного цвета с нашими: зимой шкура зайца становится белою, молочного цвета, а белки делаются серыми.

Диких оленей и коз весьма много. Лошади малорослы, но очень быстры на бегу и сносны... Овцы малы, шерсть их груба и жестка. Птицы очень разнородны: много ястребов, есть орлы, кречеты, соколы, коршуны и проч., но ястребов более всего. Из других птиц главные: лебедь, ручной и дикий (их весьма много), цапля, журавль, тетерев, одного цвета с фазаном, но более его, и живет в сосновых лесах; фазанов и куропаток также много; совы весьма велики, на взгляд хуже наших сов, с широким рылом и ушами, похожие на человеческие». ⁷

Составной частью самой разнообразной деятельности англичан в России станет отправка к себе на родину животных и птиц, становившихся необычайно ценными экзотическими атрибутами королевских и аристократических садов и парков.

Еще при Генрихе I (Henry I, 1100-1135) в обширных королевских охотничьих угодьях в Вудстоке был устроен большой Зверинец, где содержались львы, «странные пятнистые звери» - леопарды, дикобразы, верблюды и прочие редкие животные. Невзирая на большие издержки, их доставляли ко двору даже из самых отдаленных земель.

И хотя эти сведения носят в основном эпизодический характер, все же известно, что в 1592 г. внимание посетителя в озелененном дворе Тауэра привлек специально устроенный домик, в котором разместили «трех львиц и одного льва, названного «Эдуардом VI», поскольку тот родился в годы правления этого короля».⁸ Среди не менее достойных обитателей королевского Зверинца он приметил также тигра, рысь, дикобраза, орла и одного «очень старого волка».⁹ Причем все они, как особо подчеркивалось, содержались за счет королевы наилучшим образом.

Существовало два основных канала доставки на Британские острова животных и птиц. Первый был напрямую связан с обосновавшимися в России агентами торговой Московской компании, которые беспрепятственно и, видимо, сразу же в больших количествах наладили отправку преимущественно лосей и белых медведей собственному лондонскому начальству. Впрочем, продолжалось это совсем недолго, пока информация на этот счет не просочилась в Кремль. С 1559 г. англичанам уже требовалось заручиться царским согласием на вывоз каждого такого крупного животного.¹⁰ Другой канал, как неотъемлемая составная часть дипломатического этикета, предусматривал поднесение в торжественной обстановке «живых поминок» самим монархам. Так, английский посланник Еремей Баус (Sir Jerome Bowes, ? - 1616), находившийся в Московии в 1583-1584 гг. незадолго до кончины Ивана IV (1533-1584), поднес королеве Елизавете I (Elizabeth I, 1533-1603) в подарок от русского государя «дикого лебедя, красного оленя и пару царских оленей, самца и самку, с огромными рогами; в присутствии Ея величества они возили сани с человеком по Самоедскому способу».¹¹ Этот экзотический способ передвижения сразу привлек к себе внимание и даже оставил след в поэтическом творчестве посетившего Россию У. Уорнера (William Warner, 1558-1609). Заостряя внимание на повседневной жизни самоедов, он напишет:

«(...) Таскают лодку на спине, рыбака целый день,

Как возит на себе людей послушный им олень».¹²

Уже позднее от царя Федора Иоанновича Дж. Горсей (Jerome Horsey) доставит очередную партию «живых гостинцев»: «Королева смотрела из окна на двух белых кречетов, свору собак, ловчих соколов и на двух ястребов: она приказала лорду Кэмберлену и сэру Генри Ли заботиться и хорошо ухаживать за ними».¹³ В действительности это стало ответным даром, связанным с отправкой к царскому двору Елизаветой I в качестве не менее ценного дара целой группы животных: все они, как уточняется, были доставлены к устью Двины тем же Горсеем в 1586 г.

Тот факт, что уже в елизаветинскую эпоху в английских парках и заповедных королевских угодьях содержались наиболее яркие представители российской фауны, находит свое подтверждение и в творчестве У. Шекспира (William Shakespeare, 1564-1616). Об особой свирепости привезенных из Московии медведей, ставших уже хорошо известными в Англии, он упомянет в исторической своей хронике «Генрих V»: «Глупые псы! Кидаются, закрыв глаза, в пасть русскому медведю, чтобы он сплюснул им башки, как гнилые яблоки». М.П. Алексеев видит в том «явный отзвук популярной в те времена в Лондоне забавы травли медведей собаками. Медведей русских лесов продавали в Англию в XVI-XVII вв. и часто возили туда на кораблях для устройства травли. Тот же «косматый русский медведь» («the rugged Russian bear») вспомнился измученному совестью Макбету в сцене, когда он видит призрак зарезанного Банко и кричит ему, что предпочел бы ему любое свирепое чудовище».¹⁴ Неоднократные упоминания о еще больших по величине белых их собратьях - «этих больших медведях, встречающихся на Новой Земле, у которых нюх лучше, чем зрение», можно встретить и в других не столь популярных пьесах, в частности, у Дюбриджа - «Ганс пивная кружка».¹⁵

Поставка зверей не прекращалась и в Смутное время, когда фактически перестал существовать заведенный прежде строгий царский контроль. Так, в 1608

г. служащие Московской компании привезли во дворец Якова I (James I, 1603-1625) молодого моржа.¹⁶ В 1609 г. также из Архангельска на борту торгового корабля доставят двух медвежат, которых выставят на всеобщее обозрение в располагавшемся на южном берегу Темзы столичном Пэрис-гарден (Paris Garden).¹⁷

В середине XVII в. представители русской фауны уже не являлись в Англии чем-то диковинным, что подтверждает оказавшийся там в 1646 г. царский посланник Ф. Архипов: «Да в том же граде Лундане потешный двор, а на том дворе много львов и всяких зверей. Да на том же дворе индейской кот величиною з борана, а шерсть багрова на нем. Да на том же дворе индейская мышь величиною з дворовую собаку, да индейская змея сажени с четыре, и всяких диковинок, и зверей московских много ж». ¹⁸ И при состоявшемся в 1662 г. возобновлении дипломатических отношений князь П.С. Прозоровский привезет в дар от Алексея Михайловича ко двору Карла II (Charles II, 1660-1685) шесть верблюдов, двух горностаев, двух куниц и лисиц. К ним добавлялись еще и двадцать три пернатых - девять кречетов, три сокола, четыре ястреба, по две «чапли серые и белая» и несколько пеликанов.¹⁹ Всех водоплавающих разместят в только что созданном Сент-Джеймском парке, где король с энтузиазмом примется их разводить.²⁰

Пожалуй, еще больший интерес был проявлен англичанами к растительному миру Московии. Изначально он носил сугубо деловой характер, отвечая неукоснительным правилам коммерческой деятельности. Показательны в данной связи отдельные положения Инструкции (1589), специально разработанной руководством Компании английских купцов на случай обнаружения новых земель как дополнительных рынков сбыта:

«Кроме товаров следует привезти отдельные предметы

(...) Также привезите фруктов этой страны: если они не выдерживают перевозки, то сохраните их, высушив их.

Привезите семена груш и яблок, а также - косточки плодов, какие вы там найдете.

Привезите также семена всех неизвестных трав и цветов; такие семена плодов и трав из другой части света, столь отдаленной, доставят наслаждение воображению многих лиц как своим необычайным видом, так и потому, что они могут расти и доставлять наслаждение долгое время. (...)

Предметы, которые нужно отмечать для дальнейших соображений

Наблюдайте их посеvy, их плодовые деревья и заметьте, обильны они или нет...

Для угощения влиятельных людей на корабле

(...) Яблоки «Джон», сохраняющиеся два года, чтобы показать качество наших фруктов. (...)

Книги

Если кто-нибудь даст вам новый гербарий и такие книги, в которых изображены травы, растения, деревья, рыбы, птицы и звери здешних стран, то это может привести в восхищение великого хана, знать и тамошних купцов, когда они все это увидят. Все здешнее так сильно отличается от того, что имеется там; а так как они не могут из-за дальности расстояния приехать сюда, то для них будет наслаждением увидеть все, хотя бы в отражении. (...)

Семена для продажи

Для этой цели возьмите с собой семена всех сортов садовых растений, сладких трав, цветов, горшечных растений и всех сортов корне-

плодов».²¹

Инструкция четко предписывала во всех без исключения вновь открытых землях неустанно собирать и составлять целые коллекции, причем по возможности из наибольшего числа растений, включая декоративные, предполагая самое широкое их использование и в английских поместьях. Она же предписывала при каждом удобном случае демонстрировать доставленные образцы местным жителям и тем самым знакомить с разновидностями английской флоры, прежде всего, конечно, садово-огородными, прямо на месте.

В сугубо практической плоскости интерес предприимчивых британцев к ботаническим видам Московии обозначился вслед за открытием Северного морского пути. Показательно на этот счет одно из самых ранних распоряжений руководства только что образованной Московской компании, адресованное трудившимся непосредственно в России собственным сотрудникам: «Мы слышали, что в стране Пермии или около Печеры множество тису, равно и в стране Угорской, желательно бы разведать об этом, потому что этот род дерева особенно нужен для нашего государства. Для этого мы посылаем к вам молодого человека, по имени Леонарда Бриана, который имеет некоторые познания в лесном товаре, чтоб он показал вам, как рубить и колоть этот лес...»²² Этот возвратившийся на родину в 1556 г. вместе с первым царским посланником О.Г. Непеей специалист, несмотря на все превратности сильно растянувшегося во времени пути, все же смог добраться до указанных районов и доставить в Англию востребованные образцы. Впрочем, вместо желаемого тиса (*Taxus baccata*) они на поверку оказались листьями русской пихты (*Abies sibirica*). Спустя десятилетие тис все же был англичанами неожиданно обнаружен на расстоянии семи-восьми дней пути от Астрахани, в «области Гилян». В письме Артура Эдуардса от 26 апреля 1565 г., адресованного сэру Томасу Лоджу на этот счет сообщалось: «Я вам должен также сообщить, что здесь очень много тисового дерева для луков. Я велел купить его в количестве, которое может быть погруже-

но на трех лошадях, чтобы выяснить, какое его качество. Но дерево было срезано не в сезон, а в апреле месяце, и было слишком сырым. В течение трех месяцев я говорил здешним жителям, чтобы они привезли тиса. Ваш агент вышлет в Англию некоторое количество для образца». ²³ Известный английский первопроходец и деятельный сотрудник Московской компании А. Дженкинсон (Anthony Jenkinson, ?-1611), следуя вниз по течению р. Волги в 1558 г., случайно обнаружит на полпути между Казанью и Астраханью еще одно редкое растение, которое также незамедлительно переправит в Англию для уточнения чисто практической его пользы: «По всему этому берегу растет в изобилии солодко-вый корень, уходящий в землю подобно корням виноградной лозы». ²⁴ Оказавшийся в 1566-1567 гг. в окрестностях беломорской бухты Святого Николая англичанин Эдуардс также счел не менее важным доложить, что именно «в этих местностях растет сосна, дерево, стружками которого лечат чирьи». ²⁵

Ботаническими разысканиями будет увлечен и королевский посланник Р. Ли (Richard Lee), отправленный с дипломатической миссией ко двору царя Бориса Годунова (1548/1552-1605) в самом начале 1600-х гг. Здесь он случайно узнает о некоем пасущемся в татарских степях за Волгой таинственном и чрезвычайно редком животном, именуемом «баранец». Вырастал он якобы из соизмеримого с семенами дыни или арбуза одного семечка и уж затем, по мере роста, из бутона образовывался плод в виде ягненка. Этот «скифский агнец» вроде бы со временем оживал и начинал щипать травку, насколько позволял стебель, игравший роль пуповины. Соответственно местные жители «добывали» это особо чтимое руно и «использовали» только в отделке дорогой одежды. ²⁶ Впрочем, раздобыть семена этого во всех отношениях уникального «растительного животного» посланнику так и не доведется, а потому он был вынужден довольствоваться доставкой на родину одной лишь царской мантии, якобы подбитой именно этим замечательным руном. ²⁷

На начальном этапе становления двусторонних отношений основополагающую роль в деле знакомства британцев с местными образцами садово-

огородных культур, да и самими садами - этими «виноградными обительными», играли, прежде всего, русские монастыри, позволявшие составить достаточно ясное представление об особенностях традиционного русского садоводства и огородничества. Именно в них происходило становление и развитие самобытной садово-парковой культуры, которая вплоть до середины XVII в. устойчиво сохраняла свое главенство над светской (придворной) и по природно-климатическому своему охвату, и по многообразию композиционных решений, и по общей массе окультуренных ботанических видов, причем как плодовых, так и декоративных. Уже во 2-й половине XVI в. за монастырскими стенами или около них можно было встретить стриженные лужки, привезенные из далекой Сибири кедры, высаженные также для «любования» березы или липы, и все еще редкие для той поры ароматические травы и цветы, доставляемые странствующими монахами даже из самых удаленных мест.²⁸

Совершая утомительные многомесячные передвижения вглубь России, англичане в качестве надежного убежища избирали, прежде всего, монастыри. Здесь же, поджидая попутный ветер, они обыкновенно останавливались на нескольких дней или даже недель и по возвращении на родину. Долгое время самым посещаемым оставался Соловецкий монастырь, находившийся на ставшем оживленным Северном морском пути. Именно здесь с середины XVI в. силами самих монахов и будет начато колоссальное по своему размаху освоение островной территории, что не могло остаться без внимания англичан. Вблизи пониженной северной части монастырского поселения уже в середине 1510-х гг. существовали монастырские огороды как составная часть достаточно развитого хозяйства, включавшего в себя 32 лошади, 40 коров, 20 молодых быков «да телей».²⁹ В первых из известных приходно-расходных монастырских книгах сообщалось и о монахах-огородниках, обыкновенно продававших семена и репу всем прибывающим на остров.³⁰ Впрочем, ввиду суровости климата, овощной ассортимент оставался невеликим. Да и в более поздней деловой переписке (1705) упоминалось схожее огородное хозяйство, «где сеют капусту и сеют ре-

пу и ретьку и морковь и свеклу».³¹ Причем в основном монахи использовали труд приезжих «недорослей».³² И в конце XVIII в. подпоручик Васильев, подводя неутешительный итог проводившимся с давних пор экспериментов по столь важной для жизни общины огородной части, вынужден был признать: «На полях удобренных сеется и снимается иногда урожайно одна репа, с посевом ячменя делан был опыт, но ранние морозы во время цвета оной побивали. В огородах стенами монастырскими от ветров защищаемых, сады в весьма малом количестве редьку, морковь, картофель, лук, чеснок и капусту зеленую».³³

Этот вскоре сделавшийся вполне привычным северный маршрут от одного до другого монастыря упомянут в Путевых заметках Томаса Соутэма и Джона Спарка, датированных июлем-августом 1556 г.: «Мы выехали из Холмогор около 10 часов утра в ладье или барже, которую мы наняли, чтобы доехать вдоль берега до места, называемого Сорока. На ладью мы наняли шесть матросов и мальчика, которые обязаны были довести нас до означенного места. Ладья, или баржа, наша имела двадцать пять тонн вместимости... На ней мы спустились по реке Двине при слабом ветре до монастыря, называемого монастырем Св. Михаила, где мы принуждены были стать на якорь из-за противного ветра.... От Холмогор до этого монастыря - 50 верст или русских миль; здесь мы задержались до утра 21 июля; в этот день ветер был достаточно благоприятен; мы подняли паруса и выехали отсюда. 21-го мы выехали из монастыря св. Михаила ...и доехали 22 июля в два часа утра до Розового острова против монастыря Св. Николая. (...) 23-го мы отплыли от монастыря Св. Николая в семь часов вечера и стали на якорь у сигнального маяка (бакана)... затем отплыли дальше... (...) 30-го мы отъехали от мыса острова Абдона в четыре часа утра, держа курс на запад, и к десяти часам прибыли в монастырь, называемый Соловки... В этом монастыре мы оставались до 31 июля. Старшие монахи дали нам лист за печатью монастыря... (...) Из Соловецкого монастыря мы переехали в отличный каменный монастырский дом в трех милях к юго-западу от монастыря. 1 августа мы выехали из каменного дома в три часа утра... (...) 21-го, вы-

ехав от Вороньего острова за два часа до рассвета, мы прибыли в два часа пополудни в монастырь Св. Климента, в 48 милях от Вороньего. Из монастыря Св. Климента мы отправились 22-го на рассвете вдоль озера с попутным ветром... в реку, называемую Свирь, у монастыря Вознесения Христова. (...) 23-го мы отбыли от Вознесения Христова до восхода солнца...»³⁴ Тем же путем воспользуется во 2-й половине 1550-х гг. еще один безвестный британец: «...с англичанами, приехавшими на службу к царю, оставался в монастыре шесть дней, пока не выгрузил все свои вещи на берег и не нагрузил их на баржи, чтобы отправиться вверх по Двине в Вологду. (...) В России очень много монахов и монахинь, очень много больших и богатых монастырей, которые оказывают величайшее гостеприимство... Я был в одном из монастырей, называемом Троицким». ³⁵ Весьма примечательна на этот счет сделанная в августовские дни 1568 г. в Походном дневнике запись все того же Т. Рандольфа, остановившегося в монастыре Св. Николая у Холмогор, где его радушно встретили хлебом-солью, а напоследок «подарили черную овцу с белой мордой». ³⁶

Принимая во внимание пункты упомянутой Инструкции, следует полагать, что фактически со 2-й половины 1550-х гг. преимущественно из северорусских монастырей в сады и парки Англии стали проникать саженцы садово-ягодных культур, декоративные деревья и кустарники, а также наиболее удобные в доставке семена цветов и цветущих злаков, в том числе тепличных. Соответственно и в эти монастыри, ввиду обоюдной расположенности и простого любопытства, беспрепятственно доставлялись и английские их разновидности.

Становление профессионального интереса англичан к русской флоре в более-менее известных рамках садово-паркового искусства следует связывать с деятельностью основоположника системного обследования Беломорского побережья Д. Традесканта (John Tradescant the Elder, ок.1570-1638). Этот фактически первый прибывший в Россию английский садовый мастер у себя на родине был хорошо известен как неутомимый естествоиспытатель и обладатель одной из самых крупных в Европе коллекцией растений. Неустанно занимаясь интро-

дукцией видов, он постоянно заботился о ее пополнении, всякий раз обмениваясь семенами с зарубежными своими коллегами. Часто покидая Британские острова, садовник отправлялся на поиски все новых и новых видов даже в сильно удаленные неведомые земли.

Главной целью поездки Традесканта в далекую Московию станет формирование еще одной ботанической коллекции, не имевшей аналогов ни в самой Англии, ни где-либо еще. Этот столь явно обозначившийся еще в елизаветинское правление интерес самых различных представителей английского общества к овладению фундаментальными основами окружающего мира в полной мере отвечал ренессансному мировоззрению.

Неизменно совершенствуя познания в теории и практике новейшего садоводства, Традескант довольно скоро стал привлекаться и к устройству крупных садово-парковых композиций в аристократических имениях. В числе именитых его заказчиков находим, например, государственного секретаря Елизаветы I и Якова I, Р. Сесила (Robert Cecil), графа Сэлисбери (1st Earl of Salisbury), лорда Э. Уоттона (lord Edward Wotton), герцога Бэкингема (Duke of Buckingham) и молодого королевского «протезе» Д. Вильерса (Gorge Villiers). Уже позднее, в качестве королевского садовника Карла I, он должен был руководствоваться вкусами утонченной его супруги-француженки Генриетты-Марии.³⁷ При финансовой поддержке своих влиятельных заказчиков Традесканту удавалось часто выезжать за границу, что способствовало появлению очередных ботанических коллекций. Не меньше внимания уделял он и особенностям местного садово-паркового искусства, активно используя заграничный опыт в повседневной своей практике. Так, в 1609 г., возвратившись в очередной раз из Голландии, Традескант поступит на службу к графу Салисбери и переедет в обширное его загородное имение Хатфильд (Hatfield House, Hertfordshire), где близ главного дома сформирует в «голландском вкусе» сразу нескольких регулярных садово-парковых композиций. В 1611 г. он отправится во Францию, откуда доставит на родину саженцы деревьев, кустарников, новые партии семян цветов и

декоративных растений. Именно после этой поездки садовник получит множество заказов, в частности, в Лондоне по его проектам будет создано сразу несколько садов. В 1614 г. Традескант покинет столицу и переедет в только что приобретенное лордом Воттоном имение Сент-Огастин в Кентенберри, где займется реконструкцией монастырского сада. Задумав же составить коллекцию из растений Нового света, он в 1617 г. отправит своего помощника к только что обосновавшимся в Вирджинии английским колонистам. Уже по возвращении из России Традескант отправится в Африку и составит еще ряд уникальных собраний из прежде неизвестных на Британских островах образцов флоры и фауны, а также раковин и редких минералов. Все эти уникальные для той поры экспонаты предназначались для герцога Бэкингема, намеревавшегося разместить их в специально выстроенной в саду собственной Кунсткамере. Сохраняя за собой должность главного придворного садовника, Традескант будет содержать в образцовом порядке сады Сент-Джеймского дворца и на завершающем этапе своей деятельности. Этим, в сущности, ограничиваются немногочисленные данные творческой биографии мастера.³⁸

Появление сорокавосемилетнего Традесканта в прибрежных водах Архангельска станет прямым следствием постоянного присутствия англичан на севере России. Замысел такой поездки мог возникнуть после обстоятельных рассказов соотечественников, уже побывавших здесь и хорошо себе представлявших природные и климатические особенности региона. Обладая к тому времени солидным опытом по сбору, систематизации и акклиматизации преимущественно теплолюбивых ботанических видов, он и на очередном этапе собирательской своей деятельности счел не менее важным обзавестись их северными разновидностями. Хранящийся в оксфордской Бодлеянской библиотеке Путевой дневник Традесканта позволяет высветить сферу российских его интересов достаточно полно.³⁹

Из Англии на корабле «Диана» он отбыл 3 июня 1618 г. вместе с прикомандированным к царскому двору посланником Д. Дигсом (Sir Dudley Diggs),

известным эрудитом, почитателем наук и обладателем собственного замечательного парка. Полтора месяца спустя, вечером 16 июля, вблизи «английского дома» в Архангельске был брошен якорь и на следующий день садовник вместе с командой высадится на берег. Вновь прибывшие разместятся в трех домах, два из которых принадлежали голландцам, а третий - англичанину Вилкинсону. Ожидая решение местных властей, Традескант поначалу заинтересуется земельными наделами окрестных крестьян и сделает первый для себя немаловажный вывод: «Земля, отведенная у них под пашню, насколько я видел, прекрасная, мягкая, легкая и рыхлая как в Норфолке; без камней».⁴⁰ 20 июля местный воевода, прояснив для себя суть вопроса и не найдя в том ничего предосудительного, позволит Традесканту при обследовании островов Двинской дельты (северо-западнее Архангельска) даже воспользоваться царской ладьей. Записи садовника подтверждают, что интерес к русской флоре не ограничивался сбором отдельных образцов, но носил исключительно комплексный характер.

На одном из островов ботаник обнаружит «ягоду, плоды которой во многом напоминают клубнику, но янтарного цвета. Люди едят ее как лекарство против цинги... Я высушил несколько ягод, чтобы выбрать из них семена». Прямым следствием обследования островных лесных массивов стала появившаяся коллекция из одних только дикорастущих ягодных растений, куда войдут брусника (*Vitis idaea*), видимо, клюква (*Oxycoccus palustris*), два сорта темно-синей черники (*V. myrtillus*) и голубика (*V. siliguosum*). Скорее всего, и земляника, упомянутая в связи с Традескантом в ботаническом издании Паркинсона десятилетие спустя, также являлась составной ее частью.⁴¹ Не мог не привлечь внимание садовника прежде всего лечебными своими свойствами так называемый дремлик, более известный как чемерица (*Voratum album*). Это в основе своей ядовитое растение, традиционно использовавшееся местным населением от головной боли, Традескант назовет по-русски «камарица» и подчеркнет, что его можно не менее успешно использовать как весьма эффективное защитное средство от лесного гнуса, комаров и мух.⁴² Помимо крупной березы (*Betula alba*), среди

прочих незнакомых ему деревьев, он перечислит одни только хвойные - сосну (*Pinus sylvestris*), ель (*Picea Abies*), лиственницу (*Larix sibirica*) и пихту (*Abies sibirica*): «Я видел четыре сорта хвойных деревьев и березы очень высокие; по весне они (русские) делают надрезы, чтобы пить их сок, он течет большую часть мая и в начале июня, и, по их словам, это приятный освежающий напиток». Удивительной по своим свойствам будет признана и русская черемуха (*Prunus padus*), совмещавшая в себе отменную прочность с поразительной гибкостью: «Также есть у них невысокие деревья, из которых они изготавливают обручи. Англичане называют их дикой вишней».⁴³ Из окультуренных ягодных кустарников внимание Традесканта привлекут, прежде всего, сорта смородины (*Ribes rubrum, nigrum et album*), ягоды которой обладали завидной величиной: «...белая, красная и черная значительно крупнее, чем я когда-нибудь видел». Впрочем, самой впечатляющей находкой станет Роза Московии.

5 августа на корабле, принадлежащему некоему Нельсону, Традескант очередной раз покинет Архангельск и высадится теперь уже на Розовом острове – том самом, на котором англичане впервые высадились еще в 1553 г. Внимание садовника сразу же привлекут дикие кустарниковые розы, «покрывавшие около пяти или шести английских акров»: «Они не махровые, очень похожи на наши коричневые розы... и чудно благоухают». И далее подчеркнет, что «люди, имеющие обоняние, уверяют, что эти островные розы имеют удивительно приятный запах; они распространяют свой запах, который почти одурманивает проходящих». Как обычно в таких случаях, отобрав с должным запасом образцы этого в действительности ярко цветущего шиповника, он заметит: «Надеюсь, что некоторые из них примутся, и будут расти в Англии». На Розовом острове он составит и коллекции цветов. При этом особого внимания удостоятся «не менее прекрасные чем английские» полевые фиалки (*Dianthus*), «растущие естественным образом и лучшего сорта, чем есть у нас в Англии» дикие гвоздики, а также «анджелика», «лизимахия» и «пурпурная герань из Московии» (*Geranium Moscoviticum purpureum*).

Стараясь как можно скорее переправить все эти ценные образцы на родину, Традескант решает покинуть Архангельск под самый конец летней навигации - на месяц ранее спланированного срока. Все собранное в ящиках с землей он разместит в собственной каюте, будет неустанно поливать заготовленной пресной водой и время от времени проветривать, вынося на палубу. Впрочем, затянувшиеся шторма не позволят вовремя достичь родных берегов. В результате часть саженцев без должного полива погибнет, другой же напастью станут «мальчишки с корабля», которые «съели ягоды прежде, чем я успел их сохранить».⁴⁴ Тем не менее, когда «Диана» 22 сентября все же достигнет Лондона, основная часть всего собранного сохранится, на новой почве сможет прижиться и станет, таким образом, неотъемлемой составной частью и английской флоры.

Этим с такими сложностями привезенным образцам Традескант найдет самое достойное применение. Прежде всего, в собственном имении, приобретенном южнее Лондона в 1626 г. Находившийся с восточной стороны от ныне существующей дороги (South Lambeth Road) и в непосредственной близости от Спринг-Лейн (Spring Lane), этот вновь созданный сад обладал поразительной по своему разнообразию коллекцией растений. Предметом особой гордости хозяина была коллекция, целиком составленная из лекарственных растений и трав. Этот сад Традесканта долго еще время оставался крупнейшим в стране ботаническим питомником. В нем он разместит также Кунсткамеру, где наряду с редчайшими растениями на всеобщее обозрение будут выставлены чучела редких животных и птиц. В одном из отделов демонстрировались привезенные из Московии счеты, самоедские лыжи, «русский» кафтан, сапоги, «русские чулки без пяток» и плащ, якобы отороченный «скифским агнцем».⁴⁵ Уже от внука этот сад в 1712 г. перейдет к известному натуралисту и ботанику Г. Слоану (Sir Hans Sloane, 1660-1753), являвшемуся почетным членом петербургской Академии наук.

Как главный смотритель королевских садов, Традескант мог широко использовать русские образцы и в королевских резиденциях, и в ряде поместий

особо приближенной ко двору знати, например, в богато обустроенном в 1625-1627 гг. имении графа Букингемского (Newhall, Essex). Д. Традесканти-младший (John Tradescant the Younger, 1608-1662), также дослужившегося до звания королевского садовника, продолжит начатую отцом их акклиматизацию. Тем более, что достигшие к тому времени должной величины хвойные, скорее всего привезенные в Англию в виде семян или совсем крохотных саженцев, можно было уже использовать при формировании самых различных садово-парковых композиций.

Однако наибольший интерес в профессиональной среде будет проявлен именно к Розе Московии («Rosa Moscovita»; «Rosa Sylvestris Russica»). Не случайно подробное ее описание Традесканти-младший поместит в выпущенном в свет в 1656 г. «Каталоге собственного сада», откуда оно перекопировано и в другие ботанические издания.⁴⁶ Надо полагать, что с этого времени Московская роза найдет достойное применение в обустройстве всякого рода регулярных садовых композиций, а в следующем столетии отыщет свое место и в пейзажных парках.

2. Царские посланники

в королевских заповедных рощах, парках и садах

Наряду с заведенными при царском дворе обстоятельными письменными отчетами возвратившиеся из Англии русские дипломатические представители и в устной форме, причем с малейшими подробностями, информировали государя о том, где побывали и что в действительности видели. Затем в присутствии думного посольского дьяка следовали еще и «распросные речи», являвшиеся неотъемлемой составной частью рукописных Статейных списков. Эти общие впечатления и частные заметки посла и его помощников в основном сводились к описанию церемониальных визитов с упоминанием всякого рода сопутствующих предметов. Весомое место среди них уделялось королевским резиденциям, где посланникам Московии неизменно оказывался радушный прием. Ко-

нечно же, примечали они облик и щедрую отделку королевских построек и непосредственно с ними связанные сады и парки. Известные со второй половины XVI столетия эти самые различные по своему изложению письменные источники, необычайно важные для изучения по целому ряду направлений, позволяют высветить общую картину всего того, что в действительности попадало в их поле зрения и по садовой части.

Избежав верной гибели при кораблекрушении вблизи шотландских берегов, первый русский посол О.Г. Непея (Непея Григорьев) в ноябре 1556 г. окажется в Эдинбурге. Там он проживет всю зиму и 28 февраля прибудет в Лондон, где 25 марта удостоится аудиенции королевы Марии (Mary, 1555-1558) и супруга ее Филиппа II (Испанского). Как обычно в таких случаях встреча русского посланника произойдет в Уайтхолле (Whitehall) в недавно сформированной столичной королевской резиденции, под создание которой в 1533 г. Генрих VIII (Henry VIII, 1491-1547) распорядился отвести в Вестминстере, поблизости от Темзы, обширный незастроенный участок (York Place).⁴⁷ Помимо четырех теннисных площадок (Tennis Courts) здесь во внутренних дворах разместятся и два разновеликих сада, устроенных в 1530-х - 1540-х гг. в качестве неотъемлемых составных частей дворцового комплекса. Сравнительно небольшой Собственный сад (Privy Garden) был спланирован для самого короля и ближайшего его окружения и с западной, и северной сторон замыкался высокими глухими каменными оградами. Более же примечательный Большой сад (Great Garden), отвечавший характерным особенностям садовых композиций раннетюдоровского времени, изначально предназначался для широкого круга лиц, так или иначе связанных с церемониальными приемами. Он занимал близкий в плане к квадрату довольно крупный участок и примыкал к дворцовым объемам с западной стороны, а с южной на него раскрывалась протяженная открытая галерея.

Таким образом, минуя одну из двух надвратных готических башен, торжественная процессия оказывалась в узком дворовом пространстве, откуда, собст-

венно, и осуществлялся вход в Большой сад посредством главных ворот, устроенных в северной стене. И только проследовав через них Непея, а вслед за ним и все прочие русские представители, оказывались в королевских апартаментах. И, следовательно, помимо щедро декорированных готических надвратных въездных башен и представительных дворцовых помещений, они имели неплохую возможность всесторонне осмотреть и Большой сад.

В кратковременный период правления короля Эдуарда VI (Edvard VI, 1547-1553) и королевы Марии это сад не менялся и соответственно в начале 1557 г. продолжал сохранять свой первоначальный облик. Датированный концом XVI в. генплан Лондона зафиксировал его регулярную разбивку прямоугольными в плане партерами, непосредственно подступающими к находившемуся в центре фонтану.⁴⁸

Из описания 1545 г. следует, что сад украшался тридцатью пятью высокими колоннами, щедро украшенными резьбой. Все они были также расписаны «чудесными» красками, преимущественно зелеными и белыми - излюбленными цветами династии Тюдоров. А увенчивали их искусно вырезанные из дерева и еще более ярко раскрашенные фигуры геральдических животных (heraldic beasts), державшие в лапах флагштоки с эмблемами и символами королевской власти. Прямоугольные же партеры, как подчеркивалось, разделялись «замечательными дорожками», обрамленными «растениями очень искусно». Эти элементы убранства просматриваются на датированном 1545 г. групповом портрете «Семья Генриха VIII» неизвестного художника.⁴⁹ Вероятнее здесь же время от времени устанавливался королевский Шатер, более всего напомиавший изысканно украшенный садовый павильон. Проектный чертеж 1520 г. подтверждает, что в его отделке также широко использовались резные фигуры «обережных зверей».⁵⁰ Редкий же для того времени «замечательный» фонтан Большого сада был замаскирован под солнечные часы.⁵¹ Хитроумное его устройство запускалось следующим образом: «...на некотором расстоянии от фонтана находилось небольшое колесо, повернув которое, в действие приводило скрытый

механизм, и вода извергалась из циферблата». ⁵² Именно поэтому каждый неискушенный посетитель, которого в шутку просили уточнить время, неожиданно для себя оказывался под мощными его струями.

Этот Большой сад Уайтхолла был весьма схож с садами Хэмптон-Корта, создававшимися Генрихом VIII во 2-й половине 1520-х – начале 1530-х гг. также в рамках проведения широкомасштабных реконструктивных работ. ⁵³ Впрочем, здесь общее число вырезанных из дерева раскрашенных или вызолоченных геральдических зверей (драконов, грифонов, леопардов, тигров, антилоп, быков, борзых собак, лошадей) было несравненно больше - около ста шестидесяти фигур. ⁵⁴ Ритмичная постановка этих зооморфных фигур, как в Уайтхолле, призвана была выявлять и подчеркивать регулярную основу сада и усиливать общую полуфантастическую его атмосферу. ⁵⁵

В полувековое правление Елизаветы I королевские резиденции посетят сразу несколько русских посольств, что, безусловно, способствовало постепенному накоплению представлений о тамошних садах и парках при царском дворе.

За драгоценными камнями и роскошными одеждами Иван IV снарядит в апреле 1567 г. в Англию купцов С. Твердикова и Ф. Погорелого. ⁵⁶ В начале мая следующего года королева примет их в Гринвиче (Greenwich Palace). Впрочем, еще до этого они, вероятно, уже посетят ее резиденцию в Отланде (Oatlands Palace, Surrey). В известном своем послании к царю Елизавета старалась подчеркнуть особую расположенность к посланникам, рассчитывая на обоюдные милости и с его стороны: «Грамоту вашего величества, писанную десятого дня месяца апреля прошлаго 1567 года, купцы ваши Степан Твердигов и Феодот Погорелый, которые настоящую нашу грамоту отвезут, нам вручили. Мы озаботились, как по доброй воле (наших подданных), так и нарочным указом, чтобы с теми вашими купцами во все время отправления их торговых дел у нас и у наших подданных было поступаемо так что надеемся что вполне удовлетворили не только ходатайству вашего величества о них, но даже и собственным ожиданиям этих людей. Мы тем прилежнее о сем старались, что нам ясно

видно и хорошо известно, что все наши подданные, которые с соизволения нашего и с рекомендательными нашими письмами приезжают к вам торговать в вашем государстве точно также везде принимаются милостиво вашим величеством и дружественно вашими подданными. Весьма молим да участвятся и пребудут вечными таковыя сношения с обеих сторон и взаимной между нами дружбы и доброй приязни между нашими подданными. Это расположение нашей души те ваши подданные и пространнее и лучше выскажут вам лично на словах, которым - мы не сомневаемся - ваше величество даст полную веру. Гринвич, девятого мая 1568».⁵⁷

Там же в Гринвиче в августовские дни 1559 г. королева устроит не менее почетный прием А. Совину и С. Севостьянову, где обсуждался и весьма деликатный вопрос о переезде царя в Англию.⁵⁸ Располагалась эта королевская резиденция восточнее столицы - у темзских берегов, в непосредственной близости от заведенного еще Генрихом VIII обширного Охотничьего парка. Краснокирпичные ее дворцовые объемы во многом напоминали Хэмптон-Корт, хотя и были несколько меньших размеров.⁵⁹ Судя по рисунку А. Вингерде (Anthonis van Wyngaerde), обширная прямоугольная в плане территория перед дворцом разделялась протяженными оградами на четыре равные части.⁶⁰ Непосредственно связанная с королевскими покоями одна из них включала в себя сад, симметричная планировка которого была выражена шестью квадратными в плане партерами, разделенными пересекавшимися под прямым углом дорожками. Центральную его часть закреплял фонтан, устроенный Елизаветой наподобие Большого сада Уайтхолла. С противоположной стороны от протяженной каменной ограды, отмеченной двумя характерными для поздней готики надвратными башенками, подступал еще один огороженный квадратный в плане садовый участок, также периметрально замыкавшийся дорожками.

Особенностям тюдоровского времени отвечал и посещавшийся русскими дворцовый комплекс в Отланде, сформированный Генрихом VIII юго-западнее столицы на возвышенном участке вблизи эффектно петляющего русла Темзы -

в относительной близости от Хэмптон-Корта. Из парадных его помещений в направлении заречья хорошо просматривались невысокие пригорки, что придавало всей этой уходящей за горизонт открытой местности особую привлекательность. Впрочем, сама королева навещалась сюда редко, ибо излюбленным ее местом Отланд не считался.⁶¹ Ряд внутренних его дворовых пространств, подобно Хэмптон-Корту, объединялись арками, расставленными вдоль протяженной оси надвратных башен. Датированный 1560 г. альбомный рисунок того же Вингерде зафиксировал симметричный сад, с трех сторон фланкированный разновеликими дворцовыми объемами, а с четвертой – высокой каменной оградой.⁶² В целом отвечавшая излюбленной Тюдорами типологии так называемого «узлового сада» («knot-garden»), его композиция учитывала размещение целого ряда идентичных прямоугольных партеров. В их щедрой отделке принципиальную роль играли составленные из ярких цветов и декоративных растений всякого рода симметричные узоры, создававшие поразительный эффект изысканного плетеного кружева.⁶³ К этим внутренним садам, напрямую связанным с дворцовыми строениями, с внешней стороны подступали обширные также огражденные пространства. На одном из них, судя по изображению, хорошо просматривается населенный преимущественно оленями Зверинец. На другом – прислоненная к раскидистому дереву трехъярусная беседка. Огороженный балясником верхний ее ярус служил смотровой площадкой, откуда хорошо обозревалась удивительная по разнообразию и пространственной глубине панорама окрестной местности.⁶⁴

Думный дворянин-опричник Ф.А. Писемский (?-1591) и дьяк Н.В. Ховралева стали последними царскими посланниками, отправленными в Англию Иваном IV. Исполняя не менее ответственные поручения, они прожили здесь около восьми месяцев, с сентября 1582 г. вплоть до конца мая 1583 г. О том, в каких конкретно королевских резиденциях им удалось побывать, проясняется из их же собственного отчета: «А се список посольства Федора Писемского да подьячего Неудачи Ховралева как ся у них в Англинской земле государево дело

делалось».⁶⁵

Как и в случае с Непеей плаванье посланников вблизи шотландских берегов едва не закончилось трагически: «...шли близко берега Шкотцкие земли три дни; а земля Шкотцкая была в праве. И прошед Шкотцкую землю, пришли на рубеж к Аглинской земле в субботу сентября в 15 день; (...) а от Колмогорской пристани шли до рубежа Аглинские земли пять недель; (...) А в неделю сентября в 16 день пришли против аглинского городка Скарбара (*Scarrborough*) и тут встал ветер и буря учла быть великая и кораблей к Лунде не пустило».⁶⁶ Поэтому остаток пути пришлось преодолевать по суше. Так, 17 сентября они проследовали рас положенный на восточном побережье «Хуль-город» (*Hull*), 20 - Йорк (*York*), 23 – «Мятингам» (*Nottingham*), 25 - находившийся в северной части графства Бэкингэм «Станы Странфорде» (*Stony-Stratford*), а 27 сентября северный пригород Лондона – «Село Татно Гей Красо» (*Tottenham High Cross*), куда уже прибыли вместе с представителями королевы.⁶⁷

Впрочем, в Лондон им сразу въехать не пришлось из-за сильно разразившегося «морowego поветрия». Поэтому 23 октября, в соответствии с личным распоряжением королевы, Федора и Неудачу препроводили в западное предместье - в Вулич (*Woolwich*): «А во вторник, ноября в 6 день, Федор и Неудача поехали к себе на стан в село Вулечь; и как ехали в сквозь Лунду...»⁶⁸ И только по прошествии двух с лишним месяцев (16 января 1583) царских посланников уведомят, что опасность, наконец, миновала, и, следовательно, теперь им можно беспрепятственно перебраться в столицу: «А от королевны де вам ехати стояти в город Лунду; там де про вас, по королевнину приказу, двор и корм приготовлен. А поветрее де уже в Лунде унялось».⁶⁹ На этом новом для себя месте они проживут еще около пяти месяцев и именно сюда неизменно будут возвращаться после каждого своего продолжительного отсутствия.

Сначала посланники посетят королевскую резиденцию в Виндзоре (*Windsor, Berkshiere*), где в торжественной обстановке их и примет королева. Поездка начнется 2 ноября; покинув Вулич, они вдоль Темзы проследуют в близлежа-

щий от столицы королевский Кингстон: «И ехали рекою Земисью подле города Лунду в скозе посад; и проехав Лунду, начевали в селе в Кингсоне (*Kingston*), от Лунды дватцать верст. А в субботу, ноября в 3 день, отъехав от того села дватцать верст, начевали в селе в Стеансе (*Staines*), от города от Вынзора за восемь верст».⁷⁰ Утром же 4 ноября, сойдя с речной пристани и пересев в кареты, они, наконец, прибыли в сильно удаленный к западу от столицы Виндзор: «А седчи в суды, приехали в город Вынзор к посаду часу в седмом... (...) и седчи в колымги... х королевне поехали. И приехав в город, Федор и Неудача вышли из колымаги у королевниго двора... х королевне на двор».⁷¹ Впрочем, и на следующий день по пути в Лондон, их снова разместят на ночлег в Ричмонде, где в то время существовал еще один королевский сад: «...ис села ис Стеанса поехали к себе на стан в село Вулючь и, не доезжая Лунды за четыре версты, а от своего стану от села от Улюча за 12 верст, начевали в селе в Арчме...»⁷²

Приглашение посланников поначалу в Виндзор последует вслед за завершением реконструктивных работ. Подобно московскому Кремлю эта старейшая королевская резиденция создавалась в самом начале XII в. на крутой возвышенности, что отвечало оптимальным условиям обороны. Впрочем, ко времени правления Елизаветы эта долгое время остававшаяся важнейшей функцией укрепленного замка в значительной степени себя исчерпала, а потому все более пристальное внимание уделялось наиболее комфортному проживанию здесь королевской особы. Уже в елизаветинский период, подобно Отланду, вся прилегающая к замку территория была распланирована и отошла под устройство Малого парка (*Litle Parke*), где, судя по изображению, помещался Зверинец и паслись олени.⁷³ В 1574 г. Елизавета распорядится о пробивке в крепостной стене в сторону Малого парка дополнительных ворот, изначально предполагая украсить их пирамидами или фигурками геральдических зверей.⁷⁴ Одновременно вблизи замка начнутся и широкомасштабные посадочные работы. Первый известный на этот счет документ 1580 г. сообщает, что с одобрения королевы на тринадцати акрах свободной земли лорд Бергли (*Burghley*) приступил к за-

кладке сильно протяженной трехрядной дубовой аллеи, непосредственно подводящей к его же собственному Увеселительному саду.⁷⁵ Собственный садик королевы располагался в сравнительно небольшом дворецовом пространстве самого замка. Он содержал несколько прогулочных дорожек, а в центральной части был украшен богато орнаментированным фонтаном. С Елизаветой следует связывать и устройство теннисной площадки (Tennys courte), и примкнувшего к королевским покоям в 1576 г. Банкетинг-холла (Banqueting house), и открытой галереи, целиком сориентированной на Собственный сад.⁷⁶

В очередной раз представители королевы нанесут визит Ховралеву и Писемскому 25 ноября 1582 г. На этот раз их пригласят поохотиться в заповедных ее рощах и островах - «от Лунды верст з десять». В Статейном списке это явно выходящее за рамки привычного церемониала неординарное событие освещено со всеми подробностями: «...приехали к Федору и к Неудаче из Лунды гости: пристав алдраман Барн, да алдраман Аучбарн... всего пятнадцать человек, и говорили Федору и Неудаче: «Государыня де наша, королевна Елизаветь, любячи своего брата, а вашего государя, царя и великого князя, вас жалует: прислала нас к вам, а велела нам с вами ехать гуляти в свои заповедные острова оленей бити, да и охотников де писарей своих в то село для вас послати. И Федор и Неудача говорили: «На королевнине жалованье много челом бьем, а гуляти ныне ездити не пригодитца, потому присланы есмь от своего государя к королевне о их государевых о великих делах, и мы у королевны на посольстве были, а делу государеву, для чего мы присланы, по ся места и почин не бывал. А се ныне у нас говенье: мяса мы не едим и нам оленина к чему пригодитца?

И пристав алдраман Барн говорил: «Королевна вас жалует... а то де и мы ведаем, что у вас ныне говейно: вы мясо не едите, ино де мясо мы едим; а не поехать де вам с нами ныне, и королевне будет на вас досадно.

И Федор и Неудача с ними гуляти ездили; и которые олени побили, и те олени гости по себе розняли». ⁷⁷ Эти близлежащие к столице упомянутые уголья еще в середине XVI столетия служили местом королевских охот, а потому их

обширные равнинные пространства и лесные массивы были огорожены и объявлены заповедными. Они то впоследствии и отойдут под устройство лондонских парков (Сент-Джеймского, Грин-парка и Гайд-парка).

В Ричмонд, теперь уже из Лондона, Писемский и Ховралев придут 20 января 1583 г.: «...королева Елизавета, велела вам сегодня быть у себя в селе Рычмане, ... а судно де под вас, в чом вам к ней ехати, прислала королева свое». ⁷⁸ Во многом напоминавший Хэмптон-Корт этот располагавшийся на берегах Темзы и также вблизи королевских охотничьих угодий замок дворцового типа также заключал в себе несколько дворов. Выстроенный еще при Генрихе VII в стиле поздней готики этот комплекс использовался всеми последующими представителями тюдоровского королевского дома, именно здесь проведет последние свои дни Елизавета. ⁷⁹ Эти сады сохраняли свой первоначальный облик вплоть до начала XVII в. В относящемся же к 1501 г. описанию бракосочетания принца Артура на Катерине Арагонской они и вовсе названы «самыми прекрасными и приятными» прежде всего потому, что украшались только что вошедшими в употребление геральдическими изображениями зверей (the heraldic beasts), включая изящно вырезанные фигуры львов и драконов. ⁸⁰ Известно также, что в северной части замка находился и миниатюрный Собственный садик. Помеченный 1560 г. рисунок Вингерде подтверждает, что и в первые годы елизаветинского правления здесь по-прежнему располагалось три сада. Все они ограничивались высокими глухими стенами и были связаны с сильно протяженными галереями. ⁸¹ Этим садам был в целом присущ однотипный характер, однако каждый их прямоугольный партер украшался собственным цветочным рисунком, в полной мере соответствуя художественным особенностям все того же «узлового сада» («knot-garden»).

В Гринвиче Писемский и Ховралев побывают трижды. Первый раз вслед за последовавшим 17 декабря приглашением: «А съехатца де вам с ними завтра на королевнине дворе в селе в Греновичах. (...) До села де Гриновичь версты в две, а ехати вам в судех, а суды велю приготовить к утрею». ⁸² Другой

раз после состоявшегося 22 апреля 1583 г. визита Т. Рандольфа: «...государыня де наша, королевна Елизаветь, велела мне вам говорить, чтоб вы у нее завтра на праздник на Егорьев день хлеба ели». (...) ...в судех ...в село Гренючь...»⁸³ Наконец, 26 мая, непосредственно перед отъездом на родину, их доставят сюда уже известным им водным путем по Темзе.⁸⁴

Как раз в последние дни пребывания на английской земле посланников пригласят в сад столичного Йоркского дворца (York Palace), принадлежащего в то время лорд-канцлеру и советнику королевы «Томосу Брумлеву» (Thomas Bromley). Здесь то и будет предоставлена им возможность всесторонне «рассмотреть» дочь графа Хунгингтона (Hastings earl of Hungtinton) М. Гастингс (Mary Hastings) и, стало быть, выполнить главное поручение Ивана IV о подборе достойной для себя царицы.⁸⁵

Хранящийся в Вестминстерской публичной библиотеке рисунок неизвестного художника, видимо, относящийся к самому началу XVII в., в общих чертах позволяет прояснить облик этого прибрежного сада.⁸⁶ Располагался он восточнее Уайтхолла и южной своей оконечностью был сориентирован к Темзе. Восточная и западная его планировочные границы фиксировались двумя сильно протяженными высокими каменными оградами, а жилые покои примыкали по всей вероятности с северной стороны. Сам же сад был распланирован на сильно понижавшемся, но выровненном береговом склоне. Помимо впечатляющих панорам на Темзу и удаленные заречные земли, отсюда хорошо просматривался Дарен-хауз (Durham House), пристань Уайтхолла, а за ними и прибрежная часть Вестминстера.

Смотрины состоялись 17 мая и происходили в подчеркнута праздничной обстановке, была даже заново раскрашена яркими красками беседка («чердак»), в елизаветинскую эпоху являвшаяся непременным атрибутом практически каждого Увеселительного сада.⁸⁷ Не исключено, что подобно Отланду, она помещалась среди деревьев и включала в себя несколько ярусов, что многократно увеличивало визуальные возможности сада. Ряд обстоятельств посещения его

русскими посланниками проясняется из составленной для царя секретной записки: «А се таков список посольства тайново подал государю Федор Писемской. Месяца генваря в 18 день королева Елизаветь велела бытии у себя, в селе в Кринмонде (*Ричмонде*), Федору и Неудаче, слышати у них посольства тайного». В ней в подробностях отмечалось следующее: «...а смотреть тебе ее велено здесь, в Лунде, у своего советника у канслира у князя Томоса Брумлева, а велела тебе королева взятии с собою одного Елизарья; а опроче бы его, иного бы еси не взял с собою; а тамо таково же не будет никого, опроче князя Томоса, да ее брата князя Хунтинтинского и их семей». И взяв Томос Федора, поехали к судну; а в судно седши, поехали х канслиру; и как приехали на канслиров двор, и канслир его встретил, а с ним князь Хунтинтинской, и повели Федора в сад, а в саду чердак наряжен, и в чердаке поставлены двои кресла, обиты бархаты золотными. И как пришел Федор в чердак, и князь Томос велел ему сести в кресле, а в другом кресле сам сел; а князю Хунтинтинскому и Томосу велел сести по лавкам; и говорил князь Томос Федору: «Говорил еси от своего государя государыне нашей, королевне Елизавети, чтоб тебе велела показати князя Хунтинского дочь Марию Хастинсу, и королеве было невозможно ее показати, и не хотя королева послушатиь государя вашего, для его к себе великие любви, велела тебе ее показати, и парсону ее велела написати; и княжна Хунтинса узжо здесь будет с моею княгинею».

И погода немного, пришла княгиня Томосова, а другая княгиня Хунтинского князя, а промежь себя привели княжну Хунтинского Марию Хунтинсу; и с ними пришли многие боярыни и девицы. И как пришли против князя Томоса, и Федор и он встали и им поклонились; и князь Томос Федору говорил: «Высмотри гораздо, королева велела тебе показать свою племянницу не в темне месте, ни в коморе, ни в полате - на свету». И после того они пошли в сад гулять, и князь Томос, встав, в сад же ходил гуляти, и Федор с ними, и опять встретились, для того чтоб Федор высмотрел ее гораздо».

И говорил князь Томос Федору: «Ужли еси высмотрел гораздо?»

И Федор говорил: «Яз по государя своего наказу, и королевнину веленью смотрил».

И князь Томос опять Федора взял в чердак, и велел принести овощей и вин в кубках, и Федора подчивал. И Федор немного посидев, да к себе поехал...»⁸⁸

Вслед за коронацией царя Федора Иоанновича к Елизавете в 1585 г. был направлен толмач Посольского приказа ливонец Роман (Роберт) Бекман с жалобой на «непригожее» поведение английского посла Бауса.⁸⁹ Держа отчет перед царем, и не скрывая при этом личной своей обиды, он подчеркивал «как он приехал в Аглинскую землю, и его держали долгое время, к королеве не пустили. А как королевна велела ему быть у себя, и он был у ней в саду», а она «принимала его в капустном огороде, где сажают лук и чеснок»: «(...) И на завтрее того прислали по мене сына боярского, а велели мне быть у королевы на дворе, и яз поехал х королевне на двор, и королевнин диак мне говорил: ждати де тебе здесь до вечерни, как де королевна пойдет в свой сад гуляти, ино де тебе бытии перед королевною; а дал мне диак дворянина королевнина, а приказал тому дворянину меня поставити перед королевною, и тот дворянин ввел меня в сад, да со мною гулял в саду, до коих мест королевна в сад не придет, а Аглинский посол князь Еремей тутож в саду гулял.

И как королевна пришла в сад а с нею лишь один боярин дворотцкой, да княгини и боярыни, и тот князь Еремей с королевою говорил, а не в слух мне, и яз потому не ведаю, что говорили... и она учала гуляти по саду, а мне велела ходить подле собя...»⁹⁰

Королева, удивленная столь некорректным поведением Бекмана, в отправленной с собственным посланником к Федору Иоанновичу грамоте ответствовала: «...а то место, где перед нами был есть, место честное, блиско нашей палаты, а там ни кого много не пускают, только великих и любительных приятельных слуг для чти; и в том огороде нет ни луку, ни чесноку, не так как Бекман сказывал неправду: огород у меня честной прохладной, зделан для великих княжат, и тот Еремей и общей что сю грамоту принесет, тот про огород мой

скажет; (...) Писана в королевском месте нашем в Грунвицы (*Гринвич*), месяца марта в 24 день лета от Р.Х. 1585 королевства нашего.

А на низу подпись: Вашего Пресветлейшаго государства любительнейшая сестра Елисавет».⁹¹

Под самый конец елизаветинского правления царь Борис Годунов направит в Англию дворянина Г.И. Микулина и подьячего И. Зиновьева.⁹² Они покинут родные берега 15 мая 1600 г. и по прошествии четырех месяцев, 14 октября, достигнут Лондона. Уже отсюда, преодолев в королевских каретах десять верст, посланники удостоятся королевской аудиенции в Ричмонде: «И говорил от королевны князь Елизарей Хоби Григорью и Ивашку... что вы по ся места у ней на посольстве не бывали и очей ее не видали, потому что королевна была в дальних своих селех, а ныне приехала в ближнее свое село в Речмант, от Лунды десять верст, и велела вам сказати, что быти вам у ней на посольстве октября в 14 день, во вторник».⁹³

В столичном Уайтхолле годуновские посланники побывают дважды: «И того же дни ноября в 3 день Григорей и Ивашко на королевнине дворе в Лунде у бояр были»;⁹⁴ Другой раз это произойдет 6 января 1601 г. уже в присутствии королевы. Из текста следует, что поначалу Микулина пригласят в «комнаты королевы» и «Палату Советов» и уже оттуда он отправится в придворную церковь, желая ознакомиться с особенностями тамошнего богослужения.⁹⁵ В поле его зрения, таким образом, будет постоянно находиться Большой сад, непосредственно подступавший к дворцовым залам. К тому времени первоначальный его облик претерпит ряд существенных изменений, удовлетворяя вкусам королевы. Из описания 1584 г. следует, что теперь его уже украшали изгороди и кустарники, искусно выстриженные в виде сирен, кентавров, сфинксов и прочих мифологических персонажей. Следуя тюдоровской традиции отца и деда, Елизавета разместит здесь и целый ряд резных изображений зверей, держащих в лапах вымпелы с символами королевской власти. Принципиальным же новшеством станет появление в саду деревянных (наподобие каменных) бесе-

док «классического вкуса», украшенных пилястрами.⁹⁶ Изменится и композиция фонтана, по-прежнему украшавшего центральную часть сада.

Во время состоявшегося 23 апреля общенародного праздника в честь покровителя Англии Св. Георгия, Микулин и Зиновьев побывают, вероятно, в Гринвиче: «И того же дни Григорей и Ивашко х королевне ездили; а ехали в кочех до реки, а рекою ехали в королевниных судех до королевнина двора; вышли из судов позади королевнина двора в королевнин сад, и шли садом на королевнин двор до королевних полат».⁹⁷

В майские дни 1601 г. королева пригласит посланников Годунова поохотиться в тех же своих заповедных имениях, отстоящих «от Лунды верст з десять»: «И того же дни (12 мая) приехал к Григорью королевнин ближней дворянин, князь Елизарей Хоби, и говорил Григорью от королевны: «Гсударыня деи Елизавет-королевна велела тебе поклониться и велело тебе говорити, чтоб деи вам сего дни ехати гуляти в ее, королевнины, заповедные острова, от Лунды верст з десять, оленей бити и зайцев травить; и колымагу деи под тобя прислала свою, в чем сама ездит; а в островех деи ловчей сор Робор Врах готов, ждет тебя, по королевнину приказу, со псари и з собаками. Да королевна же деи приказала ловчему своему сор Роберу Враху, а велела тебе бити челом, чтоб вам у него хлеба ести и начевать, а двор деи его в заповедных островех». И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били. И того же дни Григорей и Ивашко в острова ездили, и, не доезжая острова, и с пешими, и з собаками з борзыми и з гончими; и, съехався з Григорьем и с Ывашком, витался за руки, и говорил сор Робор от королевны: «Гсударыня деи моя, Елизавет-королевна приказала мне: а велела мне вас тешить в своих заповедных островех, где сама тешитца; а в те деи острова ништо не въезжает, ни князи, ни бояре, и иных никоторых государств послы и посланники; а то де королевна делает, любя брата своего, великого государя вашего, а вас жалуючи; велела вам свою потеху показати; а после б деи того, чтоб вам пожаловати у меня сегодни ужинать и ночевать, и завтра в островех тешитца, и после потехи у меня хлеба

ести». И Григорий и Ивашко в островах были, и потеху королеву видели, и у ловчего сор Робора ужинали и начевали. И на завтра в тех островах были, и олени били у него многие люди за столом: князи и дворяне, и алдраманы, и гости». ⁹⁸ Возвратившись же с охоты, Микулин и Зиновьев в очередной раз отправятся 16 мая в Гринвич, где за неделю до отъезда на родину в последний раз их примет королева. ⁹⁹

Много больше русских посланников будет направлено в Англию уже в царствование Михаила Федоровича (1613-1645), когда правительством предпринимались экстренные меры для скорейшего восстановления страны. В 1613-1614 гг. здесь находились А.И. Зюзин, А. Виттов, С.М. Ушаков, С. Заборовский, в 1615-1616 гг. - И.К. Грязев, осенью 1617 г. - С.И. Волынский и М. Поздеев, в 1617-1618 гг. - С.И. Волконский и И.И. Баклановский, в 1621-1622 гг. - И.С. Погожев и У. Власьев, в 1629 г. Е.Д. Есипов, в 1633 и 1637 гг. - Б. Мартынов. ¹⁰⁰ Все они, как и их предшественники, неизменно приглашались в королевские резиденции, и согласно заведенному церемониалу, всякий раз оказывались в королевских садах, созданных Тюдорами или представителями новой династии Стюартов - Джеймсом I и Карлом I. Отличия между ними, безусловно, подмечались и в той или иной форме доводились до сведения царя. Следует подчеркнуть, что в 1-й половине XVII в. королевские тудоровские сады либо все еще сохраняли свой первоначальный облик, либо заменялись новыми садовыми композициями. Так, в 1607-1616 гг. Джеймс I добавит в Собственный садик Хэмптон-Корта еще несколько фигур геральдических животных и установит две пары мраморных фонтанов - белых и черных, украшенных декоративными пирамидками и мордами леопардов. ¹⁰¹

В Гринвиче и Ричмонде к устройству садов в новом вкусе привлекут французского инженера-гидравлика С. Де Ко (Salomon de Caus), творчество которого, как подчеркивается, обнаруживает непосредственную связь с итальянскими, в частности, флорентийскими образцами. Так, в Гринвиче за счет последовавшего в 1610-х гг. объединения двух садов он создаст новую весьма выразитель-

ную садовую композицию. В окружении «прелестных посадок» ее центр будет отмечен постановкой монументального фонтана «в форме позолоченной женской фигуры, извергающей воду из рога».¹⁰² Здесь же появится и трехарочный Грот, в отделке стен которого тот же Де Ко использовал различные причудливые растения, цветы, травы, морские раковины и камни, призванные искусно имитировать скалу. В центральной же части сумрачного зального пространства он поместит изливающую воду скульптуру полуженщины-полулошади, облицованную ракушками. Вблизи помещались в арках и другие мифологические фигуры, не менее эффектно испускающим воду каскадом на пол.¹⁰³

Эту линию все более активного внедрения в королевские сады позднеренесансных схем и античной скульптуры продолжит основоположник английского палладианства архитектор А. Джонс (Inigo Jones, 1573-1652), в 1610-х гг. уже возвратившийся из Италии.¹⁰⁴ Да и занявший трон в 1625 г. Карл I проявлял живой интерес к античной скульптуре, украшавшей такие его королевские резиденции, как Сент-Джеймский дворец и Сомерсет-Хауз. Причем, главную роль в ее приобретении и доставке играл все тот же Джонс.¹⁰⁵ Таким образом, столь устойчиво сохранявшаяся в правление Тюдоров «геральдическое» (при Генрихе VIII) и «эмблематическое» (при Елизавете I) содержание сада окончательно сменяется мифологическим.

26 октября 1613 г. А.И. Зюзин и А. Виттов придут в Лондоне, где им отведут отдельное подворье: «И тово ж дни послы приехали в Лунду. И как учили приезжать к королевской пристани, где король в суды садитца, и из судов выходити, и в те поры з города стрельба была великая...»¹⁰⁶ Джеймс I примет их в одной из загородных своих резиденций: «...велел вам у себя бытии вскоре ноября в 7 день. (...) А королевский двор за посадом, изъехав посадки. А как послы к королевскому двору приехали и с кочь вышли, и перед королевским двором по обе стороны ворот стояли многое люди. (...) А ехали послы от королевского двора до королевина двора с полверсты большою улицею к городу к Лунде, поближе от города королевни двор королевского двора...»¹⁰⁷ Особую кра-

сочность всей этой процессии придавали «обережные звери», очень сходные как раз с теми, что украшали королевские парки Тюдоров: «Да тут же несли в розни зделаны звери великие: слоны и инроги, и львы, и верблюды, и вепри, и иные звери; каков который бывает, так и зделан».¹⁰⁸

В самом начале правления Алексея Михайловича (1645-1676) в Лондон придут Г.С. Дохтуров и толмач английского языка Федор Архипов, отправленные с очередными дипломатическими поручениями ко двору Карла I.¹⁰⁹ Длительное пребывание в Лондоне позволит им весьма основательно познакомиться с самыми различными сторонами столичной жизни. Так, в письменном отчете «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли» отмечалось, в частности, следующее: «В том Аглинском государстве, городе Лундане и в иных городех и в деревнях зимы нет, николи не живет – все лето. И овощи всякие родятся по дважды годом, и в зимнюю пору сады все зелены стоят у них, а снегу николи не бывает».¹¹⁰

Дохтурова и Архипова король неоднократно принимал у себя в Уайтхолле и стало быть им был хорошо знаком Большой сад.¹¹¹ Посещали они и другие королевские резиденции, где формирование новых садовых композиций первым представителем династии Стюартов уже завершилось.

Казнь Карла I приведет к разрыву двусторонних отношений на полтора десятилетия.¹¹² Их возобновят спустя два года по вступлении на престол Карла II. Собственно для этого в 1662-1663 гг. в Англию отправят князя П.С. Прозоровского, дворянина И.А. Желябужского и дьяка Давыдова.¹¹³ Эти полномочные представители Алексея Михайловича проживут в Гревсенде (Gravesend, Kent) довольно длительное время из-за сильно затянувшейся болезни князя. Поэтому завершившаяся поздним вечером первая аудиенция в Уайтхолле с присутствием самого монарха состоится только 22 декабря 1662 г. Впрочем, и после этого визита русские посланники проживут в Англии более полугода, вплоть до 5 июля.¹¹⁴

Вслед за ними в 1664-1665 гг. в Лондон отправятся В.Я. Дашков и дьяк Д.

Шипулин, затем в 1667 г. М.Н. Головин и в 1672-1674 гг. А.А. Виниус, а в 1678 г. Т. Немчинов.¹¹⁵ По обыкновению все эти делегации Карл II принимал там же в Уайтхолле, Большой сад которого к тому времени неузнаваемо изменится.

Генплан 1670 г. подтверждает, что, несмотря на сохранение прежних габаритов, он приобрел принципиально иную композицию: шестнадцать прямоугольных его партеров располагалось симметрично относительно главной зрительной оси запад-восток. Большинство из них имело квадратную в плане форму с характерной подрезкой углов. Фонтан, некогда подчеркивавший центральную часть сада, был разобран, а главным структурным его элементом теперь служили свободно стоящие античные статуи. Причем каждая из них, посвященная вполне конкретному мифологическому персонажу, закрепляла центральную часть каждого партера. В восточной же части сада, непосредственно связанной с дворцовыми объемами, размещались большие солнечные часы.¹¹⁶

Все более возрастающая роль отечественных печатных изданий делала все более доступными различные известия и о чужих краях. Теперь всякого рода примечательные сведения о лежащих за морем английских землях уже не являлись собственностью одного только царского двора. Так, в изданной в 1670 г. Космографии - этом, по сути, первом отечественном географическом справочнике, можно было прочесть: «Овец несметное множество и травы к пастке овцам многие здоровые мягки аки шелк».¹¹⁷

В недолгое правление Федора Алексеевича (1676-1682) ко двору Карла II был прислан П.И. Потемкин, проживший в Англии около двух лет, с 1680 по 1682 гг. Известно, что 13 октября 1681 г. через Сент-Джеймский парк (St. James Park) он торжественно проследовал во дворец, где ему и был оказан радушный прием. Как отмечал современник, «мой лорд показал ему все строения, редкие полотна в Картинной галерее и прекрасные перспективные виды из каждого окна».¹¹⁸ Таким образом, помимо примыкавших к Сент-Джеймскому дворцу с востока и запада партеров регулярного сада, созданного в 1629-1633 гг. французским садовником Карла I А. Моле (Andre Mollet), в поле зрения Потемкина

оказалась территория Грин-парка (Green Park) и угловая часть Гайд-парка (Hyde Park).¹¹⁹ Впрочем, более всего ему должен был запомниться только что устроенный Карлом II Сент-Джеймский парк, кардинально отличавшийся от всех прежних садов Англии колоссальной своей величиной и совершенно непривычной образной трактовкой.

Как фиксирует датированный 1642-1643 гг. «Генплан Лондона и ближних его окрестностей», северная граница будущего Сент-Джеймского парка в целом соответствовала трассировке крепостной городской стены, в частности, на месте Букингемского дворца располагался один из ее редутов.¹²⁰ К выстроенному еще Генрихом VIII в 1532-1540 гг. Сент-Джеймскому дворцу с южной стороны вплотную подступала сильно протяженная аллея, связывавшая его с объемами Уайтхолла. Основное же пространство будущего парка представляло собой обширную открытую местность с расходившимися в разные стороны проселочными дорогами и бессистемно расположенными небольшими прудами. Лишь северо-восточная ее часть, непосредственно связанная с городской застройкой, была освоена и содержала самые различные по своей величине частные владения с крохотными своими садиками.

К закладке Сент-Джеймского парка Карл II приступит в 1660 г. сразу после коронации. Создавался он знаменитым садовником Людовика XIV А. Ле Нотром (Andre Le Notre, 1613-1700) по образцу Версальских парков, с которыми будущий монарх познакомился во время вынужденного своего проживания во Франции.¹²¹ Его планировка была определена протяженными аллеями посадками, охватывающими обширное луговое пространство. Южнее главной аллеи, вдоль которой собственно и проследует русский посланник, параллельно тянулся пруд. Таким образом, весьма эффектное перспективное восприятие парка обеспечивалось взаимодействием уплотненных линейных посадок, стриженным лугом и сильно вытянутым прудом, более всего напоминавшем канал.¹²² Еще один вновь созданный пруд помещался в наделенной чертами свободной планировки юго-восточной части парка. Дополнялся он целым рядом разнове-

ликих прямоугольных островов (Duck Islands), где и содержались водоплавающие птицы Московии, доставленные королю князем П.С. Прозоровским еще в 1662 г.¹²³

Наконец, последними, кто до Великого посольства отправятся в Англию, окажутся полномочные представители царицы Софьи Алексеевны (1682-1689) дьяки В.Т. Постников и В. Михайлов. Они пробудут здесь в 1687-1688 гг. и также будут посещать королевские резиденции.¹²⁴

3. Частные и корпоративные сады англичан в России

Заведение англичанами в Московии самой различной хозяйственной деятельности повлечет за собой появление их городских и загородных владений, где наряду с возведением жилых и хозяйственных построек устраивались и сады, в обустройстве которых не могли не сказываться господствующие на родине вкусы и предпочтения. Это устойчиво сохранявшееся вплоть до начала XX в. направление в садоводстве, напрямую связанное с обосновавшимися на русской земле британцами, восходит еще ко второй половине XVI в. Его становлению в значительной мере способствовал датированный 1554 г. указ Ивана IV, в котором отмечалось: «Государь царь и великий князь королевского посла Рыцарта и гостей аглинской земли пожаловал, в свое государство российское с торгом из-за моря на кораблях им велел ходить безопасно и дворы им покупать и строить невозбранно».¹²⁵ И в Привилегии 1569 г. он счел также нужным подтвердить это свое решение: «Все дома, которыми они успели обзавестись в России, укрепляются за ними и сверх того им разрешается строить новые, где они найдут это для себя удобным».¹²⁶

Поначалу англичане охотно селились в северных областях России в непосредственной близости от основных своих торговых путей, связывавших беломорское побережье с центральными областями страны. Тем более, что во всех северных городах им дозволялось жить без ограничений, арендуя уже имеющиеся дворы или заводя их для себя заново.¹²⁷ Не случайно в письменных ис-

точниках XVI-XVII вв. неоднократно встречаются упоминания об английских домах Архангельска, Холмогор, Ярославля, Борисова, Вологды и др.¹²⁸ Думается, не слишком уж сильно преувеличивал царь Федор Иоаннович, когда обращаясь к королеве Елизавете I подчеркивал: «По всей Двине они живут с русскими как один народ».¹²⁹

Одно из самых ранних на этот счет свидетельств датировано 1568-1569 гг. и связано с тем же Рандольфом. Следуя к Москве через Холмогоры, он замечал: «В этом городе англичане имеют собственную землю, пожалованную царем, и много хороших домов с конторами для собственного удобства».¹³⁰ В то время этот совсем еще небольшой городок уже имел удобную пристань для причаливания больших судов и потому одним из первых приобрел «несколько красивых домов», возведенных англичанами «по английскому образцу».¹³¹ В царствование Бориса Годунова лондонское начальство Московской компании было крайне обеспокоено проживавшими в Вологде собственными служащими - «подмастерьями и стипендиатами». Они настолько хорошо освоились на новом месте, что совершенно беспрепятственно «возводят дома для своих личных удобств, держат собак, медведей, личных слуг».¹³² Эта совершенно недоступная для них на родине вольготная жизнь вызывала сильное неудовольствие руководства, но устранить эти «вольности» из Лондона не было никакой возможности. А потому напоминая Англию в миниатюре эта хорошо обустроенная жизнь продолжала устойчиво сохраняться и далее. Неотъемлемой составной ее частью должно было стать и заведение собственных садов, в том числе увеселительных.

Годунов позволит иноземцам владеть собственными дворами также и в столице, хотя прежде им дозволялось селиться только в пригороде, в специально заведенной для этого Немецкой слободе. Впрочем, нередко бывали случаи, когда крупные земельные наделы сам государь закреплял за вновь прибывшими на царскую службу. Так, с конца 1550-х гг. практически каждому состоящему при дворе английскому доктору полагалось собственное поместье с тридцатью-

сорока крестьянами в придачу.¹³³ И стало быть, каждый из них обладал реальной возможностью завести при главном доме свой собственный сад.

В правление Михаила Федоровича загородными именьями владели личный его врач А. Ди, участвовавший в надстройке кремлевской Спасской башни мастер Х. Галовой, «князь Артемий Астон с сыном», который «Аглинское королевство ехать не похотел, а поискал к себе наши царские милости... помещиим устроили его по достоинству».¹³⁴ Собственным садом на «аглинской манер» мог обзавестись и женатый на шотландке Евдокии Григорьевне Гамильтон боярин А.С. Матвеев. Во всяком случае, известно, что в книжном его собрании имелось немало английских печатных изданий на самые различные темы. Забелин даже уточняет, что здесь хранились и планы заграничные садов.¹³⁵ Скорее всего, они могли быть привезены с Британских островов благодаря все еще сохранявшимся связям с соотечественниками его супруги.

Садами украшались и дворы Московской компании, одновременно служившие представительными резиденциями. Так, самое северное из них с жилыми покоем на «английский манер» возникнет на Розовом острове (Rose-Island) вблизи устья Двины у находившегося на противоположном западном берегу монастыря Святого Николая.¹³⁶ Помимо удобства причаливания торговых судов англичане сразу же оценили удивительную природную красоту и поразительное разнообразие этой островной местности. Не случайно побывавший здесь в 1566-1567 гг. А. Эдуардс отметит: «Розовый остров в бухте св. Николая полон алых и красивых роз (шиповника), фиалок и дикого розмарина. Этот остров имеет около 7 или 8 миль в окружности; на нем хорошие пастбища и он получил название «Розового». Снег сходит здесь около половины мая, и после двухмесячного таяния земля просыхает в две недели, а через месяц трава уже по колено. После сентября наступают морозы, и выпадает снег в ярд глубиной. На острове растет ель и береза, а около дома, выстроенного там англичанами, бьет источник свежей пресной воды».¹³⁷ Оказавшийся же на острове уже в следующем 1568 г. Рандольф добавит: «Река, впадающая тут в море, называется Двиною, она очень ве-

лика... Река эта очень красива, между высокими холмами с той и другой стороны, не населенными и представляющими с высокими соснами и другими деревьями своего рода пустыню».¹³⁸ Помимо прочих явных своих достоинств, избранный участок обладал еще и впечатляющим разнообразием панорамных видов. Кроме морских далей и островных видов отсюда хорошо просматривался и находившийся на значительном удалении монастырский комплекс. Наряду с возведением жилых и хозяйственных построек в этом самом северном в России английском владении, видимо, одновременно обустроили и небольшой сад, очевидно, используя по преимуществу местные деревья, кустарники и цветы.

Впервые англичане высадятся на острове в самом конце лета – начале осени 1553 г. вслед за тем, как 24 августа Р. Ченслер бросил якорь у монастыря Св. Николая: «Того-же лета, августа в 24 день, приде корабль с моря на устье Двины и обослався...»¹³⁹ В октябре 1553 г. судно отошло на зимовье в ближайшую Унскую губу, а 23 ноября по государеву указу Ченслер с гостями отбыл в Москву, где находился вплоть до 15 марта, однако и перед возвращением на родину он некоторое время оставался близ устья Двины в ожидании таяния льда, одновременно подыскивая место для пристани и Английского двора вслед за достигнутой в Кремле договоренностью о заведении двустороннего торгового дела. Также по инициативе Ченслера в Лондоне в 1555 г. будет незамедлительно учреждена акционерная Московская компания, и уже с верительными грамотами от королевы Марии Тюдор он уже в следующем году поспешит отправиться к царю. Патриаршая летопись сообщает, что государь разрешит англичанам «учинити пристанище корабленое на Двине и торг по всему государству».¹⁴⁰ Следовательно, к заведению на Розовом острове собственного владения англичане смогут приступить уже летом 1556 г. Показательно, что и в Привилегии 1586 г. царь Федор Иоаннович подтвердит их права на эту землю: «Мы жалуем им, чтобы они продолжали владеть домом и амбаром у становища в Пудожевском устье...»¹⁴¹

Несколько позднее, в 1605 г., посланник Якова I Томас Смит относительно

еще одного заведенного двора Московской компании в Холмогорах подчеркивал, что застройка его заметно выделялась: «...без сомнений, самое просторное, прочное и красивое здание в городе, с пакгаузами, амбарами и мастерскими».¹⁴² И хотя он не упоминает при этом сада, следует считать, что он в то время существовал. Соответственно и еще одно владение компании в Ярославле, более известное как «двор немецкой агленских немец», одновременно являлось представительной ее резиденцией и размещалось в центре города.¹⁴³ А потому «весьма красивый» и «содержавшийся в большом порядке дом», несомненно, должен был украшаться хотя бы небольшим садом.¹⁴⁴

Еще одним двором теперь уже в самом центре Москвы и вблизи Красной площади Компания обзавелась при содействии Ивана IV в 1556 г. практически одновременно с пристанищем на Розовом острове.¹⁴⁵ Из Писцовой книги становится известно о его местоположении и величине: «В Китае-городе на Варварском крестце у церкви Максима Христова ради юродивого двор англинский вдоль 30 сажен поперек 20 сажен с полусаженью», т.е. около 28 соток.¹⁴⁶ Сложившаяся здесь еще при «московском госте» Иване Бобрищеве застройка этого владения сразу же претерпит ряд существенных изменений, отвечая разнообразным функциям вновь заведенного Старого Английского двора. Так, в каменных палатах устроят представительные помещения, непосредственно связанные с посольским церемониалом. Сами же сотрудники разместятся в «белых» и «черных» избах», а для слуг и ремесленников обустроят «мастерские чуланы» и заведут кузницу. Большая часть построек служила кладовыми для хранения товаров, а вблизи помещалась конюшня. Доставшийся же англичанам от прежнего владельца плодовый сад при этом был полностью сохранен и поддерживался в должном состоянии. Впрочем, просуществовав он совсем недолго и вместе со всей застройкой будет сожжен в 1571 г. войском Девлет-Гирея, внезапно обрушившимся на Москву. Разведенный же англичанами новый сад будет содержать специально зачисленный в штат садовник. Впрочем, низложение королевской власти приведет к тому, что Старый Английский двор вместе со

всеми своими постройками и садом продадут в 1649 г. за 500 руб. родственнику царя, боярину И.А. Милославскому. Именно тогда в Передаточной ведомости садовник и укажет, что наряду с ягодными кустарниками в нем плодоносили пятьдесят четыре дерева - двадцать одна яблоня, одиннадцать груш и двадцать две вишни.¹⁴⁷

Сходный сад, несомненно, являлся и принадлежностью Нового Английского двора, размещавшегося в Белом городе сразу за Ильинскими воротами. Это столичное владение было приобретено уже при Михаиле Федоровиче агентом Московской компании С. Дигби (Simon Digby) в 1636 г.¹⁴⁸

4. Аптекарские и Потешные государевы сады. Христофор Галовой и Петр Энглез - первые английские садовые мастера на царской службе

Заведению царских аптекарских садов с одновременной акклиматизацией еще неизвестных в России ботанических видов во многом способствовали работавшие при дворе английские доктора и аптекари. Среди представителей других стран они долгое еще время сохраняли за собой лидирующие позиции.

В XVI-XVII вв. развитие ботаники существенно опережало развитие медицины, а потому заметное распространение в этот период получают всякого рода специализированные сады, где, собственно, и происходило возвращение отовсюду доставлявшихся лекарственных растений. Свой вклад в это дело внесли и английские энтузиасты, неустанно расширявшие их ассортимент. Всего за полвека (1548-1597) Англия пополнится более ста двадцатью ботаническими видами, привозившимися на Британские острова даже из самых удаленных мест.¹⁴⁹ А поскольку считалось, что практически все растения обладают целебными свойствами, то большинство врачей и аптекарей одновременно являлись довольно опытными ботаниками и садовниками. Следовательно, фактически на русскую службу прибывали разносторонние по профессиональной своей выучке специалисты, способные собственными силами развести на новом месте лекарственный сад и вырастить для собственного же врачевания большой ассорти-

тимент целебных растений.

Первыми в сентябре 1557 г. вместе с русским посланником О. Непеей ко двору Ивана IV придут английский врач Р. Стендиш (Richard Standish) и аптекарь Р. Элмс (Richard Elmes).¹⁵⁰ Оба происходили из кембриджского Тринити-колледжа (Trinity College) и, следовательно, как минимум, привезли с собой растения из кембриджского Аптекарского сада. Увы, прослужив всего два года, Стендиш в Москве и скончается.

В 1567 г. начнут придворную службу врач Р. Рейнольдс (Richard Reynolds, ум. 1606) и аптекарь Т. Карвер (Thomas Carver). А в следующем 1568 г. по личной просьбе царя королева отправит в Москву доктора Арнульфа Линдсея. Всесторонне образованный, он уже тогда был хорошо известен на родине своими сочинениями по медицине и математике. Князь А. Курбский подчеркивал, что государь к нему «великую любовь всегда показывал и кроме него лекарств ни от кого не принимал», а Н.М. Карамзин именно его считал «первым Иоанновым врачом».¹⁵¹ Впрочем, российская деятельность Карвера и Линдсея окажется совсем недолгой: оба погибнут в московском пожаре 1571 г., скрываясь от огня в подвале Старого Английского двора.

В 1569 г. на царскую службу зачислят еще одного английского доктора - Ричарда Ригерта, а в 1570 г. вместе с А. Совиным в Москву придёт выходец из Вестфалии доктор Елисей Бомелий (Элизий Бомель). Причем последний обучался в Кембридже, где и заслужил почетное звание доктора медицины. В Англии Бомелий был также известен как математик и «астролог-колдун», за что не избежал заключения. По прошествии же девяти лет «беспорочной» московской службы его уличат в 1579 г. в переписке со злейшим врагом Московии - польским королем Стефаном Баторием, за что и казнят.

Образование в 1581 г. государева Аптекарского приказа ускорит заведение Главного аптекарского сада в непосредственной близости от Кремля. Показательно, что его устройство хронологически совпадает с придворной службой двух вновь прибывших англичан. В 1581 г. вместе с аптекарем Д. Френчам

(James Frencham) на службу к Ивану IV, причем снова из Тринити-колледжа, прибудет Р. Якоби (Robert Jacob, ?-1588), являвшийся до этого личным врачом самой Елизаветы I.¹⁵² В России они прослужат вплоть до кончины царя (1584), успев еще до этого основать и снабдить всем необходимым первую Кремлевскую аптеку.¹⁵³

В конце XV в. часть территории будущего Аптекарского сада отойдет под расширение кремлевской цитадели, что и обусловит окончательную ликвидацию всех находившихся там частных владений. Завершившееся в 1495 г. возведение новых кирпичных стен и башен с одновременным устройством рва и Неглинных прудов приведет к появлению еще более мощной оборонительной системы. Само же устройство плацдарма перед обновленными кремлевскими укреплениями произойдет в 1560-е гг., когда в непосредственной близости от него, за рекой Неглинкой, будет образован Опричный двор.¹⁵⁴

Первый известный план Москвы «Петров чертеж» (1590-е) зафиксировал местоположение этого «Сада с травами для Царской аптеки» (*Hortus herbifer Pharmacopei Cesarei*). Спланирован он был на прежде свободном пространстве плацдарма у Лебяжьего пруда - в промежутке между Боровицкой и Троицкой башнями и «слободой стрелецкого полка». Этот сильно вытянутый в плане сад ограждался деревянным забором и в северо-западной части своей был отмечен воротами, близ которых помещались служебные строения.¹⁵⁵ В целом симметричная его планировка основывалась на рядовой рассадке фруктовых деревьев и кустарников. Здесь же Френчам и Якоби насаждают ароматические травы и цветы, а также привезенные ими из Кембриджа шалфей, цикорий, мяту, мак, укроп, иссоп и прочие лекарственные растения. Произрастали в этом государственном саду и самые урожайные сорта овощей и фруктов.¹⁵⁶ Одновременно предполагал этот сад и увеселительное свое использование, для чего, собственно, и предназначались Лебяжий пруд и Лебяжий двор. Опись XVII в. позволяет определить исходные его габариты и сделать общий вывод о том, что в действительности могло там произрастать еще при Иване IV: «Оптекарский сад дли-

ною, по большой улице, 140 саж., поперечнику в одном конце от передних ворот 40 саж. в заднем конце 49 саж. А в нем садового дерева: 1113 яблоней старых, средних и молодых, почешных и прививков; 121 дерево груш сарских, волоских; почек: 11 гряд яблонных, 1 гряда грушевых; 300 вишен, 112 гряд смородины красной, 100 кустов крыжу, 50 кустов слив, 5 кустов байбарису, 1500 пеньков яблонных, 4 гряды малины сеяной. (...) Из того саду садовое слетье подают про государев обиход в кушанье, на Москве и в походы». ¹⁵⁷

Сложившаяся еще при Иване IV практика приглашения английских докторов на царскую службу сохранялась и далее. Так, тот же Якоби, известный в столице как Роман Романович или Роман Елизарьевич, еще раз окажется в Москве в 1586 г. теперь уже вместе с рекомендательным письмом от Елизаветы I, адресованном супруге Федора Иоанновича - царице Ирине. ¹⁵⁸ На протяжении пяти с лишним лет (1594-1599) за здоровье Бориса Годунова отвечал личный врач королевы М. Ридли (Marc Ridley, ?-1624). ¹⁵⁹ Елизавета рекомендовала его как всесторонне образованного специалиста, достойного верой и правдой служить русскому царю. Действительно, Ридли был доктором медицины Кембриджского университета и одновременно сотрудником Королевского колледжа врачей. В России Ридли быстро овладел русским языком, что и позволило ему составить первые русско-английский и англо-русский словари, в которых русские слова писались именно кириллицей. Отправляя его на родину, Годунов выражал большую признательность королеве, подчеркивая при этом: «Мы возвращаем его Вашему Величеству с нашим царским благорасположением и похвалой за то, что он служил нам и нашему предшественнику верой и правдой. Ежели и впредь пожелают приезжать в Россию английские врачи, аптекари и иные ученые люди, то всегда будут пользоваться хорошим приемом, пристойным местом и свободным допуском». ¹⁶⁰

Проведший на русской службе около двенадцати лет и в 1634 г. возвратившийся на родину А. Ди (Artur Dee, 1579-1651) являлся личным лейб-медиком Михаила Федоровича и его отца - патриарха Филарета. ¹⁶¹ По просьбе царя он

был отправлен в Россию еще Яковым I. Ди довольно много проработал в Аптекарском приказе, он экзаменовал вновь прибывших врачей и аптекарей и неизменно занимался пополнением царской аптеки в том числе и лекарствами, изготовленными из растений, выращенных им самим.¹⁶² К середине 1640-х гг. в Москве уже существовало четыре придворных аптекарских сада – «между Боровицкими и Троицкими воротами, в Немецкой слободе, у Мясницких ворот и в Китай-городе за восточной кремлевской стеной».¹⁶³ Следовательно, каждый вновь прибывавший английский доктор привлекался к все более возраставшему выращиванию в них целебных растений.

Закрывают этот список два личных врача Алексея Михайловича - шотландец Т. Вильсон (Thomas Wilson) и англичанин С. Коллинз (Samuel Collins, 1619-1670), отправившиеся на московскую службу уже после вступления на престол Карла II. Первый прослужит здесь в 1665-1667 гг., второй - в 1660-1669 гг., в частности, в подмосковном Измайлово, где, видимо, принимал деятельное участие в заведении там первого Аптекарского сада.¹⁶⁴

Подобно представителям королевского тюдоровского дома Иван IV для охотничьих своих забав в основном использовал ближние и дальние «государевы заповедные рощи». Известно также, что на Лосином острове (Сокольниках) находился царский Зверинец, где, видимо, и содержались доставленные с британских берегов «живые поминки».¹⁶⁵ Очевидно и привезенного оттуда льва разместят здесь же. Отправят его вместе с возвращавшимся на родину в 1557 г. первым царским посланником О. Непеей, по поводу чего в Патриаршей летописи сделают следующую запись: «А писали с ним король Филипп и королева Марья с великою любовью и почестью и в поминках прислали льва».¹⁶⁶ Да и в правление Федора Иоанновича лосиноостровский Зверинец, видимо, пополнился еще несколькими редкими животными, доставленными в качестве не менее экзотического дара уже от Елизаветы I. Они придут к устью Двины под присмотром того же Горсея в 1586 г. И уже в следующем году одновременно вызвалось их сопровождать до Москвы около полусотни охотников. Вот как опи-

сывает английский посланник эту проследовавшую прямо в Кремль необычайно яркую и красочную процессию: «...первым шел прекрасный белый бык, весь в природных черных пятнах, его зоб висел до самых колен, у него были поддельно позолоченные рога и ошейник из зеленого бархата, украшенный красным шнурком... Двенадцать псарей провели двенадцать огромных бульдогов, украшенных бантами, ошейниками и прочим, затем привезли двух львов в клетках, поставленных на сани... Они были размещены перед дворцом, поражая и удивляя любопытных».¹⁶⁷

Намереваясь обзавестись новым дворцом, Иван IV не исключал самой возможности заведения при нем и дворцового сада, используя для этого и английских специалистов. Впрочем, судить об этом можно только косвенно на основе датированного 16 сентября 1567 г. единственного письменного обращения к Елизавете I. Государь испрашивал прислать ему в скорости «архитектора, который может делать крепости, башни и дворцы; доктора и аптекаря и других мастеров таких, которые отыскивают золото и серебро. Послали мы к тебе нашу жалованную грамоту для таких, которые захотят прибыть сюда служить нам, и для таких, которые захотят послужить нам по годам, как те, которые прибыли в прошлом годе, и для таких, которые захотят служить нам навсегда; чтобы и те, которые захотят приехать к нам служить нам здесь навсегда, и чтобы всякаго рода твои люди архитекторы, доктора и аптекари по сей нашей грамоте приезжали служить нам и мы пожалуем тебя за твою великую милость по твоему хотению; а тех, кто захочет служить нам навсегда, мы примем на свое содержание и пожалуем их чем они захотят; а тех, кто не захочет долее служить нам, мы наградим смотря по их трудам и когда они захотят пойти домой в свое отечество обратно, мы отпустим их с нашим жалованьем в их страну без всякаго задержания по сей нашей жалованной грамоте».¹⁶⁸

Еще более активно происходившее на рубеже XVI-XVII вв. развитие двусторонних отношений позволяет предположить участие англичан и в устройстве садов для Бориса Годунова.¹⁶⁹ Так, доставшееся от отца подмосковное двор-

цовое село Хорошёво царь Федор Иоаннович в 1594 г. подарит своему шурина - Борису Годунову, который во второй половине 1590-х гг. и сформирует здесь свой представительный комплекс, предназначенный преимущественно для проведения деловых и дипломатических встреч.¹⁷⁰ Помимо каменного Троицкого храма несколько западнее выстроят царский дворец и, видимо, устроят при нем Увеселительный сад, раскрывавшийся на обширную пониженную пойму Москвы-реки и сильно удаленные заречные пространства. Не случайно и сами дворцовые покои были отделаны особенно изящно, по поводу чего современник Годунова, голландский купец и торговый резидент Исаак Масса отмечал: «Кроме того, у него было много домов, в числе которых был один - очень красивый, в расстоянии одной мили от Москвы, называемый Хорошево, что значит красивый. Дом этот был построен на горе близ реки Москвы. Здесь Борис часто веселился с иностранными докторами и другими лицами, превосходно угощал их и дружески обходился с ними...»¹⁷¹ Инна Любименко - видная исследовательница русско-английских отношений начального периода, отметит, что как раз там, в Хорошёве, государь «охотно проводил время в обществе английских врачей и именно в этой среде он мог, скорее всего, найти побуждений к своему горячему стремлению приобщить Россию к западной культуре».¹⁷²

Имевший «строгий геометрический план» Увеселительный сад с «потешными чердаками» (беседками), цветниками и лебединым двором Годунов разведет поблизости от Можайска на высоком берегу р. Протвы. В этом своем Борисовом городке он распорядился отрыть целое озеро и устроить на нем овальной формы остров для причаливания лодок, специально заведенных для увеселительных водных прогулок.¹⁷³

Весьма примечателен в этой связи единственно известный эпизод с прибытием английских мастеров. Распоряжение об их приглашении на царскую службу доведут до торгового агента Джона Меррика зимой 1603-1604 гг. Тот, в свою очередь, просил своих коллег ускорить решение этого государева дела и подыскать непременно самых лучших специалистов. И уже 5 июля 1604 г. он

проинформирует на этот счет дьяка Афанасия Власьева: «Я получил в Москве повеление от его величества государя выписать из Англии архитектора для надзора за работами, для составления планов и строения каменных зданий и еще двух искусных мастеров».¹⁷⁴ Действительно, спустя полгода вместе с английским посланником Т. Смитом в Россию придут сразу несколько высококлассных «палатных и городских мастеров». Судя по тому, что при них оказалось много «мастерской рухляди», Годунов намеревался поручить им выполнение какого-то крупного своего заказа.¹⁷⁵ 22 июля 1604 г. Меррик сообщал, что мастера благополучно добрались «и теперь находятся в крепости Архангельске. По донесению ко мне, архитектор очень умный человек и опытный в своем деле, так же как и каменщик в своем ремесле».¹⁷⁶ Ими оказались «аглинской земли палатных и городских мастеров Ульяна Бурнома да Ивана Улка, да с Ульяном же сына его Ульянка да человека его Рыщерка».¹⁷⁷ Впрочем, чем конкретно занимались они в России, выяснить не удалось.

Прибывший на царскую службу в свите английского посланника Фабиана Смита в сентябре 1620 г. шотландец Х. Галовой (Christopher Galloway) примет деятельное участие в восстановлении Московского кремля после недавней «московской розрухи». И хотя он был нанят как часовщик «башенных курантов», однако, не менее профессионально разбирался в художественной обработке камня, архитектурно-строительном и водовзводном деле. Происходил этот разносторонний специалист, скорее всего, из все еще сохраняющего древнюю свою топонимику графства Дэмфрис энд Халловой (Dumfries and Galloway), находящегося в юго-западной части Шотландии. Поэтому точнее было бы сказать, что в Россию прибыл «разных дел мастер» Христофор, выходец из графства Галовой. Ярким свидетельством многогранности его дарования могут служить всякий раз ответственные заказы, с которыми он неизменно справлялся на всем протяжении многолетней царской службы. Помимо собственно надстройки Фроловской башни и укрепления сводов Успенского собора, Христофор проведет в кремлевских покоях водопровод, а позднее ему доверят и разведы-

вание серебряных руд.¹⁷⁸

В 1623-1635 гг. совместно с садовыми мастерами Назаром Ивановым, Титом Андреевым и Иваном Тилятевским Галовой займется устройством Верхнего Набережного сада на каменных сводах Запасного двора, возведенного в 1601-1602 гг. в правление Бориса Годунова в юго-западной части Кремля на высокой горке («на взрубке»)¹⁷⁹ При ширине в десять саженей и длине около семидесяти, общая площадь сада составляла 594 квадратных саженей. Ограничивался он высокой оградой с широкими прорезями, что позволяло хорошо обозревать всю окрестную местность. Несомненно, самый впечатляющий перспективный вид открывался на Москву-реку и Замоскворечье, северная часть которого буквально утопала в зелени находившихся здесь Садовых слобод.

Галовею предписывалось реализовать самую трудную часть этого замысла, предполагавшую устройство самого водовзвода. Вероятно, он же изготовил и свинцовые формы-лотки, определившие регулярную планировку Верхнего сада. Вода из Москвы-реки поступала сюда «посредством водовзводной машины, устроенной в 1633 г. в наугольной (Водовзводной) башне Кремля».¹⁸⁰ На уровне первого ее яруса находился белокаменный колодец, соединявшийся с рекой специальной трубой. Отсюда вода посредством лошадиной силы поднималась в покрытый свинцом верхний колодец и затем по свинцовым трубам поступала в сад. Вполне возможно, что с самого начала добившись сильного напора воды, Галовой сразу же приступил и к устройству «водяных взводов» (фонтанов). Видимо, он же предложил покрыть каменные своды листами свинца, чем обеспечивалась полная гидроизоляция сада. Сам же растительный грунт укладывался в заранее сделанные свинцовые формы. Как раз для устройства этого сада Назар Иванов в 1633 г., «уряжая государев сад Вверху», тщательно отбирал из московских садов самые лучшие сорта яблонь и груш, включая собственные - «три яблони большие наливу да грушу царскую».¹⁸¹ Расходная книга Оружейной палаты за 1635 г. подтверждает, что царские садовники Иван Тилятевский и Тит Андреев «строили в Верху сады», а садовник Никита Родионов «препод-

нес царю Михаилу Федоровичу и царевичу Алексею Михайловичу яблони и груши для Верхнего сада».¹⁸² Именно на их ветвях в теплое время года по обыкновению вывешивались клетки с попугаями, перепелками, канарейками и прочими поющими птицами. Впрочем, более всего ценились попугаи, о чем, вероятно, англичане были неплохо осведомлены. Так, еще в декабре 1613 г. Михаил Федорович получит в подарок от того же Т. Смита попугая в железной клетке, а в декабре 1620 г. посланник Д. Меррик поднесет ему еще «две птицы попугаи индийские».¹⁸³ Забегая вперед упомянем, что находясь в Англии царь Петр Алексеевич приобретет в собственное пользование целую партию попугаев, а столь полюбившуюся «малую мартышку» купит за 11 гиней у часового мастера Якова Гасениуса.¹⁸⁴

В том же Верхнем Набережном саду для уединенного созерцания уходящих в даль столичных окрестностей поместят царское кресло, называвшееся в старорусском обиходе «сиделкой». И в марте 1636 г., уже на завершающем этапе работ, это «государево место» было «обито сукном багрецом червчатым, на хлопчатой бумаге».¹⁸⁵ Вплоть до начала 1680-х гг. этот сад сохранялся без существенных изменений. Так, 15 апреля 1657 г. Алексей Михайлович повелит «построить в своем государевом верхнем саду всякие розные цветы, доктору (а не простому садовнику) против того как построено в Обтекарском саду, не испустя времени».¹⁸⁶

Сад поправят в 1681 г. уже при царе Федоре Алексеевиче (1676 - 27 апреля 1682) во время осуществлявшегося обновления всего царского дворца. Тогда-то находившиеся в нем строения и перенесут на другое место, а изношенное покрытие сводов заменят новыми «свинцовыми досками». Для наполнения пруда («длиною около 5 сажений, шириною около 4 сажений, глубиною в 2 аршина») воду проведут «посредством свинцовых же труб из Водовзводной кремлевской башни, для чего в саду был построен водовзводный чердак».¹⁸⁷ Содержавшее прежде «109 окон или пролетов» садовое ограждение заменят «каменными бальясами».¹⁸⁸ Со стороны же набережной в угловых частях сада возобновят «два

больших «чердака» (беседки), щедро отделанные «резьбою и узорочно расписанных красками».¹⁸⁹ А.Э. Регель даже полагает, что этот сад украшали и высоко бьющие фонтаны. Причем один из них, усиливая общее художественное впечатление, бил прямо из пруда.¹⁹⁰

О вполне сложившемся облике Верхнего сада позволяет судить датированная 1707-1708 гг. гравюра П. Пикарта «Панорама Кремля со стороны Москвы-реки» и обмерный чертеж «среднего апартамента» Кремлевского дворца, составленный в начале 1740-х гг. архитектурной командой Д.В. Ухтомского.¹⁹¹ Основная южная часть сада содержала пять попарно размещенных партеров прямоугольной в плане формы. Дополнялись они угловыми беседками и сетью прогулочных дорожек. В обращенной к Аптекарскому саду северо-западной части также показаны партеры, в том числе и несколько меньшей величины. Здесь же у входа, непосредственно ведущего в царские покои, помещался и квадратный в плане пруд. Угловые же части всех этих цветочных партеров были отмечены фруктовыми деревьями, на ветвях которых, как и в прежние времена, вешивались клетки с птицами. Остается только догадываться, какие именно связанные с Галовеем первоначальные элементы этого сада могли уцелеть, когда к очередному его обновлению в начале 1680-х гг. был привлечен англичанин П. Энглез.

«Преоспективного» дела мастер П. Энглеза (Peter Engels), вероятно, зачислят на государеву службу в 1677-1678 гг. по возвращении из Англии посланника Т. Немчинова. Он в основном занимался исполнением заказов царя Федора Алексеевича, украшая кремлевские покои фресками на ветхозаветные сюжеты. Так, в 1679 г. он напишет «Царя Давида на престоле да Царицу Южскую, как она пришла к царю Соломону с подносными дарами; да притчу Святая Святых, как созидал царь Соломон», а в следующем - также разноцветными красками, «притчу – Брак царя Соломона на полотне большом, да другую притчу – Идолопоклонение». Тем же «преоспективным письмом» будет исполнена и «Притча пророка Иезекиа с пророчествами» из царственных книг».¹⁹² Уже в царствова-

ние Софьи Алексеевны в новых ее каменных палатах в 1686 г. англичанин «написал на полотне преоспективную картину во всю стену по размеру».¹⁹³ Причем, как подчеркивает И.Е. Забелин, именно этот Англез вместе с прибывшим из Персии живописцем Богданом Салтановым «своим искусством и деятельностью далеко превзошли всех своих предшественников и товарищей».¹⁹⁴

Наряду с живописной отделкой интерьеров Англез привлекался и к устройству кремлевских Верховых садов. Это следует из челобитной от 31 марта 1682 г., отправленной состоящими при них садовыми мастерами - Давыдко Смирновым и Дорофейко Дементьевым: «В прошлом, Государь, в 187 г. (1679) марта 21-го взяты мы, холопи твои, по твоему В. Государя имянному указу в твой Государев новой в Красный сад в садовники к садам разводить; а садили мы всякой овощ, яблони и груши, виноград и сереборинник (шиповник) красной и белой, и смородину, и дыни, и огурцы, и тыквы и всякие цветы, и сеяли с Немчином с Кондратьем Филиповым да с Петром Гавриловым (Энглесом), а ево Степана Турчанина розводу было: арбузы садил, анис сеял».¹⁹⁵ Судя по тексту челобитчики занимались в то время устройством Нижнего Набережного сада, но намеревались производить работы и в других кремлевских садах, окончательно «удалив оттуда Турченина».¹⁹⁶ Упомянутый же «Государев новой Красный сад», при котором с марта 1679 г. и состоял Энглес, в действительности являлся Собственным садиком царя Федора Алексеевича, который обустроивался им «с особою заботливостью». Близкий в плане к квадрату этот сад с севера и запада прикрывался дворцовыми объемами, с юга к нему подступала Екатерининская церковь, а в восточном направлении от него открывался вид на северо-западную часть Соборной (Ивановской) площади и Успенский собор.

Уже в качестве главного садового мастера Англез проявит себя при формировании Нижнего Набережного сада, заложенного в апреле 1681 г.¹⁹⁷ Забелин в этой связи отметит: «Можно предполагать, что по его чертежу раскинут был и самый сад, что он же руководил и декоративной рассадкой растений в том порядке, как того требовали его живописные работы».¹⁹⁸ Отвечая особенностям

верховых (висячих) садов, находившихся исключительно в ведении Аптекарского приказа, он был устроен на сводах погребов с восточной стороны от Верхнего Набережного сада, но на один ярус ниже него. Причем прежде на этом месте никакого сада не было.

Нижний Набережный сад был устроен на прямоугольном в плане участке (длина 25, ширина 15 саж.) и с трех сторон замыкался высокой оградой, а с четвертой – четырьмя палатами, «принадлежащими саду». Именно здесь и находилась Посольская палата, а вблизи нее «тайник для наблюдения за переговорами с иноземными послами».¹⁹⁸ Следовательно, как и Большой сад Уайтхолла, Нижний Набережный сад предназначался главным образом для проведения церемониальных встреч, в том числе и с иностранными посланниками. Не случайно сюда можно было попасть как со стороны Соборной площади через примыкавший к Грановитой палате парадный лестничный сход и Красное крыльцо, так и с Переднего государева двора (от Сретенского собора) по специально устроенной лестнице в 37 ступеней. Впрочем, 27 апреля 1682 г., спустя год, обустройство этого сада было приостановлено в связи с кончиной царя и последовавшей вслед за тем стрелецкой смутой.¹⁹⁹ Но уже в следующем - при Софье Алексеевне садовые работы возобновят «без отлагательства, вероятно, по мысли покойного государя».²⁰⁰ На завершающей стадии отделки «сад был украшен преспективным письмом, т.е. различными картинами и другими изображениями, которыми были покрыты стены, чердаки (беседки), столбы, решетки и пр. и некоторые исполнял в течение всего лета дворцовый живописец иноземец Петр Энглес, получавший за эту работу кормовых денег в каждый месяц по 10 рублей».²⁰¹ Забелин уточняет, что перед закладкой сада укрепляли своды с помощью устройства «каменного быка» (контрфорса). Известно также, что со стороны набережной сад ограждался «каменной стеною с окошками, а с внутренней стороны – решеткою».²⁰² В 1683 г. в угловой юго-восточной его части соорудят Водовзводную башню с часами, обеспечивавшую необходимый приток воды и в Верхний Набережный сад. Для устройства же цветочных партеров бы-

ли «сделаны творила, столбики, репья, причелины».²⁰³ Относительно небольшие размеры сада изначально потребовали визуального его «расширения» перспективными картинами. А потому «стоявшие в саду каменные четыре палаты были украшены такой живописью еще в 1681 г».²⁰⁴ Несомненно, речь в первую очередь шла об их южном фасаде, включившем в себя сразу несколько перспективных изображений.²⁰⁵

Забелин приводит также список растений и деревьев, которые одновременно могли высаживать и в Нижнем, и в Верхнем Набережных садах на завершающей стадии их отделки начиная фактически с конца апреля 1683 г. Кроме пахучих цветов и трав здесь в основном преобладали плодовые деревья и кустарники.²⁰⁶ Судя по сделанному в 1740-х гг. обмерному чертежу подклетной части дворцового комплекса, симметричная планировка Нижнего сада изначально предполагала размещение четырех одинаковых прямоугольных в плане партеров, разделявшихся широкими дорожками.²⁰⁷ Благодаря этим геометрически выверенным посадкам и удавалось достичь пространственной глубины в этом сравнительно небольшом регулярном саду.²⁰⁸

В недолгий период правление Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны Англез принимал еще более деятельное участие в создании целого ряда садов в рамках наиболее активно происходившего именно в эти годы формирования крупного дворцово-паркового комплекса в подмосковном Измайлове. Дошедшую до нас от XVII в. целую серию генпланов, относящуюся именно к этому обширному царскому владению, можно подразделить на две основные группы. Одна из них представляет собой рисованные фиксационные изображения с сильным искажением пропорций, другая - тщательно вычерченные с соблюдением масштаба проектные чертежи, основную часть которых, видимо, также следует связывать с творчеством Англеза - этим придворным мастером «перспективного» письма. Листы эти предполагали устройство сразу несколько разновеликих садов, довольно свободно размещавшихся в непосредственной близости, либо на некотором удалении от измайловского острова, изначально

мыслившегося центром единой композиции и традиционно включавшего в себя дворцовый комплекс. Не случайно проживавший в Москве в 1670-1673 гг. курляндский уроженец Я. Ретенфельс упомянет о существовании в то время только одного измайловского сада: «В небольших расстояниях от города виднеются несколько летних дворцов, назначенных для отдохновения царей, куда они имеют по обыкновению удаляться, дабы собраться с новыми душевными силами. Среди них не последнее место принадлежит селу Измайлову, обладающему знаменитым обширным садом с четырьмя высочайшими широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. В расстоянии приблизительно в полмили от него находится богатейший зверинец, или лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами различных животных, а близ него изящное здание для приготовления лекарств с садовых лечебных растений».²⁰⁹

Следует отметить, что в планировке этих садов прямо или косвенно прослеживается связь с английским садово-парковым искусством рубежа XVI-XVII вв. Их объединяет симметричность построения с использованием одних лишь простых геометрических форм, наличие резных деревянных фигур «обережных» животных, беседок, редких растений и цветов, наконец, ярких декоративных росписей. Однако есть и существенные различия, связанные с развитым комплексом идей и представлений об «идеальном» представительном саду могущественного русского государя, убежденного в единственной праведности православной своей веры и непреодолимой силе отечества своего. Все эти сады подпадают под типологию увеселительного сада, а потому и в их устройстве широко использовалось взаимодействие декоративных и плодовых культур, тонко подбиравшихся по цвету, фактуре, времени цветения и обонятельным свойствам. Поэтому в них с самого начала допускалось проведение различных встреч, в том числе и с иностранными посланниками, все более часто приезжавшими в Москву.

Виноградный сад, площадь которого согласно данным 1687 г. достигала 16

га, располагался к северу от острова.²¹⁰ Вероятнее всего его устроили на месте старого сада с одноименным названием, в котором в период правления Алексея Михайловича действительно возращивался виноград. Судя по плану, планировка нового сада учитывала взаимодействие основной квадратной в плане территории с четырьмя круглыми в плане малыми участками, закреплявшими все его углы. Именно в них, согласно надписям, были высажены ярко цветущие фруктовые деревья - груши «царские», сливы и вишни белые и красные, причем в виде «правильных концентрических кругов».²¹¹ Основная же территория сада подразделялась на целый ряд сильно вытяженных концентрических участков, предназначавшихся для высадки эффектно цветущих и пахнущих трав (греча, рожь, овес, конопля, ячмень, пшеница, мак), «немецких цветов», плодовых кустарников (смородина белая, черная, красная, малина) и яблонь.

Самая же широкая полоса, находившаяся между пшеницей и кустарниками, засеивалась красным маком. Наконец, на центральном квадратном в плане участке размещались «беседки разными образцами, писаны красками с перилами кругом».²¹² Как и в кремлевских садах при их росписи Англез использовал в основном архитектурные мотивы.

Сходными чертами обладала и композиция устроенного в лесном массиве за Просянским прудом в центре Просянской пустоши квадратного в плане Просянского сада.²¹³ Судя по надписям на чертеже, в четырех последовательно сокращавшихся по периметру полосах предполагалось высадить в ряд фруктовые деревья - яблони, вишни, сливы и груши. При этом самая широкая внешняя кайма, непосредственно граничившая с изящной деревянной оградой в «триста двадцать прясел», отводилась под засев разноцветными злаками (псковский лен, просо, рожь, овес, ячмень, гречиху, пшеницу, коноплю и горох).²¹⁴ Для устройства же невысоких зеленых изгородей использовалась черная и белая смородина. Сад вполне мог быть террасным, и тогда закреплявшая его центр беседка под двуглавым орлом должна была возвышаться на местности, предоставляя еще больше возможности для перспективного восприятия живописных

окрестностей. Показательно и то, что подобно садам Тюдоров ее в симметричном порядке окружали декоративные фигуры в виде льва, коня, крылатого грифона и единорога. Окаймлялась эта центральная, и может быть верхняя, площадка двенадцатью цветниками, напоминавшими рисунок раскрытых цветочных бутонов. Среди садовых строений значились и шесть связанных с внешней оградой ворот, «в том числе двои ворота с вышками, ...одне писаны красками, на них лестницы всхожие круглые дубовые... четверы ворота крыты шатрами...»²¹⁵ Помимо Энглеза в саду работало восемь садовников, в том числе Григорий Хут. Видимо, здесь также расставлялись в самых неожиданных местах исполненные Энглезом в духе барокко перспективные изображения самых различных архитектурных фантазий, призванные вводить в заблуждение неискушенного посетителя.

Существование находившегося юго-восточнее острова на площади в 6 га круглого в плане Аптекарского сада подтверждается документами Приказа Тайных дел.²¹⁶ Несмотря на свое название, он также был увеселительным, что подтверждается и шириной дорог, достигавшей 6,3 метра, и впечатляющим разнообразием произрастающих здесь декоративных, овощных и аптекарских деревьев, кустарников и растений, насчитывавших в общей сложности 5430 наименований.²¹⁷ Именно для приобретения «заморских семян, деревьев и трав» и был отправлен «за море» астраханец Иван Савельев. Замыкался сад сплошной полосой цветущего шиповника, высаживался он и вблизи центральной площадки, рядом с кустами крыжовника и «божьими» деревьями. Некоторые участки были сплошь покрыты кустами барбариса, другие включали в себя березовые рощи. Основное же пространство сада отводилось под аптекарскую и огородную зелень (капуста, огурцы, горох, салат, укроп, рябина, зоря, кошачья мята, гвоздика, маки разные, васильки, увар, драгун и пр.). Их также распределяли с учетом декоративных, цветовых и пахучих своих свойств.

Еще один проектный чертеж сравнительно небольшого центричного сада в архивной описи был обозначен как «План сада в селе Измайлово».²¹⁸ Здесь по-

казано расположение четырех идентичных огороженных участков, непосредственно подступающих к кольцеобразному пруду с таким же по форме островом с малым прудом посреди. При этом каждый огороженный участок делился оградой еще на три части, более всего напоминающими вольеры, предназначенные для содержания животных. Еще один проектный замысел в той же описи назван как «Неизвестное круглое озеро».²¹⁹ Территория этого круглого в плане симметричного сада разделена оградой на пять равных по площади участков, сходящихся к круглому в плане пруду. Все они включают в себя сгруппированные вокруг малых, но также круглых в плане прудков, теремки, безусловно, предназначенных для содержания всевозможных водоплавающих птиц. Не случайно эти малые прудки связаны с большим прудом либо напрямую, либо посредством канальцев. Здесь же показан и один изолированный узкий проход к большому пруду, видимо, предназначавшийся для должного поддержания этого по сути «зоологического сада».

Однако самым затейливым являлся сад, более известный как «Вавилон» или «Потешный сад», в устройстве которого Англез также принимал участие.²²⁰ Центричность его построения базировалась на взаимодействии больших и малых, но всегда равных по площади квадратных участков-модулей. Судя по плану, в центре помещался сам лабиринт, фланкированный партерными частями, разительно отличающимися геометрическим своим рисунком и более всего сходными с получившимися распространение в Англии «узловыми» садами («knots garden»). Приложенная к чертежу экспликация позволяет прояснить особенности его композиционного устройства: «Потешные палаты. Ворота. Двор потешной. Сад розных цветков. Сад розных трав, Сад и всякой тимьян, кругом цветки. Сад вавилон, по дорогам смородина и всякия вишни и в серетках ключ, ис чего вода бежит. Сад, цветки ангилирные. Сад размолинный и кругом цветы. Сад белой и золотонарцишен. Сад и всякия груши. Сад всяких тюльпанов и розных цветов. Сад серболинной и иных цветов. Сад всяких розных трав всякими духи. Сад всяких розных цветов. Сад и всякия яблони. Сад и

всякия груши. Сад всякия тюльпаны. Сад с мерианы и кругом цветки. Сад белой сербалинной. Сад всякия яблани. Дороги. Вода. Конюшня. Ворота. Потешный двор, в нем всякия птицы. Вода кругом яблани и всякия деревья. Мост через воду». Один из побывавших в Вавилоне современников добавит, что «меж путей столбцы тонкие, писаны красками».²²¹

Касаясь садоводческого творчества Энглеза в Измайлове, В.В. Кириллов отметит: «Обманные «перспективные картинки» писал для государевых садов работавший здесь англичанин-живописец П. Энглес». (...) «Просьянский сад» имел фонтаны с фигурами сказочных зверей. Получают особое значение «Смотрительные башни», в частности, в Потешном саду, откуда хорошо воспринимались различные части сада. Судя по чертежу, по четырем сторонам Потешного сада стояли деревянные павильоны, один из них в три света, башнеобразный, называемый «чердаком» и мог быть смотрительной башней. Не повторяя друг друга, павильоны были разной величины и разного облика, в их архитектурных формах явно обнаруживается западноевропейская иконография. Главная композиционно-планировочная ось сада с западной и восточной сторон его была выявлена воротами, своей рустованной отделкой имитирующими европейские каменные арки. Изгородью сада служила зелень - двухрядная посадка деревьев по его периметру. В Потешном саду устраивались театральные зрелища. В Потешном саду соединились воедино его утилитарная и эстетическо-насладительская функции; со своей четко организованной структурой, в соединении с формами архитектуры он предвосхищал образ миниатюрной регулярной усадьбы Нового времени».²²²

Впрочем, все эти увеселительные измайловские сады, наиболее ярко иллюстрирующие завершающий этап развития придворного садово-паркового искусства допетровской поры, просуществуют совсем недолго, не случайно упоминания о них в деловой переписке не выходят за рамки XVII в.

5. Петр I в Англии и заведение регулярного садоводства в Петербургском регионе

Мероприятия царской власти по комплексному освоению Петербургского региона с самого начала носили широкомасштабный характер. Среди прочего свою роль здесь сыграло пребывание Петра I в Англии и непосредственное его знакомство с тамошними садово-парковыми композициями, в целом отвечавшими общей линии западноевропейского развития.

Уже после завершения дипломатической миссии Ф.Я. Лефорта в составе Великого посольства двадцатипятилетний Петр отправится в Англию, где пробудет около четырех месяцев, с января до конца апреля 1698 г.²²³ Первый английский историограф царя Т. Макколей подчеркнет в этой связи, что «сам же он успел повидать очень многое и совсем вошел во вкус английской жизни».²²⁴ Последний - Э. Кросс добавит: «В целом визит в Англию был чрезвычайно важным эпизодом в жизни Петра: он дал ему пищу для размышлений во многих сферах его будущей деятельности и породил в нем любовь к Англии и британцам, которые не смогли вытравить даже очень сложные дипломатические отношения, доставлявшие ему беспокойство в последнее десятилетие царствования».²²⁵

За три с лишним месяца пребывания в Англии царь познакомится с большим множеством самых различных садов и парков, причем как в самом Лондоне, так и в его окрестностях. Впрочем, многие из них, посещаемые инкогнито во время излюбленных пешеходных прогулок, так и останутся для нас неизвестными. Немногочисленные же эпизоды посещения садов и парков в основном известны по фиксировавшимся официальным приемам, где Петр присутствовал в качестве главы государства.

Следует подчеркнуть, что сфера практического садоводства являлась для царя не менее важной составляющей в общем усвоении заграничного опыта прямо на месте. Так, еще до своего отъезда в Англию он с большим интересом осмотрит знаменитый Амстердамский ботанический сад с его удивительным по разнообразию «огородом лекарственным». Соответственно в Походном журнале на-

ходим развернутое его описание с упоминанием экзотических пряных трав, привезенных в том числе и из далекой Индии.²²⁶ Да и в позднейших европейских маршрутах царя (1711-1713, 1716-1717) в Журнал постоянно будут вноситься заметки обо всех посещавшихся немецких, голландских и французских садах.²²⁷ Однако именно в Англии царь заложит прочную основу в освоении теории и практики новейшего садоводства.

Наряду с увлекательнейшими рассказами возвратившихся на родину государевых посланников, первые сведения о самой Англии и различных сторонах тамошней жизни Петр Алексеевич (1672-1725) мог почерпнуть и от генерала на русской службе шотландца П. Гордона (Patrick Gordon, 1635-1699), проживавшего в Немецкой слободе в им самим же обустроенной усадьбе.²²⁸ А.Г. Брикнер на этот счет прямо указывает, что, вслед за вступлением 12 сентября 1689 г. на престол, совсем еще юный и малоопытный в «государевых делах» семнадцатилетний царь почти ежедневно с ним встречался, и очень скоро между ними «завязались близкие отношения».²²⁹ Обладая разносторонними познаниями в самых различных областях, прежде всего в военном и инженерном деле, Гордон неизменно проявлял интерес к деятельности английской Академии наук. Он состоял в переписке с ее сотрудниками, время от времени отправлявшими ему в Россию книги, чертежи и всякого рода описания новейших хитроумных механизмов. Совсем скоро Гордон станет для молодого царя незаменимым собеседником и авторитетным наставником по целому ряду важнейших вопросов. И уже в качестве доверенного лица Петр будет часто приглашать его к себе в Кремль, где тот и станет свидетелем необычайно зрелищной процессии, связанной с доставкой к царскому двору персидским посланником очередных живых подарков - льва и львицы.²³⁰

Гордон хорошо разбирался и в садовом деле и, как выясняется, у себя на родине в своем поместье устроил сад, руководствуясь исключительно собственным проектным замыслом.²³¹ Это обстоятельство заслуживает особого внимания еще и потому, что позволяет предположить общую осведомленность любо-

знательного Петра о западноевропейском садоводстве еще до своего отъезда за границу.

Сама идея Великого посольства в общих чертах созреет к весне 1695 г. Однако окончательное на этот счет решение будет принято лишь в конце лета следующего года.²³² Ряд обстоятельств более годовой задержки выезда несколько проясняет содержание письма «английского дворянина» (*Крёля?*), отправленного из Амстердама 30 октября 1698 г.: «Государь давно уже помышлял о сем путешествии, но откладывал оное до тех пор, пока не увидит успеха в осаде Азова».²³³

Поначалу надобность в скорейшем отъезде в Англию остро не ощущалась. Однако узнав о разочаровании Петра полным отсутствием в голландском кораблестроении стройной теоретической базы один англичанин поспешил сообщить, что именно «у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие и что кратким временем научиться можно».²³⁴ Уже в сугубо практической плоскости возможность ближайшего отъезда царя в Англию обсуждалась с Уильямом III (William III, 1689-1702) с конца октября 1697 г. во время их совместных встреч в Утрехте и Гааге. Со своей стороны король заверял, что не позднее начала января отправит из Англии две яхты - одну для московского царя, а другую для многочисленной его свиты. Их сопровождение, как особо подчеркивалось, будет надежно обеспечено двумя линейными кораблями и одним гукомором под руководством многоопытного вице-адмирала Митчелла.²³⁵

Сделанная в Походном журнале очередная запись подтверждает, что, действительно, 7 января 1698 г. русские представители из «Амстердама с Ост-Инского двора, поехали в Аглинскую землю, в яхте, в полдни» и через день по «утру рано, на кораблях и на яхтах, пошли морем в путь», а на следующий день 10 января также по «утру рано увидели Аглинской земли берег и город Афрот (*Orford*)» и уже в «сумерках въехали в реку Темс и шли всю ночь».²³⁶ И только тогда, когда обе яхты продолжили свой путь в сторону английской столицы, Митчелл присоединился к царю: 11 января по «утру рано проехали Салкотрина

(St. Catherine), стали на якоря. С яхт перебравшись на мелкие суды, называются барджи с греблею, и поехали рекою Темсом. Проехали на правой стороне здание именуемое тур (Tower), где Английских честных людей сажают за караул; проехали мост, на котором дворцы построены. Приехали в город Лондон; поставлены в трех дворах мещанских, и тут кушал в одном дворе».²³⁷

Царя и всю его свиту разместят в центральной части Лондона вблизи Стренда (на берегу Темзы), в купеческом доме на Норфолк-стрит (Norfolk Street). Тут же «в трех дворах мещанских» поначалу устроятся и все двадцать семь участников Великого посольства.²³⁸ Самому же государю отведут комнаты с таким расчетом, чтобы он мог самостоятельно «выходить на Темзу, не будучи замеченным». Впрочем, здесь он проживет не более месяца, вплоть до 9 февраля, когда окончательно решит перебраться в Дептфорт. Примечательно и то, что для спланированных с самого начала речных поездок король распорядится сохранить за русской делегацией прежде выделенные яхты.

В день приезда царскую резиденцию посетит вначале королевский посланник. Он и передаст настоятельную просьбу королю об оставлении при московском государе Митчелла или кого другого, способного изъясняться по голландски: «После кушанья присылал Королевское Величество своего Подкаморного господина Бертова... объявлял всякую Королевскую услугу и желая ведать, когда изволит Его Царское Величество видеться с Королевским Величеством».²³⁹ Тогда же, в качестве ближайшего помощника Петра, король и распорядится представить ему лично маркиза Карматена. А на следующий день 13 января к нему заедет и сам Уильям III: «...был у нас Король, и был с пол часа; а с ним были четыре человека, ближние люди».²⁴⁰

За все время пребывания Петра в Англии в поле его зрения окажется большое множество самых различных садов и парков. Все они, помимо собственно городского благоустройства, отвечали трем основным типам – общедоступным, королевским и частным. Очень часто совершая самые различные по своей протяженности ознакомительные прогулки по Лондону, царь неизменно примечал

характерные элементы озеленения городских площадей и, конечно же, обращал внимание на регулярную разбивку партеров, симметричную высадку деревьев, да и само использование малых архитектурных форм, что в дальнейшем, несомненно, отразится на обустройстве новой российской столицы. А в создании городского сквера в районе Льюишам царь поучаствует лично, высадив шелковицу в память о своем пребывании в Англии.²⁴¹

15 января, в самом начале визита, Петр со спутниками посетит находившийся поблизости от Норфолк-стрит известный Дорсетский садовый театр (Dorset Garden Theatre), вмещавший в себя 1200 зрителей. Возведенный в 1673 г. в небольшом прибрежном парке, видимо, по проекту К. Рена (Christopher Wren, 1632-1723) он со стороны Темзы украшался портиком главного входа, так как зрители в основном прибывали сюда водным путем. От просторной пристани отходила упиравшаяся одним своим концом в реку сильно протяженная зеленая кулиса. Образована она была уплотненной линейной высадкой стриженных деревьев, что не могло не привлечь внимание царя.²⁴²

С размещавшимся в здании Грэшем-колледжа (Gresham College, Broad Street) Лондонским королевским обществом царь познакомится 27 января. Здесь он увидит квадратный в плане внутренний двор с газоном, охваченный по периметру расставленными с заданным ритмом также стриженными деревьями.²⁴³ Привлечет внимание русской делегации и поблизости расположенный представительный комплекс Бетламского госпиталя (Bethlehem Hospital), сформированный совсем недавно, в 1676 г. Со стороны главного фасада его сильно протяженный корпус был украшен расположенными в линейном порядке деревьями и обширными геометрически очерченными стриженными лужайками. Центральная садовая аллея совмещалась с главным входом в здание, подчеркивая симметрию всей садовой композиции.²⁴⁴ А 27 февраля Петр посетит архиепископа Кентерберийского в Ламбертском его дворце (Lambeth Palace), расположенном на прямо противоположном от Норфолк-стрит берегу Темзы.²⁴⁵ Его северный фасад был сориентирован на регулярный парк, обладавший строго

симметричной планировкой с использованием крупных партеров. Со стороны реки он замыкался высаженными в ряд деревьями, а с противоположной – небольшой рощей, видимо, образованной за счет высадки одних только фруктовых деревьев.²⁴⁶

Общее представление об обширном зеленом убранстве английской столицы Петр получит уже под самый конец своего визита, когда 4 апреля поднимется на обзорную площадку Монумена (The Monument): «Были в городе и на столбе, с которого весь Лондон знать».²⁴⁷ Эту находившуюся поблизости от Темзы на Фиш-стрит Хилл (Fish Street Hill) колонну-монумент воздвигнут в 1677 г. в память о недавнем пожаре (1666), уничтожившем значительную часть города и с тех пор неизменно остававшейся одной из главных его достопримечательностей.²⁴⁸ Как раз с верхней площадки в ясную погоду хорошо просматривались не только сильно удаленные городские районы, но и подступающие к ним вплотную живописные окрестности. Именно отсюда, помимо городских площадей, скверов и разного рода частных садов и парков, через излучину Темзы в северо-западном направлении открывались величественные панорамы сразу трех обширных парков - Сент-Джеймского, Грин-парка и Гайд-парка. С противоположной же стороны расстился весь юго-восточный пригород с близлежащим Гринвичем и удаленным Дептфортом, где царь проживет основную часть визита.

Видимо, одним из первых Петр познакомится с королевским парком Соммерсет-Хауза (Somerset House), находившимся буквально в нескольких шагах от столичной его резиденции.²⁴⁹ Создавался он с 1609 г. французским садовником Де Ко для королевы Анны, задумавшей реконструировать и приспособить этот тюдоровский дворцовый комплекс исключительно для себя.²⁵⁰ В результате непосредственно перед главным корпусом, в четком соответствии с осевой разбивкой, разместят четыре идентичных партера, фланкировавшие помещавшийся в центре фонтан.²⁵¹ Уже после Реставрации число их сократится до двух, а сам фонтан с высоко бьющим своим водометом приблизят к набережной. Те-

перь угловые части партеров украшались установленной на высоких постаментах статуарной скульптурой.²⁵² Включавший в себя протяженную аллею, связавшую дворец с парадно оформленным причалом, этот отвечавший особенностям позднего ренессанса прибрежный парк был рассчитан на глубокие видовые раскрытия. Отсюда хорошо воспринималось не только живописное русло Темзы, но и обширные заречные пространства, все еще сохранявшие свой первоначальный облик.

Сильно пострадавший в пожаре 4 января 1698 г. Большой парк Уайтхолла Петру увидеть так и не пришлось, ибо его восстановление не было предусмотрено. Зато в трех других парках, находившихся северо-западнее столичного центра, царь побывает не один раз, ибо все они располагались в одном направлении, ведущем в сторону Кенсингтона. Минуя, например, обширный Сент-Джеймский парк, царь мог проследовать в Грин-парк (Green Park) и уже отсюда подойти к юго-восточной оконечности Гайд-парка (Hyde Park). Ко времени прибытия Великого посольства Сент-Джеймский парк не претерпел существенных изменений и выглядел примерно таким же, каким его застал в самом начале 1680-х гг. П.И. Потемкин.

Из протокольной записи («The State Papers record») от 8 февраля следует, что Петр прибыл сюда накануне вечером инкогнито, будучи приглашенный на бал в Сент-Джеймский дворец.²⁵³ Примыкавший к Сент-Джеймскому парку с восточной стороны Грин-парк в те годы сохранял обширные свои луговые пространства с минимальной плотностью посадок. А самый крупный среди них Гайд-парк, открытый для свободного посещения Карлом I еще в 1630 г., ко времени прибытия царя представлял собой простиравшуюся в западном направлении вплоть до Кенсингтона обширную равнинную местность, неизменно служившую местом прогулок горожан и проведения военных парадов.²⁵⁴ В то время в восточной части парка, видимо, уже существовали аллеи посадки, акцентировавшие центральное местоположение вновь созданного круглого в плане пруда.²⁵⁵

При посещении основанной совсем недавно (1674) гринвичской Обсерватории Петр конечно же обратил внимания на граничивший с ней королевский парк, разбитый тем же Де Ко для королевы Анны по аналогии со столичным Сомерсет-Хауз. Его композиция в полной мере соответствовала архитектурному облику Дома королевы (Queen's House), возведенного в 1616-1635 гг. по проекту крупнейшего английского палладианца А. Джонса. Парк совмещал в себе геометрически очерченные партеры, прямоугольную сеть прогулочных дорог и украшенный фигурами «речных богов» фонтан, подчеркивавший центр композиции.²⁵⁶

Первый раз царь окажется в Гринвиче 6 февраля, что и зафиксирует очередная журнальная запись: «Сиятельный Петр, царь московский, пришел осмотреть обсерваторию и, как частное лицо, рассматривал светила с помощью инструментов».²⁵⁷ Второй раз он прибудет сюда 8 марта: «...ездил Десятник верхами к астроному». Как раз тогда, как гласит запись, «Венера прошла и скрылась. Наблюдал сиятельнейший Петр, царь московский».²⁵⁸

Неоднократно проплывая по Темзе вдоль гринвичских берегов, Петр не раз восторгался только что созданным по проекту придворного архитектора К. Рена на месте разобранного тюдоровского дворца обширным комплексом Королевского военно-морского госпиталя (Royal Naval Hospital at Greenwich). Поначалу он даже примет его за один из новомодных королевских дворцов.²⁵⁹ Выявлявшее симметричную структуру госпиталя зеленое его убранство состояло из геометрически выверенных обширных газонов, призванных подчеркнуть монументальный характер этого крупного прибрежного ансамбля.

26 марта в первом часу из Фарнхона (Farnham) Петр прибудет в Винзор, где и увидит окружавший его обширный королевский сад с протяженными аллеями: «...приехали в город Виндзер (*Windsor*), а в нем Королевский двор зело изряден, и были в дву костелах, в которых в кавалеры ставят».²⁶⁰

Уже оттуда царь отправится в прямо противоположном направлении – в Хэмптон-Корт: «И, быв с два часа, поехали и приехали в деревню Амтон-корт,

отъехали отсель 27 миль и ночевали; а тут Королевский двор, что строила Королева».²⁶¹ Журнальная запись свидетельствует, что в этой старинной королевской резиденции он пробудет вплоть до середины дня 27 марта: «После обеда были в том доме и смотрели: зело изряден. И быв с три часа, поехали; проехали город Кимстол (*Kingston*), перед вечером приехали в Детфорт».²⁶²

Ко времени прибытия Петра I в Хэмптон-Корт здесь только что завершилось формирование двух новых парков, в полной мере отвечавших выстроенным в 1689-1696 гг. тем же Реном новым корпусам в рамках проведения комплексной реконструкции всего дворцового комплекса. Наибольшее впечатление на царя должен был произвести распланированный на обширной прибрежной территории Большой Фонтанный сад (*Great Fountain Garden*), непосредственно подступавший к восточному дворцовому корпусу.²⁶³ В целом отвечавший особенностям французского придворного садово-паркового искусства времени Людовика XIV, он создавался по проекту находившегося на службе Уильяма III французского садовника Д. Маро (*Daniel Maro*).²⁶⁴ Не случайно в то время при английском дворе особо ценились гравюрные изображения новейших французских садов, прежде всего, конечно, королевских. В значительной мере благодаря им и определится целое направление в развитии английского придворного садоводства рубежа XVII-XVIII вв.

Строго симметричная полукруглая в плане обширная партерная часть Большого Фонтанного парка заключала в себе узорочные партеры, весьма развитую дорожную сеть и тринадцать круглых прудов-бассейнов, дополнявшихся высокими водометами. Самый же крупный из них фиксировал центральную его часть, отвечая основным перекрестным осям. Также в симметричном порядке размещались бронзовые статуи и барельефы с античными персонажами, воскресавшими славы деяния древних. Важную структурную роль в единой композиции парка играли семь расходящихся в разные стороны сильно протяженных аллей. Две из них фланкировали узкий (в виде канала) пруд, совмещенный с главной осью дворцового корпуса, остальные также были сориенти-

рованы на центральный портик. Еще одна аллея обладала полуциркульной формой, она отделяла партерную часть от основного пространства парка. А в промежутках между аллеями были образованы обширные стриженные луга, где свободно паслись олени.

Существенно меньший другой - Собственный сад (King's Privy Garden) примыкал к назначенному для короля южному дворцовому корпусу и полностью соответствовал его длине.²⁶⁵ С востока и запада он изолировался от смежных парков высокими кирпичными стенами и насыпными террасами, а с юга замыкался сквозной металлической оградой, через которую особенно эффектно просматривалась Темза. Этот отвечавший двум перекрестным осям симметричный парк партерного типа создавался с 1690 г. придворным садовником датчанином Х. Кулинбургом (Hendrick Quellinburg) практически одновременно с Большим Фонтанным садом и имел ряд сходных с ним черт.²⁶⁶ Основное его пространство занимали четыре фигурных партера, украшенные затейливыми орнаментами из стриженной травы и свободно стоящими статуями (Славы, Марса, Победы и Геркулеса). Весьма впечатляюще вся эта скульптура воспринимались на фоне помещавшегося в центре круглого пруда, отмеченного высоко бьющим водометом. Круглый в плане еще один стриженный луг подчеркивал овальный абрис металлического ограждения и в центре был отмечен еще одной свободно стоящей статуей. Характерной особенностью Собственного сада были две его протяженные двухъярусные широкие террасы, позволявшие на существенном возвышении и в разных ракурсах хорошо обозревать не только смежные парки, но и уходящие далеко за горизонт живописные окрестности Хэмптон-Корта, наиболее эффектно проступавшие на фоне самой Темзы.

Из королевских самым посещаемым станет для царя парк Кенсингтонского дворца (Kensington Palace), куда тот навещался не менее шести раз. Так, 14 января он прибыл сюда впервые «с обезьяной, сидевшей у него на плече», но всякий раз пытавшейся перепрыгнуть к королю.²⁶⁷ Первый же официальный визит состоится 23 января; тогда ему и была представлена наследница престола

принцесса Анна со своим супругом - принцем Датским.²⁶⁸ По настоятельной просьбе короля 28 января Петр снова окажется в дворцовых покоях теперь уже для позирования придворному живописцу Г. Неллеру (Sir Godfrey Kneller, 1646-1723), в результате чего и будет создан известный парадный портрет русского самодержца в полный рост.²⁶⁹ 3 февраля Петр нанесет второй официальный визит принцессе Анне, а спустя три дня 7 февраля прибудет сюда снова: «...был Десятник на Королевском дворе».²⁷⁰ Наконец, в последний раз, уже перед самым отъездом из Англии, царь побывает здесь 18 апреля чтобы попрощаться с королем и отблагодарить его напоследок особо крупным рубином за оказанную помощь и поддержку.²⁷¹

О парке Кенсингтонского дворца той поры известно совсем немного. Граничащее с Гайд-парком на западе это обширное имение Уильям III приобрел у графа Ноттингема (Earl of Nottingham) в 1689 г. специально для устройства очередной своей загородной резиденции. Тогда-то и начнется перестройка решительно всех находившихся здесь строений в четком соответствии с проектным замыслом Рена.²⁷² Этот разместившийся на сравнительно небольшой территории королевский парк разобьют два года спустя (1691) южнее дворца.²⁷³ Обладал он подчеркнуто регулярной планировкой с широким использованием орнаментированных партеров. Центральную же его ось закрепляла протяженная аллея, совмещенная с портиком главного дворцового объема.

Не могли не привлечь внимание царя и университетские дворы Оксфорда, украшавшиеся сравнительно небольшими регулярными садовыми композициями. Видимо, лишь мельком он сможет увидеть за скрывавшимися высокими оградами сад Уодхэм колледжа (Wadham Colledge) и сад Нью Колледжа (New Colledge).²⁷⁴ И хотя в Оксфорде Петр пробудет только вечером 8 и утром 9 апреля, ему все же удастся осмотреть местный театр, старейшую библиотеку (Bodleian Library) и известный музей редкостей с хранящейся там уникальной для Англии той поры коллекцией античной скульптуры (Museum of Earl of Arundel). Несомненно, должен был произвести на него впечатление и архитектур-

ный облик только что выстроенной Реном церкви Св. Марии на Хай-стрит (St. Mary's Church, High Street), долгое еще время остававшейся непревзойденным образцом новейшего «готического стиля».²⁷⁵

Многokrатно посещал царь и частные парки. Так, 31 января сообщалось, что «были у Андрея Стельса и у него кушали, и приехали домой веселы».²⁷⁶ Упомянутый английский купец Г. Стайлс (Henry Styles), наладившего собственную торговлю с Россией, был особо доверенным лицом Великого посольства. Именно ему была доверена роспись всех английских расходов царя.²⁷⁷ Большим пиром, устроенным в его имении, русская делегация и отметит первый месяц своего пребывания в Англии. В очередной раз Петр заедет сюда 23 февраля: «Были у Стелса и Карматена ночевали».²⁷⁸

В усадьбе еще одного ближайшего своего сподвижника маркиза Карматена (Marquis of Carmarthen) царь побывает 1 февраля: «Были к вечеру у Карматена; у него кушали».²⁷⁹ В последний раз он прибудет сюда 20 апреля: «Был десятник у Камартенова отца, там кушали, и от него были в туре (*Tower*); приехали в вечеру домой».²⁸⁰ Здесь же в саду, принадлежащего Крамартену - «сыну Леедсову», Петр с увлечением следил за показательным выступлением находившегося в свите русского бойца, одержавшего скорую победу над известным шотландским богатырем.²⁸¹

Тогда же, 20 апреля, уже под самый конец пребывания в Англии, царь познакомится с очередным пригородным парком в известном поместье Уимблдон (Wimbledon, Surrey), принадлежавшем отцу Камартена, герцогу Лидсу (Duke of Leeds): «...был у герцога Ледса в доме его в Вимблетоне на Темзе».²⁸² Сюда его пригласят на званый обед, сопровождавшийся, как особо подчеркивалось, музыкой и хоровым пением.²⁸³

Относящаяся к началу XVII в. эта во многом необычная для Англии садовая композиция все еще в те годы сохраняла элементы первоначального своего убранства.²⁸³ Эти непосредственно связанные с выстроенным еще в 1588 г. П-образным в плане главным домом разновеликие регулярные сады (Большой

и Собственный) в целом отвечали характерным особенностям итальянского садово-паркового искусства. Тому способствовал и резкий перепад рельефа, эффектно обыгранный широкими лестничными сходами. Датированные 1678 г. гравюрные изображения позволяют предположить, что здесь могло привлечь внимание царя.²⁸⁵

Принципиальную роль во всей последующей садоводческой деятельности Петра I сыграет дептфордское имение Сейес-Корт (Sayes Court). Принадлежало оно видному члену-соучредителю Королевского общества, талантливому кораблестроителю, известному писателю и крупному знатоку в области садоводства и лесоводства, Д. Эвелину (John Evelyn, 1620-1706).²⁸⁶ Свое решение поселиться непременно в Дептфорде Петр примет вслед за состоявшимся 20 января и 6 февраля посещением находившейся с ним по соседству новейшей верфи (Howland Great Dock), созданной всего двумя годами ранее.²⁸⁷ И 9 февраля в путевом Журнале появится следующая надпись: «После полудня в 3-м часу, совсем перебравшись, переехали в Детфорд».²⁸⁸ Соответственно, со своей стороны по поводу этого знаменательного для себя события Эвелин в дневнике своем напишет: «Московский царь, прибывший в Англию для того, чтобы изучать судостроение, нанял мой дом».²⁸⁹

Выбирая наиболее подходящее для царской резиденции место, королевские представители остановились именно на имении Сейес-Корт с его вместительным хорошо меблированным домом и обширным парком, находившимся всего в полумили от верфи. Для этого пришлось выселить сильно сожалевшего по этому поводу адмирала Джона Бенбоу, проживавшего здесь в соответствии с условиями найма. Ко времени переезда сюда царя, дом и парк подновят, а в ограде устроят калитку для беспрепятственного посещения верфи в любое удобное для него время. Впрочем, сам Петр проработает на ней недолго, занимаясь в основном сбором всякого рода расчетов и чертежей, так или иначе отвечавших теории и практике новейшего кораблестроительства.²⁹⁰ Вплоть до состоявшегося 22 апреля отъезда на родину здесь разместятся около двух десятков

участников Великого посольства.²⁹¹ Касаясь повседневной жизни царя, слуга Эвелина отметит: «Дом полон народа ужасно грязного. Царь спит рядом с вашей библиотекой, а обедает в гостиной, что за кабинетом. Ест он в 10 часов утра и в 6 часов вечера. Иногда бывает дома целый день. Часть ходит на верфь или плавает по реке в разных костюмах. Король платит за все».²⁹²

Личное знакомство Петра с именитым владельцем Сейес-Корта, вероятно, состоялось при первом же осмотре дептфордской верфи и надо полагать, что и в дальнейшем они неоднократно встречались. Помимо обсуждения насущных вопросов проектирования и постройки судов, семидесятивосьмилетний Эвелин мог еще и во всех деталях ознакомить его с собственным парком, а заодно и с теорией и практикой садово-паркового искусства. Тому отвечало и тщательно подобранное по разделам весьма обширное библиотечное собрание Сейес-Корта с многочисленными своими книгами, рисунками и гравюрами, освещавшими самые различные стороны зарубежного и английского садоводства. Именно здесь хранились оцененные впоследствии в тридцать фунтов «несколько превосходных чертежей и других рисунков, изображающих лучшие виды». Вслед за отъездом посольства они так и не были найдены хозяином.²⁹³ Видимо тут же в рукописях хранился и опубликованный лишь в 1699 г. многотомный труд о королевских парках самого Эвелина («Elysium Britannicum or the Royal Gardens»), начало которому было положено еще в 1650-е гг.

Подобно Д. Традесканту Эвелин посещал Францию и Италию, где основательно изучал садово-парковое искусство. И в последующей своей садовой деятельности он как смелый экспериментатор-практик опирался на достижения именно этих стран. Показательно и то, что приступив в 1652 г. к проектированию парка в имении своего брата (Wotton, Surrey), он настаивал на размещении в центральной его части фонтана и введении в композицию классического портика, «которые не так уж часто встречаются в садах у наиболее благородных людей Англии».²⁹⁴ Судя по датированным 1653 г. двум уцелевшим рисункам, совмещенная с главным фасадом господского дома и фланкированная терраса-

ми его обширная партерная часть представляла собой прямоугольную в плане симметричную композицию с четырьмя фигурными клумбами, подступавшими к помещенному в центре и декорированному балюстрадой фонтану.²⁹⁵ Другая часть парка, также граничившая с протяженной высокой оградой, украшалась «классическим» портиком, гротом и высаженными в ряд кипарисами. Подобного рода парки воспринимались в те годы как художественное откровение, ибо само развитие английского садоводства сильно сдерживалось гражданской войной и затянувшимся правлением О. Кромвеля.²⁹⁶

К заведению собственного прибрежного парка в Сейес-Корте на площади 100 акров Эвелин приступит в 1650-е гг. Он формировался на окрестных полях при выстроенном поблизости от Темзы еще в елизаветинское время главном усадебном доме и в целом напоминал сады, виденные им в Италии и Франции. Сохранившийся план этого парка позволяет высветить ряд характерных особенностей его устройства.²⁹⁷

Это разделенное на целый ряд функционально обусловленных зон сравнительно крупное (неправильной в плане формы) владение с южной стороны граничило с проложенной из Нью-Кросса (New Cross) проезжей дорогой, определившей местоположение въездных ворот.²⁹⁸ К южному фасаду главного дома от них был проложен парадный подъезд, фланкированный протяженными аллеями из лайма. Севернее дома размещалась утилитарная часть усадьбы с мелкими служебными постройками, огородом и птичником. С восточной стороны хозяйственный двор ограничивался широким рвом, заполненным водой. Парк располагался к западу от главного дома и потому хорошо воспринимался из целой группы помещений, непосредственно связанных с западным его фасадом. Его планировка изначально была определена двумя расположенными под прямым углом друг к другу широкими прогулочными дорожками - своего рода «авеню», более всего напоминавшими «променады в итальянских парках Боболи и Пратолино».²⁹⁹ Подводящая к дому одна из них четко соответствовала оси запад-восток. Сильно растянутая с севера на юг другая играла основную роль,

связывая воедино все районы парка. Периферийные его части украшались регулярными рощицами, образованными из одних только фруктовых деревьев. Самая же парадная его часть, непосредственно связанная с главным домом, вобрала в себя два симметричных партера овальной и прямоугольной формы. Причем первый из них ограждался вечнозеленой изгородью из остролистника - предмет особо гордости хозяина.³⁰⁰ С запада к дому примыкал совсем небольшой Собственный садик, украшенный редкими сортами благоухающих растений и цветов. Видимо именно здесь и помещался Лабораторный домик, предназначенный для химических опытов.³⁰¹ Еще одно характерное садовое строение - Банкетинг-хауз (Banqueting house) был выстроен для детских игр и пикников. Вынесенное на южную линию ограды оно замыкало центральную «авеню» и являлось, таким образом, весьма важным структурным элементом парка. Южным своим фасадом этот увеселительный, по сути, павильон был сориентирован к охваченному уплотненными линейными посадками обширному лугу, а северным - к той самой «авеню», простиравшейся вплоть до Утиногo пруда. Сам же этот пруд находился в самой удаленной от дома северной части парка, закрепляя часть межевых границ владения. В основном рассчитанный на увеселительные лодочные прогулки, этот прямоугольный в плане пруд украшался островком и затейливым подъемным мостиком и, судя по названию, был основательно обжит утками, своим кряканьем добавлявшими особое очарование этой части парка.

Непосредственно связанные с пребыванием царя в Сейес-Корте материалы личного архива Эвелина позволяют существенным образом расширить наши представления об облике этого парка.

Так, из обращения Бенбоу, пожелавшего непременно сюда вернуться вслед за отъездом Великого посольства, становится известно, что тот застал и дом и парк в сильно поврежденном виде. Собственно для исчисления общего ущерба и был привлечен Рен, который в свою очередь командировал сюда королевского садовника Дж. Лаудона (George Loudon). Проведя детальнейшее обследова-

ние садовой территории, тот представил ему следующий отчет:

«Несколько замечаний о садах и палисадниках, принадлежащих достопочтенному Джону Эвелину, эсквайеру, при его доме, Сейс-Корт, в Дептфорде, в графстве Кент.

Во все время, пока московский царь проживал в означенном доме, не мало повреждений было понесено в садах и палисадниках. Усмотренные повреждения двух родов, одни из них могут быть поправлены, другие же нельзя исправить.

- 1) Трава помята и земля взрыта от прыжков и выделывания разных штук.
- 2) Лужайка, на которой играют в шары, в таком же виде.
- 3) Вся земля, которая обрабатывается под хозяйственные растения, заросла сорными травами и осталась без ухода и обработки, потому что царь все равно не допустил бы никого к обработке, когда наступило для этого время.
- 4) Шпалерные и другие фруктовые деревья остаются не подрезанными и без прививки.
- 5) Ни живые изгороди, ни дички, не подрезаны, как следует.

Замечания эти сделаны Джоржем Лаудоном, садовником его величества, который удостоверяет, что для приведения сада и плантаций в то исправное состояние, в каком они находились до пребывания его царского величества, потребуется сумма в 55 фунтов, в чем я и удостоверяю. Джорж Лаудон.

Примечание. Много вреда нанесено деревьям и растениям, что уже оказывается непоправимым, а именно: поломаны ветви у шпалерных и фруктовых деревьев, попорчены прекраснейшие широколистные липы, поломано несколько остролистников и других красивых растений».³⁰²

Как уточняется, ряд упомянутых кустов особо ценившейся хозяином вечно-зеленой изгороди из остролистника пострадал именно потому, что царь катал «ради физического упражнения каждое утро ручную тележку с тяжестью».³⁰³ При исчислении общей суммы ущерба указывалось также и о повреждении «100 футов наружной загородки сада» и утрате трех садово-вых тачек, оказавшихся либо сломанными, либо попросту ненайденными. Собственной резолюцией от 11 мая Рен со своей стороны подтверждал правильность представленных Лаудоном расчетов, после чего 21 июля Государственное казначейство, в числе прочих издержек, связанных с пребыванием царской делегации на английской земле, приказало выплатить Эвелину без промедления на поправление парка 55 фунтов.³⁰⁴

Этот примечательный во всех отношениях парк, относительно устройства которого царь располагал самой исчерпывающей информацией, в действительности являлся парком нового типа, во многом предвосхитившим все последующее развитие английского садоводства.³⁰⁵ Основанный на эмпирических представлениях о самоценности природного мира с несомненным признанием за каждым ботаническим видом исключительно собственной художественной значимости, он радикально отличался от всех предшествующих садовых композиций, где предпочтение отдавалось священным (и казалось незыблемым) символам королевской или аристократической власти.³⁰⁶

Другим немаловажным источником в пополнении царских сведений о садово-парковом искусстве Англии служили всякого рода иллюстративные издания (видовые гравюры, генпланы и чертежи), положившие начало необычайно активно формировавшемуся императорскому библиотечному фонду. Значительная их часть была приобретена в Англии самим Петром, знавшим толк в хороших оттисках. Как известно, еще в Голландии он брал уроки гравирования у А. Шхонебека.³⁰⁷ И хотя информация на этот счет все еще остается крайне скудной, все же известно, что 9 марта в Оксфорде царь посетил книжный магазин и

сделал целый ряд, вероятно, важных для себя покупок. Находившийся в составе Великого посольства доктор Постников по распоряжению царя там же в Оксфорде приобрел и каталог старейшей Бодлеянской библиотеки - эту «роспись книгохранительнице аксонской».³⁰⁸

Ценным подспорьем для комплектования собственной библиотеки служили хорошо известные Петру весьма обширные по тем временам библиотечные собрания Сейес-Корта и Ламбетского дворца. В 1713 г. он приобретет у небезызвестного английского писателя шотландского происхождения А. Питкарна около 2000 томов, среди которых, видимо, имелись и иллюстрированные издания.³⁰⁹ К концу правления петровская библиотека насчитывала около трех с половиной тысяч книг. Действенную помощь в ее формировании неизменно оказывал и видный представитель Великого посольства, шотландец на русской службе, граф Я. Брюс (James Daniel Bruce), чье собственное библиотечное собрание, абсолютно доступное Петру, превышало 1600 томов.³¹⁰

Среди принадлежавших царю специализированных английских изданий особое место занимал «Британский Витрувий» (Vitruvius Britannicus), выпущенный видным зодчим К. Кэмпбеллом (Colen Campbell, 1676-1729). Оба только что увидевшие свет тома в 1715 г. были преподнесены Петру I английским купцом и видным представителем петербургской британской общины Я. Спильманом (Jacob Spilman), курировавшим русских учеников в Англии. Впрочем, в царской библиотеке под № 7 («Витрубия Британикуса или Британского архитекта планы, и элевации и профили регулярных строений партикулярных и публичных содержащихся в Великобритании») находился еще один экземпляр этого роскошно изданного крупноформатного альбома.³¹¹ Кроме фиксационных чертежей фасадов и поэтажных планов общественных и частных зданий, Кемпбелл обыкновенно размещал в своих томах и генпланы частных поместий, воспроизводивших регулярные садово-парковые композиции в самом «новейшем английском вкусе».³¹²

В состав императорского библиотечного фонда войдет и исполненная на

основе тридцати одного рисунка Д. Бадслейда (J. Badeslades) гравированная серия «Разных аглинских огородов», содержащая наиболее примечательные виды английских поместий. Ее переплетут и сопроводят следующей надписью: «Сию книгу поднес его императорскому величеству купец Яков Вульф нарвский уроженец 1724 году августа в день».³¹³ Еще более впечатляющей была коллекция гравированных видов под общим названием «О великобританских гулятельных дворах королевы, и всех князей, и бояр, и господства Великобритании»; она насчитывала в общей сложности восемьдесят листов.³¹⁴

Из императорского собрания происходит и датированная 1694 г. гравюра с изображением садового окружения известного столичного колледжа в Челси (Chelsea), видимо, также приобретенная во время пребывания царя в Англии.³¹⁵

Не менее ценились Петром изящно исполненные географические карты, генпланы городов и всех прочих загородных местностей. В этой его коллекции находим и относящийся ко второй половине XVII в. «чертеж Лондона», фиксирующий расположение и планировку королевских и прочих частных парков.³¹⁶ Отпечатанный в Голландии в 1667 г. другой крупноформатный гравированный план, известный под названием «Река, которая в Лондоне течет», был важен еще и потому, что содержал планировку прибрежных столичных парков, исчезнувших в пожаре 1666 г.³¹⁷ В составе этого собрания войдет и гравированный проектный генплан восстановления Лондона по проекту Рена, изначально предусматривавший устройство новых и восстановление ряда утраченных парков, садов, бульваров, скверов и площадей.³¹⁸ В числе прочего все эти графические материалы станут важным подспорьем самому Петру I и его приближенным при столь стремительно происходившем освоении Петербургского региона.³¹⁹ Да и много позже весь этот ценный иллюстративный материал неоднократно использовался, сохраняя актуальность для императорского двора вплоть до 1917 г.

Среди увлечений юного государя особое место занимало изготовление и запуск фейерверков. В конце концов, эти опыты и эксперименты не могли не

привести к желаемому результату: поражающие восприятие современников своей необычностью разноцветные салюты станут неотъемлемой составной частью садово-паркового искусства петровского времени.

В дневнике П. Гордон неоднократно упоминает «об удовольствии, доставленном царю особенно удавшимся фейерверком». Как раз совместно с ним, в специально устроенной для этого лаборатории, и сын, и зять генерала нередко проводили целые дни напролет. Впрочем, поначалу им удастся собрать всего лишь два заряда, видимо, предназначавшиеся для показательного состязания между иностранными и русскими умельцами этих дел. Гордон подчеркивал, что первые своими запусками произвели «отличный эффект», однако, вторые, да и то лишь на следующий день, добились только «хорошего эффекта». При этом Гордон обжег себе лицо, а царь был ранен.³²⁰ В начале января 1691 г. Петр посетит в Немецкой слободе выздоравливающего своего наставника и заодно одолжит у него три книги «об артиллерийском искусстве», желая непременно продолжить столь опасные эксперименты.³²¹

Не довольствуясь всем достигнутым на родине, царь займется сбором самой различной информации по салютному мастерству и в самой Англии. В Походном журнале от 2 марта читаем: «Ездили на двух яхтах в Улвич, и были у графа Ромни и у него веселились, из пушек стреляли».³²² А спустя два дня, 4 марта, здесь появится следующая запись: «Поехали к ночи в Улич для отведения метания бомб, и ночевали».³²³ В заметке же от 6 марта отмечалось: «Был Десятник в Уличе, смотрел лабораторию, где огнестрельная всякая вещь и наряжают бомбы».³²⁴ Впрочем, в Вулвич (Woolwich) царь наведывался и позже, а 24 апреля побывает здесь в последний раз уже перед самым возвращением на родину.³²⁵ Именно там в Вулвиче он посетит Арсенал, артиллерийские заводы и даже примет участие в показательных стрельбах в сопровождении главнокомандующего английской артиллерией Г. Сидни (Henry Sidney, 1st Earl of Romney) - виднейшего в Англии специалиста по пиротехнике. Идя навстречу пожеланиям Петра, он поспособствует приобретению им «огнестрельных станков» и четы-

рех печатных руководств о фейерверках.³²⁶ Собственно и устроенная в честь московского царя «потешная морская баталия» в Портсмуте должна была надолго ему запомниться, так как сопровождалась необычайно ярким красочным салютом.³²⁷

Петр и далее будет сохранять тесные связи с Англией. В садоводческой части это найдет свое подтверждение при формировании общегородского петербургского Летнего и петергофских садов, которым неизменно уделялось самое пристальное внимание.³²⁸

Неоднократные распоряжения императора свидетельствуют, что основной массив заграничных саженцев поступал в Петербург из Голландии, для чего, собственно, и привлекался находившийся в Амстердаме российский резидент Х.И. Брандт.³²⁹ Впрочем, бывали случаи, когда их доставка осуществлялась и из Англии. Так случится, например, в 1717 г., когда царь поручит зарубежному своему «художественному агенту» Ю.И. Кологривову (1690-1754) и посланнику в Лондоне Ф.П. Веселовскому (1717-1720) непременно сыскать, приобрести и вскорости выслать в столицу целую партию деревьев, «именуемых по Галански Гжип».³³⁰ Их, вероятно, с самого начала планировалось высадить в общедоступном петербургском Летнем саду, где с 1715 г. приступил к работе обучавшийся до этого в Англии садовый подмастерье «из дворян» Илья Сурмин.³³¹ Существенно отличаясь профессиональной выучкой от своих коллег, он скоро стал привлекаться и к обучению учеников, прибывавших в основном из подмосковных царских вотчин – Коломенского и Измайлова.³³² Уже много позже, в 1742 г., Сурмин получит, наконец, долгожданное звание мастера с четырьмястами рублями годового жалования, что вполне соответствовало зарплате иностранных специалистов.³³³

Для незамедлительного продолжения работ в Летнем саду, в частности, связанных с устройством весьма разветвленной фонтанной системы, из Англии в 1718 г. будет выписан «машинный мастер» Д. Пейтлинг (John Pateling, ?- 1750). В соответствии с распоряжением Петра I он доставит и изобретенный в конце

XVII в. англичанами Т. Северном, Т. Ньюкоменом и Д. Коуменом паровой насос системы «Дезагюльера-Савари» («Desaguliers/Savary»), как раз предназначенный для накачки воды из р. Фонтанки.³³⁴ Видимо царь знал о его технических возможностях еще по Англии. Обращаясь же 31 июля 1718 г. к главе Канцелярии городских дел князю А.М. Черкасскому (1680-1742) относительно только что доставленной из Англии «паровой машины», он прямо с борта швартовавшегося у Ревеля корабля «Ингерманландия» делает следующее распоряжение: «Господин Черкасский. Присланную из Англии медную машину, которая гонит огнем воду, вели скорее собирать и сделай у фонтаны летнего дома по чертежу мастера (который с тою машиною прислан) печь, дабы я при возвращении своем увидел ее действие. Петр».³³⁵

Из текста следует, что Пейтлингу одновременно поручалось и сооружение печи. Видимо именно на него возлагалась и вся последующая эксплуатация всей этой весьма хитроумной водовзводной системы, тем более, что расход воды сильно превышал возможности привезенного насоса.³³⁶ Сам же английский мастер был, видимо, также причастен к устройству фонтанов и в других императорских парках, во всяком случае, известно, что в течение всех последующих тридцати лет он неизменно оставался на царской службе.

Обустройство Летнего сада с самого начала потребовало большого числа статуарной скульптуры. Причем наряду с основным ее итальянским экспортом в Россию доставлялись и единичные скульптурные произведения английских мастеров. Об этом свидетельствует современник, замечавший, что «сюда привезены морем из Венеции, Италии, Англии и Голландии масса мраморных статуй и колонн...»³³⁷

В специальной литературе, освещающей проблематику скульптурного убранства Летнего сада, вопрос об авторстве целого ряда скульптурных изображений до сих пор окончательно не решен.³³⁸ Поэтому вполне возможно предположить, что изначально сад украшался и произведениями английского скульптора Д. Носта (John Nost, 1660-е?-1729). Как известно, этот мастер при изготов-

лении статуарной парковой скульптуры довольствовался мрамором и свинцовыми отливками. Впрочем, идентифицировать его творческий почерк достаточно сложно, ибо многие его работы носят откровенно подражательный характер и потому их легко можно принять за произведения итальянской художественной школы. Так, например, созданный в 1699-1705 гг. регулярный парк в поместье Мельбурн-Холл (Melbourne Hall, Derbyshire) украшался исполненной тем же Ностом статуей Меркурия, в действительности являвшейся лишь искусно исполненной копией известной скульптуры Дж. Болоньи.³³⁹

Формирование обширного императорского комплекса в Петергофе, с 1714 г. ставшей главной загородной резиденцией Петра I, повлекло за собой и создание уникального по своему художественному замыслу каскадного фонтана. В свою очередь это потребовало изготовления многочисленной декоративной скульптуры, как и в «корабельной скульптуре» тематически связанной с водной стихией, «духом живого моря». Отсутствие собственной производственной базы не позволяло в сжатые сроки (и с должным качеством) исполнить столь значительное число свинцовых «литых фигур», вполне соответствующих высочайше утвержденным проектным рисункам придворных архитекторов Ж.-Б. Леблона и И.Ф. Браунштейна.³⁴⁰ Для скорейшего решения дела, с самого начала добиваясь высококачественного исполнения этого весьма ответственного царского заказа, Канцелярия городских дел 15 февраля 1720 г. вынуждена была провести специальные торги. В результате самими подходящими сочли условия английского купца, в документах значившегося не иначе, как «Гиль Томасов сын Эвенс».³⁴¹ Он обязался отлить скульптуру у себя на родине и своими силами из собственного же материала доставить в Петербург «сполна без всякой фальшивой оговорки» тем летом или же в начале следующего года. Однако при всякого рода непредвиденных в этой связи затруднениях договор не исключал возможности «тех фигур принять у города Архангельска, а ежели тем фигурам на море учинится какая погибель или от неприятеля какие остановки, того с него не взыскивать».³⁴² Приложенный к подписанному договору «Мемориал о

свинцовых фигурах, которые надлежит к петергофскому гроту» однозначно подтверждает, что с самого начала речь шла об изготовлении достаточно крупной партии самой различной фонтанной скульптуры. И соответственно приложенные к контракту проектные рисунки содержали исходные размеры в натуральную величину с указанием их конкретного места в общей композиции. Таким образом, к незамедлительному изготовлению в Англии были предназначены: «восемнадцать пилястр с маскаронами, которые будут при стенке», две «лежачие фигуры, из-под которых вода лиется», «две жабы, которые водою блиют», сто двадцать шесть кронштейнов «двух манеров», шесть тритонов, девять дельфинов, два фонтанных маскарона и раковины к ним, девяносто метров профилированных рамок и, наконец, более трехсот метров свинцовых лент в виде сосулук. Их последующая позолота договором не предусматривалась и должна была осуществляться при монтаже уже на месте. Впрочем, задержка с выплатой аванса привела к тому, что английский купец был вынужден приостановить уже начавшуюся отливку. Она будет возобновлена в начале 1721 г. вслед за устранением всех финансовых проблем.³⁴³

Однако при окончательном уточнении скульптурной отделки Большого каскада вскоре выяснится необходимость в изготовлении еще одной партии. Именно поэтому 11 марта 1721 г., теперь уже другому английскому купцу - В. Эльмзелю (William Elmsall), по списку, составленному тем же Браунштейном, было приказано исполнить там же в Англии восемнадцать барельефов в соответствии с прилагавшимися образцами К. Оснера, одобренных самим Петром. Изготовлению подлежали еще шесть фигур сирен и наяд - «получеловека и полурыбы».³⁴⁴ В приложенном документе на этот счет специально разъяснялось: «В прошлом 721 году марта 11 дня по е.и.в. указу за подписанием оберкамисара У.А. Синявина велено по поданной в канцелярию городовых дел архитекта Браунштейна ведомости и по сказке: в Питергоф к гроту свинцовых басерлив, как больших, так и средних и малых по половине ж, которые ему вылить за морем из его свинцу и других припасов, ценою за каждый басерлив по

75 руб. А каковы оные басерливы мерою, о том у него взять известие... А поставить из-за моря на кораблях в июле месяце 721 году. А буде тех берселивов на оный срок не поставит или поставит да не против образцов и за то доправить на них да и на порутчиках их данья им деньги да штраф по указу».³⁴⁵

В августе и сентябре 1721 г. обе эти партии, изготовлявшиеся, очевидно, в одной мастерской, были доставлены из Англии непосредственно в Петергоф. И только спустя полгода, 21 января 1722 г., они были приняты петергофским комиссаром С. Павловым.³⁴⁶ Абсолютно вся привезенная скульптура тщательно сличалась с проектными рисунками и сверялась с проставленными на них размерами.³⁴⁷ Не соответствовали проектному замыслу лишь маскароны, которые были выполнены немасштабно. На этот счет последовало специальное распоряжение Петра I от 12 января 1724 г., где настоятельно предписывалось «перемнить и зделать больше».³⁴⁸

Видимо уже к середине XVIII столетия основной массив этой уникальной декоративной скульптуры, отлитой опытными английскими мастерами «свинцовых фонтанных дел», был безвозвратно утрачен вследствие неизменно происходившей их замене на аналогичные или даже другие изображения.³⁴⁹ В самой Англии, обладавшей крупными месторождениями свинцовых руд, на всем протяжении предшествующего столетия свинец получил самое широкое распространение в декоративной скульптуре, главным образом в регулярных парках, в том числе и террасного типа, нередко украшавшимися весьма хитроумными каскадными фонтанами. На рубеже веков ведущие позиции в столь популярном свинцовом их убранстве занимал все тот же Ност, наладивший вместе с сыном собственное крупное производство.³⁵⁰ Поэтому вполне допустимо предположить, что этот петергофский императорский заказ мог быть исполнен именно в их скульптурной мастерской.

Проживший в России полтора десятилетия шотландский доктор Д. Кук (John Cook) вскоре по приезде в Петербург посетит в 1735 г. и близлежащий Петергоф. Он, видимо, первым из британцев оставит описание этого сразу по-

ражавшего воображение современников уникального каскадного фонтана, полностью украшенного доставленной из Англии «свинцовой скульптурой»:

«Сад с северной стороны находится между дворцом и Финским заливом, охватывает много акров земли и имеет многочисленные увеселительные дома, каскады, струи и водяные затеи. Большой каскад шириной 30-40 футов идет от основания дворца и, выйдя на поверхность, по большим ступеням из тесаного камня футов 20-30 падает вниз по склону. Затем вода перелетает через вход в большой грот, падая отвесно футов 16-18 на тесаные камни и, наконец, исчезает в очень большом круглом бассейне диаметром не меньше сорока футов и всегда полном воды, но никогда не переливающейся через край. Из середины бассейна бьет вверх на большую высоту сверкающая струя или столб воды; мне сказали, что она больше знаменитой струи во Франции. Из воды к моему великому и приятному удивлению, появились собака и три утки, сделанные из меди или железа и на вид совсем как живые. Утки, крякая, бьют по воде крыльями, а собака с лаем их преследует. В подземелье есть чудесные куранты из хрустальных колоколов, играющих под воздействием воды.

Грот, о котором я говорил, спереди огражден каскадом и имеет два входа, по одному с каждой стороны. Входы охраняются статуями, которые, когда вы внутри, не дают выйти, пока смотритель, повернув ручку, не положит этому конец. Эти статуи извергают столько воды, изрыгая ее и стреляя ею из каменных пистолетов и пушек, что, как сказал смотритель, могут сбить с ног любого человека. Дно выстлано гравием, в котором проложено очень много маленьких трубок, незаметных для беспечного новичка. Смотритель поставил нас в известные ему ниши, откуда мы могли

все видеть, и ни одна капля воды нас не коснулась. Потом он повернул ручку, отчего из этих трубок с большой силой забила вода, так что вертикальные струи почти достигли свода. Свод и стена были целиком выложены скальной породой и разными мхами.

Описание различных увеселительных домов и растений в этом прекрасном саду заняло бы слишком много времени...»³⁵¹

Также в 1730-е гг. будет восторгаться петергофскими садами и англичанка Э. Джастис (Elizabeth Jastice):

«Этот город, по мнению некоторых людей, своими фонтанами превосходит Версаль, особенно, по мнению тех, кто осматривал и то, и другое. Что же до меня, то поскольку я видела только фонтаны Петергофа, могу лишь сказать: они настолько прекрасны, что описание их свыше моих сил. (...) Там есть много красивых статуй и много деревьев, их подстриженным кронам приданы различные формы».³⁵²

И даже в пору наибольшего распространения пейзажного садоводства это самое любимое садовое детище Петра I безоговорочно признавалось искушенными англичанами выдающимся произведением искусства. Так, Н. Рэксоль (Nataniel Wraxall), посетивший Петергоф 27 мая 1774 г., отметит: «...до появления ее величества я имел случай посмотреть сады. Они очень обширны, тянутся по берегу Финского залива и омываются его водами. Прямо перед ним (дворцом) идет канал длиною в несколько сот ярдов, впадающий в залив и снабжающий три фонтана, которые бьют ежедневно, а не так как в Версале, только во время больших праздников».³⁵³

Да и много позже этот парк неизменно будет привлекать к себе внимание англичан. Так, в помеченном 6 августа 1803 г. письме к сестре М. Вильмот

(Marthe Wilmot) сообщит:

«После этой церемонии мы продолжили наше путешествие по очень красивой местности, совершенно в английском духе, и, наконец, приехали в Петергоф. Это прелестное местечко с великолепным дворцом и парком. Не теряя времени, мы отправились в парк, который меня просто очаровал. Вообще то описания в лучшем случае дают лишь приблизительное представление, к тому же у меня нет дара воображения. Но все же мысленно нарисуй строго распланированные рощи, газоны, садовые дорожки, длинные аллеи, изумительные рустики, затем представь скульптуры, великолепные фонтаны, красоту которых даже трудно вообразить (...) по праздникам парк открыт для всех чинов и званий».³⁵⁴

А побывавший в Петергофе в начале 1850-х гг. С. Хилл (S.S. Hill) даже подчеркнет: «Положение этих садов показалось нам заслуживающим такого же интереса, как и сады Версаля».³⁵⁵

Отдельную статью английского художественного экспорта в Россию составляли устричные раковины, широко применявшиеся в интерьерной отделке самых различных садовых павильонов, включая гrotты и трельяжи – этих неременных атрибутов практически каждого императорского парка. Так, 28 февраля 1713 г., непосредственно обращаясь к полномочному министру в Англии князю Б.И. Куракину (1676-1727), Петр предписывал незамедлительно отправить в Петербург мастеров каменных дел, а также разные камни и раковины для украшения гrotтов.³⁵⁶ И в уведомлении от 17 августа 1715 г., адресованному находившемуся в Амстердаме Х.И. Брандту, он поручит приобрести для украшения гrotтов еще одну партию раковин. Ее следовало сразу же отгрузить на корабль капитана Н.А. Сенявина, как раз возвращавшегося в российскую столицу из Англии.³⁵⁷ Очередную их доставку осуществит тот же Спильман.³⁵⁸ А в

1723 г. английские купцы Эльмзель и Эвенс завезут для Петергофа и Стрельны около двух миллионов штук устричных раковин, общим весом около 7659 пудов.³⁵⁹ Та же Джастис сообщит и о так поразившем ее убранстве петергофских гротов, в отделке которых, видимо, и были использованы именно эти раковины: «Наиболее же любопытными я сочла гроты в саду, высокие и различной формы, украшенные устричными раковинами. Я должна признать их необычными и прекрасными».³⁶⁰

Впрочем, Петр I не ограничивался одним только обустройством императорских резиденций, но изначально ставил себе задачу исключительно комплексного освоения столичного региона. А потому он решительно настаивал на заведении частных имений с непременно в них устройством садово-парковых композиций, отвечающих новейшим художественным вкусам.

Среди обширного круга именитых и прочих состоятельных владельцев петровского времени, отдельную группу составляли именно те британцы, кто профессиональной своей деятельностью был непосредственно связан с Россией. Само закрепление британской общины на новом для себя месте обусловило привнесение на русскую почву национальных традиций садоводства. Следует полагать, что с самого начала все эти усадьбы, вне зависимости от своей величины, украшались преимущественно регулярными композициями, так или иначе отображавшими вкусы и предпочтения, господствовавшие в самой Англии.

Основной состав проживавших в России британцев был представлен мастерами самых различных специальностей, неизменно прибывавшими на царскую службу в соответствии с выгодными условиями найма. Так, 12 мая, спустя только две недели после отъезда царя из Англии, в Нарву отправятся двадцать два специалиста. На следующий день в том же направлении двинется еще одна группа в двадцать человек.³⁶¹ С согласия короля и при содействии Кармартена ему удалось нанять в «аглинской земле» в общей сложности не менее восьмидесяти-девяти мастеров, включая «корабельных», «шлюзных» и «огнестрельных» дел.³⁶²

Оказавшийся в Петербурге в 1719 г. королевский посланник Д. Джеффрис (James Jefferyes) следующим образом характеризует личное к нему отношение Петра: «Царь льстит этим людям и обхаживает их, как только может, им платят высокое жалование и в срок. Они обедают с ним запросто, сидят за его столом на самых торжественных ассамблеях, и он почти никуда не ходит и не развлекается без того, чтобы кто-то из них его не сопровождал».³⁶³

Британцы в основном предпочитали селиться в новой столице, причем число их заметно возрастет после 1723 г., когда Петр I обяжет и английское купечество обустроиваться непременно здесь.³⁶⁴ Впрочем о том, где конкретно находились их усадьбы, имеются лишь краткие упоминания. Так, две из них, располагавшиеся на берегах Невы (западнее столичного Адмиралтейства), принадлежали видным английским кораблестроителям - О. Наю (Joseph Nye) и Р. Козенсу (Richard Cozens, 1674-1735).³⁶⁵ Поступивший на русскую службу в 1700 г. Козенс обзаведется собственным владением в 1711-1712 гг. вслед за тем, как из Воронежа и Таврова его переведут на столичные верфи.³⁶⁶ Не менее ценившийся Петром за профессиональные свои качества и широчайшую эрудицию английский военный инженер Э. Лейн (Edward Laine), долгое время возглавлявший работы по сооружению Кронштадтской гавани, устроит свою усадьбу неподалеку от Кронштадта, в юго-восточной оконечности о. Котлин, вероятно, также в 1710-е гг.³⁶⁷

Впрочем, самой престижной, по мысли Петра, должна была стать создававшаяся по образцу Лондона и Парижа пригородная сеть имений вдоль прокладываемой близ Финского залива Петергофской дороги.³⁶⁸ В соответствии с высочайшим указом сама разбивка на участки начнется уже в августе 1710 г., сам же их отвод осуществят в декабре.³⁶⁹ Столь четко сформулированные императором задачи, связанные с комплексным обустройством этой обширной прибрежной местности, будут в целом решены к началу 1730-х гг.

Одна из заведенных здесь усадеб принадлежала английскому корабельному мастеру Р. Рамзу (Richard Ramz, ? - 1740).³⁷⁰ Другой (Габшель), находившейся

на месте великокняжеского имения Михайловка, владел выпускник Оксфордского университета, президент Аптекарского приказа с 1706 г. и лейб-медик царя шотландец Р. Арескин (Robert Erskine, 1677-1718). Большой эрудит по части садоводства, он обладал обширной библиотекой, куда входили книги и по устройству садов. Именно Арескин являлся инициатором доставки из-за границы, в том числе с Британских островов, крупных партий лечебных растений, что и позволило завести в 1713-1714 гг. на столичном Аптекарском острове под его же руководством первый и сразу крупный Аптекарский огород.³⁷¹ Еще одна полностью обустроенная здесь усадьба в 1732 г. принадлежала «натурализованному англичанину» Я.С. Вульффу (Jacob Wulf, 1698-1759) – известному банкиру и английскому генеральному консулу.³⁷²

В относящейся к 29 июня 1735 г. заметке тот же Кук подтверждал интенсивно происходившее освоение этих прилегавших к Петергофской дороге земель: «Пробыв в Кронштадте три дня, я в длинной лодке отправился в С. Петербург... (...) Местность по обеим сторонам возвышенная, покрытая, как мы полагали, очень высокими деревьями, главным образом елью, и красиво смотрелась с воды. Но там много расчищенной земли, хотя мы могли видеть лишь небольшие ее участки».³⁷³ И хотя автор не упомянет при этом находившихся здесь частных владений, их численность в то время уже измерялась несколькими десятками.

С Петергофской дорогой следует связывать и становление отечественного пейзажного садоводства, чему немало способствовали живописные природные особенности этого сильно растянувшегося столичного пригорода.

Одно из находившихся здесь владений принадлежало английскому резиденту К. Рондо (Claudius Rondeau) и в целом было обустроено к началу 1730-х гг.³⁷⁴ Именно благодаря стараниям его супруги - леди Рондо (1699-1783), весьма отчетливо представлявшей себе специфику пейзажного стиля, здесь была создана фактически первая в России пейзажная композиция. Это следует из ее же собственного письма, адресованного одной из своих английских приятельниц:

«У меня теперь есть небольшой дом за городом... Дом стоит на возвышенности, травянистый склон которой ведет на прекрасный луг, кончающийся у моря. Позади на много миль тянется березовый и еловый лес. Вокруг нет ничего обустроенного или возделанного, ибо ненадежность погоды в здешнем крае сделала бы расходы на это смешными, и насколько дом выглядит сельским снаружи, настолько он прост внутри... наши коровы, овцы и домашняя птица пасутся вокруг: они настолько ручные, что подходят к самым окнам...»³⁷⁵

С.Б. Горбатенко по этому поводу очень верно заметит: «Этот новый взгляд на красоту природного ландшафта – взгляд просвещенной англичанки, у которой на родине происходило развитие ландшафтного садоводства».³⁷⁶

Со своей стороны добавим: это состоявшееся вслед за завершением петровской эпохи привнесение идей пейзажного садоводства на русскую почву, причем самими же англичанами, само по себе весьма знаменательно. Оно прямо указывает на становление в России принципиально новых художественных воззрений.

**ОБРАЗЫ И ОБРАЗЦЫ
РОССИЙСКОГО «АГЛИНСКОГО САДА»**

1. Природа и сельская жизнь в английской и русской поэзии. 2. Роль специализированных изданий по заведению и обустройству парков: английская основа и ее русская интерпретация.

1. Природа и сельская жизнь в английской и русской поэзии

На становление и последующее развитие пейзажного стиля большое воздействие оказала литература, в частности, поэзия. Именно в поэтических образах наиболее ярко отобразилось принципиально новое восприятие природного мира, где каждый его составной элемент наделялся самоценной художественной значимостью. Д.С. Лихачев в этой связи подчеркнет, что «пейзажный парк в собственном смысле этого слова появился в литературе раньше, чем в натуре»; «естественный» садовый пейзаж, прообраз всех садов – рая описан еще в четвертой книге «Потерянного рая» Мильтона: серпантинные линии, натурально текущие ручьи, естественные озера, холмы и долины, свободный рост деревьев, свет и тень, открытые луга, контрастные виды».¹

Не менее важной заслугой поэзии станет конструирование на лоне природы идеализированной счастливой жизни, существенно расширявшее и углублявшее образно-художественную палитру пейзажного парка. Основополагающую роль в этом процессе сыграет английская поэзия в лице наиболее ярких своих представителей, приобретших в России своих почитателей, переводчиков и последователей.² Оказав сильнейшее воздействие на отечественную литературу в период становления и развития отечественного ландшафтного садоводства, она своими яркими поэтическими образами всячески способствовала углублению

содержательной сущности пейзажного парка. Английская поэзия смыкалась с английской философией и эстетикой, изысканным слогом закрепляя в сознании современников особое уважение к «естественной природе», «гению места», непреходящую художественную ценность первозданного ландшафта.³

Исследователи английской поэзии в рамках самостоятельного жанра выделяют стихотворения или целые поэмы, связанные с загородной жизнью («country-house poem»). Обыкновенно в них отображалось и само имение, и повседневный образ жизни его домочадцев.⁴ Появление такого рода произведений в самой Англии прослеживается фактически с начала XVII в. Уже тогда в них воспевалось сельское уединение и радостные события, связанные, например, с заведением собственного сада.⁵ Эта тема «своего родного северного пейзажа» в самостоятельный поэтический жанр выделится уже во 2-й половине XVII в. Речь в данном случае идет об «описательских» произведениях, призванных «заразить читателя любовью к пейзажу определенной местности; Уолкер, Денгам, Кауслей пытались это сделать еще до того, как Поп написал в 1712 г. свой «Виндзорский парк». Как ни слабо сказалось здесь чувство природы, все же это свидетельствовало, что в это время учились наблюдать характерные черты определенного пейзажа. Гигантский шаг вперед сделал после этих опытов Томсон в своих «Временах года». Восторг, с которым были приняты эти стихи, показывает, что шотландец Томсон не был единственным, кто, гуляя, наслаждался красотой природы. Особенно остро он воспринимал ее северный характер, и характерно, конечно, что он начинает с зимы, которая может лишь на севере развернуться во всей своей красоте и силе. (...) Когда стерлась грань, отделявшая сад от природы, тогда стало особенно ясным противоречие между затейливостью внутри и пейзажем извне, где виднелись обрамленные кустами лужайки, по которым, как змейка, бежали ручьи и реки, группы живописных деревьев – все то, что охватывали радостный взгляд и любящее сердце».⁶

В русской поэзии допетровского времени тема загородной усадебной жизни попросту отсутствовала, само же ее становление пришлось на 1-й половину

XVIII в., когда весьма активно происходило освоение всего жанрового многообразия западноевропейской литературы.⁷ Так постепенно, вслед за еще громоздкими панегирическими произведениями, прославляющими исключительно загородные царские резиденции, стали появляться стихотворения и поэмы, отображающие уединенную жизнь на лоне природы. Число их существенно возрастет уже после 1736 г., когда срок службы русского дворянина ограничат двадцатью пятью годами. И, следовательно, выйдя в отставку в добром еще здравии, он мог поселиться в собственном имении, заняться его обустройством и вполне довольствоваться привольной жизнью. Впрочем, решающим аргументом в ее пользу станет подписанный 16 февраля 1762 г. указ Петра III о «дворянской вольности».⁸

Пожалуй, ранее всего влияние английской поэзии можно ощутить в поэтическом творчестве А.Д. Кантемира (1709-1744), прослужившего в Лондоне в качестве российского дипломатического представителя шесть лет (1732-1738). В обширном его библиотечном собрании имелся целый ряд получивших заслуженное признание английских произведений. Здесь мы находим содержащую размышления об идеальном саде «Утопию» Т. Мора, поэмы и трактаты Мильтона, трактаты Гоббса и Локка, а из современных - сочинения Конгрива, Попа и Свифта. Причем как подчеркивает М.П. Алексеев, Кантемир «сохранял к ним интерес до конца своей жизни».⁹ В стихотворении «О жизни спокойной» (кон. 1720-х) он одним из первых в русской поэзии тонко передал неподдельное очарование одного из обыденных летних дней, проведенных им в принадлежащей отцу подмосковной усадьбе Черная Грязь (Царицыно). Избранная поэтическая форма, ведущая свое происхождение от произведений Горация, несомненно, сближает его с такими видными английскими «горацианцами» XVII столетия, как Бен Джонсон, Джон Бомонт, Томас Рэндольф, Томас Лодж, Абрахам Каули, Томас Флетчер и Джон Драйден».¹⁰

«(...) Когда заря румяна приступит к востоку

И прогонит всю с неба темноту глубоко,
За ней лучи златые солнца воссияют... (...)
Смотрю ль густы леса, верхи их зелены –
Разность несказанну древ и всякой перемены
Исполнила природа обильною рукою,
Дивлюся и говорю тогда сам с собою:
«О, как вся тварь красна есть повсюду доброта! (...)
И чем место здешнее отсюда красится.
Малы пригорки зрятя, а при них долины;
Различных трав множество, благовонны крины
Там с прочии цветами растут под ногами.
Страна в дали покрыта темными лесами;
Другая вся отверзта, где стада пасутся
И по лугам зеленым источники выются. (...)»¹¹

Та же образная линия любования на первый взгляд совсем неприметными явлениями природного мира явственно проступает и в стихотворении «О беспорочности и приятности деревенской жизни» (1757), принадлежащем переводчику и профессору Академии наук В.К. Тредьяковскому (1703-1752). Обучаясь в Сорбонне (1727-1730), он был знаком с английскими поэтами предшествующей поры главным образом по французским переводам. Показательно, что еще в середине 1720-х гг. Тредьяковский переведет на русский целый ряд фрагментов из весьма популярного английского журнала «Зритель» («Spectator»), неустанно знакомявшего читателя с новейшими эстетическими идеями, сохранявшими свою актуальность и для садово-паркового искусства.¹² В собственном произведении автор вплотную подводит читателя к осмыслению повседневных радостей деревенской жизни:

«(...) Быстрые текут между тем речки,

Сладко птички по лесам поют;
Трубят звонко пастухи в рожечки;
С гор ключи струи гремящу льют. (...)»¹³

В поэтическом творчестве младшего его современника М.М. Хераскова (1733-1803) также чувствуется влияние од Гомера и видных английских его почитателей и последователей. Так, в опубликованном в 1769 г. стихотворении «Тишина» об идиллической жизни на лоне природы он напишет:

«(...) Когда на рощи, на долины,
На чистые поля смотрю,
Приятнее моей судьбины
В просторном мире я не зрю.
Здесь птички по кустам порхают,
Там в рощах соловьи поют
Стада на пастве отдыхают,
При них венки пастушки вьют (...)»¹⁴

На качественно ином уровне восприятие и осмысление природного мира в русской поэзии явственно обозначится в 1770-е гг. Одновременно, «в более или менее широких масштабах», проявит себя и необычайно стойкий интерес к английской поэзии, насквозь пронизанной возвышенными образами вечной и «благой» природы.¹⁵ Английская поэзия окажет мощное воздействие на становление идейно-образного мира сентиментализма с его прославлением естественной жизни на лоне природы и, соответственно, «акцентом на ценности частной жизни». Причем наряду с вступившим в силу в 1762 г. «Манифестом о вольности дворянства» Петра III, тому немало будет способствовать и подписанная в 1785 г. Екатериной II «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».¹⁶

Одной из наиболее значимых поэтических фигур в России долгое время оставался Д. Мильтон (John Milton, 1608-1667), создатель таких знаменитых эпических поэм, как «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671). Показательно, что первый полный перевод «Потерянного рая», так, впрочем, и оставшийся неизданным, но, благодаря спискам получивший известность, будет осуществлен бароном А.Г. Строгановым (1699-1754) с современного французского издания уже в 1745 г.¹⁷ А спустя семнадцать лет, в 1763 г., еще задолго до первого своего отъезда в Англию, княгиня Е.Р. Дашкова поместит в журнале «Невинное упражнение» примечательную во многих отношениях собственную статью «Некоторые примечания из Опыта о эпическом стихотворстве». Признавая огромную значимость поэтических новшеств Мильтона для всего последующего развития отечественной литературы в целом и поэзии в частности, она подчеркнет: «Его потерянный рай есть единственная песнь, в которой видно совершенное по удовольствию разума согласие и перемены, увеселяющие воображение... (...) Мильтоновы описания живостию своею приводят читателя в восторг».¹⁸

Таким образом, уже в самом начале екатерининского правления внимание отечественного читателя будет обращено к принципиально новым поэтическим формам осмысления природы. Показательно, что увлечение поэзией Мильтона Дашкова пронесет через всю свою жизнь. Роскошно изданные его сочинения хранились в библиотеке московского дома княгини на Никитской, о чем становится известно из письма англичанки М. Вильмот к своему отцу, отправленном из Москвы 13 декабря 1806 г.: «Она подарила мне три огромных тома произведений Мильтона, в красном сафьяне, с прелестными гравюрами, а какой там шрифт!»¹⁹

Первый опубликованный в 1777 г. в Петербурге прозаический перевод трех первых книг «Потерянного рая» осуществит незадолго до этого возвратившийся из Англии «карманный стихотворец» и личный чтец императрицы В.П. Петров (1736-1799).²⁰ Сын поэта Я.В. Петров вспоминал в этой связи: «Здесь, скоро

обучась английскому языку, он перевел Мильтона: Потерянный рай... Из Англии отправился он в 1774 году с Дюшессою Кингскою во Францию, откуда вскоре возвратился чрез Италию и Германию в отечество...»²¹ Упомянет он и о повседневной жизни отца в орловском своем имении Троицком, куда тот удалится в 1780 г., уйдя по болезни в отставку, но сохранив при этом жалованье в виде пансиона: «Отдохновением от ученых занятий жертвовал он сельскому хозяйству, в усовершенствовании которого он во многом следовал англичанам, выписывал их земледельческие орудия и некоторых крестьянских детей обучал грамоте».²²

Среди менее известных «переводчиков с Мильтона» следует назвать учителя «риторики и пиитики» И. Грешищева и архиепископа Екатеринославского Амвросия (Серебрянникова). Их переводы с французского будут опубликованы соответственно в 1778 и 1780 гг. Впрочем, и позднее они неоднократно переиздавались, устойчиво сохраняя свою популярность вплоть до конца столетия.²³ В рамках создания художественно значимых переводов, помимо оригинальных произведений У. Шекспира, А. Попа и прочих авторов, с мильтонскими стихами в 1784-1809 гг. будет знакомить продвинутых студентов и преподаватель Московского университета англичанин Д. Бейли (John Bailey).²⁴ Судя по тексту, да и общему духу стихотворения «Похвала сельской жизни» (1811), образной линии английского поэта неотступно следовал и М. Милонов:

«(...) На мягкой зелени, кропимой ручейком,
Внимает ли его приятному теченью,
Согбенный думою или объятый сном;
Летающий Зефир в него прохладой дует,
На ветви голубок уединясь воркует,
И сам поет вблизи пернатых царь певцов,
В мраке притаясь чуть движимых листов. (...)»²⁵

Большим ценителем поэтического творчества Мильтона неизменно оставался В.А. Жуковский, в библиотечном собрании которого имелись его английские, французские и немецкие издания. Переведший в общей сложности девятнадцать стихов из «Потерянного рая», он впоследствии напишет: «Какое богатство новых описаний, сравнений, картин и мыслей в Клопштоке и Мильтоне!»²⁶ Показательно, что наряду с сохраняющейся популярностью идей пейзажного садоводства интерес к поэзии Мильтона будет устойчиво сохраняться и далее, о чем наглядно свидетельствует изданное в 1831 г. популярным переводчиком М.П. Вронченко «Начало первой пестни Мильтоновой поэмы».²⁷

Из поэтического наследия Д. Томсона (James Thomson, 1700-1748) наибольшее внимание русского читателя будет проявлено к «Временам года» («Seasons», 1726-1730).²⁸ И в этом, как представляется, кроется определенная закономерность. Действительно, впервые в новейшей европейской поэзии чисто созерцательными образами был передан процесс бесконечного преобразования природы. Утверждая первородное ее главенство над отдельной личностью и человечеством в целом, автор строит свои пейзажи «по принципу типизации и обобщения, стараясь избежать при этом «местного колорита» или субъективной оценки ландшафта». Он «превращает пейзаж в основной объект поэзии», а жизнь на фоне природы признает совершенной, ибо это и есть нравственное и спокойное «естественное бытие».²⁹

Интерес к «Временам года» в России был поистине огромен. Только с 1781 по 1812 гг. в отечественной периодической печати, полностью или чаще всего во фрагментах, было опубликовано тридцать четыре перевода, включая прозаические.³⁰ Художественное воздействие произведения было столь велико, что появлявшиеся с должным постоянством его переводы сразу становились настольной книгой и неотъемлемым атрибутом повседневной усадебной жизни, дополняя и насыщая ее необычайно яркими поэтическими образами. Вот лишь несколько на этот счет красноречивых свидетельств. Так, в посвященном В.П. Петрову стихотворении «Успех британской музыки» М.Н. Муравьев заметит:

«Что есть прекраснее Томсоновых картин, где видим рай весны или стихий раздоры».³¹ Воскрешая в памяти наиболее яркие моменты собственной жизни, крепостной писатель Н. Смирнов напишет: «Вспоминаю как утомленные хоть-бою, лежали мы (...) в благовонной тени цветущего черемушника и гороховника и, читая Томсона и Геснера, не примечали, как тихая летняя ночь, подкравшись, заставляла на глазах наших слезы». Да и в произведении «Сельское препровождение времени. Матвеевское. Вечер» (1801) П.Ю. Львов (1770-1825), подчеркнет: «В семь часов я оставляю кисть или перо и взяв с собою Теокрита, Геснера или Томсона, восхожу из дому моего вкусить приятность вечера».³² В.Л. Пушкин (1766-1830), побывавший, кстати, в Англии в 1803 г., передаст совершенно удивительную по своим мироощущениям атмосферу повседневной усадебной жизни в стихотворении «Суйда» (1797), где встречаем такие строки:

«(...) Тут в Английском саду, под липою густою,
Готов нам будет чай – и Хлое разливать (...)
Оттуда мы пойдем резвиться на лужок, (...)
Поутру ж время с кем я буду провождать?
С Гиршфельдом и Руссо, с Боннетом и Томсоном; (...)»³³

Неизвестный автор, происходящий из сельца Кардинского и скрывающийся за инициалами «А.Т.», в стихотворении «Весна» (1799) выразит наполненную нескончаемую негою жизнь своего героя, променявшего светскую суету на прелести естественного бытия:

«(...) Беспечно нежась, отдыхает,
С восторгом Томсона читает,
С Невтоном к небесам парит...»³⁴

Его современник, издатель и поэт П.И. Шаликов (1767-1852) в собственном

произведении «Деревня» (1798) подчеркнет: «У меня есть моя беседка, где сижу я с Томсоном, с Гиршфельдом, с Циммерманом и куда приглашаю иногда муз и граций». ³⁵ Много позже имя Томсона он упомянет снова и в «Послании к ***» (1816), где имеются следующие строки:

«(...) Там взоры наши вновь окинут
Небесной дочери изящну красоту,
И порознь каждую разительну черту
Сияющей весны с Пуссеном разбирая,
Чудесны прелести найдем,
И дух наш сердцем возвышая,
С Томсоном гимны в честь богини воспоем; (...)» ³⁶

Показательно, что в одном из ранних своих произведениях «День мой» (1796), Шаликов невольно подчеркнет и ту поистине безграничную ценность природного многоголосья, акцентируя тем самым внимание российских устроителей «аглинских садов» и на этом чрезвычайно важном образном аспекте:

«(...) Птичек хоры громогласны
Слышу в рощах и лугах,
Горлиц въздыханья страстны,
И жужжанье пчел в цветах. (...)» ³⁷

Сильное воздействие произведения Томсона ощутимо и в поэтическом творчестве А.И. Иванчикова. В 1795 г. тот издаст отдельной книжкой собственные «Четыре времени года». Вот как он опишет все еще малозначащую для большинства горожан завораживающую картину весеннего рассвета: «Поля покрывались благоуханными злаками, вертограды исполнились плодоносными древами, розами и лилеями, леса оделись лиственным, кедры и дубы возвышали

величественно вершины свои, и вьющийся около их Зефир колебал тихо зыби воздуха, их окружающего, и приятный шум листвий соединялся с журчанием водных источников; собор разнородных пернатых исполнял воздух нежными гласами. (...) А градский житель порывался оставить навсегда градскую жизнь и оставил бы оную, естли б гордыня не приложила мечты к мечтам его и, не удержав в цепях злата ног и сердца его, не отторгнула его от продолжительных удовольствий, коих не возмог обрести в трудах сельских жителей под кровом простых их хижин».³⁸ В первой песни поэмы «Майское утро» ему вторит выпускник Московского университета Д.И. Дмитриевский (1758-1848). Собственный полный перевод «Времен года» он опубликует в 1798 г. в действительности первым. Да и позже, ввиду устойчиво сохраняющейся большой их популярности, он будет переиздан дважды - в 1803 и 1817 гг.:

«(...) Уж жаворонков глас, гремящий в поднебесной
Всех движит дремлющих певцов в тени древесной,
Я слышу тонкий свист средь рощей и лесов –
Какое странное смешенье голосов! (...)»³⁹

В его же стихотворении «Весна» находим такое поражающее воображение современников строки: «Тогда вылетают освежающие ветерки и тихое благорасстворение воздуха, разрешая землю, разливается повсюду беспредельно. Нетерпеливый сельский житель с радостным восторгом смотрит на оживленную Nature...»

На рубеже XVIII-XIX вв. явное следование образной линии поэмы Томсона проявится также в творчестве И. Майкова (1792), Д.И. Вельяшева-Волынцева (1796), И.И. Дмитриева (1797), А. Лубкина (1805).⁴⁰ Так, в «Послании к Н.М. Карамзину» Дмитриев (1760-1837) напишет:

«(...) Люблю и озера спокойный, гладкий вид,

Когда его стекло вечерний луч златит.
А временем идя – куда и сам не зная –
Чрез холмы, чрез леса, не видя сеням края
Под сводом зелени, вдруг на свет я выхожу:
Открытые поля под золотою нивой! (...)»⁴¹

В контексте становления и развития идей пейзажного стиля в России решающее значение для усвоения томсоновского взгляда на природу имело поэтическое творчество Н.М. Карамзина (1766-1826), весьма отчетливо представлявшего себе специфику пейзажного садоводства. Оказавшись в Англии и детально ознакомившись с самыми различными сторонами общественной и культурной ее жизни непосредственно на месте, он следующим образом определит роль и значение англичан, да и самого Томсона, для развития новейшей европейской поэзии: «Литература Англичан, подобно их характеру, имеет много особенности, и в разных частях превосходна. Здесь отечество живописной Поэзии: Французы и Немцы переняли сей род у Англичан, которые умеют замечать самые мелкие черты в Природе. По сие время ничто еще не может сравниться с Томсоновыми Временами года; их можно назвать зеркалом Натуры. (...) ...Томсона сравню с каким-нибудь Швейцарским или Шотландским охотником, который, с ружьем в руке, всю жизнь бродит по лесам и дебрям, отдыхает иногда на холме или на скале, смотрит вокруг себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнет в его душу, то изображает карандашом на бумаге. Сен-Ламбер кажется приятным гостем Натуры, а Томсон ее родным и домашним. В Английских поэтах есть еще какое-то простодушие, не совсем древнее, но сходное с Гомеровским; есть меланхолия, которая изливается более из сердца, нежели из воображения; есть какая-то странная, но приятная мечтательность, которая, подобно Английскому саду, представляет вам тысячу неожиданных вещей».⁴² Показательно, что стойкий и яркий последователь Томсона Карамзин в своем программном стихотворении «Поэзия» (1792), причем еще задолго до

посещения Англии, напишет:

«Природу возлюбив, Природу рассмотрев
И вникнуть в круг времен в тончайшие их тени,
Нам Томсон возгласил природы красоту,
Приятности времен Натуры сын любезный,
О Томсон! ввек тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня Природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить Творца ея! (...)»⁴³

В собственном переводе «Времен года» Карамзин заметно сократит авторский текст, заостряя тем самым внимание на чисто созерцательных сторонах восприятия природы: «Что чувствовало сердце мое, когда в исходе прелестного мая, в тихие часы вечера, гулял я на берегах широкой реки, в которой, яко в чистейшем зеркале, виден был образ заходящего солнца! Рассматривание довело меня до размышления, размышление до восторга».⁴⁴ Ведущие явное свое происхождение от Томсона поэтические картины нескончаемого взаимодействия природных форм, столь важные для формирования решительно каждого пейзажного парка, находим и в карамзинских «Письмах»: «Белая одежда зимы, наконец, утомляет зрение; душа желает перемены, и звонкий голос жаворонка раздаётся на высоте воздушной. Сердца трепещут от удовольствия. Солнце быстрым действием лучей своих растопляет снежные холмы; вода шумит с гор, и поселянин, как мореплаватель при конце Океана, радостно восклицает: земля! Реки рвут на себе ледяные основы, пышно выливаются из берегов, и самый маленький ручеек кажется величественным сыном моря. Бледные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свежеею травкою и красятся лазоревыми цветами. Березовые рощи зеленеют; за ними и дремучие леса, при громком гимне веселых птичек, одеваются листьями, и Зефир всюду разносит благоухание ароматной черемухи».⁴⁵ Уже на завершающем этапе этого огромного отечествен-

ного интереса к Томсону особое внимание читающей публики привлечет перевод В.А. Жуковского (1783-1852). В произведении «Гимн» (1808) под заголовком «Подражание Томпсону. Вольный перевод заключительной части поэмы «Времен года» он, вслед за Карамзиным, высветит еще целый ряд принципиально важных ориентиров, позволявших существенно обогатить образно-художественную палитру пейзажного парка:

«(...) Воскреснули поля; цветет лазурный свод;
Веселые холмы одеты красотой;
И сердце растворил желанный тихий жар.
Ты в лете, окружен и зноем и грозою,
То мирный, благостный, несешь нам зрелость в дар,
То нам благотворишь, сокрытый туч громадой.
И в полдень пламенный и ночи в тихий час,
С дыханием дубрав, источников с прохладой
Не твой ли к нам летит любви полный глас? (...)
Ручей, невидимо журчащий под дубравой,
С лесистой крутизны ревущий водопад,
Река, блестящая среди дебрей величаво...»⁴⁶

В контексте прямого воздействия поэтических образов природы на закрепление идей отечественного пейзажного садоводства следует упомянуть и поэтическое наследие А.П. Буниной (1774-1829) - сестры В.А. Жуковского. Вслед за возвращением из Англии она выпустила в свет в 1819 г. свои вольные переводы «Времен года» и сразу же станет видным популяризатором английского поэта.⁴⁷ В «Майской прогулке болящей», привлекая внимание читателя даже к малоприметным с первого взгляда «открытиям и радостям» незамысловатой сельской жизни, она напишет:

«(...) Травка! Для меня ли ты стелешь
Благовонный свой ковер?
Может быть мне так и лучше...
Побежим под сень древес. (...)»⁴⁸

То же благоговейное преклонение перед бесконечным разнообразием природного мира станет главным лейтмотивом в ее стихотворении «Весна»:

«(...) Как бархат отливают травы;
Блестят древа, как изумруд;
Оделись дубы величавы;
Березки благовонье шлюют.
Кружатся бабочки толпою.
Там собран мед с цветов пчелою.
Здесь малым, будущим птенцам
Пернатые готовят дома:
Пушинки, - былия, - соломы
К тому достаточно певцам».⁴⁹

По образному своему воздействию на читателя не менее значимыми окажутся для поэтессы и совсем малые по своей величине природные «объекты». В стихотворении «Лето» к ним будет проявлено особое внимание:

«(...) Согбенны гибким стебельком
И стройный василек и колосы осисты,
Подъяли распрямляясь, головки кверху чисты:
Пьют жадно воду корешком. (...)»⁵⁰

Вслед за Томсоном большую известность приобретет в России яркий пред-

ставитель английского сентиментализма Т. Грей (Thomas Gray, 1716-1771). Впрочем, отечественного читателя более всего заинтересует его «Эллегия, написанная на сельском кладбище» (1751). Обусловившая появление многочисленных русских переводов, причем как в стихах, так и в прозе, она будет устойчиво сохранять огромную свою популярность вплоть до начала XIX в. Более всего они будут востребованы устроителями загородных усадеб и, прежде всего, собственными размышлениями автора о самоценности естественной жизни на лоне природы.

Один из многочисленных отечественных последователей Грея выпускник Московского университета князь И.М. Долгоруков (1764-1823) в стихотворении «Хижина на Рпени» прямо воспользуется одним из мотивов гревской элегии:

«(...) Еще светло и рано сесть
Иду кустов искать границы,
Еще могу в очках прочесть
Из Юнга две иль три страницы –
Устал – пора назад идти;
Пришел, и на берег присевши,
Червей на удочку надевши,
Зачну гольцов тут шевелить. (...)»⁵¹

Самым же крупным и наиболее значимым российским переводчиком Грея станет В.А. Жуковский, приобретший литературную славу вслед за выпуском в 1802 г. вольного своего перевода «Сельское кладбище».⁵² Это, впрочем, не помешает и другим представителям русской поэзии неизменно привлекать внимание читающей публики и к собственным поэтическим переводам «из Грея». И уже в следующем 1803 г. выйдет из печати перевод П.И. Голенищева-Кутузова, в котором находим завораживающее необъяснимой своей таинствен-

ностью и недосказанностью ни с чем несравнимое очарование летних вечеров:

«(...) В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон. (...)
Нередко в вечеру, скитаясь меж кустами, -
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, - он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей. (...)»⁵³

В формировании образных начал российского романтического парка особую роль сыграют отечественные переводы «Песен древнего барда Оссиана» (1760-е), созданные инкогнито шотландским поэтом Д. Макферсоном (James Macpherson, 1736-1796). Именно в них впервые в новейшей европейской поэзии абсолютизировалась эстетическая ценность и художественная сила северных ландшафтов. Ю.Д. Левин в этой связи отметит: «Представленный в поэмах северный горный и морской пейзаж тоже являлся поэтическим открытием, ранее неизвестным в литературе. Перед читателем высятся окутанные облаками угрюмые горы и холмы, голые или покрытые дубравами и хвойными лесами, прорезанные расселинами, где разносится гулкое эхо и прячутся робкие косули и лани; пенистые, ревущие потоки низвергаются с высоты; бурный ветер проносится над бесплодными равнинами, поросшими вереском и чертополохом, и гонит клубы тумана, поднятые с топких болот и озер, окаймленных тростниками; темное море катит белопенные валы на замшелые скалы. И над всем простирается суровое небо, где пролетают мрачные тучи, несущие тени павших героев, и являются небесные светила, одушевленные по воле поэта. Все движется, меняется, но движение однообразно и печально. Особенно часто пейзаж озаряется луной, тусклый свет которой, пробивающийся сквозь волны тумана и смутные

края облаков, гармонизирует со скорбными думами самого барда».⁵⁴

Поэтому и первый русский последователь шотландского барда - И.И. Дмитриев, создавший собственное стихотворение «Любовь и дружество» (1788) именно в Финляндии, напишет: «...природа, дикая, но Оссиановская, везде величавая и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны».⁵⁵ Несколько позднее небывало сильное поэтическое воздействие шотландского барда испытает на себе и Н.А. Львов: «...в ряде поэтических и прозаических текстов Львова в большей или меньшей степени, прямо или косвенно, в логике цитации или типологических схождений отозвались оссиановские образы и мотивы: поэма «Добыня» (1796), «Ночь в чухонской избе на пустыре» (1797), «На угольный пожар» (1799), «Новый XIX век в России», перевод «Песни норвежского рыцаря Гарольда Храброго» (1793) и др».⁵⁶

Впрочем, наибольшую известность идиллические образы Макферсона получают в России в самом конце XVIII – начале XIX вв., когда поэма будет дважды переиздана в русском переводе Е.И. Кострова уже целиком. Именно тогда, как особо подчеркивается, ею заинтересуются самые различные слои русского общества.⁵⁷ Популярность Макферсона была столь велика, что даже в собственном произведении В.А. Жуковского «Эолова арфа» (1815), уже снискавшего к тому времени литературную славу, почти буквально воспроизводятся легко узнаваемые оссиановские пейзажи. Поэтому и П.А. Плетнев, восторгаясь появлением в России очередного поэтического шедевра, все же должен будет признать, что в «Эоловой арфе» «краски, музыка, мечтательность и вымысел создания - все представляют особый мир, царство Оссиана, так живо и ясно воскреснувшее в душе поэта нашего».⁵⁸ То же отметит и Я.К. Грот: «Эолова арфа» - есть оригинальная баллада самого Жуковского. Разумеется, все краски дышат поэзией Оссиана».⁵⁹ Трудно вообще переоценить вклад В.А. Жуковского в деле знакомства русской читающей публики с новейшей английской поэзией, насквозь пронизанной необычайно тонкими описаниями природного мира. Именно ему предстоит подвести общую черту этого интереса и сохранить тем самым

убежденность в главном: «природа - учитель человека в искусстве».

Исключительную роль в становлении Жуковского как поэта сыграет фамильная усадьба Мишенское: «Огромный дом с флигелями, оранжереями, теплицами, прудами, садками, парком и садом придавал особенную прелесть этой усадьбе; а обстановка – дубовая роща, ручеек в долине, виды на отдаленные пышные луга и нивы, на близкое село с церковью, настраивали чувства обитателей к мирному наслаждению красотой природы. Растительность в этой стороне отличается чем-то могучим, сочным, свежим, чего недостает южным черноземным полосам России. Весна, разрешающая природу от суровой зимы, оживляет ее скоро и радуется сердце человека. Даже сама осень своими богатыми урожаями хлебов и плодов приносит такие удовольствия, которые не могут быть испытываемы в более северном, холодном климате». ⁶⁰ Да и сам поэт одно из лучших своих стихотворений посвятит незабвенному своему Мишенскому:

«(...) Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росой,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?
Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный... (...)
Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела;
Казалось сердцу и очам –
Все там!»⁶¹

Именно в Мишенском обнаружится поэтический дар Жуковского, там же будет создано в 1797 г. и первое его стихотворение. Сюда же в первые свои ка-

никулы он возвратится с двухтомником «Нощные рассуждения» английского поэта Юнга», переведенные в прозе А. Кутузовым еще в 1785 г. Наконец, здесь же в августовские дни 1802 г. будет осуществлен и стихотворный перевод элегии Грея «Сельское кладбище», сразу принесший Жуковскому литературную славу.

Столь рано проявившееся увлечение английской поэзией вызовет живейший его интерес к изобразительному творчеству. Исчисляемые сотнями натурные рисунки Жуковского всякий раз убеждают в том, что бесконечный природный мир во всем многообразии и великолепии своих ландшафтов неизменно оставался для него бесценным даром всему человечеству и потому заслуживающем самого пристального внимания. Судя по всему, более всего импонировала ему графическая манера Д. Флаксмана (John Flaxman, 1755-1826). Не случайно, возглавляя в 1808-1809 гг. редакцию журнала «Вестника Европы», Жуковский будет регулярно помещать на его страницах произведения этого выдающегося английского художника.

Много позже, путешествуя с великим князем Александром Николаевичем по Англии, поэт посетит 17 мая 1839 г. находившуюся вблизи Виндзора деревню Сток-Поддс (Stock Poddes) и познакомится с домом, библиотекой и рукописями Грея, а заодно и осмотрит воспетое им сельское кладбище. И уже новый свой перевод он проиллюстрирует собственными рисунками, сопроводив их следующими пояснениями: «Здесь прилагаю три рисунка, снятые мною с натуры. На первом изображено кладбище. (...) на втором изображена описанная Греем башня. (...) третий рисунок представляет памятник, воздвигнутый Греем неподалеку от воспетого им кладбища, которого церковь, башня и густые деревья видны в отдалении».⁶²

Одухотворенными и возвышенными образами английской поэзии подкреплялся живейший интерес Жуковского и к чисто практической стороне пейзажного садоводства. Так, поселившись в мае месяце 1802 г. в Мишенском он предпочтет для уединенных своих занятий лысый холм, находившийся между

усадебным парком и Васьковой горой на некотором удалении от господского дома. Как раз оттуда открывались исключительные по своей красоте и разнообразию окрестные виды, что и станет главным аргументом в пользу размещения беседки для занятий именно здесь. Поэт собственноручно исполнит чертеж, а плотники за счет подсыпки земли установят ее еще выше. Отсюда теперь открывалась уходящая в даль чарующая картина: подступавший к главному дому усадебный парк, извилистая дорога и церковь, обсаженный ивами пруд и не менее обширный луг с избами соседней деревни Фатьяново, затененная ивами р. Выра, круто вздымающееся поле с посевами ржи, наконец, живописный городок Белев с золочеными монастырскими своими главками, эффектно возвышавшимися над извилистым берегом Оки.

В орловском имении Муратово, доставшемся по наследству сестре Жуковского – Е.А. Протасовой общее руководство по обустройству усадебного комплекса он примет на себя. То, что к этому времени поэт весьма отчетливо представлял себе специфику пейзажного садоводства, свидетельствует опубликованное им в 1809 г. описание парка сенатора И.В. Лопухина: «Я видел в саду у И.В.Л., находящемся в верстах в 30 от Москвы в подмосковном его селе Савинском, скромную урну, посвященную памяти Фенелона. На ровном месте, где прежде было топкое болото, явились тенистые рощи, пересекаемые прекрасными дорожками и орошенные чистою, прозрачною как кристалл водою. Расположение сего сада - прекрасно; лучшее в нем место есть Юнгов остров... Вы видите большое пространство воды. Берег осенен рощею, в которой мелькает Руссова хижина! На самой середине озера Юнгов остров с пустынническою хижиною и несколькими памятниками, между которыми заметите мраморную урну, посвященную Фенелюю. (...) Остров осенен разными деревьями: елями, липами, березами и другими; его положение чрезвычайно живописно; всего приятнее быть на нем во время ночи, когда светила полная луна, воды спокойны, и рощи, окружающие берег, отражаются в них, как в чистом зеркале! Это место невольно склоняет вас к какому-то унылому, приятному размышле-

нию».⁶³

Жуковский, поселившись летом 1809 г. в Муратове, поначалу детально изучит особенности этой «во всех отношениях прекрасной» местности. Он же определит и самое подходящее место для постановки главного дома - у дубовой роши на пригорке. Соответственно и проектные чертежи, разработанные Жуковским на основе сделанных им замеров, и лягут в основу сформированного здесь усадебного парка. В результате речку Орлик перегородят плотиной, что и приведет к появлению Большого пруда, назначавшегося главным элементом пейзажной композиции. Да и все последующие не менее обширные земляные работы, непосредственно связанные с устройством дорожной сети или насыпных горок, прокладкой каналов и посадкой деревьев, он будет курировать лично, время от времени, разясняя детали своего замысла привлеченным к работам местным крестьянам. Именно благодаря такому столь энергичному руководству выразительная пейзажная среда здесь будет создана всего лишь за год.

Восьмидесятидвухлетняя владелица Мишенского М.И. Бунина, предчувствуя скорую свою кончину, в самом начале 1810 г. сообщала Жуковскому, что находящаяся по другую сторону Большого муратовского пруда деревушка Холх вместе с семнадцатью мужиками она приобрела у полковника Ладыжинского специально для него. Поэт сразу же начал строить планы, как наилучшим образом все здесь обустроить. В результате тем же летом 1810 г. к Большому пруду придвинут уже готовый деревянный дом, вблизи которого и начнется устройство совсем небольшой пейзажной части, для чего, собственно, и привлекают деревенского старосту Лариона Афанасьева. Как раз здесь, в собственном домике над прудом и в примыкавшем к нему садике, Жуковский более всего любил работать. Вот почему невольно напрашиваются сравнения с имениями А. Попа в Твикенхэме (Twickenham) и У. Шенстона (William Shenstone, 1714-1763) в Лизовер (Leasower, Warwickshire), получившими возможность воплотить свои поэтические идеалы на собственной земле. Впрочем, владельцем этой миниатюрной своей усадьбы Жуковский оставался совсем недолго и уже в

июне 1814 г. вынужден был ее продать.⁶⁴

Эта возвышенная атмосфера природного окружения необычайно способствовала углублению поэтического воображения Жуковского. Не менее ярко это отразится в переводах современных ему английских поэтов. И по художественной своей выразительности, и по образному своему звучанию все они в русской поэзии так и останутся непревзойденными.

В «Опустевшей деревне» О. Голдсмита (Oliver Goldsmith, 1728-1774), например, читаем:

«(...) Как все казалось мне всегда во цвете новом!
Рыбачья хижина с соломенным покровом,
Крылатых мельниц ряд, в кустарнике ручей;
Густой согбенный дуб с дерновою скамьей,
Любимый старцами, любовникам знакомый;
И церковь на холме, и скромны сельски дома –
Все мой пленяло взор, все дух питало мой!
Когда ж, в досужий час, шумящею толпой
Все жители села под древний вяз стекались –
Какие тьмы утех очам моим являлись! (...)
Лишь цапли в пустыре пронзительные крики,
Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон,
Лишь тихий вдалеке звонков овечьих звон
Повременно сие молчанье нарушают! (...)»⁶⁵

В «Адельстане» (1813), из Р. Саути (Robert Southey, 1774-1843) Жуковский пишет:

«(...) День багрянил, померкая,
Скат лесистых берегов; (...)

Солнце спряталось за гору;
Окропился луг росой; (...)
Вот уж поздно;
Солнце село;
Отуманился поток;
Черен берег опустелый;
Холодеет ветерок. (...)»⁶⁶

А в «Пери и ангел» (1821) из Т. Мура (Thomas Moor, 1779-1852) находим такие строки:

«(...) Журчали звонкими струями
Живые райские ключи,
И неба райского лучи
Лились в полуотверсты двери... (...)»⁶⁷

Да и в «Шильонском узнике» (1822) из Д. Байрона (George Gordon Byron, 1788-1824) не менее ярко будет передана чарующая атмосфера неизменно манящего к себе одинокого острова:

«(...) И я заметил островок;
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем;
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивались нежней
Кругом родных берегов оне. (...)»⁶⁸

И в «Покаянии» (1831) из В. Скотта (Walter Scott, 1771-1832) перед нами вновь предстанут удивительные по силе образного своего звучания незабываемые картины первозданных ландшафтов:

«(...) К Шотландским идет он горам голубым,
К озерам отчества ясным. (...)
Окрест сторона та прекрасна была;
Река, наравне с берегами,
По зелени яркой лазурно текла
И зелень поила струями;
Живые дороги вились по полям;
Меж нивами села блистали;
Пестрели стада; отвечая рогам,
Долины и холмы звучали; (...)»⁶⁹

Вслед за Жуковским и в поэзии А.С. Пушкина (1799-1837) нетрудно уловить проистекающие непосредственно от английской поэзии тончайшие оттенки зрительского восприятия. Это, в частности, наиболее явственно проступает в стихотворении «Деревня» (1819):

«(...) Я твой – люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный пушистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде предо мной подвижны картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты...»⁷⁰

И в первом своем опубликованном стихотворении «Послание к ... в деревню» (1808) П.А. Вяземский руководствовался непревзойденными образами английской поэзии в лице виднейших ее представителей и наиболее ярких российских ее последователей:

«Итак, мой милый друг, оставя скучный свет,
И в поле уклонясь от шума и сует,
В деревне ты живешь, спокойный друг природы;
Среди кудрявых рощ, под сению свободы!
И жизнь твоя течет как светлый ручеек,
Бегущий по лугам, как легкий ветерок; (...)
Как вечера туман объемлет мрачный лес,
Когда усеется звездами свод небес,
Тогда ты, вышедши из хижины смиренной,
Покрытой мягким мхом, древами осененной,
С своею милою приблизишься к реке,
И станешь рассекать с ней воды в челноке,
И будет вам луна спутницей приятной! (...))»⁷¹

Проясняя исходную канву этого произведения, исследователь очень верно подметит: «Это послание вряд ли имеет в виду конкретного адресата и конкретное поместье. Оно представляет собой набор общих мест карамзинской просветительно-сентиментальной идеологии, с ее предпочтением частной жизни, неважно, городской или деревенской. Вместе с тем оно воспроизводит приметы усадебного быта и занятий, впрочем, изображающих их тоже в самом общем виде: прогулка верхом, охота, катание на лодке. Кажется, можно говорить и о европейском, точнее английском влиянии на эту картину: оно видится нам в двух чертах: в изображении хозяина усадьбы, рисующим сельские пейзажи, си-

дя на холме – занятие, гораздо более редкое в русской усадьбе, чем писание стихов; и в том, что хозяин усадьбы с супругой выходят вечером из «хижины смиренной, покрытой мягким мхом, древами осененной»: это явно хижина «анахорета», неотъемлемая принадлежность английского пейзажного парка: туда, как правило, приносились книги серьезного, философского содержания, и там, на лоне девственной природы, полагалось размышлять о естественной природе человека».⁷²

В русской поэзии рубежа XVIII-XIX вв. несколько особняком стоит творчество Н.П. Николева (1758-1815). Воспитывавшийся в доме княгини Е.Р. Дашковой и, несомненно, разделявший ее увлеченность новейшим английским садоводством, он уже в ранние свои годы войдет в круг ценителей английской поэзии. Будучи зачислен на службу в гвардию в шестнадцатилетнем возрасте, Николев совсем скоро начал терять зрение, потому еще молодым вынужден был уйти в отставку и целиком посвятить себя литературной деятельности, а заодно и формированию пейзажного парка в собственном подмосковном имении Горки Верейского уезда.

Именно Николев «единственный в стихах описывает», как ежедневно он трудится в нем - «выкашивает траву, укладывает дорожки, высаживает цветы».⁷³ Один из близких его друзей в этой связи заметит: «Иногда, в хорошую погоду, вышедши ночью из своей комнаты, он уходил прогуливаться в английской сад, где все тропинки были ему известны».⁷⁴ В «Послании к князю Николаю Михайловичу Голицыну» (1795) Николев с нескрываемым чувством восторга и творческого упоения знакомит читателя со столь милыми сердцу хлопотами, служащими утешением собственной жизни:

«(...) Там кустари мои цветные
Сажаю в клумбы я густые,
Калину, бузину, синень;
А тамо ручейки сребристы

В проводы пропускаю чисты,
Творю из них и глубь и мель,
Или подрезав мшисты кочки,
Исторгнув с репеями терн,
Очистя, укатая дерн,
Являю бархатны лужочки.
Или излучиной веду
Мои Китайские дорожки,
По коим в буерак иду,
Не заморав хозяйской ножки.
Или средь сосен и елей,
Где громко свищет соловей,
Несусь дорогою прямою
К пустыньке, хижине, покою; (...)»⁷⁵

В другом своем «Послании к князю Николаю Михайловичу Козловскому» (1795) автор передаст и необычайно трепетное отношение к любимому своему детищу:

«(...) Где маленький Китайский сад
Приносит море мне отрад;
Где тени разныя кусточков,
И яркия цветы листочков,
Дающи образа цветкам,
Жанкилиям, лилеям, розам,
Яцинтам, мальфам, туберозам... (...)»⁷⁶

Английская поэзия с ее удивительно тонким восприятием природного мира оказала мощное воздействие на русскую поэзию и повлияла, таким образом,

прямо или опосредованно, на становление и развитие отечественного пейзажного садоводства. Вдохновляемый этими необычайно яркими поэтическими образами русский заказчик теперь и саму идею устройства «аглинского сада» станет воспринимать не иначе, как неотъемлемую составную часть повседневной своей естественной жизни.

2. Роль специализированных изданий по заведению и обустройству парков: английская основа и ее русская интерпретация

Прямым следствием общеевропейского увлечения садами нового типа станет появление специальной литературы, где наряду с переводами из английских книг или периодических изданий начнут публиковать работы, в которых толкование английских садово-парковых идей происходило уже в рамках отдельно взятых национальных культур. Богато иллюстрированные пособия, всевозможные статьи и заметки, все они касательно устройства пейзажных парков содержали самую различную информацию. Помимо собственно специалистов, с самого начала адресовалась она и довольно широкому кругу заинтересованных лиц - от представителей императорского дома до мелкопоместного дворянства. Имевшие вполне достаточный по тем меркам тираж, такие издания продавались во всех без исключения крупных городах, прежде всего в Петербурге и Москве. На периферии империи их приобретали вслед за специальными объявлениями, время от времени появлявшимися на страницах периодической печати. Помимо прочего, такая литература удовлетворяла и неизменно сохранявшийся интерес к новейшим идеям садоводства как неотъемлемой составной части теории искусства вообще.⁷⁷ К тому же должная эрудиция и вкусовые предпочтения позволяли заинтересованному читателю всякий раз по своему понимать, трактовать и переосмысливать все прочитанное.

На всем протяжении 1730-х –1810-х гг. основополагающую роль в деле знакомства с теорией и практикой ландшафтного садоводства играли специализированные английские издания.⁷⁸ Впрочем, широкая их известность в России все

еще сдерживалось знанием английского языка сравнительно небольшой группой лиц, так или иначе связанных с Англией. Кроме представителей британской общины, именно им в первую очередь адресовались объявления такого рода: «В Англинском магазине, что на Васильевском острове в Кадетской линии под № 249, который доселе содержал г. Губбари и ныне содержится Сарой Сноу, продаются по самым сходным ценам следующие товары, как то новейшего издания на англинском языке книги...»⁷⁹ Все же более доступными оставались французские и немецкие переводы из сочинений английских авторов-законодателей вкуса или всевозможные иллюстрированные пособия, полностью отвечавшие их же художественным воззрениям.⁸⁰

Самыми распространенными станут переведенные на русский язык английские трактаты. Из довольно обширного их списка отечественный издатель изберет для себя лишь два новейших сочинения, принадлежавших одним из наиболее значимых теоретиков садово-паркового искусства. Причем оба перевода будут сделаны в период становления отечественного пейзажного садоводства, когда надобность в такой литературе ощущалась особенно остро.

В 1771 г. из печати выйдет сочинение У. Чемберса (William Chambers, 1726-1796) «О китайских садах», лишь фрагментарно переведенное с первого лондонского издания 1757 г.⁸¹ Показательно и то, что русский перевод был осуществлен, фактически, первым. Только спустя четыре года это сочинение будет издано на немецком, а в следующем и на французском языке.⁸²

Несмотря на общую скудость такого рода информации, удалось установить, что петербургское издание Чемберса являлось составной частью библиотечного собрания графов Воронцовых.⁸³ Оно же тщательнейшим образом штудировалось Н.А. Львовым и А.Т. Болотовым.⁸⁴ Располагала им и императрица, о чем свидетельствует обнаруженная среди личных ее бумаг объемистая рукопись, всецело адресованная теории английского садоводства.⁸⁵ Был знаком с художественными воззрениями автора и владелец Яропольца фельдмаршал З.Г. Чернышев, в пейзажном парке которого в честь победы над Турцией была соору-

жена в 1774 г. Мечеть в четком соответствии с проектными чертежами Чемберса.⁸⁶

Вслед за У. Кентом и Л. Брауном именно Чемберс становится одним из главных пропагандистов пейзажного планирования, противопоставившего ставшей вполне привычной «пустоте» английских парков впечатляющее их многообразие: «Нужно забавлять зрителя, его внимание должно постоянно бодрствовать, его любопытство должно быть возбуждено, его душа должна быть тронута большим разнообразием». Всесторонне обосновывая эти свои положения, Чемберс первым в наиболее доступной и увлекательной форме останавливается на рассмотрении структурных основ китайского садоводства. Это и позволит высказать ему столь востребованные английским обществом новые суждения относительно подлинного своеобразия пейзажного стиля.⁸⁷ Китайский опыт, по мысли автора, должен был сыграть вспомогательную роль и, прежде всего, рассматриваться в качестве действенного средства, способного повлиять на дальнейшее его развитие.⁸⁸

Впрочем, отечественному читателю, весьма далекому от полемики относительно определения «истинных» свойств и качеств современного садоводства, книга Чемберса была ценна своим подробным, но главное, доходчивым изложением принципиально новых сторон садоводства. К тому же восточная экзотика сразу же притягивала к себе внимание, существенно расширяя читательский круг. Прояснив для себя, как уточняется, ряд деталей у местного живописца и, сопроводив их вполне конкретными заключениями всего здесь виденного, Чемберс следующим образом выразит главную суть китайского садоводства: «Они приемлют в образец природу, и стараются подражать оной во всех ее прекрасных нестройностях».⁸⁹

Следовательно, совершенство сада, как подчеркивается, должно состоять «во множестве, красоте и различности таких представляющихся предметов. Китайские садовники, также как Европейские живописцы, собирают с природы наиприятнейшие предметы, кои они стараются совокуплять вместе таким по-

рядком, чтоб они не только наилучшим образом являлись особенно, но и все вместе прекрасный и в удивление приводящий вид имели».⁹⁰ А потому особенно важным (еще на предпроектной стадии) следует считать выбор для этого подбавоющей во всех отношениях местности:

«Во первых осматривают они положение места, равно ли оно, полого ли, бугристо ли, гористо ли, пространно ли или тесно, сухо ли или болотно, изобильно ли реками и родниками, или недостаток воды подвержено; по том прилежно разсудя все те обстоятельства, поступают на учинение таких распоряжений, которыя тому месту приличны, с меньшим изждивением в действо произведены быть могут, недостатки того места прикрывают, и выгоды онаго в совершенной красоте своей показывают».⁹¹

И далее, в зависимости от конкретики места, автор признает, несомненно, оправданным формирование только контрастных частей сада, притом в четком соответствии с «тремя особенными званиями, а именно: приятными, страшными и обавательными». При этом уточнялось, что эти «обавательные... по большей части сходны с нашими из романов взятыми, на которые употребляют... разные хитрыя изобретения к возбуждению крайняго удивления».⁹² Под восприятие же «страшных предметов», как выясняется, должны подпадать «навислая горы, темныя пещеры, и воды с сильным устремлением со всех сторон гор на низ стекающия, деревья безобразныя, и вид имеющия, будто бы они сломаны были; некоторыя из них опрокинуты поперег устремляющихся с гор вод течением на низ снесены; а другия из них будто бы громовою стрелою разколоты и молниею обожжены были; строения же состоящия иныя в развалинах, а другия до половины истребленныя огнем; и несколько разсеянных по горам мизерных хижин, служащих к изъявлению вдруг беднаго состоянния обывателей».⁹³ За всеми этими «страшными» должны непременно следовать вещи «приятныя»,

«состоящие в весьма приятных изображениях цветах и тенях. И таким образом они провожают нас от ограниченных проспектов ко пространным видам; от страшных предметов ко приятным и веселым явлениям; от озер и рек к лугам, холмам и лесам; противу темных и суморочных цветов становятся они светлостатательные; а противу явлений из разных предметов составленных одинакия; распределяя по благоразумному своему рассмотрению различныя смеси света и тени, таким образом, дабы составленные могли во всех своих частях явственно показаться, а все вместе зрителя с первого взгляда в удивление привести».⁹⁴

Контрастности восприятия автор призывает следовать во всех без исключения районах сада. При этом не возбраняется использовать самые различные художественные средства. Так, «темные пещеры и суморочныя проходы» должны раскрываться на прекрасный ландшафт, «изобилующий всем, что роскошная природа наиприятнейшаго нам даровала». Соответственно и аллеи, «которыя по малу сокращаются и становятся шероховаты», а на завершающем своем отрезке и вовсе оказываются перегороженными «кустарником, терновником и камнями», вдруг нечаянно должны сменяться «прекрасным обширным проспектом», который и вовсе не ожидалось увидеть».⁹⁵

В качестве действенных мер, позволяющих обеспечивать длительное поддержание самого активного восприятия, рекомендовалось широко применять частичное сокрытие больших природных объектов малыми, например, «окончание своих озер они завсегда скрывают, оставляя то мыслям для исследования».⁹⁶ Или же, как в другом случае, должен быть непременно «заслонен вид каскад деревьями, коих листы и ветви оставляют столько только места, что оные воды видеть можно в некоторых местах, как они с гор на низ катятся».

По мнению автора не менее активную роль в пейзажной среде призваны были играть и всякого рода звуковые и оптические эффекты. Проясняя свою мысль относительно предельно взвешенного их применения, Чемберс обратит внимание читателя на целый ряд возможных в этой связи подходов:

«Иногда пропускают они под землю поток или ручей воды, которой имеет столь стремительное и быстрое течение, что жестокий онаго шум пронзает уши у новоприезжаго, отнюдь незнающаго, откуда оный происходит. В другое же время разпоряжают они каменные горы, строения и другие предметы, такое их изобретение составляющая, таким порядком, чтоб ветер сквозь разныя в тех горах разщелины, и нарочно для того в строениях и других предметах сделанныя отверстия проходя, странные и необыкновенные причинял голоса. В тех местах садят они всяких родов чрезвычайныя деревья, растения и цветы; производят артифициальныя и из разных голосов составленныя еха; и выпускают разных родов чудовища, состоящия из птиц и четвероножных животных».⁹⁷

Всем энтузиастам-устроителям садов автор советует достигать впечатляющего перспективного восприятия самыми различными способами:

«Хотя Китайцы и мало известны о оптической науке; однакож практика им показала, что предметы являются величиною меньше и цветом суморочнее, чем больше они удалены бывают от очей зрителя. Сии откровения подали начало хитрым их вымыслам, которыя они иногда в действо производят, а именно: распределением в перспективе предметов, составленных из строений, судов и других вещей, уменьшающихся по мере удаления их от пункта зрения; а для придания сему изобретению вящего действия, то они дальния того составления части красят дымчатым цветом, и садят в отдаленнейших частях оных явлений деревья: цветом будто бы они несколько поблекли и менее ростом тем, кои с прихода в перспективе посажены. Сими способами делают они из того, что в самом деле ничего не стоит и ограничено, вид знатный и великолепный».⁹⁸

Существенное место в авторском повествовании уделялось водным и, соответственно, прибрежным составляющим сада. Причем все они, вне зависимости от величины или художественной своей значимости, должны были четко соответствовать непреложным законам контрастного восприятия и всячески способствовать разнообразию видов:

«...в больших садах имеют они обширные озера, реки и каналы. Берега их озер и рек разцвечены, подражая в том природе, и находятся в иных местах песчаны, в других покрыты лесами даже до воды, в некоторых же местах равны, украшены цветками и кустарником, в других же местах круты и каменисты с пещерами, в которых некоторые воды впадают с шумом и сильным стремлением».⁹⁹

Эта контрастность должна непременно соблюдаться и в прибрежных посадках:

«...берега их обыкновенно насажены деревьями, кои в некоторых местах составляют своими ветвями покрытые алеи, под которыми проходят лодки».¹⁰⁰

Чемберс считает во всех отношениях оправданным формирование наиболее разветвленной водной системы, как раз такой, которая будет обладать наибольшим разнообразием:

«Редко видеть можно у них реки прямые, но извиляющиеся и на многие беспорядочные потоки пресекающиеся; в них местах они узки, шумящи и быстры; в других же местах глубоки, широки, и тихо текущи».¹⁰¹

И соответственно всю последующую «чистовую» отделку водоемов следует

считать крайне важным и необычайно ответственным делом:

«... часто запруживают стремление тех вод деревьями и кучами камней, кои кажут, будто бы они быстрым тех вод течением на низ снесены были» или же вдоль береговой черты размещают «много мельниц и других гидравлических машин, движения которых приятный вид подают»;¹⁰²

К важнейшим «артифициальным» элементам Чемберс причислит острова и горы. Относительно первых находим следующее разъяснение:

«На озерах своих имеют они многия рассеянные острова, из которых иные суть песчаные, и окруженные большими камнями и мелями; другие же, изобилующие всем, чем только искусство и природа их наисовершеннейше снабдевать может».¹⁰³

Касательно вторых он замечает:

«Я видел из иных гор некоторыя весьма прекрасныя, которыя изъясляли преизящнейший вкус строителя; когда оныя велики, тогда делают в них пещеры и гроты с отверстиями; из которых усматриваются дальния проспекты. Они покрывают те горы в разных местах деревьями, кустарником, и мохом, ставя по верх оных небольшие храмы, или другия строения, к которым ход в верх сделан по шероховатым и непорядочным ступеням, в той горе высеченным».¹⁰⁴

Вместе с разбросанными по тексту частными замечаниями касательно безусловной желательности наибольшего разнообразия посадок в зависимости

от той или иной конкретики места, встречаются и общие указания, проясняющие их главный смысл:

«При разсаживании дерев своих дают они им различный вид и цвет, перемешивая имеющия большия и пространная ветви с такими, кои представляют пирамидальныя фигуры, а темнозеленыя со светлозелеными, сады между ими цветы произносящия; из которых дерев имеют они некоторыя, кои большую часть года в цвете находятся. Ива есть одно из любимых ими дерев, и находится всегда между теми деревьями, кои в округ их озер и рек растут, где оно посажено бывает таким образом, чтоб ветви его над водою висели».¹⁰⁵

«Разпределяют» же все деревья в саду, как подчеркивается, «по приличным местам, власно как живописцы их на картинах изображают»;¹⁰⁶ Насчет устройства прогулочных дорог Чемберс делает одно единственное, но крайне важное общее замечание: «Китайцы обыкновенно избегают прямых линий»;¹⁰⁷ Развивая мысль, он пояснит, что создаваемая практически заново дорожная сеть должна быть тесно увязана решительно со всеми садовыми объектами вне зависимости от их назначения и художественной значимости:

«Как Китайцы не любят прохаживаться, то редко случается нам видеть у них какия либо алеи или обширныя гульбища, каковы находятся в наших Европейских садах: но все то место располагается на представление различных предметов; и мы водимы бываем чрез извивающияся проходы просеченные в густых кустарниках до разных проспекта мест, из которых каждое означено беседкою, или строением, илиж каким ни будь другим

предметом». ¹⁰⁸

Впрочем, и прямые линии в саду отнюдь не возбраняются если устроены «для представления какого либо предмета, зрения достойного», иначе говоря - для наиболее оптимального перспективного их восприятия.

Последовательно проясняя характерные особенности «восточного садоводства», автор обратит внимание читателя и на поразительную множественность садовых построек, но при этом заметит, что каждой из них должна отводиться строго определенная роль:

«В больших садах своих вымышляют они различные представляемые предметы; одни для утра, другие же для полудня, а третьи для вечера; ставя у пристойных пунктов зрения, строения удобныя для прохлады и забавы во всякое время дня; а в малых своих садах, (в коих, как выше сего уже упомянуто, одно разпоряжение производит многия представления) они тоже самое чинят, ставя у разных пунктов зрения такая строения, которых выгода показывает, в которые часы дня пользоваться представляемым предметом при совершенной его красоте». ¹¹⁰

Подытоживая выше сказанное, Чемберс счел нужным предупредить что, несмотря на кажущуюся простоту, само устройство пейзажного парка сопряжено с большими трудностями. Причем главная из них - эрудированность самого заказчика:

«...искусство в разположении садов по Китайскому манеру чрезвычайно трудно, и посредственного понятия людьми непостижимо; по тому, что хотя правила тому простыя и весьма явственныя; однакож произведение оных в действо требует остраго ума, тон-

каго разсуждения и великаго искусства; так же сильнаго воображения и совершеннаго сознания человеческого желанія и склонности». ¹¹¹

В заключении автор подчеркивал, что искусство пейзажного планирования в действительности лишено столь привычной для европейца регламентации, а потому в постижении его существует лишь одно действенное средство – учиться у самой природы:

«И как сему искусству никакого определеннаго правила не имеется, то подвержено оно столь многим переменам, сколько находится различных разпоряжений в созданиях мира». ¹¹²

Это фактически первое из переведенных на русский сочинение виднаго англійскаго теоретика пейзажнаго стиля пришлось очень кстати довольно обширному кругу заинтересованных лиц - заказчикам, зодчим и садовым мастерам прежде всего потому, что здесь содержались важнейшіе принципы новейшаго садоводства. Сразу ставшее настольной книгой для большинства из них, оно в качестве ценнаго практическаго пособия долгое еще время сохраняло свою актуальность.

В 1776 г., спустя пять лет после появления на свет русскаго изданія Чемберса, увидит свет еще один перевод англійскаго книжки под названіем «Опыт о расположеніи садов». ¹¹³ По одноименному лондонскому изданію 1768 г. его осуществят также в Петербурге, но теперь временная между ними дистанция будет существенно сокращена. ¹¹⁴ В обоих случаях имя автора отсутствовало и было установлено только в 1796 г., когда, ввиду устойчиво сохранявшейся популярности этого сочиненія, последовало второе англійское изданіе. ¹¹⁵ Им оказался небезызвестный англійскій писатель Дж. Мейсон (George Mason, 1735-1806), в доступной форме поделившагося собственными сужденіями от-

носителем возможных путей последующего развития пейзажного стиля.

Столь рано проявившемуся интересу к садово-парковому искусству он был обязан отцу. Унаследовав в пятнадцатилетнем возрасте обширное загородное поместье (Porters, Hertfordshire), Мейсон задумал радикально изменить композицию старого парка, для чего с энтузиазмом принялся изучать всю имеющуюся на этот счет литературу. Важным подспорьем к тому послужат и многочисленные поездки по стране, позволявшие познакомиться с многочисленными пейзажными парками воочию.¹¹⁶

Не следует думать, что сочинение Мейсона носило исключительно новаторский характер. Во многом автор опирался на идеи, высказанные годом ранее в «Несвязных мыслях» известным английским поэтом и теоретиком пейзажного стиля У. Шенстоном.¹¹⁷ Впрочем, это немаловажное обстоятельство, едва ли известное русскому издателю и тем более читателю, лишь повышало значимость петербургского издания Мейсона несмотря на заведомую сложность перевода с английского подлинника.

Несомненный интерес представляли тонкие наблюдения автора, максимально приближенные к чисто практической стороне новейшего садоводства. Тем более, что отмечавшиеся его недостатки или же явные достоинства всякий раз рассматривались на вполне конкретных примерах. При этом все прочие национальные школы в расчет не принимались, ибо в деле совершенствования пейзажного стиля автор руководствовался несомненным приоритетом Англии. Такое лидерство он оправдывал исключительно особенностями национального характера, заявляя при этом, что «наше сегодняшнее превосходство исходит из английской любви к эксперименту и наблюдению».¹¹⁸

Пытаясь избежать возможных в этой связи недоразумений, Мейсон во введении сразу оговаривает, что столь широко используемое им понятие «вкуса» в самом приложении к садово-парковому искусству не поддается детальному уточнению: «Вкус ни мало не самопроизволен, хотя он грубым умам и непонятен, и с трудом точными линиями определения означен быть может».¹¹⁹ И соот-

ответственно на его совершенствование могут оказывать влияние самые различные факторы: «Нельзя себе вообразить, что римляне не могли различать истинную красоту в ландшафте, но честолюбие и пышность беспрестанно в дела их мешались и вкус их повреждали».¹²⁰

Русскому же читателю было полезно узнать и о самом становлении стиля: «Украшение садов, введенное в здешний остров, состояло по несчастью во всяком роде новости переменяющей природу. Лорд Бакон был первой, который старался обыкновение наше поправить: он сам показывает смешные замыслы своих современников, и научает нас об оных судить...»

Вплотную подводя читателя к сложившейся практике ландшафтного садоводства, Мейсон отметит, что совершенно разочарован «совсем неуместными» на английской почве «китайскими» нововведениями Чемберса:

«Кавалер Темпл не воображал себе, что чрез пятьдесят лет китайский вкус в отечестве его в обычай войдет; Китайской манер представлен нам недавно весьма ясным и пространным способом, но можно ли дать точное понятие об аглинских оному подражаниях? (...) Ныне обыкновение разбрасывать деревья меньше всего погрешности подвержено. Но расположение поля не должно никогда последовать обычаю: китайцы в сем случае других превосходят так как кавалер Темпл примечает: «Вся сила их воображения в том упражнена, чтоб произвести виды, в которых бы красота глаза удивляла, но без всякого приметного порядка или расположения частей».¹²¹

И далее:

«Чужестранный человек, судя по большей части наших садов, может вообразить себе, что они для лилипутских жителей деланы.

Тень, пруды, острова имеют ли какую нибудь пропорцию с людьми? Кривые их дороги ни на что иное похожи, как на следы шатающегося пьяного человека, однако господа их думают, что они совершенные образцы китайских садов; хотя единственные на них похожие части в одном смешном роде их архитектуры состоит, в перилах и в храмах». ¹²²

По мнению же Мейсона право на существование имеет лишь национальный вариант пейзажного стиля. ¹²³ Такая постановка вопроса и позволит автору продемонстрировать на многочисленных примерах тесную зависимость устройства сада от конкретной среды обитания, будь то древние азиатские сады «медов», «персян» или же греков - «всякий располагал их по своему желанию, однако, не совсем выпуская из виду природные их красоты». ¹²⁴ Иначе говоря, любая композиция парка, обозначенная им под собирательным термином «род», должна быть полностью согласована с присущими особенностями и места, и климата, хотя и здесь исключения не возбраняются:

«Род расположения должен всегда согласовываться со свойством места. Но и от сего правила можно иногда удалиться.(...) Противоположения часто открывает красоты, которые бы, судя по положению места не можно было себе представить. Употребление онаго способнее всего во внутреннем расположении рощей, разные повороты дорог, закрытие и отверстие кустов, вид высоких больших деревьев, и внезапный переход от одной степени тени к другому могут впечатлеть в воображении».

Автор полагает, что всем этим художественным приемам более всего отвечает чисто «живописная» («pictoresque») разновидность пейзажного парка. При этом, прямо ссылаясь на живопись Пуссена, он поясняет: «Питореск» называет-

ся все те предметы, которые картину составить и большее действие произвести могут».¹²⁵ Развивая свою мысль, он проиллюстрирует ее следующим примером: «Лорд Бакон осуждает стоячие пруды. Я не имею пристрастия к зеленой поверхности, которой они иногда покрыты, однако они и без чрезвычайной чистоты могут иметь хорошее действие, когда они у места. Сие доказывает Пусиновы ландшафты».¹²⁶

Впрочем, более всего должны были заинтересовать отечественного читателя рекомендации автора. Он, например, в целом одобрял введение в пейзажную композицию кустарников и цветников, предупреждая лишь об опасности чрезмерности: «...когда они слишком распространены, они тогда значат торжество роскошности над красою. Нам противна видимая утрата и оные произрастения сами собой столь мелочны, что они не заслуживают просторного места...»¹²⁷ В самом же расположении деревьев в шахматном порядке или же иными регулярными группами Мейсон усматривал тесную связь с приемами из прошлого, предпочитая им рассредоточенные или точечные посадки («dotting»)¹²⁸ Ему представлялась также явно ошибочным преобладание хвойных деревьев, органично не связанных ни с самой местностью, ни с конкретным ее контекстом:

«Большая погрешность в нынешних располагателях есть нерассудное их употребление сосны. Скорый рост их и беспрестанная зелень подали к тому повод; (...) Фигуры конической формы сами собой печальный вид имеют, и не должны стоять между кудрявыми головами дубов, или другим красивым лесом, хотя они иногда могут быть вместе с ясеню и тополюй. Они хороши, когда они одни, и не на просторной лесной земле; однако они могут быть полезны в некоторых возвышениях, если в обширности насажденного места пропорция наблюдается, а не тогда, когда они надобны. (...) Они могут разбросаны быть по дикому полю; темная их тень может во многих местах иметь хорошее действие но когда я вижу их круглыми куча-

ми покрывающих луг или обращенных безрассудно в кусты под ветвями лесного дерева, я тогда ничего не чувствую, кроме презрения к тому, кто их сажил...»¹²⁹

Уже на завершающей стадии «отделки» парка Мейсон вслед за Чемберсом призывает читателя не упустить из вида использование тончайших нюансировок, способных акцентировать как общее, так и частное восприятие пейзажных районов парка: «Есть искусство в украшении садов, которое мало разумеют, и которое может быть трудно исполнять. Оно похоже на то, что называется в живописи оттенивать».¹³⁰ Автор подчеркивал, что одним из таких действенных средств могут служить светотеневые контрасты, способные обеспечивать иллюзорное уменьшение или увеличение реально существующих парковых пространств:

«Противоположение света и тени имеет сильное действие в продолжении и сокращении мнимого пространства видов. Есть ли граничащей предмет близко, тогда в некотором расстоянии, ближняя его сторона должна иметь больше света; ясность междуположенных частей и надлежащая степень собственной его тени ограничение отдаляет. Если он и без того далек, то он должен быть по пропорции освещен».¹³¹

Таким образом, Мейсон призывал к созданию впечатляющих «естественных» раскрытий за счет широчайшего использования самых различных приемов: «Господин Соуткот научил нас делать виды сквозь ветви одного только дерева, и показал, как можно отверстие весьма натурально сделать, так, что оно случайным покажется».¹³²

И хотя перевод оставлял желать много лучшего, русский читатель мог прояснить для себя много нового, в том числе и касательно заведений регулярных

частей парка в непосредственной близости от господского дома:

«Многие думают, что порядок должен быть соблюден в той части сада, которая близко дома. Автор, который сие правило предписывает, дает ему безрассудную обширность: но я и самое сие правило остатком предрассуждения почитаю. Не должно закрывать хорошую фасаду, хороший вид, делать дом владельца влажным и нездоровым лишнею тенью; но я не вижу ни малой связи между сими правилами и точным регулярством, которое по многим причинам недозволяемо. Некоторой степени дикости в садах имеет противное действие симметрии построения, и большая часть зданий от того лучший вид имеют».¹³³

Соответственно и парковые постройки также не возбраняются:

«...затруднение в том только состоит, чтоб знать где их употребить должно. Например, в ужасных китайских ландшафтах опустошение должно быть совершенно. Однако мы видим развалины в прекраснейших местах: не то, чтоб одно сие обстоятельство не прилично было; но мы должны рассудить, что в таких положениях превращение свойства места приметно; следственно развалины не должно больше представить как кучу обвалившегося здания. Мы часто видим в садовых строениях, что они сами собою не сообразны, и никакой связи не имеют с местами, кои они занимают. Таковы из корней сделанные дома посреди цветников, гермитажи богато украшенные, дома, деревенской простоте подражающие».¹³⁴

Вводить же в пейзажную среду еще каких-либо объектов следовало с предельной осторожностью:

«Что касается до столбов и обелисков, они обыкновенно для тщеславия возведены. Если б обелиски никогда не стояли на классической земле, мудрено б было узнать, каким образом они в употребление вошли. Есть другие столбы, которые больше красоты в себе имеют; однако б я не советовал некоторых становить между деревенскими предметами, разве позади их лес случится, или на каком либо малом пространстве, окруженном кустами. Употребление статуй в садах также опасно, однако можно их иногда с успехом поместить. Столь щастливо положение водяного бога в Стоургеде! и видел одну фигуру в Гагли, которая казалось летела сквозь аллею. Господин сего места ее снес, может быть почитая сию идею мелочною; но я признаюсь, что мне сия мысль показалась: я только б желал, чтоб пьедестал скрыт был».¹³⁵

Заставляла всерьез задуматься читателя и парадоксальная мысль об отказе от услуг профессиональных садовника. Мейсон был убежден, что подлинно творческий процесс они подменяли незамысловатым тиражированием устоявшихся планировочных схем и композиционных приемов: «Затруднение, находящееся в сей механической части садовничества побудило многих все дело поручать художникам, коих ограниченные мысли привели в большей части здешних садов ничего не значащее сходство».¹³⁶ В большинстве же случаев импонировавшие Мейсону парки были созданы без привлечения специалистов, именно в них он обнаружит самое впечатляющие очертания роц и береговых линий. А потому призывал каждого вдумчивого энтузиаста исключительно к собственной оценке избираемой им местности, призванной стать мериллом подлинно высокого вкуса:

«Школа садовничества состоит в любимых местах природы.

Оно имеет важнейшую дикость в Мальфильдском лесу и в Валийских горах. Веселые ее приятности рассеяны по берегам Темзы. Величественные ее жилища лежат на реках Дове, и Дервенте, в Гикнейской долине, и в Иствелских рощах. Она берет на Ричмондской высоте, веселую важность, и все искусством произведенные вещи к своему украшению обращает».¹³⁷

Ценность петербургского издания Мейсона для отечественных устроителей парков была несомненной. Помимо общего вхождения в проблематику пейзажного стиля, они получили еще и реальную возможность осмыслить новейшие, притом весьма авторитетные суждения о безусловных его достоинствах и явных упущениях.¹³⁸

Третий русский перевод с английского подлинника под заглавием «Нечто о садах» поместят в 1794 г. в один из номеров популярного московского журнала «Приятное и полезное препровождение времени».¹³⁹ Оригинальный же текст представлял собой развернутую записку некоего английского энтузиаста. Она была опубликована еще в 1712 г. в не менее популярном журнале «Зритель» его основателем, бессменным издателем, видным английским поэтом и пропагандистом пейзажного садоводства Д. Аддисоном (Joseph Addison, 1672-1719).¹⁴⁰

Ю.Д. Левин в этой связи отмечал, что «Письмо «Нечто о садах», рассказывающее о человеке, который придавал своему саду вид «натуральной дикости», было напечатано в свое время классицистом Аддисоном как образец чудачества. В конце XVIII в. оно воспринималось как выражение нового эстетического идеала, требовавшего приближения к природе, и т.д.»¹⁴¹

Несомненно, отечественный интерес к содержанию письма подкреплялся общей идеей смелого экспериментаторства, прямо указывавшего на поистине безграничные формообразующие возможности нового стиля. Несмотря на незамысловатость рассуждений автора, все они в действительности отвечали интенсивному поиску выразительных художественных средств на исходной ста-

дии его становления. К тому же отечественному читателю, уже знакомому с переводами сочинений Чемберса и Мейсона, предлагалось вникнуть в суть еще одного практического руководства, позволявшего достичь искомого результата и избежать при этом значительных издержек.

В первых строках своего письма этот постоянный читатель «Зрителя» выражал готовность присоединиться к долго не стихавшей бурной полемике относительно самой сущности пейзажного стиля и привести на этот счет подкрепленные опытом собственные суждения:

«Милостивый Государь! Прочитав недавно рассуждение ваше о удовольствиях воображения, столько пленился я мыслями вашими об Аглинских садах, что не могу удержаться, чтоб не написать к вам письма о сей материи. Уведомляю вас, что все вкус мой в рассуждении садов считают странным. Около моего дому находится много пашен, кои я называю своим садом, и которых искусный садовник может быть не знал бы как назвать. Это нечто иное, как собрание цветников и овощных гряд, плодоносимых деревьев и цветов, кои так смешаны и перебиты между собою, что если бы чужой человек, не выдавший нашей земли, был заведен в мой сад при первом приезде, то почел бы его натуральною дикостью, и одною из необработанных частей нашего Государства».¹⁴²

И далее заявляя, что «к редкостям я не очень привязан», автор проясняет главный смысл своего подхода - при устройстве сада надлежит непременно пользоваться преимущественно местными, притом наиболее доступными, образцами из царства флоры. Смелый экспериментатор не преминул сообщить и о характерных особенностях уже опробованного им на практике собственного формообразующего метода:

«...когда нахожу в поле какую-нибудь травку или цветок, который мне нравится, то тотчас срываю его, отношу домой и сажаю в своем саду. Таким образом когда кто со мною прогуливается, то всегда удивляется видя большую часть земли, покрытую множеством различных цветов, и примечая, что те же цветы, кои он видел под обыкновенным тыном в поле, или на лугу, составляют одно из первейших украшений сего места. Наблюдаемый мною порядок состоит только в том, что я занимаю какое-нибудь пространство произрастениями одного времени года, чтоб они росли вместе, и представляли картину величайшей разнообразности. Такая же неправильность царствует посреди моих деревьев, и походит на дикость. Я не сажаю к себе в сад ничего такого, чтобы не могло в нем расти натурально; и великое чувствую удовольствие, когда прохаживаясь в лабиринте моего насаждения, не знаю, какое встретится мне дерево, дуб ли или яблоня, ольха или груша».¹⁴³

Автор полагал, что неотъемлемой составной частью решительно каждого образцового натурального сада является его естественное многоголосье, также предельно просто достигаемое за счет все тех же местных обитателей:

«Я люблю свой сад больше за то, что он наполнен дроздами, нежели за то, что он изобилует вишнями, и великодушно даю им плоды за их пение. Таким образом, я всегда имею музыку годового времени в ее совершенстве, и великое чувствую удовольствие смотря на галок и дроздов, как они около меня прыгают, и перелетывают перед моими глазами те маленькие аллеи, по которым я прохаживаюсь».¹⁴⁴

И в заключение, в очередной раз руководствуясь исключительно собственным

опытом, он отметит необычайно благотворное влияние сада на формирование нравственной личности:

«Знайте Государь мой, что удовольствие, чувствуемое нами в саду, почитаю я одним из самых невиннейших увеселений в жизни человеческой. Сад был жилищем наших прародителей прежде их падения. Он натурально способен наполнить душу кроткостью и спокойствием, и утишит все мятежные страсти. Он подает довольное сведение о мудрости Провидения, и бесчисленные для рассуждения предметы. Я почитаю то великое удовольствие, которое человек чувствует от сих произведений природы, если не добродетельным, то по крайней мере похвальным навыком души его».¹⁴⁵

Издавались в России и сочинения отечественных авторов, в которых освоение английской теории и практики садоводства происходило уже опосредованно.

Несомненный интерес для каждого русского энтузиаста новейшего садоводства долгое еще время представляли дорожные заметки княгини Е.Р. Дашковой, опубликованные в 1775 г.¹⁴⁶ Здесь впервые на русском языке давалось описание английских пейзажных парков, сделанное уже хорошо осведомленным отечественным автором.

Приоритетную же значимость в деле знакомства русского общества с пейзажным садоводством следует связывать с А.Т. Болотовым (1736-1833).¹⁴⁷

В самой увлеченности Болотова садово-парковым искусством нетрудно выявить два основных этапа. Первый следует отнести к 1760-м гг., когда его увлекли идеи «немецкого эстетика И.Г. Зюльцера, культивировавшего любовь к природе, гармония которой, по его мнению, способствовала совершенствованию внутреннего мира человека».¹⁴⁸ Именно находясь под их непосредственным воздействием, а также привлекая зарубежные пособия, Болотов и присту-

пит в начале 1760-х гг. к созданию собственного парка: «И хотя сначала оба мы (*старик Сергей – помощник Болотова по саду*) до садов не знали, но иностранные книги обоих нас в короткое время так всему научили, что он вскоре сделался таким садовником, какого я не желал лучше».¹⁴⁹ И только на следующем этапе (1770-е - нач. 1780-х) Болотов займется усвоением теории и практики пейзажного стиля. Именно тогда, впитав в себя идеи авторитетнейших английских пропагандистов, он и заявит о себе как о крупнейшем отечественном популяризаторе новейшего садоводства.

Публикации Болотова однозначно свидетельствуют, что русскоязычные издания Чемберса и Мейсона изучались им самым подробнейшим образом. Не случайно в его текстах мы постоянно сталкиваемся с вполне конкретными высказываниями общего и частного порядка, иллюстрирующими самые различные положения английских авторов. Провозглашая, например, на страницах «Экономического магазина» саму идею создания в пейзажном садоводстве самобытного отечественного направления, Болотов, по сути, руководствовался достаточно четкими на этот счет указаниями Мейсона, признававшего существование национального его варианта как единственно возможного:

«Французские и регулярные сады выходят из моды, им начинают уже смеяться; Английские же хотя и в моде, но слишком трудны и неудобны к произведению в действо. Итак, какие же нам делать и заводить и у кого перенимать манеры? (...) Всего бы благоразумнее было бы нам, колико можно, осторожными и не спешить никак перенимать манеры у других, а паче испытать производить сады собственного своего вкуса, и такие, которые бы, колико можно, сообразнее были с главнейшими чертами нашего нравственного характера. Я не сомневаюсь, что таковые сады могли б для нас быть и прочнее и приятнее всех прочих; потому что они, будучи согласны с нашими склонностями, могли б доставлять нам многочисленней-

шая удовольствия и увеселения. (...) Известно то дело, что вся Европа смотрит уже ныне на нас иными глазами, нежели прежде и к отечеству нашему уже не столь малое уважение имеет, как в старину. А при таковых обстоятельствах не было б ни мало постыдно для нас то, когда б были у нас сады ни Английские, ни Французские, а наши собственные и изобретенные самими нами, и когда б мы назвать их стали Российскими».¹⁵⁰

В деле усвоения сложной специфики пейзажного садоводства не менее важную роль сыграет для Болотова пятитомный труд профессора эстетики университета в Киле датчанина К.К.Л. Хиршфельда (С.С.Л. Hirshfeld, 1742-1792). Сам он выскажется на этот счет вполне определенно: «Новейшие же сочинения о садах иностранных писателей, а особливо таковыя теоретическия, каково сочинение часто употребляемого мною Г. Гиршфельда, могут при сем случае подать нам руку помощи и показать нам путь и следы, ко многому хорошему до садов относящемуся».¹⁵¹

Столь подробно изложенная автором «Теория садового искусства» в действительности знакомила читателя с уже сложившейся теорией и практикой английского ландшафтного садоводства. К тому же это капитальное сочинение было хорошо известно в большинстве европейских стран благодаря изданному почти одновременно с оригиналом авторизованному французскому переводу.¹⁵² Соответственно и Болотов, помимо свободного владения немецким, знал и французский, следовательно, мог одновременно пользоваться двумя этими изданиями, продававшимися в книжных лавках Петербурга и Москвы. Показательна в этой связи сделанная им зимним днем 1782 г. следующая приписка: «Кроме разных книг, удалось мне во время своего пребывания в Москве закупить себе и множество ландкарт, также проспективических и других разных родов эстампов...»¹⁵³

В России «хиршфельдовы тома» сразу же привлекут к себе повышенное

внимание и получают самое широкое распространение. Кроме Болотова они столь же основательно изучались Н.А. Львовым. Во французском издании оба этих тома хранились в усадебной его библиотеке в Черенчицах и, по сути, являлись одним из основополагающих источников для собственных воззрений. Судя по сделанным на полях пометкам, Львова особенно привлекли положения Чемберса о «радостных», «ужасающих» и «чарующих» оттенках сада, столь часто встречающихся в китайском садоводстве. Часто суждения Чемберса заслуживают у него наивысшей похвалы: «Браво Чемберс!» Во многом благодаря именно Хиршфельду Львов составил представление о теории Т. Вейтли и нововведениях У. Кента. Приводимые же автором описания позволяют ему вникнуть и в суть устройства самых известных пейзажных парков Англии.¹⁵⁴

С не меньшей основательностью изучала сочинения Хиршфельда и императрица. Примечательно на этот счет уведомление ее придворного библиотекаря: «...в отправленной мною 2-го апреля свертку (...) рассудил дослать и приложенную при сем книгу: Theorie de L'art des jardinne paar Hirschfield 5 Volumes весьма полезную в садовом знании и нередко в комнату требованную, оная також в свет выходила по частям. (...) 4 апреля 1787 г. Лужков».¹⁵⁵

Еще более показательна в этой связи инициатива устроителя обширного пейзажного парка в подмосковной своей усадьбе генерал-майора М.В. Гудовича. В самом начале 1800-х гг. он взял на себя огромный труд перевести на русский язык основную часть сочинения Хиршфельда, видя в том практическую пользу для многочисленных владельцев поместий. Именно об этом неутомимом энтузиасте новейшего садоводства и упомянет в дорожных своих заметках О. Гунн: «Здесь в Ивантеевке познакомился я еще с одним человеком, который, как я выше сказал, обещал мне снять виды сада. Я нашел, что он занимается переводом книг с Немецкаго, между прочими и Теорией славнаго Гиршфельда о садовом искусстве, коей уже три части у него готовы; остается четвертая и пятая. Желательно очень, чтоб он одолев излишнюю свою скромность, издал сие важное сочинение в печать на пользу Российской публики, а наипаче любите-

лей Аглинских садов: ибо из него, что принадлежит до расположения их и украшения, чрезвычайно много почерпать можно. Естли бы он имел нужные к тому пособия, то может быть это бы и исполнил».¹⁵⁶

Популярность «хиршфельдовых книг» была столь велика, что оставила свой след и в отечественной поэзии. В стихотворной форме о самом авторе, сделавшемся к тому времени нарицательным, упомянет и П.И. Шаликов в «Послании к А*И*П***» (1816):

«(...) Бесценные часы! ... Ах! Вспомни, милый друг!
Как вышли в первый раз мы на весенний луг;
Как всякой травкою, листочком любовались;
Как живо прелестями природы наслаждались; (...)
Сей Английский твой сад, богатый красотою
Природы лишь одной, где все ее рукою,
Без поту и трудов людей, подобных нам,
К веселью чистому доставлено глазам;
Где Гиршфельд не имел участия никакова... (...)»¹⁵⁷

Активная пропагандистская деятельность Болотова, нацеленная на закрепление идей ландшафтного садоводства на русской почве, в действительности растянется на целое десятилетие. Подтверждением тому служат многочисленные его статьи, с поразительной регулярностью публиковавшиеся в «Экономическом магазине» на всем протяжении 1780-х гг. Неизменно занимаясь рассмотрением самых различных вопросов формирования совершенно непривычных - нерегулярных парковых композиций, автор всякий раз будет преследовать главную цель - ввести в суть дела по возможности наибольшее число своих последователей. Именно поэтому в максимально доступной форме раскрывалась и роль, и назначение отдельно взятых выразительных средств:

«Регулярство еще повсюду в употреблении, и пред недавним только временем начал распространяться слух об Аглинских новоманерных садах и побуждать и у нас некоторых к заведению у себя оных... Но как тому у нас еще самое малое начало, то сие почти ничем еще почестся может. (...) Вкус сей почитается здравее французскаго, однако как и настоящие Аглинские сады не совсем освобождены от некоторых погрешностей, но имеют также недостатки, непомерности и излишность, то опасаться можно, чтоб мы, перенеся вкупе и оные, не впади при сем случае из одной крайности в другую... чтоб не произошли у нас... такие же уроды и калекки Аглинских садов, каких мы множество видим у себя Французских». ¹⁵⁸

Впрочем, при ближайшем рассмотрении в публикациях Болотова мы постоянно сталкиваемся с вполне конкретными или же общими рассуждениями, всякий раз возникающими по ходу чтения объемистого труда Хиршфельда. ¹⁵⁹ В ряде же случаев имя автора прямо выносится в название статьи: «Общие примечания г. Гиршфельда о статуях». ¹⁶⁰ В данном случае он воспроизводит вольном своем пересказе текст Хиршфельда о «Статуях», взятый из 3-го тома Пятого раздела «О статуях, памятниках и надписях». ¹⁶¹ Или в другой своей статье («Еще некоторые практические замечания, относящиеся до садов новейшего рода, или так называемых Аглинских») он прямо заимствует рассуждения автора из 4-го тома Пятого раздела, помещенные под заголовком «Различные замечания о новом вкусе в создании садов». ¹⁶²

В освоении теории и практики английского пейзажного «вкуса» существенным дополнением к сделанным русским переводам Чемберса и Мейсона послужит Болотову «Описание Китайских садов у Чемберса» и так называемое «Возражение против существования китайских садов в том виде, как их описывает Чемберс», помещенных Хиршфельдом в первом своем томе. ¹⁶² В данном

случае для Болотова оказывается принципиально важным воспроизвести почти дословно основополагающие положения Чемберса. Например, он заострит вопрос относительно наличия водных источников, играющих ключевую роль при выборе места под парк, ибо «по самой справедливости составляют садов с их душу или всех прочих вещей наиболее их оживляют» или же в отношении устройства дорог, которые должны открывать дальние перспективы и «приятные виды», либо создавать «нечаянные» эффекты, «могущие увеселить зрение».¹⁶³ Еще более значимыми для Болотова окажутся находившиеся в том же «Хиршфельдском» томе два авторских раздела: «Происхождение современного вкуса» и «Замечания о старинном и современном вкусе».¹⁶⁴ Они то и станут основой для написания объемистой болотовской статьи «Некоторые рассуждения о происхождении старинного и нового в садах вкуса», помещенной в «Экономическом магазине» в 1786 г.¹⁶⁵ Решительно для каждого энтузиаста садов нового типа это были весьма ценные сведения, прежде совершенно отсутствовавшие на страницах отечественных изданий.

Чтобы как-то сориентировать своего читателя, Болотов вслед за Хиршфельдом счел крайне важным проследить и само развитие представлений о самой сущности и присущих особенностях пейзажного стиля. Именно для этого он обращается исключительно к авторитетным суждениям, всякий раз заостряя внимание на содержащихся в них чисто практических рекомендациях.

Так, вклад первооткрывателя движения Ф. Бэкона (Francis Bacon, 1561-1626) им оценивался особо:

«Славный Фриц Бакон был первой, который испустил некоторые лучи света на сады, однако свет сей смешан был еще много с прежним мраком. Он требовал для хорошего сада 30 моргенов земли, и разделил его на три отделения, или части, а именно: на часть травянистую при входе, на часть лесистую при выходе, и на часть под собственной сад посредине, кроме гульбищ, или дорог

для гуляния по обоим сторонам. Под первое отделение назначал он 4, под второе 6, под каждое боковое гульбище по 4, а под собственной сад 12 моргенов. По обеим сторонам травянистого отделения требовал он крытые дороги, которыми бы в тени идти можно было до самого сада. Украшения и фигуры из разных колеров на земле пред самыми окнами дома, признавал он единими только игрушками, какия находим мы и на тортах; а таким же образом судил он и о стриженных всякими фигурами деревьях. Вместо совершенно ровного места, желал он иметь посреди сада небольшую горку, приятную видом, и на ней красивый летний домик, и чтоб три ряда ступеней возводили на оную. Стоячую воду в прудах и рыбных сажалках изгонял он вон из садов, и требовал чтоб вода вся была всегда текучая. Особливая выдумка заставляет воду бить вверх дугою и другие водяные хитрости, по его рассуждению, не помогают ни чистоте, ни здравости воздуха в садах, ни приятности. Состоящей из лесочков, или третьей части сада должно походить на натуральную дичь коей где могли бы заведены быть тут лесочки из духовишых и цветущих кустарников и дикого винограда, а земли надобно быть тут повсюду усеяной и усаженной фиалками, земляникою и ключиками, для того, что сии травы производят приятный запах и в тени растут хорошо. Лесочки должно садить без всякого регулярства. Маленькие вокруг земляные возвышения хорошо бы обсеить разными цветами и пахучими кустарниками. Вокруг всех сих мест должны извиваться разные дорожки, которые бы были всегда сухи, и по которым бы во все часы дня в тени ходить было можно. Подле большей части из них долженствовало бы насадить всякого рода плодовых деревьев. По концам обоих боков сада можно сделать маленькие горки, с которых бы открывался свободный вид в

поля. В собственном саде надлежало бы дорогам быть широким и усаженным плодоносными деревьями, а можно поместить тут и питомники плодовых деревьев, также разметить в приличных местах хорошенькие листовые беседочки с лавочками, сделанными с хорошим вкусом, однако всему тому не надлежало бы слишком сплоченно быть вместе, но собственному саду надобно быть открытому, чтоб воздух мог его свободно провевать. В боковых ходах должно искать тени, а сад бы был для умереннейших годовых времен, для весны и осени, а летом для утра и вечера. Приятны бы были ходы для гуляния по буграм и разным возвышенностям, если бы снабдила ими сад натура. А все толь многое к великолепию принадлежащие вещи, которые знатные вельможи по совету своих садовников с великими коштами, а с малым рассмотрением сады свои наполняют, не поспешествуют ни мало к истинному увеселению и не придают садам приятности.

Столь ни просвещены сии Боконовы замечания, и сколь ни правильны его предложения, но все были они еще смешаны с другими и такими, которые с чистым вкусом садового искусства были не согласны, и тираническая власть моды так велика, что и толь великий муж не мог совсем преодолеть оную. Он одобрил четверугольную фигуру садов, деревянные арки с башенками, в которых птички в заключении находятся, с позолоченными изображениями, имеющие маленькие полосы расписанного разными красками стекла, столбы и высокие пирамиды из дерева, разбросанные кой где и чем-нибудь осажденные, четверугольные водоемы от 30 до 40 футов, обставленные кругом статуями. И как он в основание полагал некоторую определенную модель, то сие и подало повод ему такому ограничению, которое ни мало не согласо ни с многоразличностию натуральных заведений, ни с

собственной великостию его созидательного духа. Между тем однако был Бекон не только предвестник неродившегося еще искусства, так как его Мазон называет, но учинил некоторое тому и начало. После того самые же сии естественные красоты ландшафтные, долженствующие быть всегдашним достоянием садов, изображал Милтон в описании рая; однако глас сего Герольда хорошего вкуса еще не мог проникнуть сквозь загрубелые предрассудки тогдашних времен».

Столь же основательно Болотов высветит и завоевания У. Темпля (Sir William Temple, 1628–1699):

«Явился лорд Тампль, писавший также о садах, но не с лучшим успехом. Он уверял, что никогда в Англии столь великой склонности к увеселительным садам не было, как в его время, и что они так хорошо были содержены, что нигде не было лучше оных. Но сколь много хорошего и не предлагал он о заведении плодовых садов, о воспитании плодоносных деревьев, растущих в Англии, однако в том, что относилось до вкуса, предписания его далеко были несовершенны. Он требовал четыре вещи для сада: плоды, цветы, тени и воду. Подле самого дому, говорил он, надобно быть лугу, окруженному со всех сторон цветами, недостаток цветов производит некоторую пустоту, которая поправлена быть может несколькими фонтанами и статуями. Самому ближнему месту к дому надобно быть открытому, и не иметь никаких деревьев, кроме развязанных по низким решеткам. Когда же сие место половину сада займет, то может другая наполнена быть плодовыми деревьями, буде кто не похочет, на примере, для тени насадить между обоими половинами лесочек, или рощицу. До сего, говорил Темпль, не совсем неправильно, или

по крайней мере довольно сносно по вкусу тогдашнего времени. Но далее требует сей Лорд совершенного четверугольника, как приятнейшую форму сада, а притом хочет, чтоб имел он совсем ровное, или несколько наклонное положение. Образцом его был Моорский парк которого по мнению своему не находил он прекраснее во всей Англии и ни в иных странах. Посреди усыпанного песком и лавровыми деревьями обсаженной тераса столь большой кабинет, с сего тераса был сход на просторную партеру тремя каменными крыльцами, из коих одно было в середине, а другие по сторонам. В фонтанах, статуях, каменных аркадах, примыкающих к павильону, в гротах с водометами и раковинами, не было тут недостатка. По сему образцу, говорил он, надобно учреждать сады, и чем регулярнее, тем лучше. Однако мрак сего предрассудка освещен был некоторым лучем света. Можно и таким садам быть, говорит далее Темпль, в коих и ничего регулярного не было, а совсем тем были б они приятны и прекрасны. К таковым потребны выгодные положения места, а потом труды и искусство для обрабатывания и переправки беспорядочных мест, и для придания им такого образа, чтоб были они всегда приятны. Он отвергал притом голые каменные стены, которыми по старинному обыкновению сады обносились, и говорил, чтоб для отвращения гнусного действия, производимого ими на зрение, надобно им быть закрытыми. (...)

И уже вслед за Беконом и Темплом Болотов перейдет к разъяснению художественных воззрений Дж. Аддисона, а читателю рекомендовалось обратить на них особое внимание:

«После лорда Темпля явился славный Адисон, писавший также о садах, и с сего времени началась в садовом искусстве приметная

перемена. Адисон изъяснил наперед, в чем состоят истинные увеселения нашего воображения, а из того извлек он правильные замечания о другом манере, повсюду еще тогда господствовавшем. Он утверждал, что вещи, произведенные искусством, в сравнении с вещами, произведенными натурою, весьма недостаточны. Они не могут иметь в себе ничего из той дальновидности и неизмеримости, которые толь много увеселяют дух зрителя. В негладких и неродивых чертах природы находится гораздо более смелого и искусственного, нежели в нежных и гладких чертах и украшениях художеств. Красоты и самого хорошего сада подле дома сжаты в тесных пределах. Воображение наше обозревает их в миг все совокупно, и требует еще нечто множайшее для своего удовольствования. А в обширных полях природы простирается зрение всюду и всюду беспредельно, и насыщается бесконечною многообразием предметов. Мы можем удостоверены быть, что и самые художеством производимые вещи получают великие выгоды от сходства имеющего в себе с натуральными вещами, потому что тут не только сходство увеселительно, но образец весьма совершен. Вообще в натуре есть нечто величественнейшее и славнейшее, нежели в редкостях художества; и как скоро мы увидим хотя несколько удачное подражание оной, то взор сей производит в нас некой лучший род увеселения, нежели искусные и с наблюдением точности сделанные вещи художеством. Пространное и обширное положение места, покрытое садом и лесом, представляющее повсюду некую приятную негладкость, прельщает более, нежели обыкновенное регулярство в увеселительных садах. Для него бы не превращать целые поля в некоторый род садов чрез многую посадку деревьев? Владельцу могло б сие сколько в пользу, столько и к удовольствию служить. Место, поросшее ивами и ветлами, или гора, укрытая тению от ду-

бов, не только прекраснее, но и полезнее, нежели лежащая пустою и никем не украшенная. Хлебные поля представляют зрению приятный вид; и ежели возыметь о извинаящихся между ими дорогах небольшое повечение, а натуральной пестроте лугов помочь сколько нибудь чрез искусство и некоторыми прибавками, а в живых огородах чрез посредство деревьев и цветов сделать разные переменные виды, то можно из поместья составить целый ландшафт довольного изрядства. (...) Таковые мысли, предлагаемые Адиссоном о расположении садов, долженствовали не только произвести благоволение читающей публики, но предприимчивейшую ее часть побудить к действиям».

Несомненный интерес представляли для современников и замечания Болотова о подлинно новаторских нововведениях У. Кента (William Kent, 1685-1748), оказавших, как особо подчеркивалось, поистине огромное воздействие на все последующее развитие стиля:

«Начали умов отображения сии приводить в существование - Кент, муж великих дарований и тонкого вкуса, и коего имя у нас не весьма еще знакомо, был первой, который в начале столетия сего учинил тому начало и стал производить новое садовое искусство в практике. Он оставил обыкновенное регулярство, поелику увидел, что оно умоляет зрение, и наконец производит самое омерзение. Он приметил, что натура симметрию любит только в маленьких вещах и телах, а не в больших пространствах места, и что она в наиприятнейших своих произведениях заставляет господствовать многоразличность и прекрасный беспорядок. Он чувствовал в себе сильные впечатления, которые производят в душе нашей великие и приятные натуральные предметы в свободных и отважных распо-

ложениях, и что сии впечатления гораздо трогательнее и забавнее тех, кои производит маленькие и узорчатые сады и расположения. Он избрал для одного кривую линию, дал ручьям и водам извивающееся течение, обсадил холмы и бугры без выравнивания оных, предпочел зеленый дерн и луг местами, усыпанным песком, открыл для зрения множество прелестных видов вдаль, украсил приятные рощицы зданиями, придав им чрез то еще более приятности. Словом, Кент нашел там сад, где его искал, то есть в натуре. - Его новые рисунки и заведения приняты были единоземцами его с великою похвалою и одобрением, и Британское садовое искусство, попавшее на истинный путь, получило скоро успех весьма великий. Сему первому садоустроителю последовали многие другие мастера, кои пошли сею проложенною тропою отчасу уже далее. С того времени мало помалу стало оказываться более остроумнейших и подробнейших исследований, относящихся до садового искусства в особенности». ¹⁶⁶

В заключении Болотов рекомендовал своему читателю уже самостоятельно почерпнуть новейшие сведения о пейзажном садоводстве из сочинений Г. Хому (Henry Home, 1696-1782) и Т. Вейтли (Thomas Whatley, ?-1772), относительно чего прямо заявлялось: «Из писателей, упражнявшихся в том, наиболее достойны примечания Гома в основаниях своей критики, и Бетели в своих замечаниях о нынешнем садовом искусстве». ¹⁶⁷

И хотя предпринятое Болотовым столь детальное рассмотрение эволюции английского пейзажного садоводства ограничивалось одной лишь первой третью XVIII в. и в целом носило ретроспективный характер, пытливые энтузиасты садоводства в действительности могли уяснить для себя много нового. К уже имеющимся на русском сочинениям Чемберса и Мейсона, с их более или менее современной постановкой вопроса, теперь добавлялся достаточно пол-

ный обзор всего предшествующего периода, представлявшего, как выясняется, самостоятельную ценность и значимость. Тем более, что в нем заходила речь и формообразующих приемах, перемежавшихся с вполне конкретными практическими рекомендациями.¹⁶⁸

В столь стремительно происходившем распространении идей пейзажного садоводства на русской почве не менее важную роль играли всякого рода практические руководства, нередко дополнявшиеся детальными чертежами. Они и позволяли более наглядно себе представить оптимальные соотношения и расположение, несмотря на условность участка, всех главнейших пейзажных компонентов сада, включая и само распределение зелени. Все эти руководства носили рекомендательный характер и не ущемляли инициативу заказчика. К тому же в отличие от регулярных садов их буквальное заимствование едва ли вообще было возможно ввиду сугубо индивидуальных рельефных особенностей каждой отдельно взятой местности.

В 1796 г. Л.Х. Манза издаст в Москве первое такое пособие под названием: «Планы для расположения и разведения английских садов».¹⁶⁹ Адресованное достаточно широкому кругу владельцев, оно демонстрировало пейзажные композиции средней величины.¹⁷⁰ Так, в первом из трех предложенных вариантов всякий раз обыгрывался мотив плавно изгибающегося пруда, становившегося главным его формообразующим элементом.¹⁷¹ Второй иллюстрировал оптимальное расположение главного усадебного дома на открытой возвышенности с подступавшими к нему вплотную дорожками, призванными выявлять и подчеркивать образную значимость плавно повышающегося рельефа.¹⁷² Наконец, третий вариант основывался на совмещении в единой композиции эффектно извивающегося речного русла и двух асимметрично очерченных прудов.¹⁷³ И соответственно на прилагавшихся планах отмечались точечные места высадки деревьев и кустарников с подробнейшим перечислением всех наиболее желательных сортов и разновидностей:

«Клен простой, клен белый, клен красный, черноклен, ясени, гороховники сибирские, терн, чинар, дубы, вишни американские, рябины, липа, клены, кедр, киарис, тополь, сосна Канадская, тис, березы, верба, ива Вавилонская, Сосны. Ели. Кустарники: мелкие деревья - бобовник, чай американский, ольховка, чечевица, овечья, волчий перец, лавр дикий, зверобой, жасмин кустистый, жимолость лазоревая и виргинская, кизил, малина, лабазник (разные сорта), жимолость, барбарис, ольха, береза малорослая, бересклет, чашковое дерево, слива, дерн, бирючина».¹⁷⁴

Аналогичное издание под длинным названием «Собрание новых мыслей для украшения садов и дач во вкусе аглинском, готическом, китайском; для употребления любителей аглинских садов и помещиков, желающих украшать свои дачи» было осуществлено в Лейпциге в 1799 г. параллельно на немецком, французском и русском языках.¹⁷⁵ Как и в первом случае здесь в основном варьировались парковые композиции средней величины, а в качестве определяющего элемента неизменно назначался обширный пруд, обладавший подчеркнуто выразительным очертанием береговых своих линий.

В 1792 г. в Петербурге выйдет из печати «Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства...»¹⁷⁶ Основывался он на переводах Н. Иванова с лучших, как подчеркивалось, зарубежных руководств. Среди прочего, воспользуется он и «Ботаническим словарем» («Botanical Dictionary»), изданным известным в Англии писателем и натуралистом Р. Бредли (Richard Bradley, 1686-1732) еще в 1728 г.¹⁷⁷ Заинтересованный читатель получал, таким образом, возможность существенно обогатить свои знания о всякого рода замечательных растениях и цветах, применяемых и при обустройстве пейзажных парков:

«Молодило. (...) У Англичан много родов находится молодива,

которые вывезены из мыса Доброй надежды. Они столь же хороши, как фиговая, да и разводят их таким же образом. (...) Тюльпан. (...)

Между тем Англичан кажутся быть не очень охотниками до сих цветов, хотя имеют они в своих садах бесчисленное множество разных иностранных цветов, которые в других местах едва известны. (...) Филлирея. (...) Следуя описанию Браделей, пять родов суть всего произрастения... Первый или обыкновеннейший из сих родов должен, говорит сей Английский писатель, разводим быть семенами, приготовленными так как семена колючего терна, или же, можно разводить его еще иными образами...»¹⁷⁸

Здесь же находим и весьма важное замечание об используемой для полива воде: «...славной Английский писатель Браделей говорит, что самая чистая и прозрачная вода, которая течет в сад непосредственно из свежего источника или ключа, не может почитаться лучшею...»¹⁷⁹

Практически одновременно стали появляться на русском языке и рекомендации относительно устройства «английских лугов и газон» - этих неотъемлемых составных частей решительно каждого пейзажного парка. Н. Осипов, например, в своем «Новом и совершенном русском садовнике...» (1794) отметит: «Мурова. Название той мягкой и мелкой травы, которою засевают площадки в садах, и после укатывают катком. Лучшие семена сих трав выписываются из Англии, и называются Газон».¹⁸⁰

Не могли не привлечь внимания современников и чисто практические доводы А. Виккерлина, на собственном примере убедившегося в том, что само заведение настоящего «английского луга», безусловно, оправдано не только с эстетической, но и с чисто практической стороны:

«Многолетние травы составляют у Англичан главный предмет попечения. (...) в Англии всегда большие луга оставляют под паст-

бище, нежели сколько выкашивается на сено. (...) Луга такого рода, для которых обыкновенно выбирают потные, низменные места, по большей части, выправливаются рогатым скотом и лошадьми; с тех же, которыя предполагают косить, убирают только растовое сено; кошение отавы принадлежит к самым редким исключениям; и я вполне согласен с мнением Англичан, которые говорят, что в хозяйствах, основанных на употреблении пастбищ, особенно там, где даже и присмотр за скотиною в полях не требует издержек, гораздо выгоднее пускать на отаву скот, нежели косить ее в позднее осеннее время. (...) Сверх того Англичане находят, что на лугах, которые дважды в год косятся, лучшие травы, мало по малу, пропадают, уступая место худшим; да и самые покосы становятся год от году беднее, чего никогда не случается, если на этих лугах по временам пасется скот. (...) Вообще полагают в Англии, что многолетние луга должно удобрить, если не каждый год, то по крайней мере в два года один раз лучшим перепрелым навозом, или, что еще полезнее, компостом. Такой навоз, в течение зимы, несколько раз с большим старанием разравнивают по лугу граблями, пока он совершенно смещается с дерном, так что к весне нечего уже будет и сгрести».¹⁸¹

В деле знакомства отечественного заказчика с новейшими тенденциями пейзажного садоводства особую роль играл специализированный московский «Журнал садоводства».¹⁸² Именно здесь и поместят в 1838 г. объемную статью «Взгляд на изящную сторону садоводства». В данном случае цели и задачи автора, скрывающегося за инициалами К.А.У.У.А.К., сводились к изложению присущих особенностей «живописного стиля» («picturesque»), на рубеже XVIII–XIX вв. получившего наиболее полное теоретическое обоснование именно в Англии. Однако прежде чем перейти к проблематике заведения парков в самом новейшем их вкусе, автор счел нужным наметить в самом развитии

пейзажного стиля главные ориентиры:

«Аддисон изложил в «Зрителе» прекрасные мысли о садоводстве, а Попе осмеял в своем 4-м критическом письме замысловатость и кукольные забавы прямолинейных садов, и расположил свой сад в маленькой вилле, в Твикенгайме, в лучшем вкусе. Он имел множество последователей, и практика старалась опередить теорию.

Эта новая канва садов отстранила всю мечущуюся в глаза регулярность – везде должна была представляться одна природа. В следствие этого предначертали систему украшенной природы, состоявшую в подражании естественным изящным видам и впавшую еще в большие погрешности, но совершенно противоположные Французским. Погрешности Англичан увеличивались по мере того, как они более и более знакомились с восточным, или лучше сказать, Китайским садоводством. Сады Китайские, всегда малоземельные, всегда преисполненные воды, мостов, башен, пловучих островов и цветников, беседок и других строений, а также фарфоровых, каменных и других разных изображений. Подали мысль Англичанам переполнить ими и свои сады, и Французская регулярность заменилась какою то дикостью-хаосом, не похожим ни на природу, ни на искусство. Кому не известно, какая бездна разнообразных зданий помещалась в Английских садах в виде необходимости. Не только урны и надгробные памятники, но также китайские, турецкие и новозеландские храмы, дома и хижины, замки, монастыри, пустыни и развалины должны были находиться в саду; а для большего подражания природы нужны также были подсохшие деревья и каменные груды; собачья конура делалась по образцу палат. Конюшня капищ; помещались также висячие мосты, по которым должно было проходить, подвергая себя опасности пере-

ломить ноги; душные гrotты, сырые ходы, вонючия болота, представлявшие озера - все это, а иногда и еще более, стиснуто было в столь тесные пределы одного небольшого сада, что он должен был казаться образцовою картою всего страннаго в мире.

Но этого мало; Английский архитектор Чемберс составил следующее описание пейзажного сада, названнаго им китайским: «картины стиля поражающего, говорит он, «должны состоять из мрачных лесов, глубоких долин, недосыгаемых лучами солнца, голых скал, готовых обрушиться, темных пещер и стремительных водопадов, низвергающихся со всех частей гор. Для таких картин деревья должны находиться не в естественном положении, а полуразрушенныя бурями; одне из них опрокинуты и заграждают путь источниками, другия разбиты и опалены молниею. Стрoения должны быть в развалинах, или до половины поглощены пламенем, или подмыты и увлечены водою. Ни чего целого не должно существовать, исключая несколько убогих хижин, разброшенных кой-где по горам и свидетельствующих только о нищете своих обитателей. Нетопыри, коршуны и хищные птицы витают по кустам. Львы, тигры и шакалы перекликаются в лесах; голодные животные блуждают по равнинам. По обеим сторонам дороги видны виселицы, кресты, снаряды для колесования и разной пытки; а в самой ужасной глубине лесов, где дороги почти непроходимы и покрыты ядовитыми растениями, где каждый предмет носит на себе исчезнувшего народонаселения, вы найдете храмы, посвященные мести и смерти; в скалах глубокия пещеры, сходы, ведущие между терновником и хворостником к подземным жилищам. Близ них помешены каменные столбы с печальными надписями трагических событий, или с ужасным поветствованием о безчисленных жестокостях, совершенных тут разбойниками и изгнанниками давно минувших

времен. А чтобы дополнить изящество ужаса таких картин, можно устраивать на вершинах высочайших гор углубления, помещая в них какие-либо литейные заводы, печи для обжигания извести, или стекольные заводы, от которых поднимался бы густой дым и огромные клубы пламени, что может дать таким горам вид вулканов. И это-то отвратительное, безобразное сборище не стыдно было назвать естественным, пейзажным садом?

Конечно, было бы несправедливо называть все английские частные расположения в садах безвкусными; однако мы уже видели до чего довела теория Англичан бедную природу.¹⁸³

И далее, переходя непосредственно к изложению собственных взглядов на сущность садоводства, автор вплотную подводил читателя к надолго захватившей воображение современников новейшей английской теории «живописности»:

«Из всего сказанного проистекает следующее правило для садовника: он должен быть на каждом шагу своего произведения живописцем природы, и в этом звании соединять только такие предметы между собою, которых форма, группировка, гармония цветов, перспектива и пр. в состоянии производить эстетическое чувство в зрителе. Хотя идеи наши и не получают от такого совокупления столь определенного направления, как в поэзии или в пластике, но их уделом будет эстетический строй, подобный тому, который остается в душе нашей после прекрасной музыки.

Но не одно желание видеть эстетическая картины природы образует в нас склонность к разведению садов, сюда примешиваются еще другие отношения – удобство прогулки, чистота воздуха, ароматы и прохлада. От этого-то мы замечаем почти в каждом человеке

охоту к садоводству; та или другая причина влечет его к разведению сада; та или другая руководит его в размещении частей в нем. Старец и младенец находят удовольствия в саду; богатый вельможа и последний гражданин заботятся о саде или садике. Герой, сложив бранные доспехи, и мудрец, закрыв книгу идей, спешат в объятия природы, взлелеянной руками искусства, спешат к своим садам, доставляющим всегда истинное и спокойное удовольствие, менее всех убыточное и всегда постоянное в предлагаемых им наслаждениях».¹⁸⁴

В такой постановке вопроса вполне различимо воздействие художественных идей таких основоположников «живописного стиля» как Х. Рептон (Humphry Repton, 1752-1818) и Д. Лаудон (John Claudius Loudon, 1783-1843). Первый опирался на метод сравнительного анализа и в известных своих «Красных книгах» («Red Book»), зарисовывая прежде отдельные участки парка, предлагал их легкую коррекцию или существенное «исправление» для достижения наибольшей художественной выразительности. Другой был более всего известен своими сочинениями по теории и практике «живописного» садоводства.¹⁸⁵ Поэтому особого внимания заслуживал как раз тот фрагмент статьи, где читателю прояснялась суть понятия «украшенной фермы» («ferme ornee»):

«Сады рассматриваются у нас более в техническом, нежели изящном отношении. Нет однако же никакого сомнения в том, что сад, разведенный не только для увеселения, но даже с целью пользонаслаждения, может расположен быть изящно. Это мнение подтверждается практически – самими садами».¹⁸⁶

Сама идея более-менее органичного совмещения «утилитарной» и «представительной» составляющих усадебного комплекса была впервые сформулирова-

на английском садоводом С. Свитцером (Stephen Switzer, 1682-1745).¹⁸⁷ Сам же владелец Лизовер У. Шенстон вынужден был вслед за Свитцером согласиться с французским происхождением термина, но в одном из писем прямо заявлял: «У французов «parque ornee», а я своему поместью даю название «ferme ornee». К концу столетия, помимо Лизоу, значение термина уже прочно ассоциировалось с целым рядом поместий (Riching Park, Buckinghamshire; Apps Court, Surrey; Mickleton, Gloucestershire; White Knights, Berkshire; Enville, Staffordshire; Woburn Farm, Surrey).¹⁸⁸ Очень скоро идеи Лаудона получают самый заинтересованный отклик не только в самой Англии, но и далеко за ее пределами. В немалой степени тому буду содействовать выпускавшиеся во множестве богато иллюстрированные пособия, «которые в руках опытных садовников служили вполне конкретными методическими рекомендациями».¹⁸⁹

Впрочем, отечественного читателя интересовали в первую очередь содержащиеся в статье чисто практические рекомендации, отвечавшие к тому же самым последним тенденциям садоводства. Не случайно автор поместит их в отдельную рубрику «Вообще о саде».

Прежде всего, настоятельно рекомендовалось заводить сады на возвышенностях:

«Окрестные же виды, счастливо расположенные, очаровывают иногда до того воображение, что дают ему повод соединять их с самим садом и таким оптическим обманом уничтожать совершенно рамки его. Поэтому сады, расположенные на возвышенных открытых местах, окруженные приятными видами, имеют всегда преимущество пред находящимися в закрытых лощинах».¹⁹⁰

Принципиальное значение приобретал вопрос и о наиболее естественном облике столь часто используемых ограждений:

«Сады огораживаются разными способами, как то: каменными оградами, деревянными заборами, решетками, частоколом, разного рода плетнями и заборами живыми, или растущими. Из всех родов огораживания рассматриваются здесь только последний, как представляющий собой также подражание природе. Для живых заборов употребляется обыкновенно терновник, бузина и многия другикия кустовыя растения, сажаемые так плотно между собою, что пасома на полях скотина не может пройти между них в сад. (...) При устройении живых заборов никогда не должно делать длинных прямых линий, но изгибать их, для чего и деревья сажать в открытых местах группами, дабы тем скрыть сколько можно более настоящия границы сада. Если случится подле забору ручей или речка, то должно включать их непременно в сад и вести забор по другой стороне берега»;¹⁹¹

Автор полагал, что и перспективное восприятие должно быть созвучным личностному настрою:

«Предметы, вполне обозреваемые издали, должны производить внутреннее удовольствие; иногда рассеивать мрачные мысли, иногда погружать в меланхолию. К первым принадлежат обширные луга с извивающимися по ним ручейками, фонтаны, открытые виды легкой природы на обширном горизонте окрестности, и тому подобное; к последним дикие скалы, пруды, обросшие ветлами, каскады, надгробные памятники или темный лес».¹⁹²

А потому и «окрестность каскада должна вообще иметь вид строгий, величественный и угрюмый, иногда даже мрачный».¹⁹³ Следовательно, «сад должен быть так устроен, чтобы гуляющий в нем в первый раз, чувствуя даже уста-

лость, желал бы обозреть все части его и над каждой частью или компаритивом частей невольно останавливаться».¹⁹⁴

Ставя во главу угла новизну восприятия, автор считал вполне оправданным введение в пейзажные композиции и плодово-ягодных культур:

«Я полагаю, что помещение плодовых деревьев в садах увеселительных не только что не противно общей цели последних, но даже прилично. Не будет ли яблонь или груша, помещенная в открытом лужку, или на островке, придавать еще более прелести увеселительному саду, сохраняя единство с другими деревьями, но составляя с ними также и большее разнообразие?»¹⁹⁵

В отношении же устройства дорожной сети настоятельно рекомендовалось избегать ошибок прошлого:

«От конца луга, находящегося перед домом и против самого выхода из него должна начинаться главная прямая дорога (открытая аллея). Нарушение этого правила есть нарушение вилчественного вида из дому. (...) От этой дороги должны идти в разных местах и направлениях в обе стороны узкие дорожки излучинами и простираться по всему саду; (...) Кривые дорожки должны вести гуляющего к разнообразным предметам природы и искусства, тесно между собою соединенных; но вести таким образом, чтобы везде поражала нечаянность, неожиданность; на пример так, чтобы на крутом повороте дорожки прийти в густой лесок, в открытую равнину, к прекрасному цветнику, к мостику, ведущему на остров удовольствия, или к броду, показывающему путь к заглохшему, или как бы забытому месту. (...) Но еще должно заметить что с тех пор, как вкус Французский в разведении садов заменен Английским, многие

садовники впали в противную крайность; они оставили совсем прямые дороги, и начали делать столь искривленные, что желая подражать природе, совсем отошли от нее, и, закрывая искусство излишеством выдумок, явно его обнаружили».¹⁹⁶

Да и в рекомендациях относительно облика садовых построек в качестве исходного признавался принцип предельной естественности:

«Строения также придают красоты саду, но только тогда, когда они помещены на приличных им местах и без излишества. Характер садовых строений требует более простоты, нежели пышности».¹⁹⁷

Большой фрагмент авторского текста был посвящен водной составляющей, по-прежнему считавшейся основополагающим элементом решительно каждой пейзажной композиции:

«Бассейны помещаются в садах как для удобства поливки, так и для украшения. Они делаются круглые, овальные, квадратные и параллелограммные и вообще многоугольные, но всегда правильные; чем обширнее они, тем лучше для сада. Однако же если бассейны превышают длиною свою десять сажень, то называются уже прудами; (...) Для расположения прудов, приближающихся к природе и требующих меньшего труда и издержек, можно предложить следующие правила: сад надлежит располагать преимущественно близ речки или больших ручейков, дабы воду их можно было употребить для предположенных прудов; потому что проточная вода бывает всегда светлее и чище стоячей, и никогда не зарастает болотными травами. (...) Вообще пруды должно вести излучинами, а не

прямыми линиями, не стараясь давать берегам их везде одинакового разстояния, но соображаться в этом случае с местоположением, чрез что можно получить вид более естественный, и избегать делания искусственных берегов, всегда менее прочных и требующих почти ежегодно поправки. (...) Так как лучшим положением воды почитается проток ея подле саду, почему проводя воду через сад, должно всегда стараться чтобы близ берегов ея находились лески и рощицы; тогда вода, видимая сквозь деревья, составит прекраснейшую в этом роде картину природы. В конце воды можно сделать легкий изгиб берегов, сблизить их между собою и густо обсадить всегда зеленеющимися деревьями; по самым же краям берега насадить местами ветлы, дабы сучья их, разросшись, повисли над водою. – Иногда дозволяет местоположение делать каскады; этого случая никогда упускать не должно.

Главное дело при расположении в садах воды состоит в том, чтобы сколько можно более приближаться к природе и скрывать искусство. (...) Острова придают чрезвычайную красоту саду и разнообразность их можно довести до бесконечности, однако же никогда не должно делать совершенно круглых, квадратных или какой либо другой правильной фигуры; равным образом должно избегать и острых углов. Острова устраиваются поросшие лесом, кустарником, зимующими высокими цветами, или разною высотой травною; иногда ровные, иногда же гористые: иные с строениями, другие без них. В самом большом саду должно быть число искусственных островов не более трех или четырех; но если случаются естественные острова, то можно все оставлять, сколько бы их ни было. (...) Гладкие острова украшаются цветами, или между группою печальных елей ставится памятник, в половину из за них видимый». ¹⁹⁸

Приводимые автором более частные рекомендации в действительности представляли собой своеобразную азбуку «живописного стиля»:

«Главными частями, входящими в состав садов, должно назвать аллеи, рощицы, кабинеты, компартименты, лабиринты, шпалеры, лески, группы, равнины, партеры, дороги, рабатты, терассы, статуи, пруды и бассейны, острова и заборы. (...)

Аллеи, или прямые дороги, обсаженные в один или несколько рядов, бывают: открытые, закрытые, подчищенные, неподчищенные, сплошные и пролетные. (...)

Рощицы образуются из высоких деревьев и кустовых растений, сажаемых в разных отделениях сада различными фигурами, сообразными с природою и местоположением. (...) Для рощиц употребляют всякие деревья кроме ольхи и ветлы, но не должно однако же мешать хвойных деревьев с лиственными, особенно если рощицы видны из дому; зимою будет такая группа представлять очень неприятный вид и нарушать идею единства. (...)

Кабинеты. Так называются обсаженные сплошным рядом деревьев небольшие места, имеющие форму круга, квадрата, параллелограмма или многоугольника. Верх кабинета должен также плотно закрываться сучьями окружающих его деревьев, а для большей густоты стен обсаживаются оне со внешней стороны высокими кустовыми растениями. (...)

Компартименты. Хотя этим именем и называются вообще части, хорошо между собою согласованные, но в особенности принадлежит это название мелким частям, которые именно по мелкости своей рассматриваются вместе; таковы, например, грядки, лужки, цветники и заключающиеся между ними дорожки. Для разбивки

компартиментов служит руководством в некотором отношении местоположение, но преимущественно воображение, нежели правила. (...)

Лабиринтами называются искривленные в разных направлениях дорожки, проложенные так чрез лесок, что в глубь его прямым путем пройти невозможно. Чем запутеннее ходы, тем более лабиринт имеет достоинства. (...)

Под именем шпалер разумеются рядами насаженные деревья, как плодовые, так и простые, у которых сучьи развязаны по решеткам, нарочно для того сделанных. Шпалерами хорошо окружать овощные сады и парники; (...) Так как шпалеры входят в состав садоводства по одной только приносимой ими пользы, а сами же собою не составляют никакой эстетической картины, то статья об них включается здесь единственно для того, чтобы указать настоящее их место, и тем исключить совершенно из садов увеселительных. (...)

Лески служат большим украшением для сада, но при насаждении их должно наблюдать, чтобы они не были слишком близко к дому, для избежания происходящей от них сырости. Должно также стараться о том, чтобы они не закрывали тех окрестных видов, которые заслуживают быть открытыми. (...) Скрываемыя тайны лесков могут состоять из чистых лужков, небольших строений, надгробных памятников, статуй, ручейков и пр.»; (...)

Группами называются партии, составленные из одних стволовых, или из одних кустовых дерев, или из тех и других приятно перемешанных. (...)

Равнины, или луга помещаются преимущественно перед самым домом, также и перед другими строениями, особенно же поставленными на возвышенных местах, с которых можно обозревать

значительную часть горизонта, или хотя отдельный, но прекрасный какой вид. Такие луга должны быть всегда достаточно просторны, совершенно ровны и чисты, и к той стороне, где находится строение, несколько возвышенны. (...) Равнины украшаются насажденными по одиночке деревьями и малыми группами, расположенными довольно редко и нерегулярно; ближайšie из них ставятся на таком расстоянии, чтобы удобно можно было различать сорта их. Траву на таких лугах надлежит косить часто, но не очень низко, от чего получается прекрасный вид ровной зелени. Можно также равнины обсаживать также вокруг одинокими деревьями, оставляя пролеты для хороших видов и закрывая неприятныя почему-либо места большими группами. (...)

Партеры, отделения или части равнин, ближайšie к дому, обсаживаются обыкновенно низко подстриженным барбарисом, крыжовником и другими подобными не высокими растениями. (...) Форма партера также может быть разнообразна, но самая лучшая эллипс или параллелограмм, обращенный длинным боком к дому. (...)

Дороги делаются в садах тремя образами, как то: крепкия или английския; земляныя, просто песком усыпанная, и дерновыя... Первыя, по твердости своей, гладкой поверхности и чистоте, почитаются лучшими, и только по одним экономическим расчетам употребляются вместо них земляныя. (...)

Рабатты, или цветочныя грядки, которыми обводятся большіе цветники, лужки и группы, а также и открытыя аллеи, бывають двух родов: земляныя и дерновыя. Первыя делаются небольшим овальным возвышением из насыпной хорошей земли, а последнія горизонтально; (...) На земляных сажаются цветы в один ряд, большею частью зимующіе, на дерновых же ставятся горшки и кадки с цве-

тами и деревьями. Рабатты служат для садов тем, чем орнаменты для зодчества; (...)

Террасами называются естественные возвышенности или насыпи, получившие от руки искусства правильный вид. Оне помещаются перед домом, а также и в различных местах сада... (...) Насыпи для террас, перед домом находящихся, делаются точно также как и английския или крепкия дорожки; (...) Ширина террас почитается самую красивою, когда она втрое более вышины своей».¹⁹⁹

В том же 1838 г. в «Журнале садоводства» была помещена статья «помещика» Г. Мазуревского «О устройении Английских садов на ровном местоположении и об акклиматизации растений».²⁰⁰ Во введении, пытаясь обрисовать досадные изъяны чисто формального подхода к заведению пейзажных парков, автор отмечал:

«Весьма недавно еще у нас в России называли Английским садом всякий сад не фруктовый и не симметрически расположенный, но такой, где между разбросанными без всякой идеи, дикими деревьями, проведены были кривыя дорожки без всякой отчетливости; где была вода, там закрывали ее целым архипелагом крошечных островков, чрез которыя набросано было, как можно больше, мостиков, без всякой видимой необходимости, а если еще прибавлялось к этому несколько насыпных горок, то такой сад считали современным. Фруктовые деревья были изгнаны из таких садов; хотя сады картинные, иначе называемые натуральными, по самому их названию, должны состоять из всех деревьев, производимых природою места и всех иноземных, могущих переносить климат. Мне нередко случалось слышать мнение садоводцев-классиков, утверждавших, что Английской сад устроить гораздо легче, нежели, так называе-

мый Французский или регулярный: стоит только насадить диких деревьев, говорят они, где деревья не примутся, там будут площадки, лужки, нисколько не заботясь о физиономии ландшафт, какой от этого произойдет и подкрепляли свои доводы тем, что одно не принявшееся дерево в аллее портит целую аллею. Если можно рассматривать Английские сады с такой точки эстетического понятия, то и в таком случае надобно пожалеть, что для устройства однообразного регулярного сада, так много требуется забот и что нередко красота их погибает, от нескольких деревьев непринявшихся».²⁰¹

Хорошо знакомый с новейшими принципами садоводства Мазуревский особо подчеркивал сложность устройства пейзажного парка на маловыразительном плоском рельефе, характерном для большинства центральных областей России:

«Вообще же поэзия садов картинных, как всякая другая, требует сильных переходов, резких черт в обрисовке. На живописном местоположении, орошаемом ручьем или речкою, нетрудно, воспользовавшись удачно местностию, без большого приложения искусственных средств, сделать прекрасный картинный сад. Но чтобы устроить хороший сад на ровном местоположении, надобно много соображений, средств и сметливости; иначе он не произведет ни какого эффекта, будучи подобен обыкновенному лесу и не удовлетворит требованию изящного вкуса. Какие же меры должно употребить, чтобы на самом невыгодном для Английского сада местоположении, совершенно ровном, сделать сад возможно занимательным? Вопрос решить легко. Надлежит как можно сделать его живописнее, ландшафтнее».²⁰²

Вместе с тем, избегая излишних издержек, Мазуревский рекомендовал при устройстве «аглинского сада» поступать следующим образом:

«Надлежит стараться разсаживать деревья фруктовые, какия могут выносить климат, дикорастущия, какия представляет местность, в возможно различных видах, а чтобы сделать сад как можно разнообразнее и дать его физиогномии так сказать особенный характер пред нашими лесами, надобно стараться соединять наши туземныя растения с иноземными и удачным их смешением между собою производить то, что делает пейзажист, смешивая различные оттенки. Но где же достать такое множество растений, чтобы стало их насадить на большом пространстве? Купить всего легче. Но какая сумма на это потребуется? (...) Из этого видно, что для достижения, иметь большое количество растений иноземных, единственное средство состоит в размножении их, преимущественно посредством семян на месте, где они так сказать родясь, с малолетства своего, осваиваются с новою почвою и климатом».²⁰³

И далее, ссылаясь на многолетнюю экспериментаторскую свою деятельность, автор обращал внимание читателя на простоту, а стало быть, и безусловную доступность такого метода для большинства устроителей «аглинских садов»:

«Занимаясь более 10 лет садоводством в имении моем Курской губернии Путивльского уезда в селе Николаевске, по географическому своему положению, находящемуся в средней полосе России под 50 градусов северной широты; делал я опыты над оклиматизированием многих растений... а теперь позволю себе сказать несколько слов, об заведенном мною в том имении Английском саде. По необходимости, я избрал для сада моего место ровное, на остав-

ленном для этого предмета пахотном поле, прилегающее одною стороною к пруду. (...) На другой год, растения укореняясь, своими ветвями, производили достаточную тень, которая препятствовала расти траве и посадка с этой стороны была обеспечена. Таким образом, хотя леса были отдалены от имения на 40 верст из коих привозились дикия деревья я успел завести у себя молодые рощицы, менее нежели в 6 лет. Первоначально, приступил я к ограждению моего сада дикими деревьями и принаравливаясь дать ему вид разнообразной садил их в ином месте в виде амфитеатра разсаживая деревья, сообразно их естественному росту, начиная с дерев, достигающих самого высокого роста и постепенно оканчивая посадку кустарниками орешником, береслетом, крушиною, сириною, крыжовником, спиреями, розами, и под; в другом месте делал посадки в виде густаго леса, к опушке коего садил и фруктовые деревья, - яблони, груши, вишни и проч. Обставив таким образом внутренность моего сада как бы рамою, за которою ничто не мешало воображению гуляющего, предполагать продолжение самого сада, я сохранил единственный лучший вид на воду, не закрытым. После этого приступил к самому труднейшему делу, обрисовке внутренней части сада. Совершенная плоскость места без всякого разнообразия, заставила меня прибегнуть к составлению искусства чтобы составить какой либо внутренний вид. Оставив довольно места для зеленых площадок, я разсадил посадки таким образом, что в ином месте составляли они зеленые холмы (*massif*); для сего деревья садить сообразно их росту постепенно ниже и однообразности листьев их и зелени. В другом месте редкия группы, инде разбросанныя деревья и кустарники; с этим вместе наблюдал, чтобы всякая часть отдельно посаженных деревьев и кустов, состояла из возможно разнообразных и редких растений».²⁰⁴

Впрочем, воспользоваться результатами этих своих трудов автору статьи так и не придется: на южном берегу Крыма он в 1830 г. «купил землю во все не обработанную, развел виноградный и фруктовый сады», что и привело к необходимости продажи курского имения.

В 1860 г. уже отдельной книгой выйдет из печати еще одно сочинение о садоводстве. Его автор А.Р. Остафьев, видимо, не раз посещавший Англию, счел нужным поделиться с читателем многолетними своими размышлениями относительно заведения и обустройства все тех же «аглинских садов», хотя отмена крепостного права уже перешла в чисто практическую плоскость.

Проживая в деревне с молодых лет, автор так сильно был увлечен идеями пейзажного садоводства, что стал размещать статьи на эту тему в «Журнале садоводства»:

«Этому уже много лет назад; с тех пор, занимаясь постоянно, в свободное время, с любовью интересующим меня предметом, именно разбивкою местностей под английские сады, так называемые ландшафтные (*jardins paysagers*), я вполне убедился, что нет местности, которую нельзя было бы сделать приятною для глаз... (...) Мне несравненно более нравятся ландшафтные английские сады, с большими газонами, кривыми, капризно извивающимися дорожками, открывающими на каждом шагу зрителю новый ландшафт, где все партии и группы естественны, близки к природе, - ничего натянутого, уродливого, все просто и в то же время изящно, - чем однообразныя, темныя, прямолинейныя и вечно сырыя французския аллеи, - мрачныя и наводящия уныние при совершенном отсутствии естественности».²⁰⁵

Приняться же за большой труд Остафьева подвигли вполне конкретные обстоя-

тельства: «Много раз по просьбе моих соседей случалось мне разбивать и устраивать небольшие садики и цветники».²⁰⁶ Соответственно и рекомендации автора в основном сводились к устройству парков средней величины и по умеренной цене, что как раз отвечало запросам большинства среднепоместных владельцев. К тому же «немецкий опыт» в этом деле так и не привел к желаемым результатам:

«Англичане, как творители этого рода садов, дошли в устройстве своих парков до совершенства, но их планы мало применимы к небольшим местностям, они слишком обширны по размерам. Германцы много старались о применении их к малым пространствам, но их вкус, как людей флегматичных и сосредоточенных – слишком однообразен, симметричен и тяжеловат, тогда как в ландшафтных садах разнообразие и живость пейзажа составляет главную их прелесть.(...) На русском языке образцовых, оригинальных сочинений по этому предмету, кажется, никаких нет; английские очень дороги и не каждому доступны...»²⁰⁷

Развивая вслед за Мейсоном мысль о соответствии пейзажного сада особенностям окружающей местности, Остафьев со всей определенностью заявит:

«Местности среднерусских великороссийских губерний не лишены в свою очередь природой оригинальной красоты и сама-же природа указала человеку, чем он обязан довольствоваться. Каждому дано свое, и на долю нашего далекого севера природа была не менее щедра, она носит здесь на себе печать какой-то особенной, чудесной поэзии, навевает на душу много дум, - Крым, Кавказ, Финляндия и Урал – прекрасны и величественны горами и гранитными утесами а первые притом и растительностью, - берега Волги, Камы

и др. роскошными, обширными, изумрудными лугами; Вятка, Пермь и Сибирь, вековыми лиственничными, кедровыми, пихтовыми и другими хвойными породами и т.д».²⁰⁸

Автор также советовал с предельной основательностью подходить и к выбору участка:

«Для разведения ландшафтного сада избирается преимущественно местность несовершенно ровная, а напротив того несколько волнообразная, потому что первая всегда очень однообразна, и утомляет зрение. Сравниваются и засыпаются только самые резкие возвышенности и буераки. Решившись окончательно на избранную местность, надо тщательно измерить и исследовать все ее особенности и обнять общий вид местоположения, чтобы ни одна из разнообразных красот, представленных природою, не пропала без пользы и послужила бы к вящему украшению ландшафта. По окончательном же нарисовании и утверждении плана на бумаге, приступить уже к перенесению его на землю... (...) Самая счастливая местность под Английский сад, если она идет от господского дома легким наклоном и в особенности к воде, тогда из окон или с террасы дома, естественным образом будет открываться вид на весь сад лишь бы не закрыть его древесными партиями искусно расположенными. (...) При избрании места под ландшафтный сад, прежде составления на него плана, необходимо назначить несколько главных пунктов, от которых должны идти все партии и этих пунктов открываться лучшие виды на весь сад. Само собою разумеется, что главный пункт – это господский дом, потом могут быть другия строения, беседка, павильон, берег реки, скамейка для отдохновения и т.п. Все эти места обозначаются твердо вбитыми в

землю кольями, вышиною в два и более сажени, чтобы они отовсюду были видны, и от них располагаются уже дороги, газоны и древесные партии».²⁰⁹

Настаивал Остафьев и на четкой последовательности проведения работ в тесной зависимости от решения вполне конкретно поставленных проектных задач:

«К числу первых работ относятся: вырытие речки, пруда, устройство дорог, нивелирование местности, засыпание ям и рытвин, искусственные насыпи, устройство плотин и проч. (...) Берега водоема, как бы он не был обширен, должны быть всегда отлоги и иметь живописное очертание, то есть чтобы отнюдь небыло ни прямой линии, ни резких углублений и извилин; в этом случае необходимо руководствоваться исключительно натуральными озерами... (...) Речка и исток, всегда один из самых живописных украшений ландшафтного сада, они должны, грациозно изгибаясь, образовывать своим течением самые разнообразные, смелые и крупные извилины, местами то суживаясь, то снова расширяясь, теряясь в густоте кустов и снова выбегая на открытую поляну, или, местами, сквозя между редко разбросанными отдельными деревьями и т.д».²¹⁰

Автор считал крайне важным предупредить и об общем соответствии дорожной сети исходной величине парка:

«Маленькое пространство, испещренное множеством ломанных, пересекающихся между собою тропинок производит на меня впечатление кривых ног громадного паука. Все и всегда обязано находиться в границах здравого смысла и совершенного соответствия»

ния со всем окружающим и с объемом местности».²¹¹

Целый ряд не менее ценных замечаний автора было адресовано «насаждению деревьев». Он считал это дело «самым многотрудным», требующим «много сметки, опыта, распорядительности». Наиболее же предпочтительнее брать за исходный образец природные формы, но при этом рекомендовалось не впадать в досадные крайности:

«Я рекомендую любителям внимательно приглядываться к естественному расположению натуральных рощиц, боскетов и т.п., занимающих не очень большие пространства и с тем сообразовываться для своих садов. Вековые же хвойные леса, тянущиеся в северных наших губерниях на десятки сотен верст, имеют исключительный, своеобразный характер и свойства. (...) Эти гиганты, от веков стоящие на своих местах не применимы ни в каком случае к искусственным насаждениям садов и парков и всякая попытка к подражанию, в этом случае, будет всегда казаться жалкою. (...) Группы хвойных деревьев, составленные из 6, 8 до 10 экземпляров вместе, чрезвычайно эффектны на большой луговине, отражаясь на фоне светлозеленой сплошной массе ближайших к ним лиственных куртин. Такой же эффект производит и светлая группа на темном фоне; но с посадкой в ландшафтных садах и парках хвойных деревьев вообще следует поступать очень осторожно и осмотрительно».²¹²

Для формирования живых изгородей автор советовал воспользоваться двумя наилучшими способами. Один из них предусматривал широчайшее применение цветущих кустарников – «обыкновенный белый и сибирский красный боярышники, шиповники, жимолость, берберис, терн, крыжовник, акация и др». В другом же случае под «живой плетень» предлагалось употребить одни только дре-

весные породы («иву, березу, дуб, дикую яблонь, ольху, липу, рябину, клен, орешник и мног. др., смотря по местности и почве»)²¹³

Несомненную ценность представляли и отдельные замечания автора относительно введения в пейзажную среду всевозможных садовых культур: «Красивый лесок вишняка. Аллеи из слив и груш и т.д. Все это вместе представит взору каждого поразительный эффект, заставит совершенно забыть прозаическую сторону их назначений».²¹⁴

Устройству стриженного луга придавалось принципиальное значение, Остафьев даже перечислит наиболее подходящие для этого сорта трав и удобрений:

«Мы уже говорили о существенной необходимости каждого мало-мальски изрядного садика, иметь непременно в своих границах красивую лужайку (газон). Между тем, как редко случается видеть у нас газон, который бы, по свежести и густоте своей, напоминал хотя бы сколько нибудь встречаемые в Англии на каждом шагу... Причину этого обыкновенно приписывают климату, но я твердо уверен, что много зависит также от приготовления почвы, выбора трав для посева и главное от постоянного и внимательного за ним ухода, а на это-то последнее русский человек очень неподатлив по беззаботности характера и в силу любимых поговорок, сроднившихся плотно с нашею жизнью «авось, сойдет и живет и так. (...) Укатывание катком после каждой косьбы первое и совершенно необходимое условие, этим только и можно исправить несколько то, что коса испортит».²¹⁵

Решительно для каждого владельца имения заслуживали также пристального внимания вполне конкретные суждения автора относительно расположения и устройства всевозможных цветников:

«Большая клумба размещается обыкновенно на окраинах газонов, при поворотах дорог, и не в дальнем от них расстоянии, преимущественно советую засаживать их одноколерными цветами, не очень резких оттенков, наблюдая, чтобы середина клумбы была всегда несколько возвышена, спускаясь исподволь к ее окраинам. Очень красиво подбирать колера в тень, напр. Начиная от светлого идти рядами к темному по середине клумбы и на оборот, последнее впрочем не так эффектно. Клумбы из очень ярких цветов лучше помещать в отдалении, где они эффектно отражались бы на темном фоне зелени, иначе они производят слишком ослепительное впечатление на зрение».²¹⁶

Полностью разделяя базовые положения Мейсона, автор призывал решительно во всем руководствоваться конкретикой места. А потому и для заведения всякого рода садовых руин он рекомендовал принимать за исходный образец исключительно местные памятники древности:

«Мне года два назад, довелось с особым наслаждением полюбоваться такими остатками древней болгарской столицы, теперь простое не богатое государственное село Болгары. Подобная развалина кроме оригинальной своей прелести, сильно возбуждает фантазию и настраивает воображение; точно также грандиозные остатки построений древних и позднейших эпох, достойно и уместно будет парадировать в парках Черноморского побережья, остатки рыцарских замков в местах прибалтийских и тд».²¹⁷

Введение даже небольших скульптурных изваяний в рукотворную пейзажную среду Остафьев считал крайне нежелательным. Впрочем, если заказчик на том

будет настаивать, то тогда следует ограничиться исключительно светлыми породами камня, как менее всего привлекающим к себе внимание.

Демонстрируя мастерское овладение избранным предметом, Остафьев этим своим сочинением фактически подвел общий итог семидесятилетнего развития отечественной мысли в области пейзажного садоводства, подтвердив тем самым тесную ее зависимость от идейно-образных начал английского пейзажного садоводства.

Уже после длительного перерыва, да и то ненадолго, интерес к «аглинским садам» в России вновь обозначится на рубеже XIX-XX вв. Тогда то и выпустят целый ряд однотипных руководств, которым, впрочем, так и не удастся избежать чисто формального подхода.²¹⁸

АНГЛИЙСКОЕ САДОВОДСТВО И РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ

1. Екатерина II. 2. Павел I, Мария Федоровна, Александр I, Елизавета Алексеевна, Николай I, Александра Федоровна, Михаил Павлович, Константин Павлович, Александр Николаевич

1. Екатерина II

На становление и развитие отечественного пейзажного стиля большое воздействие оказывал российский императорский дом, в качестве главного заказчика сохранявший свою особую значимость на всем протяжении 1750-х – 1850-х гг.¹ Именно в это время были созданы практически все императорские пейзажные парки, получившие заслуженное признание и в самой Англии, именно в этом столетии двусторонние связи в области садово-паркового искусства многократно возросли, достигнув своего апогея в екатерининскую эпоху. Сфера этих отношений напрямую затрагивала насущные интересы высочайших императорских особ, которые помимо исключительных финансовых возможностей испытывали еще и органическую потребность в заведении собственных «аглинских садов».

Совершенно особая роль в данной связи принадлежит Екатерине II (1729-1796), неизменно сохранявшей интерес к пейзажному садоводству как составной части художественной деятельности вообще: «...она точила, гравировала, занималась живописью, страстно любила осматривать предметы искусства и пр».² Не случайно поэтому, совершая многочисленные ознакомительные поездки по необъятной своей империи, она всякий раз восторгалась красотой естественных ландшафтов, видя в том подлинное воплощение собственных эстетических идеалов. Остановившись, например, в окрестностях Полоцка у селения

Остров 17 мая 1780 г. она напишет сыну Павлу: «Остров весьма живописен по своему местоположению; это бесконечный ряд холмов, словом местность волнообразная по выражению Англичан. Между холмами протекает река Великая; везде земля возделана; не пройдешь ста шагов, по пригоркам везде разбросаны села, которых множество; вдали возвышенности окаймлены лесом, словом, все дышит жизнью».³

И хотя императрице так и не доведется познакомиться с английскими парками воочию, она и без того обладала достаточно полной информацией о многих выдающихся произведениях английского пейзажного стиля. Тому способствовал круг новых знакомств, а также постоянно доставлявшиеся ко двору специализированные издания и целые серии видовых гравюр, неизменно являвшиеся предметом заинтересованного ее внимания. Как-то в дружеской беседе французский посланник Ш.Ж. Де Линь позволил себе заметить: «По крайней мере, - сказал я ей, - ваше величество согласитесь, что этому великому королю (*Людовик XIV*) для его прогулок требовались прямые аллеи в 120 шагов ширины, рядом с таким же каналом; он не имел понятия, как вы, о тропинке, ручейке, лужайке».⁴

Впрочем, весь этот обширный багаж профессиональных знаний Екатерина использовала по прямому назначению, всякий раз решая вполне конкретные задачи. А потому при заведении очередного своего парка она не довольствовалась позицией стороннего наблюдателя, непременно желая участвовать на всех стадиях его формирования.⁵ С.Н. Шубинский в этой связи отметит: «В мае месяце Екатерина переезжала в Царское Село, где оставалась до глубокой осени. Здесь отменялись всякие придворные церемонии и приемы, сокращались доклады и приглашения. Государыня отдыхала, на свободе предаваясь литературным занятиям, вела жизнь зажиточной помещицы. Рано утром, в простом платье и шляпке, с тросточкою в руке, в сопровождении только М.С. Перекусихиной, она обходила царскосельские сады и фермы, распоряжалась посадкой деревьев, расчисткой дорожек, устройством цветников, разведением огородных

овошей, наблюдала за порядком и чистотой на скотных дворах и в многочисленных курятниках, в которых держались самые разнообразные породы птиц. По вечерам на большом лугу перед дворцом собирались ее внуки и приближенные, играли в горелки, в бар, бегали, перебрасывались скошеной травой, катались на лодках, стреляли в цель и т.п., а в дождливую погоду общество срывалось в знаменитую «колоннаду», где играл духовой или роговой оркестр музыки». ⁶

Проявляя интерес к ботанике как неотъемлемой составной части садоводства, императрица наперечет знала большинство европейских и азиатских образцов российской флоры. Именно она обратится к академику П. Палласу (Peter Pallas, 1741-1811) с просьбой подготовить для печати наиболее полное их описание. ⁷ Да и для прибывшего из Англии садовника Д. Буша Екатерина собственноручно делала выписки - «как семена приготавливать, в какое время снимать, в какое сеять, как через зиму семена сберегать». ⁸ В 1789 г. российский посланник в Лондоне С.Р. Воронцов отправит ко двору ботаническое издание лорда Д. Бьюта (John Stuart, 3rd Earl of Bute, 1713-1792). И.Г. Георги уточнит, что книга эта была подарена русской императрице самим автором, вероятно, прознавшем о ее увлечениях. ⁹ Показательно в этой связи и ее распоряжение статс-секретарю А.В. Храповицкому, датированное 23 сентября 1790 г.: «Абрахам Геррит, цветовод в Амстердаме, продает американския деревья, с названием каждого дерева, по 50 флоринов за 100, и сверх того подборы цветов, как, напр. двойные гиацинты всех цветов, тюльпаны, ренонкулы, анемоны, нарциссы, семена американских цветов. Достаньте мне этого на тысячу флоринов к будущей весне». ¹⁰ Также в начале 1790-х гг. императрица приобретет коллекцию северо-американской флоры у обосновавшегося в Южной Каролине англичанина Д. Фрезера (John Freser, 1750-1811). ¹¹ А в 1782 г. уже из Англии ей доставят каталог самых различных «произрастений». ¹²

О неизменном своем стремлении к смелым экспериментам, способном раз и навсегда преодолеть рутину устоявшихся представлений о самой сущности са-

доводства, Екатерина неоднократно заявляла и в частной своей корреспонденции. Наиболее ярко это иллюстрирует письмо к госпоже Бьельке, отправленное из Царского Села 28 апреля 1772 г. как раз тогда, когда возглавляемые английскими садовыми мастерами работы по созданию царскосельского и гатчинского пейзажных парков производились во все возрастающих объемах: «Сожалею об участии ваших персиковых и абрикосовых деревьев, и разделяю вашу печаль о них. Я совершенно понимаю вас, так как и сама одержима плантоманиею: я бы не могла жить в таком месте, где нельзя было бы ни садить, ни строить; без этого самое красивое в мире место делается для меня скучным. Я здесь с этою целью; я часто привожу в бешенство своих садовников, и не один садовник - немец говорил мне на своем веку: «Но, Господи, что же изо всего этого выйдет?» Я нахожу, что большею частью педанты-рутинисты; удаление от рутины, которое я часто им предлагаю, выводит их из себя, и когда я вижу, что рутина берет верх, я употребляю в дело первого послушного садового мальчишка, который мне попадет под руку, а мастер остается в стороне, что, признаюсь, ему неприятно; но сад мой мне принадлежит, и я желаю, чтоб он мне нравился. (...) Никогда ни одна комедия не потешала меня более, как та, где есть барон и его план; я в ней узнала себя, я говорила при каждой новой сцене: это я, это я, это совершенно я».¹³ Та же тональность сквозит и в адресованном старику А. Вольтеру (1694-1778) ответном послании, отправленном из столицы несколько позднее, 25 июня: «Из вашего письма, милостивый государь, от 29 июля я с удовольствием нахожу, что мои кедровые орешки дошли до вас в целости, вы их посадите в Ферне; я тоже самое сделала нынешнею весною в Царском Селе. Название это покажется вам, вероятно, трудноватым для произношения, а между тем местность, которая им называется, я нахожу восхитительною, я там сею и сажаю. Баронесса Тундер-тен-Тронк считала же свой замок самым прелестным замком в мире. Мои кедры уже достигли высоты мизинца; каковы-то ваши? В настоящее время я люблю до сумасшествия английские сады, кривые линии, нежные скаты, пруды наподобие озерков и резко определенные берего-

вые очертания, и питаю глубочайшее отвращение к линиям прямым, похожим друг на друга. Я ненавижу фонтаны за ту пытку, которой они подвергают воду, заставляя ее следовать направлению, противоположному ее естественному течению; статуям теперь отведены места в галереях, в передних и т.д., - одним словом, англоманья овладела вполне моею плантоманиею».¹⁴

Весьма значительна роль императрицы и как пропагандиста новейшего отечественного садоводства. Оставаясь на протяжении длительного времени самым влиятельным заказчиком, она постоянно демонстрировала представителям российской аристократии несомненные достоинства собственных «аглинских садов», создававшихся целой плеядой талантливых английских мастеров в Ораниенбауме, Пулкове, Царском Селе, Петергофе, Пелле, подмосковном Царицыне.

В самом становлении отечественного пейзажного садоводства принципиальное значение имел семилетний «ораниенбаумский» период, пришедшийся на 1755-1762 гг.

Выйдя замуж 21 августа 1744 г. вскоре по приезде в Россию, великая княгиня сразу обзавелась собственной загородной резиденцией в Ораниенбауме. Ею станет отошедший ко двору еще в конце 1727 г. усадебный комплекс князя А.Д. Меншикова, подаренный императрицей Елизаветой Петровной в 1743 г. Петру Федоровичу как наследнику престола. В то время на этой находящейся южнее острова Котлин прибрежной местности уже существовал ориентированный к Финскому заливу и непосредственно подступающий к дворцовым объемам регулярный Нижний сад.¹⁵ Данные 1736 г. подтверждают, что совсем скоро практически все его элементы «пришли во всеконечное разорение».¹⁶ Проживая все последующее десятилетие преимущественно здесь, Екатерина фактически станет свидетельницей производившихся здесь с середины 1740-х гг. работ по возобновлению регулярного сада.¹⁷

Само появление у будущей императрицы первых представлений о пейзажном садоводстве следует отнести к середине 1750-х гг. В значительной мере

этому содействовало знакомство с графом С.А. Понятовским (1732-1798, польский король 1764-1795) и британским посланником сэром Ч. Уильямсом (Charles Williams): «Кажется на Троицын день, нам велено было ехать из Ораниенбаума назад в город. Около этого времени прибыл в Россию английский посланник кавалер Вильямс, в свите его находился поляк граф Понятовский...»¹⁸

Поселившись в 1755 г. в петербургском доме английского посольства, Понятовский стал вскоре часто навещать в Ораниенбаум. Судя по воспоминаниям, он и сам в эти годы был увлечен садами нового типа и, несомненно, во всех деталях смог прояснить Екатерине главный их смысл. Впрочем, более всего импонировал ему парк в Стоу (Stowe). Так, еще в прошлом 1754 г., как раз незадолго до своего отъезда в Россию, Понятовский подробно познакомился с ним, причем в сопровождении самого владельца - графа Темпла: «Дом и сады Стоу, самые обширные в Англии, тем более поразили мое внимание, что здесь впервые вкус к китайскому садовому делу проявил себя. Уже в мое время этот вкус был рафинирован и усовершенствован в других местах. Стоу, однако, по-прежнему вызывает уважение, поскольку является колыбелью нового вкуса, обесценившего симметричные сады, печальную семью тисов и все голландские безделушки, завезенные в Англию Вильгельмом».¹⁹ С Понятовским следует связывать и знакомство великой княгини с неоднократно переиздававшимся путеводителем Б. Сили (Benton Seeley, 1716-1795) «Описание садов лорда виконта Кобхэма в Стоу в Бэкингемшире» (1744), а также с иллюстрированным приложением к нему «Виды храмов и других декоративных сооружений в садах в Стоу» (1750).²⁰

Немаловажную роль в зарождении интереса Екатерины к новейшему садоводству сыграют и прикомандированные к императорскому двору английские дипломатические представители.²¹ Как подчеркивал сам Понятовский, именно он представил ей Уильямса: «Мое пребывание в Ораниенбауме способствовало также укреплению связей между великой княгиней и сэ-

ром Вильямсом. Приумножая дружеское внимание английского короля к этой принцессе, связи эти немало послужили тому, что она с тех самых пор, вероятно, отдавала предпочтение Англии».²² Находясь в России с 1755 по 1759 гг., он все это время поддерживал дружеские отношения с Екатериной. Он же познакомит ее с общественной и культурной жизнью Англии, призывал к серьезному изучению английского языка («по три часа в день»), а также часто вводил в круг своих соотечественников.²³ Выражая, например, ей сердечную признательность за оказанный накануне радушный прием, он 24 августа 1756 г. напишет: «Все англичане, возвращавшиеся из Ораниенбаума, в восхищении. Я не верю колдовству, но они околдованы. Они говорят о вас, как будто я говорил».²⁴

Именно Уильямсу Екатерина неизменно доверяла решение финансовых своих проблем, всякий раз возникавших в связи с проведением по собственной инициативе садовых работ, ибо супруг постоянно отказывал ей в подобных тратах. Была даже придумана специальная форма займа, в действительности не обязывавшая Екатерину ни к чему. Так, в очередном своем обращении от 23 августа 1756 г. Уильямс разъяснял суть дела следующим образом: «Вот образец расписки. Требуется прибавить число: «Я получила из рук британского посла сумму в десять тысяч фунт. стерл., которую я обещаюсь возратить его величеству великобританскому королю, когда он ея от меня потребует. Е».²⁵ Без каких-либо предварительных условий и также при посредничестве Уильямса деньги неоднократно поступали и от известного банкира барона Я.С. Вульфа (Jacob Wulf) - этого видного представителя петербургской британской общины. В отправленном на этот счет 11 ноября 1756 г. уведомлении прямо указывалось: «Форма вашего обязательства Вольфу не есть обязательство. А вот как оно должно быть: «Я получила из рук барона Вольфа сумму в сорок четыре тысячи рублей, которые я обещаюсь отдать ему или по его приказанию, когда он их потребует».²⁶ Да и со своей стороны великая княгиня не раз оказывала Уильямсу знаки внимания. Так, 23 октября 1756 г. он отправит ей краткую записку

следующего содержания: «Моя дочь получила грузинское платье, которое вы были добры выслать ей. Она им восхищена, но не знает, что оно пришло от вас».²⁷

Судя по заметке еще одного английского посланника, графа Д. Хобарта (John Hobart, 2nd Earl of Buckinghamshire, 1693-1765), в первые годы своего правления Екатерина неизменно поддерживала с ним дружеские отношения. В частных беседах ими нередко затрагивались самые различные темы: «В уединении, в котором она жила при покойной императрице, она много и охотно читала. История и интересы европейских держав близко знакомы ей. Когда она беседовала со мною об истории Англии, я заметил, что особенно поражает ее царствование Елизаветы. Время покажет, куда приведет ее желание подражать этой королеве. Чувствуя себя по части знаний выше большинства окружающих ее людей, она считает себя выше всех вообще и, ясно понимая то, чему научилась, думает, будто владеет и тем, чего не знает. Находясь на адмиральском судне в Кронштадте, под развивавшимся императорским флагом, и польщенная неиспытанным величием командования над более чем двадцатью крупными судами, она заспорила со мною о том, каким концом вперед ходит военное судно; конечно, она не была обязана знать это, но в данном случае сомнение ее оказывалось смешным».²⁸

К формированию же первых своих садов Екатерина приступит во второй половине 1750-х гг., избрав для этого территорию в непосредственной близости от ораниенбаумского дворца. Тогда и возникнут первые пейзажные фрагменты нынешнего обширного ораниенбаумского Верхнего парка. Задача по их формированию несколько упрощалась ввиду того, что целый ряд предварительных работ был произведен еще при Меншикове: на обширных пространствах береговой террасы юго-западнее и юго-восточнее Большого дворца расчистили лес, проложили сеть осушительных каналов и устроили запруды на речке Карость, приведшую к образованию двух обширных прудов – Нижнего и Верхнего.

Поначалу княгиня займется устройством сравнительно небольшого Увесели-

тельного сада при Петерштадтской крепости. Решение о ее возведении было принято незадолго до этого, в 1754 г. Именно тогда великий князь Петр Федорович распорядится заложить «крепость большой величины», а генерал-фельдцейхмейстер П. Шувалов со своей стороны убедит императрицу выделить необходимые для этого средства, видя в том лишь «невинное препровождение времени».²⁹

Под садовую территорию отойдут пологие и сильно изрезанные береговые линии р. Карость, существенно облегчавшие создание петляющего и плавно расширяющегося речного русла, к тому же акцентированного двумя разновеликими живописно трактованными мысами. К работам привлекут садового мастера Л. Ламберти, которого совместно с Екатериной и следует считать авторами проектного замысла.³⁰ Генплан П.А. Сент-Илера (1775) подтверждает, что в этом Увеселительном саду строения свободно размещались в разновеликих «зеленых кабинетах». Отсюда же под разными углами хорошо просматривалась и живописная пойма р. Карость, и прилегающие к ней открытые береговые пространства.³¹ Вновь созданный Большой мыс укрепят располагавшимися по кругу строениями менажерии (вольеры для птиц и животных), а в центральной его части появится зеленый кабинет с фонтаном и «соловьиной» беседкой.³² Эти сплошь деревянные садовые постройки совмещались с асимметричной сетью прогулочных дорожек. Самая протяженная из них, повторяя асимметричный абрис восточной береговой линии, начиналась непосредственно от Эрмитажа и подводила к находившемуся на периферии и закреплявшему малый мыс Китайскому домику, украшенному бассейном с фонтаном. На противоположном западном берегу деревья в основном высаживались асимметричными группами, причем одна из них охватывала находившийся здесь же Птичий двор с прудом. А несколько севернее этого двора, прямо напротив опоясанного балконом Эрмитажа, был устроен живописный каскад.³³ Показательно, что на Нижнем пруду, или как его тогда называли «Малом увеселительном море», время от времени курсировали небольшие гребные и парусные суда, что многократно

усиливало образное восприятие и крепости, и самого сада.³⁴

Практически одновременно Екатерина займется формированием еще одного парка на территории будущей Собственной дачи, подступавшей к Большому дворцу с юго-запада. К.К.Л. Хиршфельд, хорошо информированный о русских делах от проживавшего в Петербурге Я. Штелина, в заключительном пятом томе своего сочинения на этот счет отметит: «Лучший вкус в садоводстве привился в России с началом счастливого правления императрицы Екатерины II. Сия императрица, которой было суждено усовершенствовать вкусы и изящные искусства этой обширной страны, сделала в Ораниенбауме, еще в бытность великой княгиней, попытку создать английский сад на лесистом участке напротив ее дворца, и произвела эту пробу с изяществом и пониманием красоты, предвещавшим искусству садов весьма лестное будущее».³⁵

Сама же Екатерина об очередном своем увлечении тех лет впоследствии заметит: «Мне вздумалось тогда развести себе сад в Ораниенбауме и так как я знала, что великий князь не даст мне для этого ни клочка земли, то я попросила князей Голицыных продать или уступить мне пространство во сто сажений не возделанной и давно брошенной земли, которая находилась у них совсем рядом с Ораниенбаумом; так как этот кусок земли принадлежал восьми или десяти членам их семьи, то они охотно мне его уступили не получая от нея, впрочем, никакого дохода. Я начала делать планы, как строить и сажать, и, так как это была моя первая затея в смысле посадок и построек, то она приняла довольно обширные размеры. У меня был старый хирург француз, по имени Гюйон, который, видя это, говорил мне: «К чему это? Помяните мое слово: я вам предсказываю, что в один прекрасный день вы все это бросите». Его предсказание сбылось, но мне нужно было какое-либо развлечение, а это и было развлечением, которое могло развивать воображение. Для посадки моего сада я сначала пользовалась услугами ораниенбауманского садовника, Ламберти; он находился на службе императрицы, когда она была еще царевной, в ее царственном имении, откуда она перевела его в Ораниенбаум».³⁶

Исходный замысел этого парка до конца не ясен, однако следует полагать, что Екатерина стремилась создать достаточно развитую садово-парковую композицию, органично сочетавшую в себе как регулярные, так и пейзажные элементы. Как раз в соответствии с этим намерением в северной части территории, на краю обрыва, и был выстроен Концертный зала (Каменный зал), чей повышенный объем фланкировали парные флигеля. Практически одновременно здесь же разобьют структурно с ними связанный партерный садик, эффектно замыкавшийся с трех сторон каналом.³⁷

И уже на следующем этапе к садовым работам Екатерина привлечет А. Ринальди (1709-1794), прибывшего в Петербург еще летом 1751 г., вероятнее всего, прямо с Британских островов. Об этом свидетельствует отправленная им 27 января того же года корреспонденция из Глазго, адресованная его учителю - неаполитанскому архитектору Л. Ванвигелли.⁴⁰ Как отмечает Штелин, по прошествии шести лет, будучи уже зачислен на императорскую службу, зодчий отправится в Ораниенбаум, где и исполнит целый ряд садовых работ: «Синьор Ринальди из Рима, в 1753 году выписан гетманом Разумовским для закладки города Батурина. Вернулся с гетманом с Украины ни с чем, однако оставался у него на частной службе и в его доме, пока в 1757 году не был принят на полное содержание Ея императорским высочеством и назначен ее архитектором в Ораниенбаум (после того как был уволен прежний архитектор или, скорее, каменных дел мастер Гофман...) (...) Для Ее высочества великой княгини он заложил в лесу новый верхний сад, великой тяжести труд, рассчитанный на целые века». Впрочем, лейб-хирург Гийон имел на этот счет противоположное мнение и прямо заявлял: «В награду за этот сумасшедший проект его следует повесить на входных воротах». Однако Штелин прояснял такое отношение к зодчему очень просто: «Потому что касса великой княгини, из которой мосье Гийон чем чаще, тем охотнее хотел бы кое-что получать, по этой причине постоянно была пустой».⁴¹

Генплан Собственной дачи, происходящий из изданного архитектором уже

в Риме итогового своего Альбома гравированных чертежей (1796) в целом позволяет высветить некоторые особенности этого парка, разработанного с учетом пожеланий заказчицы на рубеже 1750-х - 1760-х гг.⁴²

Этот сравнительно небольшой усадебный комплекс размещался на вытянутом по оси север-юг прямоугольном участке, отделявшемся от окружающей местности глухой оградой. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что созданные здесь пейзажные районы занимали основное пространство, а регулярные части в основном примыкали к разновеликим объемам - Китайскому дворцу, Китайской кухне, Кавалерскому корпусу, Каталной горке, Каменному залу. Образную выразительность самого крупного пейзажного района определил Большой пруд, занимавший всю северо-восточную часть владения. Его сильно вдававшийся в воду мыс, два смежных острова и размещенный в центральной его части спиралевидный полуостров были акцентированы асимметричным абрисом береговых линий.⁴³ Проложенная же здесь криволинейная сеть прогулочных дорог обеспечивала широчайший спектр ближнего и дальнего восприятия, в том числе на удаленные луга и рощи, водную гладь Нижнего и Верхнего прудов, бескрайние просторы Финского залива.

Парк Собственной дачи в целом отвечал особенностям переходного стиля, сочетавшем в себе регулярные и пейзажные элементы. В опубликованных в 1718 и 1728 гг. богато иллюстрированных изданиях таких виднейших пропагандистов новейшего садоводства как С. Свитцер (Switzer Stefan, 1682-1745) или Б. Лэнгли (Batty Langley, 1696-1751), такого рода планировочные схемы рекомендовалось взять за исходный образец в рамках геометрически выверенных в плане владений.⁴⁴ Уже в качестве реализованных композиций они были представлены в выпущенном в 1739 г. третьем томе «Британского Витрувия», входившем в состав императорского библиотечного собрания.⁴⁵ Да и на генплане Стоу, прилагавшегося к уже упоминавшемуся изданию Г. Бикхэма «Красоты Стоу» (The Beauties of Stow (1753), неизменно варьировалось восходящее к творчеству Ч. Бриджмена (Charles Bridgeman, ?-1738) - этого видного пред-

ставителя «переходного стиля», искусное совмещение регулярных и пейзажных элементов. А поскольку Ринальди побывал на Британских островах, то и эти издания, и сады подобного типа не могли не привлечь его внимания. На примере Собственной дачи этот перенесенный на русскую почву переходный стиль более всего соответствовал стилистике рококо. Однако когда в 1774 г. работы по формированию этого комплекса были полностью завершены, то его садовая композиция уже представлялась заказчице в достаточной степени архаичной.

Качественно иные возможности для заведения собственных пейзажных парков возникнут у Екатерины в начале 1760-х гг. Показательно, что среди первых же сделанных ею распоряжений как императрицы фигурировал царскосельский (Елизаветинский) регулярный сад, где теперь запрещалось «подстригать зеленые изгороди и ветви деревьев».⁴⁶ Уже тогда стало ясно, что первый свой пейзажный парк она заложит именно здесь. Впрочем, в чисто практическое русло эта идея перейдет не ранее середины 1760-х гг., когда личная ее власть заметно упрочится.

Еще в первой половине 1766 г. российский посланник в Лондоне граф А.С. Мусин-Пушкин (1732-1817) доводил до сведения герцога Ньюкастльского (Thomas Pelham-Holles, 1st Duke of Newcastle, 1693-1768) о непременном желании российской императрицы приобрести генплан имения Клармонт (Claremont, Surrey) с наиболее примечательными видами парка.⁴⁷ Как известно, вслед за кончиной У. Кента (William Kent, 1685-1748) общее руководство по его формированию примет на себя архитектор С. Райт (Stephen Wright ?-1780), прежде являвшийся ближайшим его помощником. Письменно обращаясь к главному садовнику Кларемонта Д. Гринингу (John Grining) 17 ноября 1766 г., он незамедлительно просил уведомить русского посланника об исполнении этого заказа.⁴⁸ Среди прочих образцов пейзажного стиля 1-й половины XVIII в. этот парк выделялся особо. Не случайно его художественные достоинства отмечали такие видные законодатели вкуса, как Т. Вейтли (Thomas Whately) и Г. Уолпол (Horace Walpole, 1717-1797). Судя по генплану 1738 г. уже тогда этот

парк занимал довольно значительную территорию, основательно распланированную Кентом для создания самых различных по своей образной выразительности пейзажных районов.⁴⁹ Причем, в каждом из них он неизменно добивался искусного сочетания самых различных пейзажных элементов; среди них находим и уходящие за горизонт обширные луга, и прорезанные сетью извилистых дорог самые различные по величине рощи, и огромный пруд с островом посреди, и пригорки, и деревья, высаженные либо купами, либо поодиночке. Здесь же был устроен и ограничивающий всю территорию парка ров, прочно закрепившиеся в практике английского ландшафтного садоводства под названием «ha-ha». Наконец, аналогично Стоу принципиальную роль в общепарковой структуре Кларемонта играли многочисленные сооружения, в том числе сориентированный к пруду амфитеатр, обладавший самыми внушительными габаритами.⁵⁰ Следовательно, Екатерина II получала в свое распоряжение достаточно полную информацию о парке Кларемонта, созданном одним из наиболее авторитетных основоположников пейзажного стиля.

Непосредственно же перед закладкой царскосельского пейзажного парка ее внимание будет обращено к находившемуся в пригородах Лондона королевскому парку в Кью (Kew, Surrey). Письменно обращаясь к А.С. Мусину-Пушкину в 1769 г. граф И.Г. Чернышев (1726-1797) подчеркивал: «Государь мой Алексей Семенович. Ея Императорское Величество указать мне изволила к вам отписать, чтоб вы изволили ей купить и с первою аказиею сюда прислать печатную книгу с перспективами всего сада Кью. Которой в переплете, и продается. На добытые за то книги чрез меня получить изволение».⁵¹ Судя по тексту имелось ввиду вышедшее шестью годами ранее богато иллюстрированное издание У. Чемберса «Планы, возвышенности, сечения и виды парков и зданий в Кью, в графстве Суррей».⁵² Зодчий приступит к работам в 1757 г. уже после возвращения из Китая, руководствуясь намерениями принцессы Августы создать собственный Увеселительный парк. Как фиксирует датированный 1763 г. генплан, он размещался на сильно вытянутом участке и отвечал протяженной

его оси, непосредственно связанной с дворцовым объемом.⁵³ Все три плавного очертания обширных стриженных луга занимали основное пространство парка. Два из них фланкировали близкий к Г-образной форме Большой пруд с островом овального очертания. Уплотненными посадками закреплялся периметр парка, также в периферийных его частях были проложены пейзажные прогулочные дороги. В качестве действенного средства, призванного разнообразить восприятие этой в целом маловыразительной уплощенной местности, Чемберс использовал различные по величине и форме пригорки, украсив их асимметрично разбросанными купами деревьев. Особую привлекательность пейзажным районам придавали разностильно трактованные парковые павильоны. Впрочем, первыми, кто к ним обратится, были все те же Кент и Бриджмен. Уже тогда признавались несомненные достоинства китайского садоводства, что и ускорит процесс окончательной ликвидации геометрического каркаса парка. В 1745 г. в пейзажной среде Кью по проекту Кента выстроят первое в Англии «китайское» строение, известное как Домик Конфуция. Продолжая развивать обозначенную предшественниками «китайскую» тему, Чемберс первым со знанием дела соорудит здесь Пагоду «в китайском вкусе», сразу ставшей композиционной и художественной доминантой парка. По-видимому, именно это сооружение императрица имела в виду, когда в 1772 г. распорядилась выделить Мусину-Пушкину очередную сумму на приобретение в Англии «модели китайского строения».⁵⁴

В самом начале 1770-х гг. сразу несколько десятков изображений загородных поместий вывезут из Англии архитектор В.И. Неелов и садовый мастер Д. Буш. Императрица украсит ими интерьеры царскосельского своего Адмиралтейства, где на все эти «английские гравюры домов и пейзажей различных английских местностей» и обратит внимание один заезжий англичанин.⁵⁵

Как отмечалось, Екатерина познакомилась с изданным в 1744 г. путеводителем Б. Сили по парку в Стоу будучи еще великой княгиней. Неизменно сохраняя большую свою популярность, эта книга и далее, на всем протяжении по-

следующих семидесяти лет, регулярно переиздавалась, сначала самим автором, а затем уже членами его семьи. Одним из таких позднейших изданий также располагала императрица. П. Хейден в этой связи отметит: «Когда в 1771 г. В. Неелов, как ему предписывалось, посетил Стоу, путеводитель Сили и «Виды храмов» были объединены в одной хорошо иллюстрированной книге: «Стоу: Описание великолепного дома и садов достопочтенного Ричарда Гренвилла Темпла, графа Темпла, виконта и барона Кобхэма». Неелов, должно быть, взял в Санкт-Петербург экземпляр издания 1769 г».⁵⁶

Во вступлении Сили подчеркивал, что этой своей книжкой он хотел окончательно «устранить Неудобства по Списыванию Надписей либо Названий Построек, и оказывать Помощь воспоминаниям Множества тех, кто проявил Любознательность, осматривая эти Сады. Те, кто осматривал их хоть иногда, и осматривал (как подобает всякой Особе) с Удовольствием, получают с этим маленьким Помощником возможность представить своему Воображению всякую приятную Сцену в вернейших Красках; они смогут освежить Воспоминания, будучи в Удалении; смогут вызвать перед своим Взором каждое Здание и каждый Вид почти так же, как видят их в этом приятном Месте».⁵⁷ Несомненно, для императрицы не меньший интерес представляли многочисленные изображения садовых строений, закреплявших вполне конкретные уголки парка. Среди них мы находим: Павильоны при входе в парк, Обелиск, Холодные бани, Эрмитаж, Искусственную руину, Храм Венеры, Египетскую пирамиду, Бельведер, Келью Св. Августина, Храм Бахуса, Пещеру Дидоны, Ротонду, Монументы в честь английского короля Георга II и его супруги королевы Каролины, Домик ведьмы, Храмы древней и современной добродетели, Храм британских достоинств, Храм созерцания, Китайский домик, Грот, Ракушечный мост, Греческий храм, Дамский храм, Храм дружбы, Готический храм, Палладианский мост, Обелиск памяти супруга, Монумент капитану Гренвиллу, Монумент Конгриву. К тому же каждый такой рисунок дополнялся соответствующим разъяснением следующего рода: «Искусственная руина покрыта вечно зелеными растениями, в

ней два речных бога и ступенчатый каскад», «Эрмитаж расположен в лесу на берегу озера», «Храм современной добродетели представляет руину, а храм древней добродетели – ротонда дорического ордера построил У. Кент», «Египетская пирамида 60 футов высотой, посвящена памяти сэра Джона Ванбру», т.е. известному английскому архитектору.⁵⁸

В 1773 г. Екатерина распорядится заплатить за доставленную из Англии от «князя Гуфанана» очередную серию гравюр, вероятно, включавшую в себя и целый ряд видов пейзажных парков.⁵⁹

А 21 октября 1773 г. она обратится к придворному банкиру барону И.Ю. Фридрихсу со следующей просьбой: «Достань мне сию книгу: A Description of England and Wales, containing a History of each Country, with a particular Account of its Antiquities, Curiosa's, Situation, Rivers, Soils, Cities, Towns, Seats, Sieges, Battles, and the Lives of the illustrations Men each Country has produced. Embellished with two hundred and forty copper-plate - cuts of Places, Castles, the Ruins of Roman and Saxon buildings, Abbess, Monasteries and other religions Houses. Besides a variety of cuts of Urns, Inscriptions and other Antiquities. Украшено 240 резанных на меди изображений дворцов, замков...»⁶⁰ Здесь же, прямо под заголовком книги, она сделает приписку красным карандашом о незамедлительном перечислении всей необходимой для этого суммы. Помимо древнеримских развалин, средневековых соборов, замков и прочих достопримечательностей это капитальное десяти томное «Описание Англии и Уэльса...» включало в себя и многочисленные изображения усадебных парков.

Три года спустя в доставленной в 1776 г. ко двору посылке императрица обнаружит более семидесяти гравюр, среди которых одному только Стоу было посвящено шестнадцать видов.⁶¹ В письме английского садового мастера Д. Медера, с 1779 г. состоявшего на императорской службе в Петергофе, упоминалось и о предназначавшейся для нее же целой серии акварельных рисунков Дж. Спайерса (John Spyers). Приобретенные императрицей за 1000 руб., они, как особо подчеркивалось, «того не стоят, хотя м-р Спайерс оценивал их еще

выше».⁶²

Этот Спайерс в качестве топографа, чертежника и рисовальщика начиная с 1764 г. работал в Хэмптон-Корте под непосредственным руководством Л. Брауна (Lancelot Brown, 1716-1783). Среди отправленных им к царскому двору работ имелись также виды садов и парков именно этой королевской резиденции.⁶³

В 1784 г. некий Д. Бойдел (John Boydell) преподнес Екатерине книгу, посвященную известному поместью Хоутон Холл (Houghton Hall, Norfolk). На титульной ее странице помещался генплан имения, запечатлевший планировку устроенного здесь обширного пейзажного парка («Geometrical Plane of Garden, Park and Plantation, of Houghton»)⁶⁴ А в следующем 1785 г. англичанин Д. Гулстон (Joseph Gulston) подарит императрице целую коллекцию гравюр, где были представлены и изображения английских парков.⁶⁵

О том, что в составе библиотечного ее собрания имелось и французское сочинение, адресованное новейшему английскому садоводству, выясняется из служебной записки придворного библиотекаря А. Лужкова от 4 апреля 1787 г., где среди прочего упоминалась и отправка на имя Екатерины II «Jardins anglois par la Rouga».⁶⁶ Наконец, в самом конце 1791 г. сюда же войдет и целый ряд богато иллюстрированных английских книг покойного князя Г.А. Потемкина. Одна из них охватывала особенности «англо-китайских садов» («Jardins Anglo-Chinois. 19 cahiers»)⁶⁷

Во второй половине XVIII в. английская печатная графика окончательно выйдет за рамки национального своего развития и очень скоро приобретет общеевропейское признание. Ее постоянно растущий сбыт станет весьма прибыльным делом и в России. Тот же Медер эту сложившуюся в екатерининский период ситуацию проясняет следующим образом: «Хорошие новые оттиски тонкой гравюрной работы продаются здесь по немислимо высоким ценам».⁶⁸ Обыкновенно в столичных газетах можно было встретить такие объявления: «Подле деревянного магазина по Мойке № 576 продается лучших мас-

теров живописных картин и до 2000 Аглинских эстампов» или «За галерном двором подле дровяного магазина № 576 продается... еще Аглинские и Италианские эстампы».⁶⁹ Основной массив екатерининского собрания английской гравюры формировался за счет крупных приобретений у петербургских торговцев.⁷⁰ Особое место среди них занимал итальянец Роспини, прибывший в столицу с большой партией гравюр в 1779 г. только на месячный срок. Однако предчувствуя успешное ведение дел, он решил здесь обосноваться и вскоре открыл собственный магазин.⁷¹ Поэтому в столичных газетах нередко можно было встретить следующие объявления: «По Невской перспективе в Перкиновом доме (на углу Невского и Адмиралтейской площади) у приехавшего недавно Италианца Роспини, продаются собрания Аглинских, Римских и Французских кунферштихов, в числе которых есть много архитектурных украшений, также исторические, мифологические, натуральной истории, Аглинские сады, и проч».⁷² В 1783 и 1786 гг., помимо собственно книг, также у Роспини были приобретены для императрицы крупные партии гравюр.⁷³ И снова у него же 2 августа 1784 г. на не менее солидную сумму (1039 руб.) теперь были закуплены одни только английские гравюры. Часть из них воспроизводила сцены из шекспировских произведений, другая адресовалась живописным видам городов, частным и королевским имениям, старинным замкам и первозданным красотам Шотландии.⁷⁴ Имеются указания и об аналогичных императорских покупках, сделанных в 1785-1786 гг. у книгопродавца Вейбрехта и купца Крампа.⁷⁵

В популяризации идей новейшего английского садоводства особую роль сыграл знаменитый сервиз «Зеленая лягушка» («Frog» service).⁷⁶ И хотя он был заказан императрицей еще в 1769 г., непосредственно перед начавшимся формированием Английских парков в Гатчине и Царском Селе, однако, в действительности она смогла с ним познакомиться лишь по прошествии пяти лет. В то время ряд запечатленных на нем изображений уже были ей известны по отдельным гравюрным оттискам. Большинство же из них станет для императрицы художественным откровением, а сам сервиз постоянно являлся предметом осо-

бой ее гордости как выдающееся произведение современного английского искусства. Так, на одном из неофициальных приемов в только что выстроенном Кикерикенском (Чесменском) дворце она продемонстрирует его британскому посланнику Д. Хэррису (Sir James Harris). Тот, как известно, прослужит в России около шести лет, с 1777 по 1783 гг. В помеченном 3 июня 1779 г. письме к отцу этот неординарный для себя случай он опишет следующим образом: «Мне удалось заслужить благосклонность императрицы. Она постоянно приглашает меня играть с нею в карты, а несколько дней тому назад взяла меня с собой, в обществе только двоих придворных, в загородный дворец, где она поместила портреты всех коронованных лиц Европы. Мы много толковали об их различных достоинствах, а еще больше о важных недостатках новейших живописцев, занимающихся портретами, так как из всего собрания, за исключением портрета одного из наших старших принцев, написанного Вестом, нет ни одной картины, «обладающей рисунком», живостью красок и мыслью. Императрица называет это место la Grenouillere (лужа, в которой живут лягушки) и сюда несколько лет тому назад Уеджвуд весьма кстати и выгодно поместил свое произведение, на котором изображена зеленая лягушка. Это произведение представляет различные рисунки деревенских домов и садов в Англии. Нам его также показали, и это подало нам повод к разговору об Английском садоводстве, в котором императрица большой знаток. Далее мы коснулись Блэкстона, причем она просто озадачила меня своими познаниями; по-моему, она сама годилась бы в судьи: так хорошо ей известны наши законы и наша конституция. Это отличие государыни привлекает мне доброжелательство и внимание ее подданных; они до того привыкли благоговеть передо всем, что она может быть только не осуждает, что их предупредительность доходит до крайности, которая уже становится тягостна...»⁷⁷

Судя по тексту, и сам Хэррис неплохо разбирался в вопросах пейзажного планирования. Видимо с ним и следует связывать заведение «аглинского сада» в принадлежавшей ему столичной усадьбе вблизи Мойки и Офицерской ули-

цы.⁷⁸ То, что около этого времени он уже существовал, подтверждается дневниковой записью Корберона, сделанной 29 августа 1780 г.: «...гуляя, я увидел сад Гарриса. Я зашел, думая, что он за городом, но он был у себя, и я бы его наверно увидал, если бы Рожерсон не задержал его в кабинете. Этот Рожесон, придворный медик и шпион Гарриса. Сад очень хорош, на Английский лад, с прекрасным лугом и множеством цветов. На зеленом ковре травы поставлена палатка человек на десять с освещением. Ее подарил ему князь Потемкин».⁷⁹

Заказ на изготовление «лягушечьего» сервиза поступит к Д. Веджвуду в сентябре 1769 г. Деятельное участие в этом примут российский консул в Лондоне шотландец А. Бакстер (Alexander Baxter) и лорд Ч. Каткарт (Charles Cathcart, 1721-1776). Последний, как известно, в качестве очередного британского посланника прибыл в Россию годом ранее, в начале августа 1768 г.⁸⁰ Желая существенно сократить сроки исполнения этого крупного и весьма ответственного императорского заказа, Дж. Веджвуд (Josiah Wedgwood, 1730-1795) одновременно организует его производство сразу на двух своих предприятиях (Etruria, Staffordshire; Chelsea, Middlesex). Соответственно и к востребованным в огромном объеме натурным зарисовкам срочно привлекают целый штат художников. Им рекомендовалось не менее широко использовать и уже имеющиеся изображения. Несмотря на принятие неординарных мер изготовление сервиза все же затянется и окончательно завершится только в феврале 1774 г.⁸¹ К многочисленным его изделиям прилагался многостраничный Каталог, специально составленный для заказчицы на французском языке. Так, например, один из предметов, украшенный «Видом сада графа Монтагу (Duke of Montague) в Ричмонде (Richmond)», значился под порядковым номером 527. Насчитывавший в общей сложности 952 предмета, сервиз включил в себя 1244 тематических изображения. Подавляющая их часть наглядно демонстрировала как общие, так и частные особенности устройства самых различных по величине и образной значимости пейзажных парков. Только один парк в Стоу был представлен сорока четырьмя видами, при этом Кью насчитывал двадцать пять, а не менее известный парк в

имении Вест-Викомб (West Wycombe Park) иллюстрировали четырнадцать видов. Соответственно поместьям Стоурхед (Stourhead), Вилтон (Wilton) и Рест-Парк (Rest-Park) уделялось как минимум по четыре изображения.⁸² Оставаясь по сути самым полным в век Просвещения иллюстрированным пособием новейшей системы садоводства, сервиз не имел аналогов даже в самой Англии.

Обширное эпистолярное наследие Екатерины II включает в себя и сочинения по садоводству. Одна из записок адресовалась заведению в каждой российской губернии так называемого «Экономического сада»,⁸³ другая - «Саду меж Порховской дороги»,⁸⁴ а третья представляла собой служебную инструкцию под названием «Предписание Экономии департаменту касательно лесов».⁸⁵

Впрочем, главное место среди них занимала насчитывающая сотни страниц собственноручная рукопись 1773 г., напрямую связанная с проблематикой пейзажного садоводства. Само ее появление наглядно свидетельствует о пронизанной возвышенными помыслами века Просвещения инициативной деятельности просвещенного монарха, весьма заинтересованного в закреплении на русской почве принципиально новых художественных воззрений. Показательно, что само это намерение проявилось еще задолго до появления первых печатных статей А.Т. Болотова. Речь в данном случае идет о подготовке к российскому изданию сочинения известного английского «садового дилетанта» Т. Вейтли (Thomas Whately, ?-1772) «Замечания о современном садоводстве, иллюстрированные описаниями» (1770), с которым императрица была знакома по наиболее точному французскому переводу Ф. Латапи (Francois-de-Paul Latapie, 1739-1821) «Искусство создания современных садов, или Английское парковое искусство. Перевод с английского... К чему переводчик добавил предварительное вступление о происхождении искусства, примечания к тексту и детальное описание садов в Стоу, сопровождаемое планом. Париж, 1771».⁸⁶ Актуальность российского издания Вейтли не вызывала у императрицы никаких сомнений. На тот момент увидевшее свет в Петербурге в 1771 г. сочинение У. Чемберса «О Китайских садах» в действительности являлось единственным руково-

дством, адресованным отечественным энтузиастам «аглинских садов».⁸⁷ Другой перевод с английского, известный под названием «Опыт о расположении садов» (Г. Мейсона), появится только в 1776 г.⁸⁸ Чем же в действительности был продиктован выбор императрицы? Думается, как раз тем обстоятельством что, излагая собственную теорию пейзажного стиля, Вейтли первым воспользовался системным подходом, существенно облегчавшим усвоение основ новейшего садоводства.⁸⁹

Суждения Вейтли кроются в детальном описании пятнадцати английских парков, в том числе и наиболее примечательных (Hagley Hall, Leasowes, Painshill, Woburn Farm, Stowe). В действительности он прибегает к «литературно-эстетическим и архитектурно-планировочным очеркам, каждый из которых посвящен образцовому фрагменту современного пейзажа (партер в Мур Парке, подъездной путь в Кевершеме, Греческая долина в Стоу)».⁹⁰ Как и в случае со Стоу Вейтли всякий раз обращает внимание читателя на меняющееся восприятие зрителя в тесной зависимости от различных пейзажей, ближних и дальних живописных видов, времени дня и года. Для него важнейшим условием существования образцового парка является принцип «пульсирующего» воздействия на зрителя.⁹¹ Не могло не заинтересовать императрицу и содержание отдельных глав. Так, в главе «О живописной красоте», как подчеркивает Б.М. Соколов, автор «развивает свою концепцию двух видов «картин» - созданных на холсте и в природе. Вторая оказывается более величественной и пластичной, полной выразительных возможностей, которые живописи недоступны».⁹² В самой объемной своей главе «О характере» Вейтли «развивает мысль о том, что суть паркового пейзажа не в собирании красивых частей, а в их отборе и расположении», а в конце ее, переходя уже к частностям, он воспроизводит «ход переживаний, вызванных видом развалин в пейзаже: меланхолическое настроение; размышление об истории руины, переходящее в мысли об эпохе, памятником которой она является; возвышение до идеального образа прошлого; наконец, уход в высшие сферы духа - упоительные размышления о красоте и величии, вопло-

щенных в каждом уголке мироздания».⁹³

Предопределившие невероятный общеевропейский успех этого сочинения тонкие наблюдения, замечания и рассуждения автора прились как нельзя кстати императрице еще и потому, что незамедлительно были востребованы при начавшемся формировании царскосельского пейзажного парка.⁹⁴ Для этого она сочтет нужным привести к структурному взаимодействию сразу три существенно разнящихся между собой текстовых раздела, содержащихся в издании Латапи. При этом базовым избиралось сочинение самого Вейтли, а в качестве дополнительного - пространное вступление Латапи и им же введенное в структуру собственной книги эссе Чемберса «О Китайском садоводстве».

Усилия же императрицы сводились к конспектированию или выделению наиболее значимых, по ее мнению, положений авторов, делавшихся прямо по ходу чтения. В самой рукописи это выглядело следующим образом: на 291 листе содержались законспектированные или отредактированные преимущественно самой императрицей текстовые фрагменты на французском языке из Вейтли и Чемберса, а сразу за ними следовали их переводы на русский язык, уже готовые к типографской обработке.⁹⁵ Особо сложные для понимания пространные рассуждения Вейтли императрица разобьет на целый ряд отдельных понятий, тем самым желая донести авторскую мысль в наиболее доступной для читателя форме. Вот как, например, выглядел посвященный Стоу один из фрагментов ее перевода: «Непосредственно над ольховою рощею находится главное возвышение сада. Оно разделяется широким и глубоким суходолом на два холма. На одном из коих стоит большой готический храм, пространство пред храмом представляет обширную поляну: землелог с одной стороны с находящимися по краям его деревьями непосредственно спускается в лощину. Дом же вдали над оным возвышающийся наполняет промежуток. Сие пространное здание кажется из сей точки зрения знатнее нежели в самом деле. Над деревьями и между их листьями и сучьями видно верхнее жильё преддверие башни перилы и кровли покрытая сланцом и беспорядочно в груды соединенная но величественный

вид имеющая; по другую сторону готического храма землелог опускается довольно отлогим скатом, и гораздо продолговато донизу; который кажется со всех сторон совершенно быть орошаем. Многие рукава реки извиляются по сей плоской поверхности во всяких направлениях. Соединение от текущих из Елисейских полей с главною рекою внизу находящуюся». ⁹⁶ Или в другом разделе «О дороге. О украшении дороги», где приводились также вполне конкретные рекомендации, читаем: «Дорога, называемая по аглински ридинг толь много разнствующая от сада (...) Итак должно, чтоб признаки служащие к его очертанию и к различию от обыкновенной дороги были наипаче заимствованы от сада. (...) Ели и березы насаженные по краям дорог или представленные в виде околков или лесов возвещают часто соседство замка или знатного сельского дома. (...) Когда род дерев ничего чрезвычайнаго не имеет, то весьма явное намерение в их расположении возвещает дорогу украшенную быть имеющую. (...) И если груды деревьев хорошо выбраны и оставлены только лучшия на землелоге хотя б то был лес, поле или дорога нет нужды: то производят они много действия». ⁹⁷ Обратив же внимание на неоднократно используемый Вейтли термин «сумах», императрица делает следующую пометку: «Сюмак же слово арапское и значит род дерева подобнаго мелкой рабине имеющее красныя всякия ягоды». ⁹⁸

О том, что подготовка рукописи к печати находилась уже на завершающей стадии, можно судить по двум приложенным к ней письмам. В первом, датированном 11 июля 1773 г., сообщалось: «Государь мой Иван Елизарьевич! При сем посылаю вам французские подленника о садах листы от 8 по 108 лист включительно которые вам при корректуре надобны. (...) Григорий Козицкой». ⁹⁹ В другом, отправленным из Харькова 29 января 1774 г., подтверждалось получение очередной текстовой части: «Милостивый государь мой Григорий Васильевич! За присылку ко мне о аглинских садах листов приношу вам... покорнейшую благодарность... (...) Евдоким Козицкой». ¹⁰⁰

Вместе с тем остается неясным последующее использование находившихся

в конце рукописи двух русских переводов сочинения Чемберса, озаглавленных как «Перевод из книги, сочиненной господином чамберсом и содержащей в себе описание китайских строений, домашних их уборов, одеяний, и инструментов; с статьи, Об искусстве китайцев в распоряжении садов своих». Тем более, что российское его издание было осуществлено двумя-тремя годами ранее.¹⁰¹

Впрочем, завершить, а тем более издать столь объемный труд императрице так и не придется, хотя изначально ставилась задача познакомить с новейшими принципами садоводства, прежде всего, «именитого заказчика», о чем заявлялось со всей определенностью: «Владельцам приморских дач по Петергофской дороге лежащих книга сия в дар приносится от усмотревшего природные оных приятства и способности для вящего украшения по правилам, здесь предписанным».¹⁰² Активно формировавшаяся здесь еще с петровских времен сеть укрупненных владений, размещавшихся в одном из самых живописных пригородов столицы, и должна была стать по ее мнению исходной базой или своего рода испытательным полигоном для всего последующего распространения идей пейзажного садоводства на русской почве. Впрочем, как особо подчеркивается, «отказ от проекта издания «русского Вейтли» не помешал использованию его идей и образов в садовой практике императрицы».¹⁰³

Интенсивно происходившее усвоение новейших принципов садоводства в отечественной профессиональной среде с самого начала подкреплялось целенаправленными действиями Екатерины II. Особую роль в этом деле сыграет русское ученичество. Показательно, что первые специализированные поездки будут осуществлены еще до приглашения на императорскую службу английских садовых мастеров. Сама же отправка россиян на стажировку в Англию отвечала решению чисто практических задач. Задумав заведение царскосельского «аглинского сада», императрица намеревалась поначалу использовать отечественных мастеров. Не исключалась и возможность образования в самом ближайшем времени школы пейзажного садоводства.

В уведомлении, отправленном из Петербурга в мае 1769 г., глава Канцеля-

рии от строений и президент Академии художеств И.И. Бецкий доводил до сведения российского посла в Лондоне графа И.Г. Чернышева: «Милостивый государь мой граф Иван Григорьевич! По именному Ея императорского величества изустному указу отправлен отсюда титулярный советник и главный садовый мастер Эклебен, с одним архитектурии помощником и двумя садовыми гезелями в Англию, для примечания садового искусства по тамошним обычаям, снятия планов и лучшаго на практике о регулярстве садов сведения. (...) покорнейше прошу принять его Эклебена под протекцию вашу, и в случае нужд касающихся до повеленных ему дел в спомоществовании и защищении Вашего Сиятельства не оставит».¹⁰⁴ Эта первая командировка такого рода в действительности предполагала накопление и систематизацию разнообразнейшей информации, так или иначе связанной с теоретическими и сугубо практическими сторонами пейзажного стиля непосредственно на месте.

Упомянутый Эклебен долгое время служил при дворе в качестве главного садового мастера.¹⁰⁵ Будучи смелым экспериментатором, он смог добиться плодоношения в столичном регионе даже самых теплолюбивых ботанических видов. Так, в 1756 г. из оранжерей Летнего дворца к столу императрицы Елизаветы Петровны Эклебен поставлял бананы, а в екатерининское время ему удалось вывести столь понравившийся М.В. Ломоносову сорт пшеницы, акклиматизировать сибирское «гороховое дерево», получить урожай фиников и поспевавших в зимнее время «шпанских вишен». Эклебен постоянно привлекался к формированию регулярных садово-парковых композиций, в том числе и по его же собственным проектам. Одна из них создавалась в 1750-е гг. близ петербургской Нарвской заставы на «мызе Шанпетр» - летней резиденции графа П.Б. Шереметева.¹⁰⁶ О преподавательской же деятельности Эклебена становится известно в период создания императорского сада «Лабиринт». Тогда-то к нему и были прикреплены садовые ученики, каждому из которых на все время учебы полагались «рисовальные инструменты» - бумага, карандаши и краски.¹⁰⁷ Поэтому прежде всего с Эклебеном императрица связывала заведение Школы са-

довых мастеров, где преимущественно должны были обучаться казенные ученики для последующей работы в императорских имениях.¹⁰⁸ Кем являлся сопровождавший Эклебена «архитектурный помощник» - в документе не уточняется. Скорее всего, им был дослужившийся до чина архитектора В.И. Неелов (1722-1782), неотлучно работавший в Царском Селе начиная с 1760 г.¹⁰⁹ Упомянутыми «садовыми гезелями» значились Петр Андреев и Трофим Кондратьев, им и предстояло задержаться в Англии на более длительный срок.

Впрочем, этот первый опыт российского ученичества не окажется удачным. Общие итоги растянувшегося более чем на два года их пребывания на английской земле изложит в служебной записке от 8 марта 1771 г. Мусин-Пушкин: «Два садовника для лучшего обучения садового мастерства, находились там самого времени по сие разных садах... где незнанием аглинского языка, употреблялись только в самых простых работах, как то в копании гряд, в прочищении дорог от... навоза... Видя такое их употребление (...) необходимо... отдать их прежде всего в школу для обучения здешнему языку, дабы они не токмо были способны совершенно понимать, преподаваемые им (...) наставления, но и могли собирать пользу из чтения английских о садовых делах книг (...) в приискании для них школы нужно 24 фунтов стерлингов в год за каждого... (...) на один год, пока они в школе... останутся в обучение аглинскому языку... будет иметь и ту пользу, что в случае высылки отсюда аглинского садовника в России... какой приискан... можно будет употреблять их вместе переводчикам, и помощникам ему».¹¹⁰ 6 апреля 1771 г. Бецкий в ответ напишет: «Милостивый государь мой Алексей Семенович! На письмо вашего высокородия о обучении находящихся в Англии российских садовых гезелей Петра Андреева и Трофима Кондратьева аглинскому языку покорно доношу, что в том для ожидаемой впредь пользы охотно согласую, то не токмо по сту по пятидесят, но и по двести рублей в год каждому еще в декабре месяце 1770 году производить им от меня определено, чем уповаю безнужно, они там содержать себя могут».¹¹¹

Значительную часть времени Андреев с Кондратьевым провели при королев-

ских парках и садах Хэмптон-Корта, где их лично курировал садовый мастер Т. Клоус (Thomas Cloase).¹¹² Собственно о нем непосредственный его начальник – Л. Браун, проработавший здесь в качестве главного садового мастера около двух десятилетий (1764-1783), выскажется вполне определенно. В сопроводительной записке от 20 октября 1770 г., информируя на этот счет Мусина-Пушкина, он подчеркнет, что считает Клоуса во всех отношениях достойной кандидатурой для вступления в российскую императорскую службу.¹¹³ Впрочем, вряд ли русские ученики могли многому у него научиться. За все время пребывания в Англии к изучению английского языка им приступить так и не доведется. А потому 23 июля 1771 г. Бецкий был вынужден принять окончательное решение: «Милостивый государь Алексей Семенович! На письме вашего высочородия от 9 сего июля честь имею донести, когда бытие в Лондоне садовых гезелей Андреева и Кондратьева не весьма полезно, то лучше не упустя нынешнего летняго времени их сюда отправить, и на проезд их надобное число денег прошу употребить, которые по получении известия к Вам и переданы будут. (...) Иван Бецкой».¹¹⁴ Можно полагать, что по возвращении на родину Андреева и Кондратьева зачислят в команду недавно прибывшего из Англии садового мастера Д. Буша.

В январе 1771 г. Екатерина II командирует в Англию В.И. Неелова вместе с сыном - П.В. Нееловым. Что касается Неелова-старшего, то тот, очевидно, направлялся туда второй раз. После первой своей поездки, завершившейся, скорее всего, летом 1769 г., именно ему вместе с Эклебенем и будет доверено проведение весной 1770 г. первоочередных работ по созданию царскосельского пейзажного парка в четком соответствии с разработанным прежде проектом. В то время Неелов-старший уже довольно отчетливо представлял себе специфику пейзажного планирования, о чем позволяют судить служебные его рапорты. Так, в одном из них от 15 мая 1770 г. он докладывал: «Позади Большого пруда, что у Виттелевского канала, низкое место или поточину, где и ныне по низости места держится вода, оную уширить и углубить и сделать иллегулярным пруд-

ком и около одного обсадить с одной стороны к забору деревцами, а с другой к Большому пруду ивовым кустарничком неравной вышины иллегулярною фигурою не в линейки...»¹¹⁵ Спустя пять дней Неелов предложит «вместо прудка поделать островки и около их канальцы», а вынутую землю использовать для устройства островков и холмов. Причем сама их подсыпка, как особо подчеркивалось, должна была производиться одними только неровными буграми, «чтоб оное все походило больше на натуральное, а не нарочно деланное».¹¹⁶ Как проясняется из последующих докладов, Неелов вскоре спланировал изменить очертания дорожек, прудов и всякого рода насыпей также для придания им наиболее естественного облика.¹¹⁷ Впрочем, основной массив этих работ был напрямую связан с формированием фактически первого сравнительно небольшого пейзажного района (Малых прудков), создававшегося к западу от Большого пруда. Этот пониженный участок, на котором прежде располагалась оранжерея, подлежал полной трансформации с устройством многочисленных протоков и островков исключительно живописного очертания.¹¹⁸ Несомненно, основа этого замысла изначально была predeterminedена вполне конкретными изображениями с английских гравюр. Известно, что разделенный на части Зеркальный пруд Старого парка привел к появлению сразу трех так называемых Полулунных прудов, общее очертание которых Неелов прямо заимствовал из известного английского парка в Стадли Роял (Studley Royal).¹¹⁹ Непосредственно же перед отъездом в Англию Неелов-старший занимался возведением по собственному проекту садовых ворот «в виде грота», очевидно, также отталкиваясь от вполне конкретных английских аналогов.¹²⁰

Главной целью командировки 1771 г. станет дальнейшее накопление теоретического и практического опыта, необходимого, прежде всего, для завершения уже ведущихся архитектурных и ландшафтных работ в Царском Селе. На этот раз Неелову предстояло задержаться в Англии значительно дольше, «дабы он объездил все примечания достойные сады в Англии и, насмотрясь того, делать здесь подобные».¹²¹ В действительности эта поездка растянется на шесть меся-

цев, в конце июня архитектор уже возвратится в Царское Село. С помощью российских дипломатических представителей он смог посетить большое множество загородных поместий, преимущественно к западу от Лондона в направлении Оксфорда.¹²² Другим немаловажным итогом пребывания Неелова в Англии станет приобретение специализированных книг и очередных коллекций печатной графики, наиболее полно передающих особенности пейзажного стиля на примере Вилтона, Стадли Роял, Кью и Стоу (Wilton, Studley Royal, Kew, Stowe).

Однако когда в декабре 1772 г. императрица распорядится устроить в Царском Селе прибывшее из Англии многочисленное семейство Буша-старшего, первоначальный замысел Английского парка будет радикально изменен и соответственно все еще осуществлявшиеся садовые работы приостановят и окончательно передадут в его ведение. Отныне Неелову поручалось создание одних только парковых сооружений, местоположение и образный строй которых всякий раз оговаривались с заказчицей и с английским садовником заранее. Это, в частности, подтверждается содержанием одной из кратких ее «записочек» от 1774 г., непосредственно адресованных Г.А. Потемкину: «План Царского Села тотчас пришлю. Я послала к Неелову его взять. Но на нем строения, чаю, рассмотреть не можно, а оным строениям есть частные планы, кои у него потребовать можно, буде нужны».¹²³ Впрочем, в самом облике этих сооружений не сложно усмотреть английское влияние. Значительная их часть была скомбинирована или попросту скопирована с гравюр, книг или натуральных рисунков, сделанных прямо на месте в пейзажных парках Вилтона и Стоу (Пирамида, Палладиев мост, Китайские постройки, Крестовый мостик и др).¹²⁴

По завершении пятилетнего обучения в Академии художеств по классу архитектуры в январе 1771 г. вместе с отцом Екатерина II направит в Англию П.В. Неелова (1749-1848). В служебной записке по этому поводу он отмечал: «...ныне по высочайшему Е.И.В. соизволению посылаюсь я именованный при архитекторе Неелове в Англию на некоторое время для лучшего успеха в знании и примечании к пользе садов, (...) дабы я в одежде и пище не имел недос-

тата и при том по званию моему был награжден как и протчие».¹²⁵ Фактически это была пенсионерская поездка, рассчитанная на четырехлетний срок.¹²⁶ Целеобразность такой стажировки мог донести до императрицы Неелов-старший, проявлявший заботу о подготовке достойной для себя смены. По приезде же в Лондон Петр был оставлен на попечение священника русской посольской церкви А.А. Самборского (1732-1815) так как вначале ему предстояло заняться изучением английского языка. Выясняется, что «для обучения наукам» ему с 1 мая 1771 г. выделялось из казны по пятьсот рублей в год.¹²⁷ Помимо собственно гравюр и специализированной литературы он не раз переправлял на родину запрашиваемые отцом и старшим братом собственноручные рисунки и планы, проясняющие специфику устройства особо примечательных пейзажных парков и их садовых построек. Так, например, среди не подписанных листов, происходящих из Отдела рукописей Эрмитажа, имеется изображение происходящей из Кью одной Китайской беседки. М. Коршунова на основании особенностей графики приписывает этот рисунок именно Петру Неелову.¹²⁸

Из письма раздосадованного отца к попечителю, датированного мартом 1773 г., выясняется, что сын его влюбился в английскую девушку и в ближайшее время не намеревается возвращаться на родину.¹²⁹ С большим собранием гравюр и книг по архитектуре и садоводству Петр все же возвратится из Англии в августе 1775 г. За столь продолжительное время он, как никто другой из россиян, имел прекрасную возможность профессионально овладеть теорией и практикой новейшего садоводства. Впрочем, достойного применения в Царском Селе ему так и не нашлось. А потому в марте 1778 г. императрица позволит П.И. Неелову завести собственную практику, «дабы охотники до размножения на английский манер саду той высочайшей милостию через него пользоваться могли».¹³⁰ В результате 28-ми летний зодчий вынужден был уволиться из царскосельской Конторы строений и поступить на службу в Преображенский полк. И уже в последующие шестнадцать лет он трудился в динамично развивающихся новороссийских городах Николаеве и Херсоне, сотрудничая в основном

с М. Фалеевым - доверенным лицом князя Г.А. Потемкина. Завершающий этап профессиональной деятельности П.В. Неелова обозначится 15 февраля 1794 г., когда последует его назначение на должность царскосельского архитектора вместо умершего брата И.В. Неелова (1745 - ноябрь 1793).¹³¹ К тому времени все мероприятия по созданию Английского парка будут практически полностью завершены. Однако тесно сотрудничая с главным садовым мастером Царского Села Бушем-младшим, он с середины 1790-х гг. будет неоднократно привлекаться к садовым работам у Александровского дворца.¹³² Осуществляя расширение Английского парка за Трифионовской горкой (в районе Нижних каскадных прудов), Буш в очередной раз обратится к Неелову в 1810 г. непосредственно перед собственной отставкой. И тогда зодчий разработает целый ряд проектных чертежей, позволивших сформировать еще один пейзажный район.¹³³

Летом 1773 г. по «высочайшему изустному повелению» в Лондон в качестве пенсионера отправится выпускник Академии художеств по классу архитектуры П. Хитров.¹³⁴ Надо полагать, что помимо совершенствования образования по избранной специальности, на него возлагались и задачи, связанные с освоением пейзажного стиля. Вероятнее всего он поддерживал отношения с находившимся в то время в Лондоне П.В. Нееловым, и, следовательно, мог вместе с ним исполнять отдельные поручения российских своих коллег и по части садоводства.

«Для продолжения наук» императрица в 1786 г. командировала в Англию выпускников Петропавловского училища - И. Гирша и С. Радилова.¹³⁵ Что касается Гирша, то тот выезжал именно как «ученик-садовник» и, стало быть, должен был там пройти соответствующие курсы теоретической и практической подготовки.¹³⁶ По возвращении же на родину он был зачислен в команду придворного архитектора Ч. Камерона, однако и в 1796 г. все еще числился «архитекторским учеником».¹³⁷

Самая различная информация, касающаяся главным образом чисто практического устройства английских парков, могла постоянно попадать в поле зре-

ния тех российских учеников, кто находился в Англии для изучения новейшей системы земледелия. Среди них следует назвать Евстафия Зверева, Михаила Ливанова, Ивана Михайлова, Алексея Кавуцкого, Данилу Пищикова, Василия Прокофьева и Алексея Колмакова.¹³⁸ Показательно, что во «Всеобщем и полном домоводстве» В. Левшин весьма высоко оценивал эти инициативы императрицы: «В разные страны, а паче в Англию – сие Государство принужденное сперва заимствовать хлеб к продовольствию своих жителей, но чрез усовершенствование земледелия дошедшее к тому, что выпускает оный и в другие страны, - по Высочайшему повелению посланы ученики, кои возвратясь с успехом, внесли плоды своих странствий в Отечество».¹³⁹

В екатерининскую эпоху по государственным делам не раз выезжал в Англию находившийся на императорской службе архитектор Н.А. Львов (1751-1803). Это произойдет уже после того, как в июльские дни 1775 г. в чине капитана он решит завершить военную службу и поступить в Коллегию иностранных дел под начало П.В. Бакунина «в рассуждении знания его итальянского, французского и немецкого языков (...) для употребления его на оных языках в переводах и других делах».¹⁴⁰ Первый биограф зодчего Ф.П. Львов в этой связи отметит: «Во время служения его по дипломатической части неоднократно послан он был в чужие края. Он был и в Германии и во Франции, и в Италии, и в Испании, везде все видел, замечал, записывал, рисовал и, где только мог и имел время, собирал изящную, рассыпанную в наружных предметах».¹⁴¹ Впрочем, из этого списка выпала Англия, куда в качестве дипломатического курьера Львова впервые направят в октябре 1776 г.¹⁴² Там он пробудет более месяца и уже оттуда отправится в Мадрид, а в феврале 1777 г. прибудет в Париж. Уже будучи знаком с томами Хиршфельда, Львов в очередной раз окажется в Лондоне в 1780-е гг. Теперь он находился там в качестве главного чиновника Почтового департамента, возглавляемого графом А.А. Безбородко.¹⁴³ Собственно, с этого времени и завяжется неизменно сохранявшаяся и далее личная переписка Львова с С.Р. Воронцовым.¹⁴⁴ Да и с многочисленными представителями семьи

Воронцовых он постоянно находился в дружеских отношениях, всякий раз откликаясь на решение различных задач по архитектурной и садовой части.¹⁴⁵ В другой раз Львов приедет в Лондон в начале 1793 г. и уже оттуда вместе с подписанными российско-британскими конвенциями возвратится 6 апреля на родину.¹⁴⁶ Впрочем, неделю спустя, теперь уже с письмом Безбородко, его снова отправят в английскую столицу, где он пробудет еще какое-то время вплоть до завершения их ратификации.¹⁴⁷ Львов посещал парки в основном в самом Лондоне и пригородах, что немало способствовало непосредственному его знакомству с садово-парковым искусством Англии. И соответственно в садоводческой его деятельности это обстоятельство сыграет немаловажную роль. Наиболее выпукло ясные представления Львова о сложной специфике пейзажного дела иллюстрирует его письмо к П.В. Лопухину (1799). В данном случае речь шла о формировании подмосковной усадьбы князя, относительно чего последовали следующие разъяснения: «Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность; и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство. Каково же должно быть летом? Приложу, как говорят, руки к делу, место сие выйдет, мало если сказать, лучшее из Подмосковных. Натура в нем все свое дело сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный. От начала хорошего, от первого расположения зависит будет успех оногo. (...) Правда, что возвышение, под усадьбу назначенное, имеет прекрасные виды, с обеих сторон красивый лес, но кряж песчаный и жадный: воды ни капли, и все то, что на возвышении посажено ни будет, будет рост медленно и хило, ежели не взять к отвращению неудобств нужных мер. (...) Для отвращения всех сих неудобств, исходил я все окрестности усадьбы, и знаменитый Брюн насилу мог за мною угоняться. Освидетельствовав обе побочные реки и берега их, кажется мне, что есть возможность оживотворить живыми водами прекрасную, но по сию пору мертвую и безводную ситуацию вашей усадьбы, - в саду и в скотном дворе вашем будут фонтаны, возле дома каскад великолепный... Словом, прекрасное положение

места будет, право, несравненное, все оживет и все будет в движении; по сию пору я признаюсь, что виды романтические составляют без вод мертвую красоту, я говорю, без вод, потому что нижние воды, на которые хозяин имеет только право глядеть, а в деле употребить не может... Все это проверил я на месте, нанес на план и теперь делаю расположение всей усадьбы вообще, которое по возвращении моем представлю на ваше одобрение».¹⁴⁸

Впрочем, освоение россиянами новейшего садоводства в екатерининскую эпоху не ограничивалось сугубо профессиональными рамками. Так, еще в 1771 г. императрица распорядится отправить в Англию за государственный счет князя И.П. Тюфякина, решившего вполне самостоятельно «совершенствоваться в архитектуре и устройстве садов».¹⁴⁹

*2. Павел I, Мария Федоровна, Александр I, Елизавета Алексеевна,
Николай I, Александра Федоровна, Михаил Павлович,
Константин Павлович, Александр Николаевич*

Отчетливо представлял себе специфику пейзажного стиля и великий князь Павел Петрович (1754–1801). В самой различной форме сведения на этот счет, как неотъемлемой составной части великокняжеского образования вообще, он мог почерпнуть из частных бесед с матерью и из рекомендованной ей же специальной литературы, не говоря уже о всякого рода имеющихся при дворе многочисленных изображениях, включая сервиз «Зеленая лягушка». Тем более, что наследника в детстве обучали рисованию и он подолгу любил рассматривать видовые гравюры. Не случайно в дневнике десятилетнего мальчика упоминания о просмотре эстампов встречаются постоянно. Их тематика была весьма разнообразна - от архитектурных сооружений и планов городов, до обширных загородных поместий с их огромными парками. Яркими своими впечатлениями, полученными от непосредственного знакомства с английскими парками, неизменно делились с наследником и особо приближенные ко двору. В частности, деятельное участие в его воспитании примет Л.Х. фон Николаи. Вместе со

старшими братьями Разумовскими он еще в 1768-1769 гг. совершит путешествие по «некоторым английским провинциям». Среди друзей великого князя находим также побывавших в Англии А.Б. Куракина, Г.П. Гагарина, Н.П. Шереметева, Н.Б. Юсупова, Н.С. Мордвинова, С.И. Плещеева.¹⁵⁰ Большим эрудитом по части английского садоводства слыл при дворе А.А. Самборский, прослуживший в Англии более пятнадцати лет. В августовские дни 1781 г., вскоре по возвращении на родину, императрица именно его назначит духовником великого князя и его супруги. Как раз с подачи Самборского Павел I распорядится открыть в начале 1798 г. школу Практического земледелия, где в подготовке отечественных кадров особое место уделялось освоению теории и практики пейзажного садоводства. И уже в следующем 1799 г. также по инициативе Самборского в Англию отправятся воспитанники Морского кадетского корпуса Наговицын, Блоков, Тихонов и Горбунов «для обучения, как разводят там леса при Королевских рощах, из коих английские флоты снабжаются лесами». В силу особой важности поставленной перед ними задачи, всех вновь прибывших лично курировал С.Р. Воронцов, «который должен был следить, чтобы упражнения их состояли не в одном наблюдении, но и в самой практике». Деятельное же участие в их обустройстве на новом месте примет протоирей посольской церкви Я.И. Смирнов. И хотя на родину возвратятся не все, а только Тихонов и Горбунов, да и то лишь в сентябре 1806 г., их обоих в звании «ученых формейстеров» отправят в Казань для разведения там корабельных лесов, а заодно и составления «Ботанического описания всех родов деревьев, произрастающих в Казанской губернии».¹⁵¹

Детальному знакомству с парками нового типа всячески способствовало и предпринятое в 1782-1783 гг. наследниками с тем же Самборским длительное путешествие по западной Европе.¹⁵² Несмотря на то, что Англия в избранном самой императрицей маршруте не значилась, им удастся познакомиться с континентальными образцами английского стиля. В результате этой растянувшейся на 428 дней необычайно насыщенной яркими впечатлениями поездки граф и

графиня Северные посетят Австрию, Италию, Францию, Голландию, Швейцарию, Германию и Польшу, пейзажные парки в которых уже не являлись в то время чем-то диковинным.¹⁵³ Так, с только что созданным известным французским парком Багатель им посчастливится познакомиться в сопровождении непосредственного его создателя – шотландского садовода Т. Блейки (Thomas Blaikie), который по этому редкому для себя случаю оставит следующую дневниковую запись: «...они обошли весь сад, великая княгиня была с королевой, которой, похоже, сад чрезвычайно понравился... Поскольку вельможи были позади, я предложил руку королеве и великой княгине, направляясь в Эрмитаж; это заставило русского посла поспешить взять за руку свою спутницу, и в спешке он оступился и упал в реку; это послужило поводом к долгому смеху и, конечно, я также не смог удержаться, хотя и обязан был его скрывать; однако все сошло благополучно, и праздник явно доставил великое удовольствие всем участвующим».¹⁵⁴

При растянувшемся на многие годы формировании Павловска и Гатчины Павел Петрович рассматривал и утверждал многие проектные замыслы, в том числе и по садоводческой части. Именно он был инициатором создания в гатчинских парках развитой системы каскадов, призванных усилить художественную значимость целого ряда пейзажных районов. Очень часто обсуждал он текущие вопросы и с английскими садовыми мастерами, долгое время работавшими у него в имениях. Особую настойчивость проявлял великий князь в заведении Зверинцев, становившихся неотъемлемыми составными частями обширных пейзажных композиций. В частности, вслед за коронационными торжествами уже как император он приказал П.В. Неелову и Бушу-младшему привести в примерное состояние елизаветинский царскосельский Зверинец, очевидно, предполагая в самом ближайшем времени сформировать на его основе еще одну обширную пейзажную часть.¹⁵⁵

О садоводческой деятельности Марии Федоровны (1758-1828) известно много больше, прежде всего потому, что в заведении и обустройстве «аглин-

ских садов» в Павловске, Гатчине или на Елагином острове ей принадлежала значительная роль.¹⁵⁶

В 1788 г. Павел Петрович подарит «село Павловское» своей супруге, тем самым, предоставляя ей неограниченное поле деятельности. Тогда она и возьмет на себя нескончаемые хлопоты по доставке и высадке постоянно прибывавших крупных партий саженцев - фруктовых деревьев из Москвы, дубов из Финляндии, лип из Любека, тополей из Англии. М.И. Семевский в этой связи отметит: «О сбережении лип и прочих деревьев от зимней стужи Великая Княгиня заботилась сама, будучи вполне знакома с приемами садоводства. (...) Подсадка новых деревьев иногда доставляла Великой Княгине удовольствие сделать сюрприз ее супругу, особенно если деревья эти были любимые им клены. Она сама, Великий Князь и их Августейшие дети собственноручно сажали деревья близ дворца и этим в 1785 году положено основание «Семейной роще», бывшей предметом ее особой заботы».¹⁵⁷ Соответственно из различных стран, но, прежде всего из Англии, она выписывала крупные партии цветочных семян и оранжерейных растений. Всей этой своевременной доставке предшествовала весьма обширная ее переписка.¹⁵⁸ Неизменно сотрудничала великая княгиня и с выписанными из Англии садовыми мастерами, всякий раз обсуждая с ними самые различные композиционные замыслы.

Подводя своеобразный итог столь неутомимой деятельности, офицер конной гвардии Н.А. Саблуков (1776-1848) напишет: «Павловск, принадлежащий лично Марии Федоровне, был устроен чрезвычайно изящно. И всякий клочок земли здесь носил отпечаток ее вкуса, наклонностей, воспоминаний о зарубежных путешествиях и т.п. Здесь был павильон роз, напоминавший трианонский; шале, подобные тем, которые она видела в Швейцарии; мельница и несколько ферм наподобие тирольских; были сады, напоминавшие сады и террасы Италии. Театр и длинные аллеи были заимствованы из Фонтенбло, и там и сям виднелись искусственные развалины. Каждый вечер устраивались сельские праздники, поездки, спектакли, импровизации, разные сюрпризы, балы и кон-

церы, во время которых императрица, ее прелестные дочери и невестки своею приветливостью придавали этим развлечениям восхитительный характер. Сам Павел предавался им с увлечением...»¹⁵⁹

В помощь наследникам Екатерина II командировала из Царского Села в соседний Павловск Ч. Камерона, который, несомненно, сыграл ключевую роль в деле усвоения великой княгиней сложной специфики пейзажного планирования. Из переписки с управляющим Павловска, выпускником Лейпцигского университета К.И. Кюхельбеккером становится известно, что Мария Федоровна не только обсуждала с зодчим общий замысел пейзажного окружения дворца, но и часто вносила коррективы в уже разработанные им проектные замыслы. Так, в одной из записок, отправленных во время заграничного своего турне, Мария Федоровна замечала: «Я уже давно просила Вас, мой добрейший Кюхельбеккер, рисунок двора Павловска, так как мы намереваемся его устроить. Вы очень будете любезны, если доставите мне этот рисунок в скором времени».¹⁶⁰ Совместно с Камероном детально продумывались и отдельные части парка, и размещение в нем сооружений, о чем становится известно из распоряжения от 25 октября 1782 г., поступившего из Коцки (Kotzka): «Сообщите мне, ради Бога, зачем Камерон сделал низ на сводах? Это только удваивает расходы и имеет ту неприятность, что никогда не сохнет; притом на эти толстые стены тратится много кирпича. Если же прочность того требует, дело другое. (...) Что же касается Камерона, то я отлагаю мое суждение о нем, пока вы меня не известите о точности дела. – Поговорим о саде, который будет моим утешением. Потому что я очень огорчена тем, что начала постройку дома, который сыграл мне вероломную шутку. Готов ли Птичник? Лышу себя надеждою, что он красив; ведь вы мне это обещали. Что делает молочня? Будет ли она под крышей? Что я найду новенького в своем саду? Будет ли он насажен редкими цветами? Будет ли окончена Колоннада? Готов ли цветник перед птичником? Признаюсь Вам, это будет для меня истинным праздником, когда я опять увижу мой дорогой Павловск».¹⁶¹

Сразу по возвращении в Павловск Мария Федоровна займется обсуждением с Камероном прежде спланированной корректировки ландшафта. И в долине р. Славянки ее осуществят вслед за ее утверждением проекта. В очередных своих предписаниях 1785-1786 гг. к Кюхельбекеру она выскажет собственное мнение и насчет устройства Камероном живописного Каскада. Ему же Мария Федоровна поручит разработать чертежи для постройки в пейзажных районах Хижины отшельника, Хижины угольщика, Старого Шале и всех прочих садовых строений, основываясь на уже имеющихся чертежах. Речь в данном случае шла о столь любимившихся ей с детства постройках, являвшихся украшением летней резиденцией ее отца - герцога Вюртембергского.¹⁶²

В отошедшей к супругу в 1783 г. Гатчине Мария Федоровна не менее была увлечена садоводческой деятельностью трудившихся там английских мастеров. Павловскому же своему садовнику Визлеру она предписывала перенимать у них опыт и мастерство. И соответственно напрямую или через Кюхельбекера великая княгиня озадачивала его конкретными поручениями, всякий раз возникшими по ходу реализации все новых ее садоводческих идей: «Скажите, пожалуйста Визлеру, что мне кажется, он хорошо бы сделал, как не теряя времени, он сегодня выроет из поля розаны, посадит их в горшки и поставит пока в холодную комнату; эта мысль пришла на ум; но пусть делает как заблагорассудит. (...) Мария».¹⁶³ Этот Визлер, прослуживший в Павловске достаточно длительное время, был тесно связан с Камероном, принимая самое непосредственное участие в реализации большинства его садовых замыслов.

В 1790-х - 1800-х гг. Мария Федоровна столь же активно сотрудничала и с англичанином Д. Геккеттом, зачисленным на службу в качестве главного садовника Гатчины вслед за увольнением его предшественника Ч. Спарроу. Именно тогда в непосредственной близости от «гатчинского замка» и будет создан целый ряд регулярных садово-парковых композиций. Да и много позже, в возрасте 58-ми лет, она займется комплексным обустройством Елагина острова теперь уже совместно с садовым мастером Бушем-младшим и прибывшим

также из Англии садовником П. Буком, неизменно выписывавшем оттуда все необходимые семена и саженцы.¹⁶⁴ Впрочем, подобные прямые контакты с Англией Мария Федоровна установит много раньше. Еще в начальную пору формирования дворцового ансамбля в Павловске англичанин Г. Ное (George Noye), по настоятельной просьбе графа К. Югена (Carl Eugen), родного дяди Марии Федоровны, доставит ей из питомника королевского парка Кью декоративные кустарники и деревья. Перед самым же его возвращением на родину, в знак особой признательности, она подарит ему золотые часы и вручит еще триста рублей для приобретения очередной партии саженцев, а заодно и коллекции гравюр с изображениями королевских парков.¹⁶⁵ В 1797-1798 гг. уже как императрица Мария Федоровна подготовит для англичанина Д. Фрезера, снабжавшего до этого Екатерину II образцами североамериканской флоры, весьма развернутый их список. Впрочем, воспользоваться этими заокеанскими экзотами ей так и не придется. Столь дорогостоящий заказ Александр I отказался оплачивать даже горячо любимой матери.¹⁶⁶

10 января 1803 г. в Павловске случился большой пожар. Помимо самого дворца существенным разрушениям подвергнется и парк. Желая как можно скорее выправить положение, Мария Федоровна решает обратиться за помощью к С.Р. Воронцову, как давнему своему знакомому: «...мой милый Павловск лишился своей красоты... флигеля и много из мебели спасены; но я лишилась прекрасных статуй, разбитых вдребезги, и картин Робера, Верне, сильно пострадавших, и много из мебели... Моя библиотека и собрание эстампов тоже чрезвычайно потерпели. Много хлопот, граф, много неприятностей; но, впрочем, подобного рода горе переносить легко, если его сравнить с сердечными, мною испытанными страданиями. И потому-то, клянусь вам, что хотя я и огорчена этою потерей, которая не может не быть мне чувствительна, я однако же перенесла весть о ней с тем спокойствием, которое, по моему мнению, есть плод несчастий истинных: когда измеряешь горе этою мерою, то ни одно не подойдет к ней. Между всеми этими неприятностями, одна, признаюсь, осо-

бенно меня тронула: опасение, чтобы пожар не распространился, заставило срубить мои великолепные тополи, которые я садила, холила; ростом они были выше кровли. Но утешаюсь, граф, тою мыслью, что стараниями вашими буду вознаграждена за мою потерю и, в этой уверенности, обращаюсь к вам, прося прислать мне с первым же отплывающим кораблем пол-дюжину или дюжину самых высоких тополей, каких только возможно будет добыть. Может быть и лорд Сент-Эленс, любя Павловск, озаботится и сам исполнением этого поручения. Если попросить капитана корабля положить их на палубе и хорошенько укутать, то перевести нетрудно и можно было бы достать очень большие деревья. Этим облегчили бы мои сожаления, ибо признаюсь, что тополи были одним из лучших украшений Павловска».¹⁶⁷

В помеченном 3 июня 1783 г. письме к барону М. Гримму, умиляясь шестилетним внуком-первенцем, императрица заметит: «Если бы видели, как господин Александр мотыжит землю, сажает горох, высаживает капусту, идет за плугом, боронит и затем, весь в поту, бежит ополоснуться в ручье, после чего берет сеть и вместе с сударем Константином лезет в воду ловить рыбу. И вот они уже отделяют щук от окуней...»¹⁶⁸

Это совершенно созвучное идеалам века Просвещения воспитание великого князя Александра Павловича (1777-1825) базировалось на усвоении эстетических ценностей природного мира. Именно для всестороннего развития будущего наследника в окрестностях Павловска на Александровой даче Ч. Камероном совместно с А.А. Самборским будет сформирован своего рода экспериментальный пейзажный парк по мотивам сочиненной самой императрицей сказки «О царевиче Хлое». Как раз здесь под присмотром Н.И. Салтыкова великие князья проводили летние месяцы и в непринужденной игровой форме приобщались к преодолению различных жизненных испытаний, органично впитывая в себя и радости сельского труда.¹⁶⁹ Совсем скоро в мировосприятии великого князя представления о счастливой естественной жизни на лоне природы приобретут особое значение. Об этом можно судить по учебным тетрадям за 1787-

1789 гг. Так, в одном из первых упражнений по русской грамматике приводился отрывок из идиллического сочинения М.И. Муравьева «Обитатель предместья». Здесь же находим и рассуждения Александра «о счастливых селянах», сделанных под непосредственным воздействием поэтических образов швейцарца С. Гейснера, воспевавшего «естественную жизнь» поселян.¹⁷¹ Да и много позже возвышенное отношение к природе и наполненной незатейливыми повседневными радостями сельской жизни оставались составной частью его мировоззрения, по поводу чего польский князь А.К. Чарторыйский вспоминал: «(...) Дело шло уже не о политике, а о природе: Великий Князь восторгался ее красотами. Нужна была большая склонность к наслаждениям этого рода, чтобы находить их в местности, по которой мы совершали свои прогулки; но так как все в этом мире относительно, то Великий Князь восхищался цветком, зеленью дерева, несколько открытым видом с небольшого пригорка, ибо нет ничего менее живописного, более некрасивого, как окрестности Петербурга.

Александр любил земледельцев и сельскую красоту крестьянок. Сельские занятия, сельские труды, жизнь простая и тихая, на хорошенькой ферме, в стране отдаленной и цветущей: вот роман, который ему хотелось осуществить и к которому он постоянно со вздохом возвращался. (...) Его искренность, его прямота, легкость, с которой он предавался прекрасным заблуждениям, имели неотразимую прелесть. (...)»¹⁷²

Первые представления о садоводстве, в том числе и новейшем английском, Александр Павлович приобрел от матери и бабушки, к тому же большинство императорских пейзажных парков формировалось непосредственно на его глазах и не могли не полюбиться еще с детства.¹⁷³ Пожалуй, впервые собственное его мнение было учтено в начале 1790-х гг. при создании Бушем-младшим сравнительно небольшой пейзажной композиции царскосельского Александровского дворца, предназначавшегося как раз для него и его супруги. Одно из первых его распоряжений уже как императора было напрямую связано с восстановлением сильно поврежденного в правление отца столичного парка Тав-

рического дворца и возобновлением прерванных при нем же работ по дальнейшему совершенствованию царскосельского Английского парка.¹⁷⁴ Заслуживает упоминания и распоряжение от 6 августа 1810 г. касательно образцового содержания решительно всех императорских парков Царского Села.

Состоявшийся вслед за Петром I спустя целое столетие триумфальный визит Александра I в Англию позволил существенно расширить его представления о новейшем садоводстве.¹⁷⁵ Непосредственному его знакомству с английской культурой немало способствовало и свободное владение, благодаря Самборскому, английским языком, что подтверждает сделанная 21 августа 1808 г. дневниковая запись англичанки К. Вильмот: «Петрушка Бутурлин говорит всегда только то, что думает. Этого мальчика вообще прекрасно воспитывают, и, кстати, по-английски он говорит, как англичанин. Когда он был еще совсем маленьким, ему как-то довелось побеседовать на этом языке с императором и тот в шутку спросил у Петрушки: «Хорошо ли я говорю по-английски?» - «Очень хорошо, - был ответ, - жаль только, что ваше величество учил языку шотландец». Император был совершенно очарован».¹⁷⁶

Российская делегация, прибывшая на корабле британского флота «Несокрушимый» из Франции в Дувр 6 июня 1814 г., уже на следующий окажется в Лондоне.¹⁷⁷ И хотя императору был предоставлен Сент-Джеймский дворец, он избрал местом своего жительства близлежащий отель на Пикадили (Pulteney Hotel, Picadilly), где в то время проживала его сестра - Екатерина Павловна, приехавшая в Лондон еще в марте месяце. Он, таким образом, оказался в непосредственной близости сразу от трех столичных парков (Green Park, St. James Park, Hyde Park).¹⁷⁸ Обыкновенно утром вместе с сестрой император совершал конные прогулки в Гайд-парке и уж оттуда, достигнув садов Кенсингтона, удалялся в живописные пригороды Хемпстеда и Хайгейта.¹⁷⁹ Также верхом Александр примет участие 10 июня в парадном смотре пятнадцатитысячного войска в северо-восточной части Гайд-парка. В тот же день он посетит и расположенный на высоком берегу Темзы Ричмонд, более всего знаменитый впечатляю-

щими видами окрестностей столицы. При этом отметит, что «никогда не видел столь прелестного местоположения».¹⁸⁰ Уже отсюда император проследует в Хэмптон-Корт, «где осматривал красоты оною с тем вниманием, какое допускала краткость времени». 11 июня Александр был радушно принят в королевском Сент-Джеймском дворце и соответственно познакомился с прилегающими к нему королевскими парками. А 14 июня вместе с принцем-регентом проследует в Оксфорд, осмотрит там и университетские сады, а в Лондон возвратится только в три часа ночи.¹⁸¹

Еще целый день был отведен для знакомства российского императора с парками Стоу и Бленхейма (Blenheim, Oxfordshire). В то время в Бленхейме все еще сохранялась в неизменном своем виде реализованная Л. Брауном в середине 1760-х гг. парковая композиция, сразу ставшая признанным образцом пейзажного стиля. Именно Браун многократно увеличит парковое пространство, что и позволит создать сильно протяженный пруд, ставший главным пейзажным атрибутом парка.¹⁸²

Посещение военно-морского госпиталя в Гринвиче привело и к осмотру прилегающих к нему парков, относительно чего П.П. Свиньин замечал: «Государь Император Александр Павлович и Великая Княгиня Екатерина Павловна в бытность в Англии прошедшего 1814 г., также посетили сие знаменитое заведение и провели несколько часов в рассматривании его. (...) Позади зданий находится знаменитый гринвичский парк. Он по всей справедливости почитается прекраснейшим из всего Государства по местоположению своему, возвышающемуся амфитеатром над рекою Темзою, а более по очаровательным видам, представляющимся отсюда во все стороны. (...) Вступив на самую большую возвышенность, где находится славная Гринвичская обсерватория, я нашел несколько почтенных инвалидов, которые предлагали гуляющим зрительные трубки: я взял одну и – более часу восхищался прелестными картинами! Влево в тумане неизмеримая столица; а на правой стороне Гревсенд и широкая река, покрытая судами. Нет пера, нет кисти описать все виденное!»¹⁸³

Непосредственно перед возвращением на родину император посетит 27 июня расположенную на южном побережье Англии резиденцию принца-регента в Брайтоне, где помимо «китайского» Королевского павильона застанет пейзажный парк прибрежного типа, созданный в конце XVIII в.¹⁸⁴

В том же 1814 г. обширное императорское собрание видовой печатной графики будет дополнено приобретением очередной партии английских гравюр и эстампов.¹⁸⁵ Среди прочего, особого внимания Александра I удостоится тема сельской пасторали, наиболее полно представленная в творчестве известного гравера У. Воллета (William Wollett, 1735-1785). Следует полагать, что обе эти работы император приобрел вскоре по возвращении из Англии, так как в Эрмитажное собрание они были включены еще до 1817 г.¹⁸⁶ Так, датированная 1769 г. одна из них («Охота»), сделанная с известного полотна Г. Стаббса (George Stubbs, 1724-1806), изображает сельский дом в окружении заросшего сада на фоне уходящего в даль необычайно выразительного ландшафта. Другая, озаглавленная как «Одиночество» (1778), исполненная с оригинала Р. Вильсона (Richard Wilson, 1713-1782), воспроизводит один из укромных уголков пейзажного парка с охваченным пышной растительностью живописным прудом. И в серии эстампов «Виды Оксфорда», доставленной императору в декабре 1816 г., присутствовали и изображения университетских садов.¹⁸⁷

Именно при Александре I императорская библиотека пополнилась новейшими трудами по агротехнике и садоводству. Впрочем, отдельный интерес император проявлял к сочинениям известного ботаника и садовода шотландца Д. Лаудона (John Claudius Loudon, 1783-1843).¹⁸⁸ Согласно инвентарной описи одна из его книг в польском переводе 1819 г. с раскрашенными от руки авторскими литографиями и с обращением переводчика к российскому императору находилась на рабочем его столе в парадном кабинете Екатерининского дворца.¹⁸⁹ Не останется без внимания Александра Павловича и сугубо практическое руководство Мак Адама (Mac Adam), посвященное устройству щебеночных дорог.¹⁹⁰ Здесь авторский текст изобилует множеством собственноручных поме-

ток, включая исчисления примерной стоимости работ при вычинке парковых дорог.¹⁹¹

По инициативе Александра I «болотистые места и суходольные пустоши, лежащие около Петербурга» было решено «осушивать и возделывать по примеру окрестностей Лондона».¹⁹² Ряд обстоятельств последовавшего в этой связи зачисления на императорскую службу Д. Вилера (Daniel Weeler) проясняются из помеченного 6 февраля 1818 г письма А. Голицына Х.А. Ливену: «Милостивый государь мой граф Христофор Андреевич. По высочайшей воле приглашается из Англии в Россию квакер Даниил Виллер для осушения в окрестностях Петербурга болотистых мест и учреждения земледельческих работ по Английской системе. Ныне в следствие полученного от сего квакера известия о решительном его намерении приехать в Россию будущю весною, Его Императорское Величество высочайше указать мне соизволили сообщить Вашему сиятельству о выдаче паспортов ему, семейству его и всем к нему принадлежащим людям для приезда в Россию, и употребить содействие ваше, дабы он при сем случае не потерпел какого-либо затруднения».¹⁹³ Наряду с организацией крупного земледельческого хозяйства на Охте и устройством фермы по английскому образцу, Виллеру поручалось к югу от Московской и Иверской застав, а также на Выборской стороне осушить в общей сложности 2000 десятин. В результате были окончательно ликвидированы Шушарские болота, что и позволит проложить здесь ветку железной дороги.¹⁹⁴ Очень скоро эта подступавшая вплотную к столице неприглядная местность обрела совершенно иной вид - «покрытое дотоле водою и кочками» пространство «превратилось в тучные луга и пастбища, представляя ныне зеленеющие поля и богатые пашни».¹⁹⁵ Также благодаря проведению Виллером в начале 1820-х гг. крупных мелиоративных работ обозначилась и сама возможность создания единой весьма разветвленной пейзажной системы Царского Села, предусматривавшей структурное объединение Екатерининского (Английского), Баболовского, Александровского и Отдельного парков.¹⁹⁶ Именно в александровскую эпоху здесь возникнут Город-

ской бульвар, Лицейский сад, северная часть общедоступного Отдельного и императорский Александровский парк. Работы возглавит придворный архитектор - шотландец А.А. Менелас, оказавший существенное воздействие на развитие отечественного пейзажного садоводства 1810-х -1820-х гг. Впрочем, все эти мероприятия следует рассматривать в контексте обширного императорского замысла по комплексному благоустройству и озеленению главной своей загородной резиденции.

Неотложным общегородским задачам восстановительного характера отвечали и вполне конкретные распоряжения императора, связанные с широкомасштабной реконструкцией послепожарной Москвы. В результате столичным архитектором шотландцем В.И. Гесте был разработан новый генеральный план, предполагавший устройство озелененных площадей и протяженных бульваров по примеру Лондона и Эдинбурга.¹⁹⁷ В рамках решения все тех же градостроительных задач Александр I распорядится создать у Кремлевской стены по проекту садового мастера, шотландца Миккомиша (Mickomich) общедоступный пейзажный Александровский сад: «Сии сады устроены по высочайшей воле под надзором Комиссии, для строений в Москве учрежденной».¹⁹⁸

Во всех деталях согласованный с заказчиком общий замысел формировавшегося А.А. Менеласом в 1817-1823 гг. царскосельского Александровского парка исходил из двух важнейших составляющих. Одной из них станет тема «украшенной фермы», с которой Александр Павлович был хорошо знаком; другая подкреплялась чисто личностными его мироощущениями. Современники подмечали, что именно во второй половине правления император, все более тяготясь повседневными своими обязанностями, неизменно склонялся к уединенной, частной жизни. Неизвестный автор «Хроники Ораниенбаума», также ссылаясь на мнение очевидцев, особо подчеркивал, что тот обыкновенно предпочитал прогуливаться в полном одиночестве.¹⁹⁹ А поэт Ю.И. Тютчев отмечал, что в последние годы жизни император и вовсе «впал в горькую ипохондрию, сблизился с женой и жил более в Царском Селе».²⁰⁰ Это непреодолимое жела-

ние окончательно отрешиться от всех государственных забот и погрузиться в мир собственных рефлексий еще более усилится под самый конец его жизни. Так, ознакомившись на месте с только что приобретенным крымским именем Ореанда буквально за месяц до собственной кончины, он решительно заявит, что здесь «я буду жить частным человеком».²⁰¹

Да и императрица Елизавета Алексеевна (1779-1826), так и не оправившись от потери единственного своего ребенка, в повседневной своей жизни предпочитала довольствоваться скромным одиночеством: «Каждый раз, как Государь изволил уезжать в вояж, она переселялась в Ораниенбаум и, по словам жителей, вела здесь самую тихую уединенную жизнь; часто видели ее на каком-нибудь холме с бумагою и карандашом в руке - то она изволила снимать очаровательные приморские виды».²⁰² Она, как особо подчеркивалось, также «любила искусства и находила в них отдохновение; ея вкус к изящному соединялся с редким пониманьем и с массой познаний самых разнообразных. (...) Красота природы не могла не влиять сильно на впечатлительную и возвышенную душу императрицы. Она предавалась этому влиянию с естественною искренностию и с простотою, свойственною всем ея движениям; живописная местность возбуждала ея воображение и вызывала ея беседу к мирному и веселому настроению духа, которое тотчас же отражалось на ея лице с чрезвычайною прелестью. Когда она находилась лицом к лицу с природой, казалось, что судьба увенчала бы все ея желания, наделив ее самой скромной и безызвестной долей; в пурпуровой мантии она казалась рожденной повелительницей, созданной, чтоб возвеличить собой все сословия; ея присутствие освящало даже хижину....»²⁰³

Этот общий душевный настрой императрицы подкреплялся не менее твердым намерением супруга окончательно сбросить с себя бремя власти, распрощаться со столицей и остаток дней провести на южных окраинах империи. Тому способствовали и суровые реалии жизни: «Наступил 1825 год: усилилась болезнь Елизаветы, усилились и желания Александра отыскать какая нибудь средства к облегчению Ея томления. Непостоянство непогод, малейшие поры-

вы ветров, все тревожило Елизавету. И так предложили отправиться в Таганрог, где царствует ясность неба и тогда, когда в Северной столице шумят уже бури зимняя».²⁰⁴ Остается, впрочем, невыясненным, успел ли сделать Александр Павлович конкретные поручения относительно заведения здесь еще одного собственного парка.

Будучи совсем еще маленьким великий князь Николай Павлович (1796-1855) всякий раз радовался, когда вместе с семьей отправлялся в Петергоф или Павловск, однако, признавался, что более всего любит Петергоф.²⁰⁵ По настоянию матери в детские годы его воспитанием занималась шотландка Е.В. Лайон (Jane Lyon), которую не без симпатии именовали при дворе как «няня-львица».²⁰⁶ Помимо англичанина К.И. Седжера к обучению великого князя английскому языку привлекался и выпускник оксфордского университета Питт (Pitt, 1773-1813), служивший в то время пастором в столичной Английской церкви.²⁰⁷ Николай прекрасно знал английский и еще до посещения Британских островов располагал обширными познаниями самых различных сторон общественной и культурной жизни Англии. Собственно и сама поездка, как подчеркивалось матерью, с «этой достойной внимания страной», рассматривалась в контексте совершенствования образования наиболее вероятного наследника престола.

Двадцатилетний великий князь Николай Павлович пробудет на Британских островах несколько месяцев. В сопровождении многочисленной свиты на королевской яхте «Royal Sovereign» он утром 6 ноября 1816 г. достигнет устья Темзы и по прошествии трех суток прибудет в Лондон 9 ноября.²⁰⁸ И только 3 марта 1817 г. Николай покинет Дувр и отправится на родину.²⁰⁹

Наряду со столичными и пригородными парками, прежде всего, конечно королевскими, он познакомится со множеством других парков, совершая поездки по всем наиболее примечательным направлениям. По свидетельству кавалера И.Ф. Саврасова «его величество... не оставил своим вниманием ни одного предмета....»²¹⁰ Впрочем, и на самые примечательные места времени все равно

категорически не хватало, о чем 20 февраля, уже под самый конец визита, кавалер Г.А. Глинка напишет из Бристоля с явным сожалением: «Трудно поделиться тем впечатлением, какое произвел на меня вид стольких городов, замков и живописных местностей, ибо мы ведем чисто кочевую жизнь, быстро переезжая с места на место. Так, например, чем бы остановиться на несколько дней для подробного осмотра Бристоля и Бата, двух больших городов, представляющих много интересного, мы провели там лишь по нескольку часов».²¹¹

Адресованные непосредственно супруге письма Глинки позволяют прояснить основные маршруты следования наследника. В одном из первых, помеченном 10 ноября 1816 г., читаем: «Мы теперь проживаем в Лондоне... (...) На первый раз великий князь пробудет здесь 7 или 8 дней, то есть по 13-е ноября, потом осмотрит Великобританию, а на возвратном пути проживет в Лондоне 3 или 4 недели...»²¹² Судя по всему, вначале Николай посетит королевский Кларемонт (Claremont, Surrey), где и увидит привлекший столь пристальное внимание Екатерины II известный пейзажный парк.²¹³ Со всеми подробностями Глинка поведает об этом 17 ноября: «Я пишу к тебе сие из прекраснаго загороднаго дворца принцессы Шарлоты, куда великий князь для гощения приехал вчера с графом Ливеном, генералом Кутузовым и со мною. (...) Дворец отнюдь не огромный, не столько даже великолепный, как, например, дворец Павловский, но, удивительною опрятностью и совершенством отделки всех в доме частей и вещей, в нем находящихся, далеко превосходит все виденное нами в России. Парк здешняго дворца очень выхваляют; но я постараюсь увидеть лежащий близко отсюда Richmond Hill, сколько всеми прославленный. Здесь ощутителен сырой климат; туманы бывают почти каждый день; но от 11-ти до 4-х часов небо проясняет и все здесь гуляют во фраках: столько здесь тепло в ноябре месяце; все имеет вид глубокой осени, а приближения зимы ни по чему заметить не можно».²¹⁴ В Кларемонте Николай проведет два дня и уже оттуда направится в Шотландию, о чем Глинка напишет 5 декабря, как раз тогда, когда русская делегация благополучно прибудет в Эдинбург: «...страна эта чрезвычайно нра-

вится мне».²¹⁵ Именно здесь Николаю Павловичу был представлен Вальтер Скотт, большим поклонником творчества которого тот оставался на протяжении всей своей жизни.²¹⁶ Знакомство с Шотландией продолжится и далее, так как 16 декабря делегация прибыла в Глазго.

Другой раз великий князь окажется в Кларемонте вечером 14 января: «Вторично пишу тебе из прекрасного замка принцессы Шарлоты, куда мы прибыли вчера на весьма короткое время».²¹⁷ Впрочем, еще до этого он познакомится с только что созданным в «индийском вкусе» королевским Павильоном в Брайтоне.²¹⁸ Относительно пребывания здесь Глинка напишет: «Мы провели как нельзя лучше пять дней в Брайтоне, у принца-регента, - без малейшего стеснения, пользуясь вниманием и расположением принца, погода стояла прекрасная, устраивались прогулки, балы...»²¹⁹

В начале февраля делегация возвратится в Лондон. Впрочем, вслед за короткой передышкой, все вместе отправятся по новому маршруту.²²⁰ Именно тогда великий князь посетит Вилтон (Wilton House, Wiltshire), о чем Глинка сообщит 12 февраля: «9 февраля великий князь Николай Павлович предпринял путь для обозрения западных провинций Англии, и так как погода здесь совершенно весенняя, то и самое путешествие наше отменно приятно. (...) В здешнем замке лорда Пемброка, за которым в замужестве дочь бывшего в Лондоне посланника нашего, графа Воронцова, мы приняты как нельзя лучше; здесь же находится чрезвычайное и при том огромное собрание древних статуй, барельефов и бюстов, также и картинная галерея славнейших живописцев, что все отменно нравится и не для знатоков; сад в замке сем прекрасный, и я уже дважды в нем гулял с удовольствием; розы и Лилеи начинают разворачиваться на открытом воздухе и в грядках вдоль дорожек, а у нас все еще тонут в снегу. Я никогда не воображал себе Англию столь прелестным краем; жаль, что мы не видим ее летнею порою».²²¹ Ряд обстоятельств этого визита проясняют также строки из письма супруги лорда – леди Пемброк, отправленного в Москву к графине М.В. де Бальмен: «Наш дорогой Великий князь Николай провел здесь два

дня со своею свитою. Вчера утром он уехал и так нас обворожил, что мы только о нем и разговариваем. Повидимому он очень доволен здешним приемом. Можете себе вообразить, как весь дом суетился и как все хлопотали, готовясь к его посещению, но в его присутствии всем нам было легко: до такой степени он был любезен и добродушен. Конечно, принцесса Прусская Шарлота будет счастлива. Мери и Сидней очень ему понравились в своих хорошеньких Русских нарядах, которые вы прислали. Он был так любезен, что написал в моем альбоме: «Уезжая от вас я прощаюсь с вами и прошу, чтобы вы не совершенно меня изгладили из своей памяти».²²²

Увы, устроенный еще в 1630-е гг. один из самых примечательных ренессансных садов Англии великий князь здесь не застанет - он был утрачен при строительстве моста через речку (Nadder) еще в 1730-е гг. Зато увидит не менее известный пейзажный парк, созданный во второй трети XVIII в. при участии У. Чемберса. Как раз тогда находившееся южнее главного усадебного дома русло реки расширят, устроят озеро и создадут обширные прибрежные районы с плавно понижавшимся обширным лугом, отмеченным эффектно разбросанными крупномерами. Наряду с все еще сохраняющимся старинным убранством усадебного дома, наследник познакомится и с возведенным к югу от него на возвышении летним павильоном, выстроенным Чемберсом в «итальянском стиле». Здесь же он увидит Палладианский мост, возведенный в 1736-1737 гг. и ставший образцом для подражания в Стоу и Приор-Парке (Prior Park), а позднее царскосельского Екатерининского (Английского) парка.²²³ В 1779 г. и в 1801 г. ряд незначительных ландшафтных работ в имении произведут уже Л. Браун и архитектор Д. Уайетт (James Wyatt, 1746-1813). Собственно Уайетту принадлежало устройство вблизи господского дома Итальянского цветочного сада, который, видимо, не мог не заинтересовать великого князя.²²⁴ Именно в Вилтоне в память о своем визите он и высадит сохранившийся до наших дней дуб, оставив следующую надпись: «Quercus Cerris planted by the Grand Duke Nicholas afterwards Emperor of Russia February 3 rd 1817».

Уже отсюда русская делегация отправится в Бристоль, а под самый конец февраля возвратится в Лондон и по прошествии нескольких дней отбудет на родину.²²⁵

Из Англии Николай I постоянно выписывал специализированные руководства по садоводству. Именно он приказал доставить для нужд двора очередные тома «Ботанического кабинета» (Botanical Cabinet), издаваемые «в Лондоне Лоджесом».²²⁶ В николаевскую эпоху в Эрмитажной библиотеке, видимо, хранились все двадцать его томов, выпускавшиеся на всем протяжении 1817-1833 гг. Причем каждый из них включал в себя красочные рисунки, демонстрируя весьма обширный ассортимент известного сада-питомника Хэрни (Hackney) близ Лондона. Занимавший площадь в шесть гектаров, он вплоть до начала 1850-х гг. принадлежал выходцам из Ганновера. Самим же К. Лоджесом (Konrad Loddiges, 1738-1826) питомник был выкуплен в 1771 г. у Буша-старшего - создателя царскосельского пейзажного парка.

Также в самом начале своего правления Николай Павлович распорядится доставлять все выпуски издававшегося в Англии «Ботанического магазина». Об этом становится известно из отправленного из Петербурга 5 декабря 1828 г. предписания, адресованного российскому посланнику князю Х.А. Ливену: «В прошедших годах по Высочайшему повелению выписано было из Лондона, чрез посредство Вашей светлости, для Царскосельских садов 479 тетрадей книг под заглавием: «The Botanical Magazine and flowers garden desployed» и особо 6 тетрадей продолжения сего сочинения с № 1 по 7 ныне нужно продолжение сего издания, а потому я покорнейше прошу вас... приказать купить последние тетради той книги, сколько оных до сего времени вышло, на белой лучшей бумаге с раскрашенными фигурами, и доставить их ко мне со счетом...»²²⁸ Приобретение же очередных этих выпусков на общую сумму 8.80 фунтов Ливен произведет 1 декабря 1832 г., что и зафиксирует бланк оплаты.²²⁹ В другой раз отправка состоится 6 октября 1839 г., о чем незамедлительно проинформируют генерал-лейтенанта Заржевского: «Препровождая при сем к вашему превосход-

дительство для Царскосельских садов, 154-ю тетрадь издаваемого в Лондоне журнала под заглавием: «Curtis's Botanical Magazine», прошу о получении оной уведомить».²³⁰ Помимо «двух дерев hodo dudrous», в том же году для придворных садов Николай Павлович приказал закупить в Англии еще одну партию растений.²³¹ Скорее всего, основная их часть предназначалась для царскосельского Отдельного парка.

Именно в николаевское правление многократно возрастет коллекция императорского Ботанического сада, заведенного еще Петром I в качестве «Сада лекарственных трав» в четком соответствии с Указом от 11 февраля 1714 г. В 1823 г. здесь насчитывалось не более 1500 образцов. В последующие десятилетия, при самом деятельном участии графа В.П. Кочубея, общую численность коллекции доведут до 21000 видов, включая оранжерейные.²³² Весьма значительный их массив доставлялся непосредственно из Англии и в соответствии с личными указаниями императора неизменно оплачивался из казны. Существенную помощь в этом деле оказывали различные английские ботанические руководства, существенно облегчавшие их подбор. Один из таких каталогов («Декоративно цветущих растений, культивируемых в Великобритании») поступит в библиотеку Ботанического сада в 1832 г.²³³ В данном случае речь шла о выпускавшихся в 1825-1851 гг. томах Б. Маунда (Benjamin Maund, 1790-1863). В 1832 г. как раз был выпущен седьмой том, включавший в себя двадцать четыре раскрашенных от руки цветных иллюстрации. На этот раз здесь помещались изображения уже готовых к продаже цикламена, горечавки, гиацинта, ириса, лилии, люпина, кувшинки, лаванды, фиалки и прочих цветов и декоративных растений.

Да и много позже Ботаническому саду со стороны императора уделялось не меньшее внимание. Так, в 1845 г. «министр двора» князь П.М. Волконский отправит служебную записку следующего содержания: «Господину Директору императорского Ботанического сада. По высочайшему повелению препровождая при сем к Вашему Превосходительству, для Ботанического сада, получен-

ные Его императорским величеством из Лондона два рисунка цветов: 1. *Alexandra Imperatricis* и 2. *Barlacenia Alexandrinae*, - прошу о получении оных меня уведомить». ²³⁴ В ответной записке сообщалось, что все эти рисунки «мною получены, чем имею честь донести... о разведении таковых цветов в Ботаническом саду, я употреблю все возможное старание. Федор Фишер». ²³⁵ Следует полагать, что в 1831 г. в состав коллекции Ботанического сада влились и образцы весьма редких для той поры латиноамериканских растений, преподнесенных Николаю I работавшим в 1805-1807 гг. в Петербурге по заказам Адмиралтейства шотландским живописцем, а в тот момент служившим «Генеральным консулом в Колумбии», Р.К. Портером (*Robert Ker Porter, 1777-1842*). ²³⁶

При заведении собственных парков Николай Павлович и его супруга Александра Федоровна (Луиза-Шарлотта Вильгельмина, 1798-1860) в основном привлекали английских специалистов. И может быть по совету одного из них Николай I распорядится в 1852 г. доставить из Англии черных лебедей. ²³⁷

Показательно, что одно из самых первых наиболее ярких воспоминаний Александры по приезде в Россию будет напрямую связано с устроенным Ч. Камероном в Павловске Собственным садиком: «Мы подъехали к Павловску, который на первых же порах произвел на меня самое благоприятное впечатление благодаря прекраснейшей погоде. Мой экипаж остановился у собственного садика Ее Величества вдовствующей Государыни... (...) Весь Двор, кажется, был собран в садике, но я ничего не различала, помню только прекрасные розаны в полном цвету, особенно белые, которые тешили мой взор и как бы приветствовали меня». ²³⁸ Да и после свадьбы, состоявшейся в том же 1817 г., молодая чета предпочтет столичный Аничков дворец, близ которого А.А. Менелас быстро сформирует не менее выразительную пейзажную композицию.

Проясняя личную свою расположенность к пейзажному садоводству, императрица как-то заметит: «Всю жизнь жила во мне склонность к меланхолии и мечтательности. После развлечений светской жизни, я любила углубляться в самое себя и в такие минуты природа оказывалась для меня столь же необхо-

димой, как хорошая проповедь, и более всех проповедников в мире вещала мне о Боге и о чудесных благодеяниях, оказываемых Им своим созданиям!»²³⁹ Необычайно увлеченная поэтическими образами, она неизменно поддерживала переписку с В.А. Жуковским. Он посвятит ей собственные стихотворения («Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лаллы Рук») и даже начнет для нее выпускать рукописный журнал «Лалла Рук».²⁴⁰ По той же причине Александре Федоровне были так близки произведения В. Скотта.²⁴¹ Их огромную популярность и при российском дворе проясняют строки из датированного 22 марта 1833 г. письма А. Юнга (Alexander Yong) к графу В.П. Орлову-Давыдову: «Фактически Шотландия была *terra incognita*, пока ее история, ее народ и ее литература не были показаны, или, лучше сказать, выведены им из мрака, из которого они бы могли никогда не выйти, не будь его могучей руки. Самые характерные особенности Шотландии и ее прекраснейшие ландшафты оставались в неизвестности, пока он не направил на них яркий свет, которого без него они могли бы не дожидаться».²⁴²

Как отмечали современники, великая княгиня всякий раз приходила в восторг от «хорошенькой Дудергофской горы с ее дикой природой» и от всех прочих окрестных видов, неизменно завораживающих пылкое ее воображение. А потому уже став императрицей, она примется с энтузиазмом обустроить собственные дачи и мызы именно здесь. По смерти же супруга за ней фактически числились мыза Ропша, Кипень, Дудергофские горы, мыза Знаменская, София близ Умани, Ореанда в Крыму, Александрия в Петергофе и Аничков дворец. Причем все без исключения украшавшие их сады и парки имели безупречный вид.²⁴³ С Александрой Федоровной следует связывать и заведение петергофской Александрии, для устройства которой в августе 1825 г. Александр I распорядился передать Николаю Павловичу соответствующие земли. Обладая от природы совсем незавидным здоровьем, она однажды признается маркизу де Кюстину: «Жизнь в Петергофском дворце для меня невыносима. Чтобы отдохнуть от его тяжеловесной позолоты, я выпросила у государя эту обитель. Никогда я

не была так счастлива, как здесь».²⁴⁴ Приступая в начале 1826 г. к реализации очередного своего крупного императорского заказа, Менелас изначально руководствовался достаточно четкими на этот счет представлениями заказчиков. Это подтверждается и «высочайше» внесенными предложениями насчет устройства дорожной сети, и приводившимися конкретными соображениями относительно общей системы насаждений вблизи Коттеджа. При устройстве же Александрии за исходный образец будет избрана южнобережная резиденция принца Уэльского в Брайтоне, известная Николаю Павловичу во всех деталях. Аналогичным образом Менелас разместит свои постройки на фоне открытой прибрежной местности, прибегая к использованию обширных газонов и насквозь просматривающихся перелесков.²⁴⁵ Одновременно, причем также по личному распоряжению Николая I, Менелас займется созданием вблизи Москвы общедоступного пейзажного парка Петровского подъездного дворца.

С конца 1820-х гг. императрица будет тесно сотрудничать с английскими садовыми мастерами Т. Греем (Thomas Grey) и У. Греем (Willam Grey) при обустройстве ими Дудергофских гор и ее же собственной резиденции в соседнем Красном Селе.²⁴⁶ С ней же обсуждал свои замыслы английский садовник Росс (Ross?), который совместно с английским архитектором У. Гунтом (William Hunt) участвовал в создании в 1830-х гг. пейзажного парка в крымской Ореанде.²⁴⁷

Второй раз Николай Павлович посетит Англию четверть века спустя, в 1844 г. Это будет уже кратковременный сугубо деловой визит, продлившийся всего восемь дней.²⁴⁸ Поздним вечером в субботу, 20 мая, император причалит к Вуличу, а в полночь прибудет в Лондон, где поселится в здании русского посольства (Ashbunhan House).²⁴⁹ В середине следующего дня, отправившись на прием к королеве Виктории в Букингемский дворец, он осмотрит пейзажный парк, созданный в 1820-х – 1830-х гг. архитектором Д. Нэшем (John Nash, 1752-1835). Здесь он увидит отмеченный асимметричной сетью плавно изгибающихся дорог обширный луг и эффектно очерченный Большой пруд с островами.²⁵⁰ Все

утро 22 мая государь «посвятил прогулке в Риджент-парке» (Regent's Park), заведенном на месте фермерских угодий тем же Нэшем в 1809-1832 гг. в активно развивавшейся в те годы северо-западной оконечности Лондона. Эта близкая в плане к овальной форме пейзажная композиция, обладавшая удивительными по глубине и разнообразию живописными видами, совмещала в себе охваченные компактными группами зелени обширные луговые пространства, устроенное за счет протекавшей здесь речки Тубурн (Tuburn) озеро с разновеликими островами, а также сильно протяженный канал (Regent's canal), проложенный вдоль северной оконечности парка.²⁵¹ Государю, видимо, была продемонстрирована и размещенная здесь же менажерия Зоологического общества, преобразованная затем в столичный Зоопарк. В шесть часов вечера того же дня с вокзала Паддингтон государь покинет столицу и уже по железной дороге прибудет в Виндзор, где пробудет четыре дня и поучаствует в церемониальной охоте.²⁵² Вероятно, не раз он прогуливался и в находившемся здесь пейзажном парке, вплотную подступавшем к этой старинной королевской резиденции. По возвращении в Лондон император уже остановится в Букингемском дворце и уже отсюда 26 мая совершит прогулку по Гайд-парку.²⁵³

На следующий день, познакомившись вначале со строительством в новейшем «готическом стиле» здания Парламента, он затем отправится в находившееся поблизости от столицы имение Чизвик-Хауз (Chiswick House, Great London), с 1812 г. принадлежавшее уже возвратившемуся из России британскому посланнику герцогу Девонширскому (William Cavendish Devonshire, 1790-1858). И при нем созданный У. Кентом в 1730-е гг. пейзажный парк не претерпит существенных изменений, несмотря на последовавшее приобретение смежного владения. Наряду с все еще сохраняющимся гротом, водопадом на берегу озера и пр., императору покажут возведенную сравнительно недавно, специально для разведения камелий, просторную оранжерею и примыкавший к ней полукруглый в плане цветник.²⁵⁴ Этот кратковременный визит, завершившийся «блестящим праздником», позволит государю осмотреть и созданный совсем недавно

по проекту Л. Кеннеди (Lewis Kennedy, 1789-1840) Итальянский сад, украшенный раскидистыми акациями, яркими цветочными клумбами и каменными вазами.

Все эти новые яркие впечатления от поездки в Англию не пройдут для императора даром. Вскоре после возвращения на родину он распорядится существенно расширить территорию петергофского Колонистского пейзажного парка. И соответственно немедля приступят к обширным землеустроительным работам.²⁵⁵ Показательно также и то, что выстроенные здесь во 2-й половине 1840-х гг. для императрицы и младшей дочери Царицын и Ольгин павильоны более всего напоминали помещенные в пейзажную среду Риджент-парка уважаемые виллы, возведенные коллегами Нэша в самом новейшем «классическом вкусе».²⁵⁶

Обучение пятилетнего великого князя Константина Павловича (1779-1831) английскому языку было доверено прибывшему из Англии в 1784 г. Грайсону. Именно поэтому в пору своей юности Константин уже хорошо разбирался в самых различных областях общественной и культурной ее жизни.²⁵⁷

Получив от отца в 1797 г. Стрельню в подарок, он сразу же примется реконструировать это пришедшее в полное запустение императорское имение. Составной частью обширного замысла станет устройство Английского парка, создававшегося при участии опытных английских садовых мастеров. При этом и сам заказчик неплохо разбирался в специфике пейзажного стиля и на всех этапах его реализации корректировал и вносил предложения, что подтверждается неоднократными изменениями первоначального замысла. Уже в качестве полновластного наместника Польши, отдавая должное оригинальному садовому замыслу, он неизменно поддерживал в образцовом своем порядке королевский Английский парк в Лизенках, устроенный С.А. Понятовским в окрестностях Варшавы еще в конце прошлого столетия.²⁵⁸

С английскими парками был воочию знаком и великий князь Михаил Павлович (1798-1849). Именно для него по проекту А.А. Менеласа был сформи-

рован пейзажный парк столичного Михайловского дворца. Он же в 1828 г. станет владельцем Павловска, и на всем протяжении последующих двух десятилетий будет бережно сохранять уникальную садово-парковую среду, сложившуюся еще при родителях.

5 июня 1818 г. двадцатилетний Михаил высадится в Дувре и тотчас отправится в Лондон. Знакомству с английской столицей и окрестностями он посвятит первые свои шесть недель. Объектом пристального его интереса станет и только что выстроенный по проекту Д. Нэша для принца-регента Карлтон-Хауз (Carlton House), а также граничивший с ним Сент-Джеймский парк.²⁵⁹ Наряду со столичными, Михаил посетит королевские парки Хэмптон-Корта, Виндзора, Брайтона и Кларемонта. Побывает он и в столичном пригороде Кингстон (Kingston) у графа Ливерпульского (Earl of Liverpool, 1770-1828) в Комби-Хауз (Combe House), а также в Стоу, который был ему хорошо знаком еще до отъезда в Англию. Побывавший здесь в том же 1818 г. П.И. Сумароков напишет: «Сад, или прекрасный парк, в длину более двух, в окружности 11 миль очарователен водворяет совершенство владычества флоры. Нисходишь по ступеням к долу, к тенистому поприщу, пред домом расстилается чистый луг, деревья на нем разбросаны группами, по одиночке, в расстоянии версты мелькает трофей. Уравненная, как под шнур, поверхность травы отливает изумрудные волны; излучистыя дорожки отделаны самым мелким камнем, походят составом на мозаическую работу. Искусственная широкая река орашает красивые, пологие берега, свергает водопады, чугунные мосты служат к их переправам. Павильоны, беседки выставляются на холмах, среди отменных рощиц. Изобилие ароматных цветов, редких кустарников обращают внимание. Птичник с золотистыми, серебристыми, китайскими фазанами, американскими воронами, павлинами, иными пернатыми; теплицы с отличными произрастениями достойны любопытства. (...) Мало в Европе дворцов, вертоградов, которые бы не уступили преимущество сему обиталищу вельможи, потребно несколько дней к полному в нем обозрению всех частей».²⁶⁰

При знакомстве с живописными холмами и пещерами, расположенными в окрестностях Мэтлока, великий князь воспользуется весьма популярным в то время богато иллюстрированным путеводителем Г. Мура.²⁶¹ А в имении Чэтворт (Chatsworth, Derbyshire) увидит обширный пейзажный парк, созданный Л. Брауном в начале 1760-х гг. Здесь же Михаил и высадит деревцо рядом с тем, что годом ранее посадил его брат Николай. Затем последует знакомство с Шотландией и уже на обратном пути великий князь заедет в Вустер.²⁶² Здесь он осмотрит керамическую фабрику («H. and R. Chamberlain and Co») и оставит заказ на изготовление собственного чайного сервиза, все шестьдесят предметов которого доставят в Россию уже осенью следующего года. Подобно «Зеленой лягушке» он был щедро украшен изображениями парков Англии и Шотландии.²⁶³ Большинство же из них должно было воскрешать в памяти именно те места, которые великий князь посетил лично.²⁶⁴ Исследователь в этой связи подчеркнет: «Подобная пейзажная живопись служила прекрасной иллюстрацией к современным представлениям о сущности «живописного». (...) Если рассматривать с таких позиций сервиз, то окажется, что изящная роспись едва ли не в большей степени могла способствовать усилению британской романтической концепции живописного ландшафта, чем любые практические руководства по садоводству».²⁶⁵

О том, что Михаил Павлович распорядился 18 февраля 1836 г. завести при вновь устраиваемом железнодорожном вокзале в Павловске Увеселительный зимний сад в соответствии с английским образцом и с привлечением английского специалиста, становится известно из записки чешского инженера Ф.А. Герстнера (1793-1840), приобретавшего «железнодорожные принадлежности» в Англии: «В Лондонском Колизее, построенном несколько лет тому назад, есть зимний сад с фонтаном, которого расположение и разнообразие заслужили всеобщее одобрение. В здании, которое устраивается в Павловском парке для пристанища и удовольствия публики, заведение небольшого зимнего сада с фонтаном оказывается весьма желательным, ибо по новости и приятности он,

без сомнения, будет содействовать удовольствию публики. Я заключил условие о построении фонтана в Павловском здании с г. Самуилом Граем, который строил фонтан в Колизее и многие другие в Англии и Шотландии; вокруг фонтана поставлены будут в зимнем саду шесть механических стульев, которые так устроены, что сидящий на них, прислонясь к спинке, в одно мгновение может производить перемену в фонтане. Так как здание в Павловске, коего построение уже началось, имеет вид полукружия и фасад его простирается на 350 футов, то г. Грай и вне оного построит два фонтана, которые будут бить летом. Он прибыл с мастером в Петербург 26-го июня и уже приступил к делу. Плата г. Граю и его мастеру, равно как и всем англичанам, имеющим прибыть сюда для поправки машин, будет произведена согласно условию моему с компаниею, из собственного моего вознаграждения. (...) Фонтан в том же здании почти кончен; шесть механических стульев около него делаются; устройство двух фонтанов вне здания также началось».²⁶⁶

Замыкает этот ряд великий князь Александр Николаевич (1818-1881), также воочию знакомый с большим множеством самых различных английских парков. Отправится он на Британские острова в конце апреля 1839 г. и на всем протяжении визита будет неотступно следовать наставлениям отца: «Но так как время утекло много, то желаю, чтобы ты в Англии пробыл не более 4-х или 5-ти недель; ограничишься осмотром любопытного в Лондоне и окрестностях, как-то: Виндзор, Вулич, Гринвич, может быть Оксфорд и Портсмут. Будь очень почтителен к королеве и ласков со всеми, к грубостям же равнодушен и отвечай одним презрением. К Веллингтону явись в полной форме, как к фельдмаршалу нашему».²⁶⁷

21 апреля, в первый день пребывания в столице, наследник осмотрит Гайд-парк, о чем сразу же сообщит отцу: «Вот я и в Лондоне и сам покуда не верю своим глазам. (...) На берегу встретил меня присланный от королевы, состоять при мне род камергера – лорд Торрингтон, сев в придворную коляску с ним, с принцем Генрихом и Орловым, мы прямо отправились на квартиру в Mivart's

Hotel... (...) Граф М.С. Воронцов тоже был у меня, он собирался уже ехать, но для меня продолжал свое пребывание здесь. (...) После 4 ч. я пошел гулять по улицам... Народу было тьма, равно и экипажей, в Hyde Park, в особенности, точно гулянье 1 мая, а здесь это всякий день».²⁶⁸ На следующий день он сначала прогуляется по парку Букингемского дворца, а затем снова окажется в Гайд-парке: «Сегодня утром в ½ 2-го ч. я ездил представляться к королеве... (...) В ½ 5-го ч. я отправился верхом с принцем Генрихом в Hyde-Park...»²⁶⁹ 23 апреля Александр посетит сразу три столичных парка: «До 4 ч. я сидел дома. (...) Оттуда (от графини Суссекс) мы проехали с принцем Генрихом через Hyde-park... в Regent's-park смотреть Zoological Garden.... Кругом этого парка идет ряд огромных домов... Чем более я знакомлюсь с Лондоном, тем более он мне нравится».²⁷⁰ 24 апреля наследник большую часть времени проведет в лондонских парках: «В ½ 5-го ч. сев верхом с принцем Генрихом, отправились через Hyde-park в Regent's-park, где вскоре встретили королеву...»²⁷¹ Парки Гринвича Александр увидит 29 апреля при посещении Королевского госпиталя.²⁷² А 6 мая, вслед за осмотром коллекций «знаменитого Британского музеума», побывает на ежегодно устраиваемой в Лондоне выставке цветов и фруктов, более всего ему запомнившаяся «стечением народа и красивым садом, в котором она устроена».²⁷⁴ И уже на следующий день состоится знакомство с королевскими садами и парками Ричмонда и Хэмптон-Корта, а 9 мая - с университетскими садами Оксфорда.²⁷³

Впрочем, самым продолжительным станет пребывание в Виндзоре, где великий князь пробудет целых три дня, с 27 по 29 мая: «Приехав сюда, я немедленно прошелся по террасе вокруг дворца, откуда вид прелестный».²⁷⁵ Здесь же, перед самым возвращением на родину, он нанесет королеве свой заключительный визит.²⁷⁶

В течение всей поездки в свите наследника неотлучно находился его воспитатель - В.А Жуковский, с 1815 г. являвшийся личным чтецом Марии Федоровны, а с 1817 г. еще и учителем русского языка Александры Федоровны.

Дневниковые записи поэта существенно дополняют наши сведения об английских маршрутах великого князя: «21 апреля пятница. Проснулся уже в устье Темзы. (...) Искал место Гревзендского монастыря. Помню место, где читал это в детстве. Вулич, Гринвич, Дептфорд. Высадка. (...)

Переезд в Лондон. Мы живем близ Grosvenor Square. Hotel Mivards. У меня три горницы. (...) Был у княгини Вяземской. У посла. Воронцов. 24 апреля. (...) К великому князю. К Воронцову... (...) Против Hyde Park. (...) В четыре часа вместе с Воронцовым прогулка. (...) Regent Park. (...) Потом пешком по Tryde Park. (...) Обед у королевы. 23 апреля. (...) Искусство украшать природу, особенно в том, чтоб ее прятать. Прелестные деревья в Ричмонде; огромный ствол, из коего вдруг раскинулось 20 деревьев. Кривая линия, планы, группировка дерев. (...) 27 апреля. (...) С графом Воронцовым на выставку рисунков водяными красками. Многое превосходно. Особенно виды равнин. Облака, никем не виданные. 29 апреля. Поутру с великим князем в Вулич. (...) Гринвич. Парк. (...) Вид на Темзу. Жаль, что нет моря. (...) 30 апреля. (...) С графом Воронцовым к Lady Pembrock. (...) 6 мая. (...) Поездка в Гринвич. 7 мая. (...) Поездка в Ричмонд и Гамптонкурт. 9 мая. Поездка в Оксфорд в 5 часов утра. (...) 22 мая. (...) Hampstead. Парк. Заходящее солнце и его действие при облаках. 23 мая. (...) Кенилворт. (...) Ивы в воде и на воду наклоненные, в центре с дороги башня Готической церкви из-за группы деревьев. (...) Покрытая плющом низкая арка. 24 мая. Осмотр Бирмингема. (...) Делал рисунки. (...) Движение солнца на ландшафте: небо, разные планы. (...) Англия живописная страна и не по природе, а по удовольствию. (...) Зрелище (*плывающих*) форм над великолепною равниною, над коей с одной стороны возвышаются (*неразборчиво*) горы, а с другой все уходит в необозримую даль. – Рисование – удивительная тишина вечера. – Соловьи. (...) 25 мая. (...) Harewood. (...) Tyntern Abbey. (...) Деревья различные. Морщины гор. Луна. Облака. Звезды. (...) При солнце я стоял на вершине – золотая дорога на яркой зелени. Через зелень деревьев – стрежень Северна. – Ранняя зелень деревьев и форм их - стволы освещенные – полосы тени – стада

мелькающие – далее бездна домов, деревьев, полей с народом, далее море и холмы, на которых рассеяны... прекрасные сады и ржаные поля, розы, плющ. (...) 27 мая. (...) Оксфорд. The Woodstock. Бленхейм, с дорогиobelisk. Поездка в Вудсток. (...) Замок. Учтивость Герцога. – Кедры. Лавр португальский. Rock-garden водопад – Tichian Gallery. (...) Места между Оксфордом и Бленхеймом довольно пустые и однообразные, живее между Оксфордом и Бензоном. (...) Между Бензоном и Генлеем богатство деревьев. (...) Быстрый переезд из Maidenhead в Виндзор. (...) 28 мая. (...) Поутру рано рисовал на террасе. (...) 30 мая. (...) Вечер укладки».²⁷⁷

Вероятнее всего, упомянутые Жуковским собственноручные зарисовки изначально предназначались для Александра Николаевича в память о посещении им Англии.²⁷⁸ Переплетенные в Зеленый альбом, они составили целую коллекцию искусно исполненных с натуры изображений. Здесь находим и сделанные 13 мая рисунки Гудричского замка (Guodrich Castle) с окрестными видами, а также «New Wear. Место в графстве Горрефорд» с речной долиной, эффектно изгибающейся среди высоких гор.²⁷⁸ Да и рисунки, сделанные 28 мая, воспроизводят не менее живописные виды Виндзора.²⁷⁹

С завершением николаевского правления того устойчиво интереса представителей российского императорского дома к английскому садово-парковому искусству более уже наблюдаться не будет. Объясняется это, прежде всего, тем обстоятельством, что с появлением новых эстетических идей популярность пейзажного стиля, причем как в самой Британии, так и на континенте, стала заметно ослабевать, постепенно сменяясь весьма характерным для эклектической эпохи более или менее искусным разностильем, вполне допускающим почти буквальное воспроизведение известных образцов из предшествующих эпох. С другой стороны, начало Крымской войны фактически обозначило надолго затянувшееся охлаждение царствующих особ и к самой Англии, и к художественной ее культуре.

АНГЛИЙСКАЯ ПЛАНТОМАНИЯ РОССИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

1. «Здесь барин Руской должен жить»! 2. Б.И. Куракин, И.И. Черкасов, И.Л. Талызин, И.А. Щербатов, Чернышевы, Голицыны, Демидовы. 3. Воронцовы, Е.Р. Дашкова, А.А. Самборский, Разумовские, И.И. Шувалов. 4. И.П. Тюфякин, А.Б. Куракин, Н.П. Шереметев, С.С. Гагарин, Орловы, В.П. Орлов-Давыдов, Нарышкины, Н.В. Репнин. 5. Н.С. Мордвинов, В.Н. Зиновьев, Н.Б. Юсупов, Г.И. Бибииков, Г.А. Потемкин. 6. Румянцевы, Вяземские, А.Г. Головкин, Ф.В. Ростопчин, А.П. Ермолов, А.Г. Бобринский. 7. Строгановы, Николаи, И.И. Барятинский, В.П. Кочубей.

1. «Здесь барин Руской должен жить!»

Помимо императорского двора устойчивый интерес к английскому садово-парковому искусству сохранялся и у представителей российской аристократии на всем протяжении 1760-х -1850-х гг. С самого начала он подкреплялся насущной потребностью, связанной с заведением собственных пейзажных парков. Находившийся на службе у императрицы при петергофском «аглинском парке» садовый мастер Д. Медер отметит в 1780 г.: «Еще до недавнего времени вкус к садоводству среди представителей высшего света ограничивался разведением фруктовых садов, но те из знати, кто побывал в Англии, оказались настолько пленены английскими увеселительными садами, что здесь их представляют гораздо более красивыми, чем они казались вашему или моему глазу. Переведенные на французский «Наблюдения о современном парковом искусстве» м-ра Уэтли в немалой степени повлияли на это мнение. Все они стали одержимы разведением парков. Всякий знатный человек готов предложить английскому

садовнику сто фунтов в год. Ко мне не раз обращались с просьбой найти такого же, но мы – те немногие, уже живущие здесь, не хотим, чтобы приезжало много людей: одна паршивая овца может испортить все стадо».¹ Об одном из них, в качестве наглядного примера, он заметит: «...только что приехал сюда наудачу и на этой неделе одним из князей был нанят, но полагаю, от него будет мало толку, поскольку он не знает топографии и не умеет чертить планы, а здесь это для иностранного садовника очень важно, так как немцы в данном отношении превосходят англичан».² Медер, впрочем, упустил из вида напрямую связанные с устройством парка должную эрудицию и вкусовые предпочтения самого заказчика. Однако в главном он был прав - его основу составляли необычайно яркие впечатления, приобретенные, прежде всего, от знакомства с наиболее оригинальными садово-парковыми композициями. Собственно и Ш.Ж. де Линь на первое место поставит ознакомительные поездки: «Для садоводства потребны путешествия, чтение, обозрение, управление и соединение всех искусств вместе».³

Появление аристократических пейзажных парков, в том числе и в глубокой провинции, станет мощным стимулом для повсеместного распространения отечественного пейзажного стиля. Очень скоро даже в скромных провинциальных усадьбах мелкопоместного дворянства, где наиболее устойчиво сохранялся традиционный уклад жизни, их хозяева станут все более активно приобщаться к новой системе садоводства.⁴ Так, например, из 118 садов и парков, заведенных в Пензенской губернии на рубеже XVIII-XIX вв., всего лишь четыре были регулярными. Это, как подчеркивается, со всей убедительностью «может характеризовать скорость продвижения столичных новшеств в провинциальную усадьбу».⁵ Причем скромный уровень достатка никак не являлся для этого серьезной помехой. М.М. Жемчужников (1828-1912) вспоминал: «Сколько я помню из рассказов отца, сад был разбит и насажен довольно наивным способом: отец сел на палочку и поехал, а мать говорила, идя следом за ним: «Направо, налево, сюда, прямо и т.д. По следам этой палочки были разбиты аллеи и дорожки. Сад

этот назывался английским». ⁶ Да и в совсем бедных дворянских усадьбах, численность которых в 1830-е гг. достигала 70%, все же «можно было встретить натуральную рощицу или обсаженный березками прудок». ⁷

Одна из важнейших сторон русско-английского сотрудничества была напрямую связана с непосредственным знакомством с английскими парками преимущественно крупного российского заказчика. В этой связи представляется важным проследить, что конкретно попадало в их поле зрения и с каких позиций оценивалось. Этот вопрос приобретает особую значимость еще и потому, что всякого рода личные наблюдения становились главным стимулом для заведения собственных пейзажных композиций. Тем более, что изначально они задумывались как неотъемлемая часть нового образа жизни, в полной мере отвечавшей идеалам Просвещения: «Английская модель усадебной жизни, лишь недавно открытая для себя русскими, набирала популярность по всей Европе. Даже французы были заражены англomанией, что нашло выражение в их пышных усадебных домах и садах. К исходу столетия многие русские аристократические семьи отдали дань англomании. Большинство из них жили обособленно или, по крайней мере, не сильно зависели от придворной жизни, считали Подмоскowie местом своего постоянного пребывания и располагали обширными усадьбами, где проводили большую часть года». ⁸

Помимо командированных на дипломатическую и прочую службу, прибывавшие на Британские острова россияне в основном являлись представителями аристократических семей. Большинство из них побывает здесь в 1770-1780-е гг. Впрочем, в последующие два десятилетия число их сильно сократится из-за континентальной политики наполеоновской Франции. Наряду со всякого рода увлекательными предметами более всего притягивали русских, конечно же, загородные поместья, поражавшие колоссальными размерами своих пейзажных парков. Обыкновенно здесь можно было рассчитывать и на радушный прием владельцев, перебиравшихся в Лондон лишь на кратковременный зимний период, ибо традиционно «английское поместье брало верх над столицей, поскольку

именно оно олицетворяло семейные и культурные традиции, накопленные многими поколениями».⁹ Существовали даже специально нанесенные на «Дорожные карты» туристические маршруты, позволявшие составить достаточно полное представление о садах и парках даже самых удаленных от Лондона графств.

Составной частью предпринятого в июле 1786 г. путешествия графини Е.П. Шуваловой (урожденной Салтыковой, 1743-1817) станет посещение имения Строберри-Хилл (Strawberry Hill), принадлежащего Г. Уолполу (Horace Walpole, 4th Earl of Orford, 1717-1797).¹⁰ Здесь она увидит выстроенный в «готическом вкусе» господский дом, оказавший мощное воздействие на становление общеевропейского «готического возрождения». Познакомится и с также устроенным самим хозяином, этим видным пропагандистом пейзажного садоводства, прибрежным пейзажным парком.¹¹ Вслед за А.Б. Куракиным и В.Н. Зиновьевым по тому же маршруту отправятся А.И. Вяземский, В.Ф. Малиновский, братья Разумовские и многие другие россияне. Выражая, по сути, общее мнение один из них, проделавший тот же путь в 1783 г., подчеркнет: «Взгляните, на что способен человек, чей вольный гений не знает основ деспотизма и тирании. Он тысячею способов украшает природу, иногда даже неблагодарную, и так наслаждается жизнью».¹² Упомянет он и об одном из садовников Бленхейма, поведавшем о уже заезжавших сюда Демидовых и братьях Орловых.

Все эти необычайно яркие впечатления посетившего Англию потенциально-го российского заказчика не могли пройти даром, стимулируя твердое намерение незамедлительно приступить к реконструкции, комплексной перестройке или созданию практически заново собственных имений. Отталкиваясь от вполне конкретных условий местности, такому владельцу было вполне по силам определить исходный замысел устройства парка, и уже на стадии проектного или практического его воплощения он, по необходимости, мог привлекать иностранных или отечественных специалистов, а то и вовсе довольствоваться одним только крестьянским трудом. Это обстоятельство некоторым образом проясняет известную сложность определения авторства большинства пейзажных

композиций.

Находясь в «британских землях», представители русской аристократии наряду со всякого рода прочими садами и парками неизменно сталкивались и с самыми различными модификациями пейзажного стиля. Так, парки, относящиеся к первой трети XVIII в., отвечали характерным особенностям переходного времени, когда их регулярная основа размывалась лишь отдельными элементами пейзажного стиля (серпантин прогулочных дорог и водных протоков, «ha-ha», посадки купами деревьев и т.п.). С середины столетия пейзажные парки будут уже формироваться под непосредственным воздействием идейно-образных начал Л. Брауна. Как замечалось с первого же взгляда, в них подавлялась всякая регулярность, изгонялись садовые постройки, а в качестве главнейших художественных средств использовались эффектно очерченные пруды и обширные стриженные луга. Практически одновременно с этим широкомасштабным «брауновским» освоением Британии не менее заинтересованный отклик получают и воззрения У. Чемберса, рекомендовавшего при формировании пейзажной среды непременно учитывать художественную значимость активно вводимых парковых сооружений, преимущественно экзотических, способных сразу же притянуть к себе внимание. Наконец, на рубеже XVIII-XIX вв. Х. Рептон, отталкиваясь от своего изобразительно-сравнительного метода, выдвинет новую теорию живописности и добьется убедительного художественного синтеза пейзажных и регулярных частей парка.

Не останутся без внимания россиян городские скверы, сады и парки. Посетивший Лондон в 1806 г. Д.П. Горихвостов кратко заметит: «Просторные площади придают немалое украшение сему городу; они усажены деревьями, отличаются между собой прекрасными цветниками, и представляют произведения художеств».¹³ Ближе к середине столетия А.С. Хомяков, пользуясь возможностью поделиться необычайно яркими своими впечатлениями, заострит внимание и на нескончаемом зеленом убранстве английской столицы, производимом неотразимое впечатление решительно на каждого иностранца:

«Я не стану тебе рассказывать о своем житье-бытье в Лондоне, о своих поездках в Оксфорд или Гамптон, о парках, замках и садах, которым вся Европа подражает и подражать не умеет, об изумрудной зелени лугов, о красоте вековых деревьев и особенно дубов, которым ничего подобного я в Европе не видел... (...) ...в Лондоне, где так дорог каждый клочок земли, из самого центра города тянутся одни за одним великолепные парки, Сент-Джемской, Грин и Гайд-парк, и гуляющий народ может идти слишком семь верст по зеленому лугу под тенью старых деревьев, не сворачивая ни в право, ни в лево. Наконец, бесчисленные скверы и парки лондонские взятые вместе занимают пространство более иной знаменитой столицы. (...) Потом поглядите на парки, на сады... на домики, которые так мило выглядывают из зелени, на всю уютную роскошность жизни, и вы догадаетесь, что деньги и расчет не все для Англии. Я знаю, что и другие народы стали с недавнего времени перенимать у них и парки, и сады, но далеко, далеко подражателям до оригинала своего, и знаешь ли почему? По весьма простой причине. Зелень и леса давнишняя любовь английского народа. (...) Как русский человек поет чистое поле (ах ты поле, поле чистое), так английская песня теперь говорит: как весело, весело в тихом зеленом лесу. Зато и деревья, которые полюбил англичанин, полюбили его, разрослись у него великолепными парками и рощами, дали ему густую тень, и насладились чудные вдохновения на его поэтов от старика Шекспира до наших дней».¹⁴

К началу XIX в. большинство общепризнанных британских парков было россиянам уже хорошо известно. Да и постоянно появлявшиеся все новые и новые оригинальные их образцы часто становились объектом самого пристально-

го их интереса. Так, в 1820-е гг. к паркам новейшего типа был причислен приобретший большую популярность еще один, устроенный в Абботсфорде (Abbotsford, Roxburghshire) самим В. Скоттом. Среди прочих наших соотечественников сюда в 1827 г. заедет генерал-майор М.А. Ермолов (1794-1850), а два года спустя барон А.К. Мейендорф (1798-1865).¹⁵ Выражая хозяину искреннюю признательность за радушный прием, этот владелец крупного прибалтийского имения в благодарственном своем письме, отправленном из Риги 20 июня 1830 г., сделает следующую приписку: «P.S. Рад был бы явиться к Вам, чтобы повидать Ваши деревья, произрастающие под надзором их владельца. Представьте себе, мы с давних пор выкапываем и пересаживаем старые деревья, но то, что Вы недавно рассказали нам об этом, доставило нам величайшее удовольствие».¹⁶

Наряду с литературными и прочими интересами отъезд потенциального российского заказчика в Англию стимулировали и всякого рода восторженные публикации, время от времени появлявшиеся на страницах периодических изданий. В «Галатее» за 1829 г. неизвестный автор, суммируя необычайно яркие свои впечатления об английском садоводстве, поместит следующую развернутую заметку:

«Даже обитатели городов, родившиеся посреди своих кирпичных стен и треволнения на улицах, легко привыкают к тишине сельской жизни. Купец нанимает загородный дом вблизи столицы, и там столько же гордится пышностью своего цветника, и плодами своего сада, как удачею своих торговых предприятий. В самых мрачных и шумных частях города окошки зал подобны цветочным грядкам. Всякое местечко, на котором есть сколько-нибудь земли, покрыто дерном и цветами, а пустые деревья, со вкусом посаженные на площадях, придают оным как бы вид парка. (...) Ни один народ не может сравниться с Англичанами в искусстве украшать сады. Они

глубоко изучили природу и постигли тайны ее. Величественное, доступное нам только в диких пустынях, находится в Англии вокруг скромных убежищ домашней жизни. Англичане, кажется подсмотрели тайные, сокровенные прелести природы с тем, чтобы очаровательно рассеять оные вокруг своих сельских убежищ.

Ничего не может быть возвышеннее, благороднее вида, представляемого их парками. Большие луга представляют там прекрасные зеленые ковры, осеняемые с разных сторон группами исполинских деревьев, коих пышные, густые ветви, образуют величественную корону. Торжественное великолепие кустарников и рощей превосходно согласуется со стадами оленей, мирно оные населяющих, с зайцем, скачущим между листьями, и с дикой птицею, которая подобно стреле, рассекает воздух. Ручей, текущий по сим лугам, то змеится в величайших извилинах, то расширяется и образует озеро. Далее, в каком-нибудь уединенном месте, встречаешь пруд, оживленный движениями разнородных рыб, и в прозрачных водах коего отражаются вокруг стоящие деревья, между тем или сельский храм или какая-нибудь от времени и влажности мохом поросшая статуя, придает сему убежищу род некоторого классического величия.

Но что всего более должно восхитить наблюдателя, так это творческий талант, украшающий здесь простые жилища людей среднего состояния. Клочок земли, как бы невыгодно ни был он расположен, как бы ни был бесплоден, в руках Англичанина становится раем. Взглянувши один раз, он ясно видит, что из него можно сделать, и разом составляет в голове план. Потом принимается за исполнение, совершает оное просто и остроумно. Некоторым деревьям старается он придать более тени, у других с намерением обрезать ветви. Попечительная заботливость его распределяет искусно самые нежные оттенки цветов и растений, и не упускает случая

воспользоваться положением долины, чтобы проложить тропинку к какому-нибудь нагорному источнику: в этом состоит все его искусство. Он исполняет все свои работы с спокойным упорным прилежанием, подобно живописцу, который с удовольствием оканчивает начатую картину. (...) Бедный, наравне с богатым, старается украсить свою хижину и лежащий при ней клочок земли. Густой плетень, огораживающий его тихое убежище; дерновая скамья перед дверью; розы, жимолость, покрывающая стены; горшки с цветами, украшающие окна, хмель, посаженный близ хижины, которого зеленые листья заставляют забывать скуку поздней осени: все это ясно обнаруживает влияние высших классов на низшие. Если любовь, как говорят стихотворцы, охотно укрывается под соломенные кровли хижин, то вероятно здесь разумеются хижины Английских поселян.

Склонность к деревенской жизни, в высших сословиях Великобритании, произвела сильное, спасительное влияние на характер народный. Я не знаю людей красивее Английских деревенских дворян. (...) Большая часть острова есть равнина, которая бы казалась однообразною без своих искусственных прелестей; она как бы усеяна замками, дворцами, садами и парками. Величественных видов встречается немного, но зато остров изобилует приятными видами сельского довольства и спокойствия. Каждая старая мыза, всякая мохом покрытая хижина, имеет живописный характер.

Но главную прелесть Английских равнин составляет нравственное чувство, там преобладающее. Оно напоминает о порядке, о безопасности, о старинных обычаях, о непоколебимости правил и чистоте нравов, сделавшихся почтенными. Там все кажется следствием многих веков мирного существования. Старая церковь с своею готическою башнею; тщательно сбереженные расписные стекла

ее окон; памятники начальников и воинов другого поколения... все сии обыкновенные свойства Английского сельского вида, показывают древнее спокойствие, наследственную любовь к месту своей родины и добродетели, которые по-видимому суть принадлежности сей земли... (...) Сие-то чувство к внутренним наслаждениям, сии-то семейственные удовольствия, никогда не заменяемые светскою рассеянностью, утверждают счастье и славу Англии».¹⁷

В становлении и развитии отечественного пейзажного садоводства принципиальную роль сыграют аристократические имения, напрямую связанные с Петергофской дорогой. Именно их состоятельным хозяевам Екатерина II решает посвятить свое сочинение, озаглавленное не иначе, как «Владельцам приморских дач по Петергофской дороге лежащих сия книга в дар приносится от усмотревшего природныя оных приятства и способности для вящего украшения по правилам здесь предписанным».¹⁸ По ее мнению как раз здесь на практике, исходя из впечатляющих по живописности особенностей прибрежной местности, и должны быть опробованы новые планировочные схемы и композиционные приемы. Этому в значительной мере способствовала сама идея сплошной ее разбивки на сильно вытянутые по оси север-юг участки (от речки Таракановки на западе до Красного Кабачка на востоке), появившаяся под самый конец елизаветинского правления. Помеченный 22 декабря 1760 г. разбивочный чертеж был исполнен «архитектурии гезелем» Андреем Меньшим. Подавляющая же часть этих владений достанется именитым хозяевам уже в правление Петра III, когда прежде намеченные планировочные границы будут окончательно откорректированы.¹⁹ Общую картину происходивших здесь изменений, оказавшихся столь важными для развития пейзажного стиля, позволяют прояснить отдельные высказывания современников. Княгиня Е.Р. Дашкова вспоминала: «Между Петербургом и Красным Кабачком на расстоянии 10 верст протянулись болота и густые леса. Кто-то посоветовал Петру III раздать эти земли.

Многие богатые вельможи осушили полученные участки, превратив их в прелестные дачи...»²⁰ Уроженец Померании, профессор естественной истории Императорской академии наук И.Г. Георги (1729-1802) добавит: «Число загородных домов по сей большой дороге умножается еще беспрестанно... Все большие сады имеют знатный лес, древнейшие в Голландском вкусе, с прямыми, частью покрытыми дорожками, аллеями и пр. новейшие по Аглинскому расположению, с извивающимися дорожками в лесу и кустарнике, с каналами, островками и пр. (...) Большая часть оных имеют прекрасный вид на всю страну с ее переменами, в Санкт-Петербург, Кронштадт, на залив...»²¹ Ссылаясь на разработанные в 1775 и 1777 гг. планы комплексного обустройства Петергофской дороги, С.Б. Горбатенко в данной связи подчеркнет, что именно «к этому времени пейзажные сады были устроены на дачах, ближайших к Петербургу: на Красной мызе (*Ба! Ба!*) А.А. Нарышкина, в Кирьяново Е.Р. Дашковой, в Шампетре П.Б. Шереметева, на даче князя Вяземского и графа Мордвинова по Емельяновской дороге. За Красным Кабачком такой сад на нижней террасе был устроен в имении Л.А. Нарышкина Левендаль».²²

Почти все упомянутые лица к тому времени уже побывают в Англии и соответственно устройству первых своих пейзажных парков уделят самое пристальное внимание. Совсем скоро практически все эти связанные с Петергофской дорогой прибрежные земли будут окончательно разобраны и украшены «аглинскими садами». И соответственно теперь на пути следования к столице они будут восприниматься одним сплошным живописным ее обрамлением, растянувшимся на много верст вперед. Англичанка К. Вильмот в письме от 7 августа 1805 г. к сестре Алисии отметит: «Затем мы отправились в Петербург... Дорога длиною в 30 верст напоминает путь из Парижа в Версаль, то с одной, то с другой стороны тракта возникают обрамленные лесами дворцы изумительной красоты, перед которыми разбиты чудесные сады и парки».²³

Впрочем, все эти нескончаемые хлопоты и весьма внушительные издержки в действительности сводились к истинному желанию владельца приобщиться к

совершенно новой для себя реальности. Это всеобъемлющее стремление испытать в рукотворной среде натурального сада новые ощущения возвышенного и одухотворенного и станет главным лейтмотивом произведения А.П. Буниной «На дачу Его Превос. И.И. Кушелева» (1818). Именно такая разновидность сада, олицетворяющего собой блаженную райскую жизнь прародителей, и должна стать по ее мнению непреложным атрибутом повседневной жизни решительно каждого русского барина:

«(...) Бежит у входа чистый ток;
Глядится твердь в струи прозрачны;
Лежат как рамы бреги злачны;
Как золото светится песок;
Стадами рыбы подплывают;
Гостей бестрепетно встречают,
Резвясь, бьют плесом по волнам:
То рай, то рай, в котором жил Адам!
(...) Малюток пташек вереницы
Поют, не зная, есть ли страх,
Готовы гнезды вить в руках!
Климатов разных крупны птицы,
Из разных стран собравшись там
Бегут за гостем по пятам!
В такой жил с тварью дружбе прочной
Адам, Адам лишь только непорочной!
Весь воздух накурен мастикой;
Стоит из роз тенистый лес;
Свился хмель в кущи с повиликой,
Древа касаются небес;
Полдневна солнца жар умерен:

Таков был рай, но он потерен!
Здесь барин Руской должен жить!
Кому ж, кому ж иному можно быть?»²⁴

*2. Б.И. Куракин, И.И. Черкасов, И.Л. Талызин,
И.А. Щербатов, Чернышевы, Голицыны, Демидовы*

В качестве полномочного дипломатического представителя князь Б.И. Куракин (1676-1727) первый раз окажется в Англии 27 октября 1710 г.²⁵ Его заметки о посещении английских парков заслуживают особого внимания еще и потому, что до этого он обучался в Италии и был хорошо знаком с тамошней архитектурой и садово-парковым искусством. В частности, это обстоятельство станет для Петра I решающим аргументом в пользу привлечения его к созданию новой столицы.²⁶

Из дипломатических мемуаров Куракина становится известно, что в апреле 1711 г. он познакомился с целым рядом садово-парковых композиций, преимущественно королевскими. Однако самым ценным окажется в них одно весьма важное наблюдение: «...парк пущен без всякаго крашения, натурально». Как раз это принципиально новое для русского сознания понятие «натурального парка» и войдет полвека спустя в повсеместное российское употребление в качестве устойчивого синонима «аглинского сада».

«В Англии всех домов славных, которых видели вне Лондона, и разстоянием от того места 1711 г. апреля 1-го. Лондон.

Дом Королевский Kensington разстоянием 3 мили from London, ситуация места: на конец Гейдпарка, в котором курс карет делают. Тот дом комод, однакож не магнифик... (...) Сад хоть и не велик, однакож прибран и содержан хорошо.

Дом дука д'Ормонда называется Ричмонд, разстоянием от Лондона 12 миль аглинских, при самой реке, на берегу. (...) Сад хорош, и натуральный парк гораздо хорошо прибран. Также и mainago, то-есть отдельцы птицам разным, или

бы по-нашему молвить, лебязий двор, где разных родов птицы, голуби, утки, куры русския, и один род индейских куриц видел маленьких так, как цыплята перятся, между которыми петух так хорош, что никогда такого не видал. Также фезаны, перници и довольство немалое фруктов. (...)

Дом королевский называется Виндзор, разстоянием from London 20 миль аглинских. Положение места того палаца великаго преизрядное: при реке Тамисе, на одной горе, но вокруг все пришли равнины, откуль (можно) видеть во многия стороны по 20 миль и больше, но и самый Лондон в красные дни оттуль (можно) видеть. Палаты – строение старинное, токмо великое здание. И на той горе еще есть пригорок, на котором косшель сделан круглый, и некоторая часть ружья и пушек прибрана (...) Кругом той горы Виндзора, в равнине не малый огороженный парк каменною стеною, в котором довольно коз диких, оленей, зайцев, фезанов и перничей. Однакож тот парк пущен без всякаго крашения, натурально, также и сад самый малый, в котором малыя палата сделаны, где кочует всегда ко-ролева, для того что в самом верхнем апартаменте ежели спать во все лето, и как есть ария субтельная и здоровая подобно итальянской, тогда при возвращении в Лондон большую болезнь принесла. И по такому дохтурскому разсуждению, королева тот маленький дом внизу сделала, в котором спит для неотмене густого воздуха. (...)

В том же месте видел дом дука Сент-Албан (сын натуральный короля Карла). Хотя дом невелик и сад, только пропре, разстоянием от Виндзора 3 мили аглинских. Дом дука Мальбурга называется, к которому от Виндзора сделана дорога прямая, аж на гору до парков дука Мальсбурга, длиною будет версты на три. Хотя тот дом не есть что за виднаго видеть, токмо парк великий и умножен всякими зверьми, как оленей, коз, также и летающих фезанов, предрий, зайцев. (...) Надзирательница того парку имеет тот свой дом в Виндзоре. (...)

В проезде до Бада (*Bath*) видели город Malborough не гораздо велик, в котором дом дука Сомерсет вновь строится не мал, и один курган насыпной гораздо хорош, и на него вход вавилоном, а в нем палаты. (...) И в том проезде (*по пути*

в Оксфорд) видел дом дюка Мальбурга (*Blenheim Palace, Oxfordshire. The First Duke of Marlborough*), называемый Плимут, расстоянием от Оксфорда 6 миль, где строен парламентом за его службы. Тот дом архитектуры ординарной, весь из камня белого, еще весь не отделан и, чаю, вскоре не отделается. Положение места хорошее и парк великий; сказывают, что встанет в миллион пунтов стерлингов (...) Сад хотя и заводится, правда, вновь, токмо посредний. Фонтаны, сказывают, что будут, токмо не отделаны. Статуи так худы, что лучше бы их не ставить. И тут того дня ночевали. (...) И потом оттуль отъехал от Лондона, где видел много хороших мест в ситуации и в строеньи».²⁷

Остается только догадываться относительно того, что мог в действительности нового привнести Куракин в обустройство унаследованной им еще в 1694 г. подмосковной усадьбы Ельдигино вскоре по возвращении из Англии. Известно лишь, что при нем находился там Голландский сад и устроенный на основе плотины Большой пруд.

Адмирал И.Л. Талызин (1700-1777) в качестве гардемарина впервые окажется в Англии в возрасте шестнадцати лет. И в дальнейшем, вплоть до 1729 г., он несколько раз сюда наведывался.²⁸ Однако к формированию парка в собственной подмосковной усадьбе Денежниково он сможет приступить лишь после того, как в 1765 г. выйдет в отставку.²⁹ Этот один из самых ранних в регионе образцов пейзажного стиля будет создан на обширной территории. Структурная его основа была изначально определена устроенными на р. Медведке двумя сильно вытянутыми живописными прудами и не менее обширным стриженным лугом, подступавшим к главному дому и парным его флигелям с южной стороны. Судя по оригинальности общего замысла, удачно найденным пропорциональным соотношениям, да и самой величине этого парка, владелец, безусловно, весьма отчетливо представлял себе особенности пейзажного планирования.

В 1738-1742 гг. и 1743-1746 гг. на дипломатической службе в Англии находился князь И.А. Щербатов (1696-1761).³⁰ А потому нет ничего неожиданного в том, что К.К.Л. Хиршфельд, ссылаясь в данном случае на Я. Штелина, именно

его, Остермана и Нарышкиных назовет первыми устроителями «аглинских садов» в России.³¹

В 1742 г. императрица Елизавета Петровна отправит на учебу в Англию двух братьев баронов Черкасовых. А.И. Черкасов (1728-1788) и его младший брат Иван (1732-1811), по-видимому, сразу же обоснуются в Кембридже. Иван проведет здесь около 14-ти лет, завершит университетское образование и преуспеет в изучении навигации. Именно он в «Ежемесячных сочинениях» за 1755 г. и познакомит отечественного читателя с сочинением англичанина Р. Вуда «Руины Пальмиры» (1753), привлекая тем самым внимания к уникальной художественной значимости античного искусства. По возвращении же на родину Черкасов-младший будет зачислен в Преображенский полк и в 1762 г. станет адъютантом императора Петра III. Несмотря на скорый арест и растянувшуюся на несколько лет опалу, ему все же удастся в 1777 г. стать членом адмиралтейств-коллегии, а в 1782 г. и получить вице-адмиральский чин.³² Затем последует отставка и переезд на постоянное жительство в расположенную на левом берегу Невы, в десяти верстах от Петербурга, мызу Ивановскую, доставшуюся по наследству от отца - И.А. Черкасова (1692-1760), известного зачинателя фарфорового дела в России. Поэтому с И.И. Черкасовым и следует связывать заведение здесь пейзажного парка, который в 1785 г. достанется придворному банкиру И.Л. Лазареву, а в начале XIX в. отойдет в собственность Фарфорового завода.³³

Граф И.Г. Чернышев (1726-1797) в качестве российского посланника прослужит в Англии около двух лет.³⁴ Надо полагать, что еще до отъезда он уже хорошо представлял себе особенности тамошней усадебной жизни и специфику пейзажного садоводства. Об этом со всеми подробностями мог информировать его старший брат - граф П.Г. Чернышев (1712-1773), до этого служивший русским посланником в Лондоне с 1746 по 1755 гг.

Вместе с супругой, поручиком Бабинковым и князем И. Гагариным граф покинет Россию в июле 1768 г. и вскоре все четверо окажутся в Лондоне. Оста-

ваясь здесь вплоть до середины 1770 г., он неизменно информировал императрицу о продвижении порученных ею дел. Также в Лондоне его уведомят и о назначении на должность вице-президента Адмиралтейств-коллегии.³⁵ Близко знавший Чернышева английский посланник при русском дворе лорд Ч. Каткарт (Charles Cathcart) всячески подчеркивал безмерную его любовь к Англии и англичанам. Действительно, будучи необычайно деятельной натурой, он не терял времени даром и совсем скоро был принят в Общество дилетантов и Общество содействия искусствам, ремеслам и торговле. Круг английских его знакомств был необычайно велик, что существенно облегчало знакомство со многими частными именьями. И соответственно по долгу службы ему предписывалось неукоснительно посещать и королевские резиденции. Так, 5 июня 1769 г. Чернышев с супругой присутствовали на балу, устроенном в честь рождения короля в Сент-Джеймском дворце.³⁶

Именно Чернышев по первому же сделанному запросу разыскал и содействовал скорой отправке для императорского двора опытных английских садовников. Да и после возвращения на родину связи его с Англией неизменно сохранялись. В конце мая 1779 г., например, он информировал служившего в то время в Лондоне протоирея А.А. Самборского, что вот-вот де приобретет новое имение, где «все Английское земледелие с помощью вашего наставления завести постараюсь».³⁷ Не исключено, что речь шла об Ораниенбауме, где граф действительно обзавелся в том же году садовой землей.³⁸ В 1781 г. также в Англию отправится уже его сын - девятнадцатилетний граф Г.И. Чернышев (1762-1831), служивший при штабе князя Г.А. Потемкина.³⁹ А три года спустя, в июле 1784 г., И.Г. Чернышев командирует на Британские острова вместе с тем же Самборским своего крепостного - умелого рисовальщика и чертежника Ивана Судакова. В сохранившемся его дневнике, наряду с подробнейшим описанием производства спирта и прочих любопытных сведений о местных фермах и фабриках, находим и натурные рисунки, в том числе садовых сооружений и парковых видов: «Батской вояж» (беседка, амфитеатр), «Вид реки Темзы, по берегу рассея-

ны разные селения».⁴⁰ Собственно и сам Самборский, в ответ на неоднократные обращения графа, отправлял Чернышеву из Англии партии семян и, вероятно, с ними в придачу востребованные саженцы редких кустов и деревьев.⁴¹ Все вместе взятое убеждает в том, что в обустройстве своих парков И.Г. Чернышев принимал самое деятельное участие.

Поначалу на рубеже 1770-х – 1780-х гг. он поручит специально выписанному им же самим из Англии садовнику Д. Эвисону (John Evisson) устройство «аглинского сада» в петербургской своей усадьбе близ Синего моста.⁴² Имел ли к этому замыслу непосредственное отношение Ч. Камерон – остается невыясненным. Однако известно, что при каждом своем приезде в столицу зодчий обыкновенно останавливался именно здесь. Эвисону предстояло сформировать сравнительно небольшую пейзажную композицию на месте устроенного здесь еще в середине XVIII в. регулярного парка, который, судя по плану П. Сен-Илера, состоял из «шести боскетов с причудливо фигурной планировкой посадок и затейливой стрижкой деревьев и кустарников».⁴³ Асимметричная планировка нового сада учитывала трапециевидную форму самого владения. Его структурную основу определит живописно очерченный пруд, следы которого обнаружат в 1907 г. при строительстве Мариинского дворца. Очень важную роль в этом парке играли активные перспективные раскрытия, прежде всего на Мойку. Тому же отвечало и устройство высокой горки в угловой части парка близ Вознесенской улицы. Соответственно сеть плавно изгибающихся прогулочных дорог связывала воедино все части парка, что и зафиксировал датированный 1828 г. генплан столицы Ф. Шуберта. Уже после состоявшегося в 1816 г. приобретения усадьбы Удельным ведомством для нужд императорского двора этот парк стал общедоступным. В столичной прессе, в частности, сообщалось, что именно в нем 12 августа 1822 г. испанец Желли Латур «спустит в первый раз в сей столице два воздушные шара. (...) Почтенная публика может собраться в три часа пополудни, когда начнется в саду янычарная музыка, которая будет продолжаться во весь день... (...) Господа Ефремов, Пушкинский,

Скубинский и Далл Окка будут также производить разные музыкальные пьесы, а после оных для публики будет бал и сад иллюминирован. (...) В сей день будут открыты для публики сад... (...) Каждый кавалер платит 5 рублей, а каждая дама 2 рубля».⁴⁴

Существенные изменения претерпит этот «аглинский сад» чуть позже. В 1822-1824 гг. усадебный комплекс приспособят для нужд Николаевского кавалерийского училища (Школы гвардейских подпрапорщиков), среди выпускников которого (за 1834) числился и М.Ю. Лермонтов.⁴⁵ В то время площадь парка была сильно сокращена ввиду размещения сараев и конюшен.⁴⁶ Одновременно «газоны оградили перильцами», а «вдоль аллей устроили стоки для отвода ливневых вод».⁴⁷ При этом горка уцелеет. Однако взбираться на нее отныне воспрещалось в соответствии со следующим распоряжением: «Во время прогулки по саду подпрапорщиков рекомендую господам дежурным офицерам наблюдать следующее, чтоб они отнюдь не входили на возвышенность, сделанную около забора, лежащего на Вознесенскую улицу».⁴⁸ Исследователь в этой связи заметит: «Дабы избежать соблазна для юнкеров, посматривающих на вольную жизнь столичных обитателей с садовой горки, в 1829 г. возвели высокую каменную стенку вдоль Вознесенской улицы».⁴⁹

Еще один, теперь уже весьма обширный пейзажный парк, Чернышев создаст в ближайших пригородах столицы, в усадьбе Александрино, приобретенной у князя Н.В. Репнина еще в 1762 г.⁵⁰ Поначалу он будет формироваться в рамках исходных планировочных границ владения, поэтому и побывавший здесь в 1776 г. Корберон прежде всего отметит: «Этот уютный дом расположен на несколько возвышенном месте в 13 верстах от города по левую сторону Петергофской дороги... Сада нет, но его вполне заменяют восхитительные полевые лужайки. Напротив замка проведен канал, ведущий к довольно большому водоему, на правой стороне которого виднеется островок с расположенной на нем прелестной постройкой, как бы нарочно предназначенной для нежных любовных свиданий».⁵¹ Со своей стороны Я. Бернулли добавит: «Тут напрасно бу-

дет искать в больших размерах увеселительного сада... На пруду имеется прекрасный остров. Покрытый различными деревьями, на английский вкус, и порядочный увеселительный дом на оном».⁵² Эта вполне сложившаяся к тому времени пейзажная композиция обладала целым рядом несомненных своих достоинств, не случайно именно сюда 10 июня 1777 г. императрица заедет со шведским королем Густавом III.⁵³ Все последующее развитие этой рукотворной пейзажной среды придется уже на 1780-е гг. Как раз тогда Чернышеву удастся прикупить смежное (западное) имение и соответственно практически вдвое увеличить территорию своего владения. Одновременно Дж. Кваренги в излюбленном своем «палладианском стиле» перестроит главный дом и возведет два парных его флигеля, вблизи которых на обширном понижающемся пространстве тем же Эвисоном будет создана самая крупная и наиболее впечатляющая часть александринского Английского парка, органично растворявшаяся в окрестном лесном массиве.⁵⁴

По смерти графа городская усадьба у Синего моста и Александрино отойдут в казну в счет погашения огромных его долгов. Однако в 1800 г. их все же сможет выкупить Г.И. Чернышев. Он же и в последующие годы бережно сохранял эту созданную отцом вместе с английским садовником впечатляющую парковую среду.⁵⁵ Еще один пейзажный парк Чернышев-младший устроит уже самостоятельно на живописных берегах Оки в орловской своей усадьбе Тагино, также перешедшей к нему по наследству в 1797 г. Во всяком случае, там он сохранялся вплоть до середины XIX в.⁵⁶

Известно о девяти представителях весьма многочисленной фамилии Голицыных, посетивших Англию в XVIII в.⁵⁷ Трое из княжеского рода были командированы сюда в промежутке между 1710 и 1762 гг., В.В. Голицын находился здесь по делам флота в 1710 г., а С.М. Голицын состоял при посольстве в 1758 г.

Вдвое больше Голицыных посетят Англию в качестве путешественников в течение всего лишь одного десятилетия. Так, князь М.М. Голицын окажется

здесь в 1780-е гг., А.Б. Голицын (1732-1792) в 1787 г., В.Б. Голицын (1731-1798) в 1788-1789 гг., князя Д.В. Голицын (1771-1844) и Б.В. Голицын (1769-1813) в 1789 г. Причем последний, судя по сделанной в Журнале посетителей записи, в августовские дни заезжал к Уолполу в Строберри-хилл.⁵⁸ Голицыны выезжали в Англию и в начале XIX в. В частности, в 1818-1819 гг. с Лондоном и его окрестностями в течение нескольких недель будет знакомиться молодой князь В.С. Голицын.⁵⁹ Следует упомянуть, наконец, и российского посланника в Мадриде М.П. Голицына, проявлявшего, как выясняется, особый интерес к английскому садоводству. В 1825 г., когда все его книжное собрание распродалось на парижском аукционе, неожиданно выяснилось, что сюда входили английские ботанические руководства и прижизненные издания У. Чемберса, а также многочисленные изображения старинных и современных английских имений.⁶⁰

Князь А.М. Голицын (1723-1807) в качестве полномочного посла прослужит в Англии с 1755 по 1762 гг.⁶¹ Та же М. Вильмот отметит, что и под самый конец своей жизни тот оставался «без ума от всего английского, особенно от англичанок».⁶² Как выясняется, князь проявлял большой интерес к новейшему садоводству и довольно «неплохо разбирался в архитектуре». Именно поэтому «к нему обращались родственники и близкие знакомые», всерьез озадаченные обустройством собственных усадебных комплексов в самом новейшем вкусе. Он же примет участие и в формировании смоленской усадьбы Самуйлово для Д.М. Голицына, где в «палладианском стиле» выстроят главный дом с парными флигелями. Здесь же разобьют и пейзажный парк, главным украшением которого станет цепь каскадных прудов.⁶³ Несравненно более масштабным делом станет для А.М. Голицына растянувшаяся вплоть до начала XIX в. реконструкция подмосковной усадьбы Пехра-Яковлевское, унаследованная одиннадцатилетним князем М.П. Голицыным вслед за гибелью отца на дуэли.⁶⁴ Как раз после состоявшегося в 1777 г. увольнения со службы отставной дипломат отправится в Москву и решит поселиться именно здесь на правах родного его дяди и

опекуна. Судя по всему, ему не составляло особого труда самостоятельно определить исходный замысел создаваемых парков, да и в процессе их реализации он неизменно вносил изменения общего и частного характера. Поначалу подвергнется корректировке композиция подступавшего к главному дому Верхнего парка, созданного П.М. Голицыным (1738-1775) на высоком берегу р. Пехорки еще в 1760-е гг. При сохранении регулярной основы с уплотненной дорожной сетью, наличием аллей и широким использованием цветущих кустарников, он был существенно расширен за счет включения пейзажных частей. Обширные земляные работы учитывали, в частности, устройство единственно дошедшего до нас холма Каталной горки, местоположение которого отвечало прежде сложившейся звездчатой системе аллей. Уже на втором этапе, относящемся целиком к рубежу XVIII-XIX вв., к северу от дома на обширных живописно понижающихся береговых склонах р. Пехорки и заречных равнинных землях был сформирован ныне полностью утраченный Нижний (Английский) парк. Именно в это время к реконструкции усадьбы был привлечен А.А. Менелас, который помимо перестройки главного дома, возведения парных флигелей, оранжереи и театра, принял деятельное участие и в создании Нижнего парка, сформированного на основе лесного массива с массовой высадкой лип и сосен.⁶⁵

В 1757 г. владельцем подмосковной усадьбы Кузьминки-Влахерное станет князь М.М. Голицын (1731-1806).⁶⁶ К созданию размещавшейся здесь на площади около 200 га обширной пейзажной среды он приступит по возвращении из Англии. Полностью завершившаяся в предшествующий период реконструкция имения уже представлялась в значительной степени архаичной и более никак не могла его удовлетворять.⁶⁷ Новая же композиция, вобравшая в себя целый ряд разновеликих пейзажных частей, в целом отвечала основным положениям английского пейзажного стиля: она не имела четко очерченных границ и органично растворялась в окружающем природном ландшафте.⁶⁸ В 1787 г. к уже работавшему в усадьбе Р.Р. Казакову князь пригласит в помощь И.В. Еготова. И вместе с разработкой архитектурных проектов он поручит им проведе-

ние разбивочных работ на обширной территории будущих парков, планировочное решение которых, очевидно, изначально принадлежало ему самому. Тогда и будет окончательно определена его главная композиционная ось, закрепленная устроенными на р. Голедянке разновеликими сильно вытянутыми прудами. Одновременно выявят и наиболее значимые видовые раскрытия, обеспечившие визуальное взаимодействие различных частей парка. И соответственно вместе с формирувавшимися практически заново береговыми линиями проложат асимметричную сеть «аглинских» дорожек, рассчитанных на постоянную смену пейзажных картин. Вслед за вырубкой большого лесного массива, на которую граф все же отважится в 1788-1789 гг., было начато устройство на площади 22,2 га и «аглинского сада» как составного элемента Верхнего и Нижнего пейзажных парков. Основа его композиции была predeterminedена размещившимся на площади полутора гектаров трехсотметровым Щучим (Китайским) прудом, открытым местными крестьянами в 1788 г.⁶⁹ К началу 1790-х гг. «в прибавок к имеющемуся старому пруду» и его островку был выкопан Нижний пруд, а на месте упраздненного Зверинца проложено сообщавшееся с Щучьим прудом эффектно изогнутое русло канала, береговые откосы которого, в соответствии с английскими аналогами, обкладывались дерном.

Непосредственное же участие М.М. Голицына в обустройстве всех этих пейзажных частей наглядно подтверждается неизменно поступающими от него вполне конкретными распоряжениями. Так, в конце 1780-х гг. он предписывал: «За вишнями в левую сторону место прикрыть барбарисником, а внизу от пруда вишнями».⁷⁰ Очередное его указание было связано с устройством Английского сада: «На мельнице в саду пристойного места для фортуны и кеглей я не нашел и рассудил за лучшее сделать с левой стороны в березовой роще... и будущей весной можно около того места посадить молодых березок».⁷¹

Да и в последующее десятилетие (1806-1816), когда усадьба принадлежала вдове графа (урожденной А.А. Строгановой), развитие пейзажной среды в целом соответствовало исходному планировочному замыслу. Вероятно, на этом

этапе садовые работы осуществлялись при участии возвратившегося из Англии А.Н. Воронихина, тем более что кроме Павловска он в эти годы разработал и для Кузьминок целый ряд проектных чертежей.⁷² Привлечению этого крупного столичного зодчего могла способствовать вдовствующая императрица Мария Федоровна, предпочитавшая практически при каждом своем московском визите непременно здесь погостить. Само по себе примечательно и то обстоятельство, что путешествовавшую по России в 1827 г. «маркизу Вестминстер» непременно направят в Кузьминки: «Князь Д.В. Голицын принял их очень любезно, в тот же вечер отдал им визит и прислал к ним д-ра Гаммеля, отлично говорившего по-английски, чтобы показать им все достопримечательности города. Таким образом, они подробно осмотрели Кремль, дворцы, Грановитую палату, колокольню Ивана Великого, монастыри, ризницы, воспитательный дом, институты (полное подобие петербургских) и проч. Из окрестностей они побывали только на Воробьевых горах и еще в имении князя Сергея Мих. Голицына (Кузьминке), где были приглашены на обед. «Нам пришлось ехать туда верст за семь от Москвы, по дороге, представлявшей приятную смесь песков и болот, пишет маркиза, которая видимо была не особенно довольна этой поездкой. - Здесь мы застали целое общество: все семейство Голицыных, княгиню Трубецкую с супругом, Нарышкина, старого князя Масальского и множество других господ и дам. После обеда не смотря на холодный вечер все отправились в сад, который очень велик, с прудами, речкой, хорошими оранжереями и проч., так что это место считается самым красивым из здешних окрестностей, хотя в Англии оно вряд-ли пользовалось бы такой репутацией».⁷³

Одна из фотографий рубежа XIX-XX вв., зафиксировавшая вплотную подступавший к главному дому стриженный луг с живописно очерченным прудом, убеждает в том, что сложившаяся в начале XIX в. пейзажная среда не претерпела существенных изменений и при следующем владельце: князь С.М. Голицын вполне довольствовался хорошей ее сохранностью.⁷⁴

Посетивший Англию в 1789 г. А.Б. Голицын (1732-1792), более всего из-

вестный как устроитель «по аглинскому образцу» московского клуба Благородного собрания, вскоре приступит к комплексному обустройству подмосковной своей усадьбы Узкое. Она досталась ему в результате состоявшегося между братьями раздела.⁷⁵ Структурную основу заводимого здесь фактически заново обширного Английского парка, обладавшего к тому же впечатляющими видами на древнюю столицу, определяют сформированные в глубокой лощине на притоке р. Чертановки четыре разновеликих террасных пруда с вплотную подступающей к ним рощей, впоследствии названной Марьиной. А между главным домом и прудами устроят просторный стриженный луг. Остальная весьма обширная парковая территория, включившая в себя довольно значительный массив лиственного леса, распространялась от главного дома в сторону запада, северо-запада и юго-запада и фактически доходила до сильно удаленной Калужской дороги. При этом созданный еще в середине XVIII в. регулярный сад, подступавший с противоположной западной стороны к вновь выстроенному (на месте своего предшественника) главному дому, заказчик счел нужным сохранить.⁷⁵ Собственно и новая планировка дома учитывала тонкое взаимодействие с пейзажной средой. В частности, одна Гостиная была целиком сориентирована «в сад», а другая - к «прудам».⁷⁶

То, что во время формирования парка владелец пребывал в своей усадьбе и, следовательно, лично мог курировать садовые работы, подтверждает датированное 23 октября 1791 г. письменное его извещение брату Владимиру Борисовичу, где, в частности, сообщалось: «Об окончании моей полевой езды тебе братец, сообщаю, что я перевез свой дом 24 числа сентября в Москву, и по причине великой суши и листопаду, дожидаясь сырой погоды, и пробыл дней шесть. Как скоро дождик пошел, то я поехал в Узкое, и как приехал, то к моему неудовольствию начались морозы и снег, и так я братец трое сутки сидел в избе и из терпения вышел, и отпустил своих собак на зимние квартиры...»⁷⁷ Можно полагать, что основной объем ландшафтных работ А.Б. Голицын успел произвести еще до своей кончины, окончательная же отделка Английского парка за-

вершилась уже при следующем владельце – П.А. Толстом, женатом на М.А. Голицыной.⁷⁸

Заслуживает упоминания и князь С.Ф. Голицын. В конце XVIII в. ему принадлежала усадьба Зубриловка, находившаяся по соседству с известным саратовским имением Надеждино князя А.Б. Куракина. Видимо, она также включала в себя и пейзажный парк, созданный на основе английских аналогов. Впрочем, судить об этом можно лишь косвенно, да и то по единственной фразе из адресованного великому князю Павлу Петровичу письма Куракина, датированного 12 мая 1794 г.: «Я был приятно поражен четырьмя очаровательными павильонами, построенными в мое отсутствие по английским рисункам, переданным мне князем Сергеем Голицыным».⁷⁹

Известно о семи представителях рода Демидовых, посетивших Англию во второй половине XVIII в.⁸⁰ Действительный статский советник Берг-коллегии А.Г. Демидов (1737-1803) побывает здесь в 1758-1759 гг. Первый же свой пейзажный парк он начнет создавать в 1769-1770 гг. в имении Эбсворт, располагавшемся в ближайшем пригороде столицы при Петергофской дороге. Выстроенные в «палладианском вкусе» по проекту И.Е. Старова главный дом и парные флигеля располагались на просторном понижающемся лугу, упиравшемся в береговую линию Большого пруда.⁸¹ Другой свой Английский парк А.Г. Демидов сформирует в усадьбе Тайцы к югу от столицы, в непосредственной близости от императорского Красного Села. Его закладка состоится, видимо, еще в 1772 г., однако основной массив садовых работ завершится только спустя десятилетие, уже после того, как площадь владения радикально увеличат. И вероятнее всего к состоявшемуся в 1786 г. визиту императрицы создание этой парковой композиции завершится полностью.⁸² Структурная основа этого парка была определена необычайно развитой водной системой, активно влиявшей на сложение планировки практически каждого пейзажного района. Берущую начало из Березовских ключей р. Вереву запрудят, в результате чего в северо-восточной части усадьбы было образовано большое озеро. Соответственно от него отвели

протоку в западном направлении, а в не менее обширной заболоченной южной части парка устроят каналы, что и приведет к радикальному ее осушению. Устроенный на площади 110 га Английский парк своим обширным стриженным лугом подступал к главному усадебному дому. Его планировка учитывала искусное совмещение пейзажной и регулярной планировки. Судя по всему, в таком решении выразилось исходное намерение самого владельца, видимо, руководившегося особенностями переходного английского пейзажного стиля. Сказалось здесь и влияние идей У. Чемберса - прежде всего в явном намерении максимально разнообразить пейзажную среду разностильными садовыми сооружениями. Вполне вероятно, что в устройстве таицкого парка некоторое участие принял И.Е. Старов, так как именно ему было доверено формирование усадебного комплекса.⁸³ Им же совместно с заказчиком было определено и самое подходящее место для постановки главного дома, закрепившего верхнюю точку рельефа. Английский парк включал в себя целый ряд разновеликих районов (Большая поляна, Звезда, Собственный сад, Лабиринт, Зверинец). Причем всем им был придан сугубо индивидуальный характер.⁸⁴ Поразительная целостность этой пейзажной композиции обеспечивалась эффектно изгибавшимися разновеликими прудами, соединенными чугунными мостиками и многочисленными водными протоками, изгибам которых вполне соответствовала прокладка парковых аллей и дорожек. Тому отвечала и подчеркнута асимметричная схема посадок, составленных преимущественно из лип, дубов, лиственниц, ясеня, вяза, клена, сосны и ели. Что же касается парковых сооружений, то вместе с Готическими воротами здесь были выстроены Дом садовника, Турецкий, Бревенчатый и Белый павильоны, а также устроен Грот над таицкими ключами.⁸⁵

Многообразие восприятия различных картин парка отвечали и многочисленные «сиделки» - чугунные «диваны» и «кресла», получившие заметное распространение в английских ландшафтных парках с первых лет своего существования. Вся северная часть парка в районе Звезды, обладавшая, по аналогии с

Павловском, 12-ти аллеиной разбивкой, закреплялась круглым в плане 12-ти колонным Храмом Солнца, откуда осуществлялся круговой обзор. Один из лучей этой радиально-кольцевой планировки был сориентирован на главный дом и, следовательно, визуально сообщался с этим «храмом». Сами же участки между этими лучами украшались асимметричными посадками и трактовались в качестве дополнительных пейзажных частей. Впрочем, наибольшей художественной выразительностью обладал район Большой поляны, где размещались устроенные на р. Вереве Большой пруд, острова и каскады. Для придания всему этому рукотворному ландшафту еще большей выразительности береговая его линия была закреплена повышенным объемом водяной мельницы.

Граф И.М. Долгоруков, посетивший усадьбу в самую лучшую пору ее существования, отмечал: «Кто не знал под Петербургом Тайц? Кто не был очарован тамошними прозрачными ручьями? Сам наследник престола ездил со всем своим штатом наслаждаться роскошной трапезой русского богача. Тайцы будут долго и всегда помнить, потому что я редко видал место прелестнее и не пивал нигде такой воды, какую черпал там для прохлады из ключей, бегущих у подошвы Готического строения, прозванного Клевенбург».⁸⁶ В 1810 г. А.И. Тургенев в письме к Булгаковым подчеркнул: «Я был у Демидова в деревне и восхищался удивительными красотами, искусством произведенными. Сколько ума, вкуса и даже поэзии в расположении садов его. Тут надобно привести Делиля».⁸⁷ Тургенев в данном случае говорит уже о наследнике - Г.А. Демидове (1765-1827), том самом, который летом 1790 г. знакомился с Англией и, судя по все тому же Журналу посещений, в августовские дни посетившем Стробиери-Хилл.⁸⁸

С именем А.Г. Демидова следует связывать и заведение Английского парка у малороссийского селения Почеп. Об этом путешествующий О. Гунн в дорожной своей заметке от 7 сентября 1806 г. сообщит следующее: «...на другом конце Почепа имеется другой Графский же деревянный дом, в котором когда-то жил некто Аглинской купец Ухтерлони, находящийся и теперь еще в свежей

здесь памяти. Там местоположение совершенно романтическое, и сад, сотворенный самой природою прямо в Аглинском вкусе. (...) Сад сей называется Меншиковским: ибо место сие, как Почеп, принадлежало в прежния времена Князю Меншикову».⁸⁹

Выпускник Геттингенского университета, первый директор Московского коммерческого училища, ученый и собиратель П.Г. Демидов (1738-1821) находился в Англии в 1758-1759 гг., где, как подчеркивается, научился говорить и писать по-английски совершенно свободно.⁹⁰ Заведение практически полностью утраченного в 1941-1943 гг. пейзажного парка в расположенном в 12 км. от Гатчины собственном имении Сиворицы состоится вскоре после его приобретения, последовавшем в 1771 г. Само же его формирование растянется на два этапа, причем в первом из них, помимо самого владельца, примет участие и И.Е. Старов.

Этот «аглинский сад» создавался на берегу р. Сиворицы, у впадения ее в р. Суйду. Поначалу совсем мелкую Сиворицу перекроют четырьмя каскадами, размещенными в четком соответствии со сложившейся практикой английского стиля - «на достаточном расстоянии друг от друга».⁹¹ Именно это и позволит в относительной близости к главному дому, закрепившему самую возвышенную точку всхолмленного рельефа, образовать эффектно изогнутое озеро, назначавшееся главным элементом пейзажной композиции. Существенные изменения претерпят и обширные береговые склоны, где и появятся эффектные по очертанию холмы и просторные луга. Проложенная же здесь сеть прогулочных дорог в целом отвечала изгибам рукотворного рельефа и абрису вновь сформированных береговых линий. Как и в таицком парке здесь активно высаживались липы, дубы, лиственницы, ели и березы и также во множестве различные цветущие кустарники. Парковых сооружений было сравнительно немного - только лишь изогнутые мостики, беседки и купальни. Все еще сохраняющаяся Беседка-ротонда закрепляла, например, главную ось парка. Визуально она сообщалась и с озером, и с главным усадебным домом, распола-

гавшимся на противоположном его берегу. Именно обширная водная гладь в сочетании с открытыми пространствами лугов, разнообразными куртинами древесных посадок и живописным очертанием береговой линии и дорожек, придавали этому парку выразительную естественность, отвечавшую общей линии пейзажного планирования Л. Брауна. Вот почему С.Ф. Щедрин (1791-1830) посвятит Сиворицам целую серию живописных своих работ.⁹²

Второй этап формирования сиворицкого парка обозначится в 1792 г. вслед за тем, как владельцу удастся приобрести смежные земли и тем самым существенно увеличить общую площадь имения. Судя по чертежам так называемого «Сиворинского альбома», этот проектный замысел был разработан прибывшим из Англии вместе с отцом садовым мастером Бушем-младшим. К этому времени тот уже приобрел большую известность в столичных аристократических кругах.⁹³ Генрих фон Реймерс, посетивший усадьбу в 1800 г. вслед за завершением основного массива садовых работ, отмечал: «...поместье Сиворицы, несколько удаленное от столбовой дороги, к которой выходит далеко раскинувшийся парк поместья. Около тридцати лет назад местность, где лежит ныне парк, отличный своею красотой, была болотистой равниной, через которую пробиралась узенькая речка Сиворка... Четыре дороги-аллеи ведут из парка в разные стороны к четырем прелестным шале, названия которых Елица, Пентус (пятиугольник), Ферма и Екатеринбуш».⁹⁴

На рубеже XVIII-XIX вв. не менее активно занимался П.Г. Демидов созданием еще одного Английского сада в подмосковной своей усадьбе Леоново, приобретенной еще в 1767 г.⁹⁵ Эта достаточно развитая пейзажная композиция будет сформирована на высоком левом берегу Яузы. Ее основу определит неглубокий, но весьма разветвленный овраг и имевший не менее живописное очертание Большой пруд. Всякий раз подолгу останавливаясь именно здесь, хозяин «охотно занимался садоводством и лесоводством» и «насадил не одну тысячу сосен и елей, а также кедры, лиственницы, и пихты».⁹⁶ Однако главной особенностью этой вновь сформированной пейзажной композиции было нали-

чие ботанических экзотов, большинство из которых выращивались прямо здесь же, в специально заведенных для этого обширных оранжереях. Не случайно В.А. Капустин подчеркивал, что парк «был наполнен растениями, большей частью достопримечательными по каким-либо особливим явлениям».⁹⁷ Здесь же в Леоново в 1803-1805 гг. именитый хозяин неоднократно принимал уже возвратившегося к тому времени из Англии Н.М. Карамзина. Здесь же владелец и скончается.

Крупный заводчик, корреспондент Вольтера, любитель наук и искусств барон Н.А. Демидов (1724-1789) в 1772-1774 гг. совершал общеевропейское турне, во время которого трижды побывает в Англии.⁹⁸ В Лондоне он находился в 1772 и 1773 гг., совмещая осмотр достопримечательностей с деловыми переговорами относительно поставок крупных партий русского металла местным промышленникам. Там он и застанет Н.П. Шереметева, А.Б. Куракина и Г.П. Гагарина, все вместе прибывшие в Англию. И уже в следующем 1773 г. с начинающим скульптором Ф.И. Шубиным Демидов снова пересечет Ла-Манш и в третий раз окажется в Лондоне. О посещении им английских парков становится известно из Дорожных заметок. Изданные в 1786 г. в Москве, они сразу же станут доступными самому широкому кругу лиц.

Покинув Францию, Демидов 15 мая 1772 г. отправится в Англию вместе с князем С.С. Гагариным: «Вставши весьма рано наняли яхту для переезда морского перешейка, а между тем ходили по городу, пока приготавливался нам съестной запас на судно. (...) Вышед на берег отослали наши чемоданы и сундуки по обыкновению для осмотру в таможеню...»⁹⁹ 16 мая оба окажутся в Лондоне: «Из Кантербури выехали в 9 часов; (...) Переехав с небольшим в семь часов пятьдесят семь миль, прибыли в Лондон в половине пятого часа, и пристали к нашему священнику Г. Самборскому, при министерстве здесь находящемуся. Он нас немедленно проводил в нанятую для нас квартиру, в улице кондит стрит (*Conduit Street*) называемой, по близости Господина Мусина Пушкина Министра Российскаго Императорскаго Двора, живущего в вест минстер».¹⁰⁰ И уже на

следующий день поехали «к Господину Пушкину, коему вручили рекомендательное письмо от графа Никиты Ивановича Панина. Он нас принял очень ласково, и звал к себе в Ричмонд обедать потому, что двор там находится».¹⁰¹

18 мая Демидов посетит два общедоступных столичных парка, а заодно и Академию художеств: «(...) Подле Дворца находятся два прекрасные парка Сейн-жименс (*St. James Park*) и Гсид парк (*Hyde Park*) называемые. (...) Сего числа заезжали и в Академию художеств, потому что она тогда была отворена. Мы в оной видели труды Аглинских художников, картины живописцев, чертежи архитекторов и статуи рещиков, о коих можно сказать без пристрастия, что оныя в сих художествах и разных выдумках, выключая математику, с Французскими равняться не могут».¹⁰² 26 мая Демидов ознакомится еще с двумя весьма примечательными парковыми композициями: «Ездили смотреть сухопутную гофшпиталь, называемую Шелсея (*Chelsea*), великолепное здание на самом лучшем положении места при реке. Между оною и домом находится увеселительный сад для прогуливания с прудами и каналами. (...) Отсюда заезжали в Ботанический сад (*Kew*), где видели превеликие кедры и другие в оранжерее произрастения».¹⁰⁴ Как раз здесь при посредничестве тогдашнего директора Гервеха он «купил чайное дерево, и кипарис, и особливо и редкое в Европе доселе нигде не виданное Кокусово пребольшого рода молодое деревцо, которое изобильно вырастает в империи Сиамской и на острове Цейлане».¹⁰³

29 мая Демидов осмотрит весьма популярный столичный Увеселительный парк (*Vauxhall Gardens*), долгое еще время сохранявший большую свою известность и на континенте: «В вечеру были в ваксале, который аллеями и выгодным местоположением делает наипрекрасный сад. Он начинается в семь часов, а кончится в одиннадцать; во все сие время поют певцы и певицы, и дают концерт; и как скоро станет смеркаться, то иллюминуются весь фонарями, развешанными на деревьях и в аллеях гирляндами. Посредством превеликого от оных освещения, можно в нем прогуливаться с удовольствием и приятностию в хорошую погоду, лучше несравненно вечером, нежели днем, за тем, что тогда

безпокоит сильный жар; естли же пойдет дождь, то от сего сделаны для защиты крытыя аллеи. В десять часов на полчаса прерывается музыка, и все собрание обращается смотреть удивительным искусством из жести сделанный каскад, тогда представляется гора с выпуклыми камнями, обросшими от времени травую и деревьями, между коих падает с великим стремлением и шумом вода, которая в некоторых местах разделилась на малые биющиеся ручьи; в других видны замерзлые от холоду сосульки. Все сие столь живо употреблено, и такая обманчивая мечта, что почти с натурою распознать нельзя; что за редкость почесть можно. После сего восхищающаго зрелища продолжается с полчаса музыка, потом ужинают, или разъезжаются». ¹⁰⁴ Это созданное еще во второй четверти XVIII в. общедоступное доходное заведение оказалось на редкость прибыльным. Практически все находившиеся здесь садовые части примыкали к многочисленным увеселительным павильонам, в привлекавшем сразу внимание разностильном архитектурном облике которых нетрудно уловить характерные особенности «готического» рококо. ¹⁰⁵

Из записи, сделанной 31 мая 1772 г., следует, что в тот день Демидов посетил королевские парки в Кенсингтоне: «Обедали у нашего Священника господина Самбурского, а после ездили прогуливаться в Королевской сад, Кенсингтон (*Kensington*) называемой, с Королевским домом весьма хорошо построенным.

Сие место очень красиво прудами и рощицами. Здесь находятся Китайская пагода, или капище на подобие наших высоких колоколен, но только с тою разницею, что на каждом оном ярусе с наружи в округ обвешана колокольчиками, от которых во время ветров бывает звон; разные храмики, развалины, острова с стадами, пасущимися по зеленеющим пригоркам и лугам; что все представляет наиувеселительное зрелище. Сады его на четыре мили простираются, и всегда летом по вечерам находится в них великое множество народа». ¹⁰⁶

К приезду Демидова все еще находившийся за городской чертой Кенсингтонских парк претерпел ряд структурных изменений. ¹⁰⁷ Еще в 1689 г. Уильям

III решил здесь завести свое имение для «отдохновения», а спустя два года к югу от перестроенного К. Реном королевского дворца разобьют и регулярный парк. При королеве Анне (Queen Anne, 1702-1714) его территория существенно возрастет: несколько севернее в 1704 г. заведут еще один регулярный Верхний сад. Затем, уже с восточной стороны, на лесистой территории в 40 га устроят Зверинец, населенный оленями и антилопами. Однако радикально облик парка изменится в 1720-е гг., когда ему был придан пейзажный характер в соответствии с проектом главного королевского садовника Ч. Бриджмена. В то время заказчиком садовых работ выступала супруга Георга II - Каролина (1727-1760), настоявшая на введении в общую его композицию двух разновеликих обширных прудов (Round Pond, 1728; Serpentine, 1731). Привлеченный же несколько позднее У. Кент несколько разнообразит эту вновь созданную пейзажную среду разностильными своими садовыми павильонами. А в начале 1760-х гг., вслед за коронацией Георга III (1760-1820), незначительной корректировкой парка займется уже Л. Браун.¹⁰⁸

Еще раз в самом крупном столичном парке Демидов побывает на следующий день, 1 июня: «Прогуливались в Гейд-парке. Он гораздо более прочих парков, и присоединен к Кенсингтону; увеселения сего парка привлекают множество господ обеего пола, прогуливаться верхом, и в каретах, и пользоваться здоровым воздухом. И действительно пространное сие место разными пригорками, зеленеющими лугами, прохладными рощами, аллеями, обширными прудами, извивающеюся речкою, составляет наивыгоднейшее и приятнейшее гульбище, тем наипаче, что находится внутри города».¹⁰⁹ Покинув столицу 6 июня Демидов осмотрит еще один пейзажный парк: «Ездили смотреть загородный дом Милорда Тильнея, отстоящий на восемь миль от города. Он построен на чрезвычайно хорошем месте; окружен прудами и рощами; убран довольно хорошо».¹¹⁰ Удостоится внимания и столичный Сент-Джеймский парк, посещение которого состоится 10 июня: «Гуляли в парке Сеин Джимжис, или парк Святого Иакова. Он в окружности имеет две мили, и в приятных взору аллеях прогули-

вание простирается на тысячу шагов в длину. Там видел канал наполняющейся из под земли водою приливом и отливом реки Темзы». ¹¹¹ А при состоявшейся 11 июня поездке в гости к А.С. Мусину-Пушкину в Ричмонд Демидов еще раз посетит близлежащий Кью. ¹¹² Затем, 20 июня, Демидов совсем ненадолго возвратится в Париж и 13 июля вновь окажется в Лондоне, желая поскорее присоединиться к «своему семейству». ¹¹³

В очередной раз Демидов отправится в Англию 21 мая уже следующего 1773 г. вслед за завершением путешествия по Франции и Италии: «...в третьем часу после обеда приехали в Кале и того же дня на вечер севши на яхту, пустились чрез морской перешеек разделяющей Францию с Англиею, (...) и в вечеру в 10 часов приехали в Лондон». ¹¹⁴

26 мая Демидов под вечер снова посетит «ваксал», а 30 мая в сопровождении одних только дам, Демидов познакомится с еще одним парком: «Поутру около десяти часов ездили с визитами к госпоже Мартенс, Милади Барамер, Милади Керра, и Сюсекс, которые уговорили нас, и заехав к нам после обеда в 6 часов, возили с собою в сад Марибонской, где после довольно хорошего ужина, наконец был дан преизрядный феерверк». ¹¹⁵ 3 июня последует знакомство и с одним частным имением: «Сего утра, как день воскресный, были в нашей церкви, и после обедни ездили за город, в 8 милях от Лондона отстоящую дачу господина Питерса, от коего накануне прошены были, и угощены так, что нельзя желать лучше». ¹¹⁶ 16 июня Демидов осмотрит еще несколько парков: «Сего дня утром ездили обедать на дачу в 10 милях от Лондона отстоящую, по приглашению здешней конторы купца Томсина, и по дороге смотрели пригородок Ричмонд, где летом прибывает Король, так же не доезжая онаго были в саду Чизик (*Chiswick*) называемом, принадлежащим Герцогу Девеньширу. Помянутая дача натуральным расположением при реке своих садов и внутри дома украшением заслуживает смотрение каждого любопытствующего. И так до вечера там пробыв, возвратились в Лондон». ¹¹⁷ В одном из королевских парков Демидов побывает 19 июня: «Сего утра были в Королевском Парке, а после обеда у

Милорда Керия». ¹¹⁸

Однако самое большое впечатление произведет на Демидова пейзажный парк в Пэнсхилле, который он посетит 23 июня: «Сего дня, то есть, в субботу отправились в город Бат (*Bath*), отстоящей во 108 милях от Лондона, славной своими теплыми водами и суконными фабриками. По дороге отъехавши 20 миль от Лондона, находится Парк (*Painshill*), принадлежащей здешнему одному дворянину господину Гамилтону, выключая преизрядное онаго местоположение и разныя по местам строения, можно видеть, что стоил великаго иждевения и трудов. Особливо заслуживает внимание грот, сведенной нерегулярными сводами и между камней видны большия из Белаго прозрачнаго алебастра со-сульки как будто водяныя от стужи замерзшия. В сем саду, имеющем в окружности более шести миль, протекает разными каскадами, из каналов проведенная речка, а растут в оном большею частию не ординарныя деревья, как то, Лаврустинус, Ципресы, Сабина, Агрифолиум, Арборвите, и множество при нем находятся и цветы всякого рода. Откуда насмотрясь не далеко переехали в местечко Игем, в котором и ночевали». ¹¹⁹ Весь следующий день Демидов находился в пути: «С утра до вечера продолжили путь свой и ночевали в прехорошем местечке, Мальборо (*Marlborough*) называемом, перед не малым домом, по правую руку котораго представляется насыпная круглая гора, около ея Базиса мерою считают не менее 300 сажен, поверхность в 20 сажен, обсажена кругом растением разных кустарников, а на верху на плоскости сделана каменная беседка, наподобие древняго храма, против палат полукружных балегрейном с насаженными большими деревьями, с боку находится канал с двумя каменными мостками, что составляет вид весьма изрядной». ¹²⁰

26 июня парк в Кенсингтоне снова окажется в поле зрения Демидова: «По утру господин Пушкин и с супругою своею просил нас к себе на завтрак в местечко с хорошим садом называемое Киниз Сестон, оттуда и поехали мы в путь в город Маллмзбери, а ночевали в местечке Сизите». ¹²¹ В заметке от 27 июня читаем: «Приехали в два часа за полдень в Оксфорт, отобедав смотрели слав-

ный театр и аудиторию ученого собрания, где бывает до 800 студентов».¹²² Уже возвращаясь оттуда в Лондон, Демидов 28 июня заедет в одно из самых известных имений Англии: «По утру приехали в отменно славный дом Герцога Малборуга (*Blenheim Palace, Duke of Marlborough*). (...) Онный дом построен весь из тесаного камня, и стоит, как уверены были, до 1000000 фунтов стерлингов, превосходит все строения в Англии находящиеся; внутри убран мрамором, и знатнейшими картинами, а кругом сего огромного здания великой Парк в среди с обелиском, и огражденный сад с протекающею рекою, которая от запруды в низ на дикия камни падает с превеликим шумом на подобие каскада, в прочем везде столь натуре уподоблен, что все части прелестных видов за множеством описать трудно. После обеда поехали во второй славной в Англии сад, называемый Кобан (*Cobham*) который ныне принадлежит Лорду Кембелю (*Campbell*), куда приехали поздно и тут ночевали».¹²³ А потому знакомство с ним произойдет уже на следующий день: «Смотрели сей славной сад, который против прежняго отличается своим пространством, и построением разных храмов, только местоположением с первым равняться не может. (...)»¹²⁴ Последний раз Демидов «прогуливался» в Гайд-парке 3 июля, а 14 июля 1773 г. вместе с семейством он выехал «благополучно из Лондона», окончательно завершив свое пребывание в Англии.¹²⁵

Из приготовленных к отправке на родину английских приобретений особое место занимали произведения искусства и, конечно, книги, в том числе по садоводству и ботанике. Общее число их было так велико, что потребовалась отдельная доставка, по поводу чего последовало следующее распоряжение: «...а кои не способны были по их величине взять с собою, отдавали с запискою для вернейшего доставления морем, ...особливо искусно сделанные статуи, картины, книги и домашние убранства...»¹²⁶ Весьма внушительны были и расходы, связанные с закупкой растений и саженцев. Вероятно, первой в июне 1772 г. отправится в Россию партия экзотических теплолюбивых деревьев, приобретенных Демидовым 31 мая в Кью. Так, 16 марта следующего года Демидову

докладывали, что сделанный им «относительно дерев» заказ, предварительно «их закупарив, отослали на аглинской корабль для доставления чрез Англию в Петербург». Отправку очередной партии «ретких растений» Демидов доверит уже Ф.И. Шубину, возвращавшемуся в Петербург морским путем в начале июля того же 1773 г.

Столь активному собирательству ботанических видов отвечала и переписка Н.А. Демидова с англичанином С. Бентамом (Samuel Bentham, 1757-1831). Тот, как известно, проживет в России в общей сложности одиннадцать лет, с 1780 по 1791 гг. Сначала в качестве путешественника Бентам отправится в Сибирь и даже достигнет границы с Китаем, а спустя три года в сентябре 1783 г. будет зачислен в русскую армию в чине подполковника.¹²⁷ В отправленном из далекой Перми уведомлении от 20 октября 1781 г. он информировал Демидова: «Милостивый государь! Пользуясь с охотою отъездом господина Васильева в Петербург, чтобы засвидетельствовать Вам мою благодарность, за письмо которым Ваше превосходительство изволили меня удостоить. Что касается до семян, то нещастию я еще никаких не набрал. Но как я для себя хочу стараться сыскать сколько найдется лучших в своем роде, то оным буду служить Вашему превосходительству. Сверх того отпишу в Англию к своим приятелям, чтоб они старались сыскать семян и дерев наиредчайших, и когда узнаю, что Ваше превосходительство уже имеет оные будете, сим способом, тогда может быть и я к ним могу присовокупить несколько. (...) Вашего превосходительства всенижайший покорный слуга Самуил Бентем».¹²⁸

С именем Н.А. Демидова следует связывать пополнение ботанических коллекций Кью, а также одной частной, принадлежавшей герцогу Нортумберлендскому. Суть этого дела проясняет работавший в Петергофе английский садовник Д. Медер. В ответ на просьбы королевских садовников и упомянутого герцога «раздобыть некоторые сибирские растения и семена» он посоветовал им прежде всего «взглянуть на карту Российской империи и убедиться в том, что Сибирь находится на огромном удалении... Не считая разбойников и солдат,

немногие отваживаются на путешествие в те края».¹²⁹ Исследователь в данной связи добавит: «К счастью для Мидера, в Москве два садовника-англичанина предложили ему семена и растения из коллекции знаменитого ботаника барона Н.А. Демидова».¹³⁰

Находившейся в ближайшем столичном пригороде усадьбой на Мойке (ныне дом 104) Г.А. Потемкин владел всего полтора года, продав ее в 1784 г. («предварительно выкопав понравившиеся ему деревья») уже завершившему английскую дипломатическую службу А.С. Мусину-Пушкину.¹³¹ Однако когда князь приобретал ее у Н.А. Демидова, то пейзажный парк здесь уже существовал. Не случайно в объявлении о продаже этой усадьбы упоминалось и о наличии «аглинского сада», видимо, созданного Демидовым сразу по возвращении из Англии.¹³²

Расположенную в лесистой болотистой местности к востоку от Москвы усадьбу Алмазово-Сергиевское Н.А. Демидов приобретет в 1753 г. совместно с окрестными землями. А в 1770 г. он прикупит еще и смежную пустошь и сразу распорядится «об осушении ее каналом».¹³³ К устройству «англо-китайского сада» в духе идей У. Чемберса заказчик приступит вслед за посещением Англии. Желая избежать излишних издержек, он будет исходить из уже исполненных прежде работ.¹³⁴ Скорее всего, к самой реализации этого обширного замысла будет подключен крепостной архитектор, а заодно и садовый мастер Андрей Ткачев, в помощь которому в 1774 г. выпишут «иноземного» оранжерейного садовника Иоганна Пренера.¹³⁵

Основу линейной планировки Английского парка определит весьма разветвленная водная система из искусственных каналов и прудов, дополнявшихся целой сетью островков. Важную роль в ней будет играть криволинейная протока, общая протяженность которой достигала около 700 м. Бравшая начало непосредственно у Малого пруда и насыпного холма Сноп, она соединялась с Большим прудом, и примерно посередине разделяясь на два рукава, образовывая тем самым скругленный в плане остров. Именно здесь и был выстроен усадебный

дом, соединявшийся с парными флигелями галерейными мостиками. Параллельно этой протоке проложат парковую аллею, вдоль которой последовательно размещались церковь, оранжереи, конюшни, а чуть поодаль и слободка дворовых людей. Основная же территория пейзажного парка находилась с противоположной от этой усадебной застройки стороны вблизи Лебяжьего пруда, украшенного восьмью разновеликими островками. Соединявшие их с материком мостики подводили к павильонам, также выстроенным в «восточном вкусе». Один из них, подобно Кью, был представлен уже заметной издали Китайской башней, другой располагался на противоположном от нее берегу и назывался Домиком уединения. Показательно, что все эти «китайские» строения органично дополнялись «китайской баржей» и «китайским плотиком», специально заведенными для водных прогулок. Вероятнее всего и упомянутые мостики были также «китайскими». Вместе с тем находившиеся на периферии парка рожи и лесочки в рамках создания целостной пейзажной композиции претерпели лишь локальные изменения. Имеется указание и о существовавших в 1770-х гг. здесь двух Зверинцах, существенно расширявших пространственные габариты парка.¹³⁶

В 1789 г. в наследственные права вступит сын владельца - камер-юнкер Н.Н. Демидов (1773-1828). С ним и следует связывать произведенную в 1790-х–1800-х гг. реконструкцию парка, который к концу столетия уже представлял собой явный анахронизм. Тогда и будет выстроен новый усадебный дом и вместе с «грибками, каруселями и качелями» окончательно ликвидируют «китайские» постройки и массовым порядком произведут новые посадки.¹³⁷ Судя по всему, речь шла о формировании еще более выразительной «натуральной» парковой среды, чему всячески способствовали унаследованные от отца контакты с Англией. Это, в частности, подтверждается одним из отправленных из Петербурга в июне 1800 г. распоряжением нового владельца в собственную Московскую домовую контору: «Выписанные из Англии растения в четырнадцати больших корзинах отправлены в Москву на протяженных подводах за присмот-

ром конюха Семена Петрова, с коим до Твери... и по привозе те растения отдать в ведение садовнику Андрею Ткачеву, которые для рассадки приказать перевезть Сергиевское... для разсадки в рбатках возле новостроющейся в Сергиевской оранжереи кустов малинных смородинных и крыжевенных по выписке из Англии пришлю отсюда...»¹³⁸ А в уведомлении от 9 июня 1800 г. уже сообщалось о беспрепятственной доставке все из той же Англии всего того, что требовалось для наилучшего обустройства Английского сада: «Ежли же садовник Ткачев надумал о каком редком воздушном фруктовом дереве растении и траве зимующих для садов английских, об оных велеть ему ко мне донести...»¹³⁹

О. Гунн, видевший Алмазово-Сергиевское только проездом, все же успел вынести общее впечатление: «В сорока верстах от Москвы, в левой руке от дороги, имеет свое положение прелестное поместье Николая Никитича Демидова, которое искусство и природа, кажется одно пред другою стремились украсить. С отменным вкусом и пышностью построены там здания».¹⁴⁰

*3. Воронцовы, Е.Р. Дашкова, А.А. Самборский,
Разумовские, И.И. Шувалов*

Графы Воронцовы в течение целого столетия теснейшим образом будут связаны с Англией. Одним из первых туда отправится А.Р. Воронцов (1741-1805). Командированный Петром III на дипломатическую службу, он находился здесь в 1762-1764 гг. еще задолго до приезда младшего брата С.Р. Воронцова и сестры Е.Р. Дашковой.¹⁴¹ Он быстро сблизился с английским обществом, много где побывал и впоследствии искренне восхищался многими установлениями английской жизни.¹⁴² Там же в Лондоне граф положит начало обширному библиотечному собранию. Сюда войдут книги по самым различным областям знаний, надо думать и по садоводству также.¹⁴³

К кардинальной реконструкции фамильной своей усадьбы Андреевское во Владимирской губернии А.Р. Воронцов приступит вскоре после возвращения из Англии, выйдя первый раз в отставку в 1768 г. в возрасте 27 лет. Он пере-

строит главный усадебный дом, возведет близ него флигеля, осуществит строительство церкви и выстроит оранжереи, в которых даже добьется вызревания персиков, винограда, абрикосов, гранатов и лавра.¹⁴⁴ Однако самым масштабным делом станет растянувшееся почти на три десятилетия устройство Английского парка на пересеченной живописной местности, в междуречье Пекши и Нергили. Совместно с владельцем детальной разработкой этого обширного проектного замысла, вероятно, занимался владимирский губернский архитектор Н.П. Фонберк вслед за состоявшимся в 1776 г. приобретением смежных земель, когда окончательно сложатся пространственные рубежи усадебного комплекса. Парковое пространство охватывало господский дом и далее распространялось вплоть до удаленных границ имения.¹⁴⁵ В 1782 г. здесь устроят плотину, что позволит сформировать целую сеть разновеликих прудов с выразительными по своему очертанию откосами. Впрочем, с 1773 г. А.Р. Воронцов по долгу службы не имел возможности постоянно проживать в усадьбе, а потому был вынужден отправлять в домовую контору письменные распоряжения, наглядно подтверждающие его эрудицию по части пейзажного садоводства. Так, в одном из них от 1783 г. он рекомендовал использовать исключительно смешанную систему посадок: «В английском саду около всякой куртины насадить рябины, черемухи, сосны, если чтоб через то вид на пестроту деревьев переменялся, сие в лучших английских садах наблюдается...»¹⁴⁶

Весьма активное участие на завершающем этапе формирования парка примет его сестра - Е.Р. Дашкова, прибывшая в Андреевское в середине 1790-х гг. вслед за окончательной отставкой брата. В записках княгини находим на этот счет следующее разъяснение: «Спустя год он посетил меня в Троицком и был очарован моим садом, посадками и постройками; когда осенью я приехала в его поместье, он предоставил мне полную свободу в изменении планировки его сада, в продолжении посадок и разбивке дорожек, которые были мной намечены во время шестидневного пребывания в предыдущем году».¹⁴⁷ Показательно, что отправляя по обыкновению старшему брату очередной свой отчет о проделан-

ной работе, она полушутя всякий раз представлялась не иначе, как «Ваш Аглинский садовник». Так, в одном из них, относящемся к 1800 г., предписывалось: «Рапорт от вашего Аглинского садовника Дашковой. Работа вся окончена, но просит вас о нижеследующем. 1. Всю подсадку... поливать. 2. Дорожки по краям подсыпать глиною с песком и укатывать...»¹⁴⁸ Видимо именно в этом сезоне Дашкова в качестве «аглинского садовника» успеет сделать в Андреевском более всего: «Следующее лето я поехала в мое белорусское поместье Круглое, где провела несколько недель. (...) По возвращении оттуда я прожила шесть недель у брата; сажала деревья и кусты, а некоторые выкапывала, так как они были расположены безвкусно, неровными рядами, и мне удалось сделать его сад более приятным».¹⁴⁹

Усадьба Мурино, расположенная в ближних окрестностях столицы - на берегу Охты и по правую сторону дороги из Петербурга в Токсово, уже от Р.И. Воронцова перейдет в 1774 г. к его сыну - А.Р. Воронцову.¹⁵⁰ Связанный протяженной осью с главным усадебным домом регулярный сад середины XVIII в. новый хозяин решит сохранить и окружить вновь заводимым Английским парком.¹⁵¹ Под его территорию отойдет и эффектно понижавшаяся местность в северной половине имения. Именно здесь вблизи живописной излучины Охты будут созданы живописно очерченные террасы, вплотную подступавшие к береговой ее линии. Как раз отсюда уходящие за горизонт заречные дали воспринимались наиболее эффектно. Основополагающим же элементом восточной части парка станут разновеликие пруды, выявлявшие и подчеркивавшие общий равнинный ее характер.

В 1794 г. управляющий проинформирует А.Р. Воронцова о завершении садовых работ. К этому времени здесь было высажено в общей сложности около девятисот декоративных деревьев и кустарников - 392 стриженных липы, 51 пирамидальных и стриженных елей, 350 стриженных берез, 100 кустов нестриженной акации, а также расставлено для обозрения ближних и дальних районов парка шесть «липовых беседок». К ним в придачу, «в разных местах у палисадов, во-

рот, построек, прудов, оранжерей, теплиц, заборов, в садах и парках», высадят фруктовые и ягодные саженцы: тысячи яблонь, 650 вишен, 42 куртины красной и черной смородины, 11 куртин малины, 5 рабатов крыжовника.¹⁵²

Эта производившаяся столь массовым порядком высадка фруктово-ягодных деревьев и кустарников даже собьет с толку гостившего там французского поэта Г. Лаферьера, который попросту не приметил одновременно формировавшегося «аглинского сада». В письме к С.Р. Воронцову в Лондон он замечал: «Я в Мурино... Ваш брат делает свои сады, как Скарон одну из своих песен – песней еды. Его сады, конечно – сады еды. Там видно только фрукты и овощи. Кроме того, имеется зимний сад, который представляет жилище очень удобное и очень приятное для сезона. Церковь, архитектура которой очень элегантна, наконец, дороги, бесчисленные просеки, также теплицы и оранжереи. Словом, это все предлагает разнообразие и доставляет удовольствие и делает это место очень приятным».¹⁵³

Вполне конкретные предложения относительно формирования муринских парков неоднократно поступали прямо из Лондона от младшего брата - С.Р. Воронцова (1744-1832). Это имение, вероятно, всегда ему импонировало, не случайно именно здесь будет захоронена его супруга - Екатерина Алексеевна, скоропостижно скончавшаяся 25 августа 1784 г. от чахотки. Так, в очередном своем письме к старшему брату российский посланник отмечал: «Я Вам пошлю маленький хлам, составленный из многочисленных маленьких обрезков китайской ивы. Это самое замечательное дерево, которое я когда-либо видел. Они обрезаны от прототипа этих деревьев в этой стране, как говорится - китайской ивы сада знаменитого Попа. ...я Вас прошу посадить их в Мурино, Ульянке, Матренино и Милете. Это дерево теперь в большой чести здесь, гораздо меньше - в Италии и во Франции, где его называют ивой Пальмиры или плакучей ивой».¹⁵⁴

В другой раз речь пойдет об устройстве прогулочных дорожек, причем исключительно по «аглинскому образцу»: «Я Вас поздравляю, мой дорогой друг,

по поводу мелиорации, что сделала мадам Дашкова в Вашем саду, потому что мне кажется, что вы не совсем довольны, так как Вы мне об этом не говорили, это именно от нашего друга Лафермьера я узнал о работе, которую она приняла и исполнила с той активностью, которая ее характеризует. Я Вам признаюсь, что, не зная точно, что она сделала, я полагаю, что Ваш сад стал улучшенным, особенно, если она сделала или показала, как сделать прогулочные дорожки сухими, чтобы не забрызгаться или не погружаться в зыбучий песок... Я вспоминаю, что я Вам говорил сделать дорожки по-английски».¹⁵⁵

Подчеркнуто внимательное отношение к обустройству фамильных имений С.Р. Воронцова объясняется еще и тем обстоятельством, что еще до кончины старшего брата именно он являлся их совладельцем. Впрочем, выйдя в отставку в 1806 г., но, по-прежнему продолжая почти безвыездно проживать в Англии, он не имел возможности напрямую воздействовать на поддержание в должном порядке пейзажных парков, стремительно утрачивавших свой первоначальный облик.¹⁵⁶

На примере Мурина со всей неотвратимостью обозначилось скорое исчезновение большинства аристократических «аглинских садов», с каждым годом становившихся все более легкой добычей состоятельных дачников. Первым толчком к упадку имения станет отставка А.Р. Воронцова и переезд его в Андреевское. Уже тогда, желая непременно выправить финансовое положение, он вынужден был прибегнуть к сдаче усадебных земель в аренду.¹⁵⁷ Показательно и то, что первые сообщения о появлении муринских дачных наделов относятся ко времени все еще продолжавшегося формирования пейзажного парка. Так, в 1793 г. крестьянин Шагин выстроит на территории имения дом для английского купца Томаса Рандольфа, а в 1804 г. еще один для Томаса Сиверса. К середине 1820-х гг. здесь возникнет целый дачный поселок, населенный исключительно англичанами: «Мурино – это чудный уголок под Петербургом, давно уже оцененный англичанами – богачами Петербурга. Они брали здесь землю в аренду на долгие сроки и строились по-английски – на широких дворах, обнесенных

живой изгородью, парком при дворе, с массой надворных построек. Когда въедешь в улицу, где расположились эти виллы, то думается, что ты находишься в предместьях Лондона – до такой степени англизировано наше Мурино. Самое сельцо лежит чрезвычайно живописно на берегу реки, находясь в стороне от больших дорог, представляло большие удобства для спокойной жизни».¹⁵⁸

В Лондоне граф М.С. Воронцов (1782-1856) окажется 22 мая 1785 г. в трехлетнем возрасте, когда овдовевший С.Р. Воронцов прибудет к месту дальнейшего прохождения службы.¹⁵⁹ Находясь под попечительством на-стоятеля посольской церкви Я.И. Смирнова (1754-1840) Михаил вырос в посольской среде, с юных лет приобщаясь к особенностям тамошней жизни. Всесторонне образованный, он хорошо был знаком с историей, литературой, художественной культурой и соответственно с садово-парковым искусством Англии, чему немало способствовали многочисленные ознакомительные путешествия по всем наиболее примечательным направлениям. Тем более что отец был по этой части крупным знатоком и нередко намечал маршруты следования и для вновь прибывших россиян.¹⁶⁰ Только за 1787-1789 гг. скорее всего с детьми С.Р. Воронцов трижды посетит Уолполла в Строберри-хилл.¹⁶¹ Очередное семейное путешествие по некоторым английским провинциям он предпримет осенью 1799 г.¹⁶² А в августе 1800 г. семья переберется в находившийся юго-западнее Лондона Саутгемптон (Southampton), в то время представлявший собой совсем еще небольшое рыбацье селение на берегу моря. Впрочем, и там, согласно строго заведенному распорядку, практически ежедневно осуществлялись прогулки по живописным его окрестностям.¹⁶³

В начале мая 1801 г. девятнадцатилетний граф М.С. Воронцов возвратится на родину, но тесную связь с Англией будет сохранять вплоть до конца жизни. Материалы поистине огромного личного архива Воронцовых подтверждают совершенно особый его интерес к произведениям английского искусства. Так, интерьеры одесского дома генерал-губернатора Новороссии украшали многочисленные живописные полотна, гравюры, литографии и барельефы довольно

известных английских художников.¹⁶⁴ Среди них находим такие крупные имена, как Джошуа Рейнольдс, Томас Лоуренс, Георг Хейтер, Джон Слейтер, Томас Райт и Джордж Доу. Очень значительным было собрание английской видовой гравюры, включавшее в себя и романтически трактованные виды Фонтхилла (Fonthill Abbey, Wiltshire) - самого крупного на Британских островах неоготического усадебного комплекса. Сформированный на рубеже XVIII-XIX вв. известным архитектором Д. Уайетом (James Wyatt, 1746-1813), он предназначался для лорда У. Бекфорда (William Beckford, 1760-1844), одного из самых состоятельных людей времени - незаурядного писателя-фантаста, колоритнейшей фигуры английского романтизма.¹⁶⁵ В коллекцию графа волеются и многочисленные изображения не менее значимых загородных поместий с их обширными пейзажными парками.¹⁶⁶ Да и книжное его собрание неизменно поражало воображение современников. Достаточно сказать, что только лишь одна доставшаяся ему по наследству библиотека отца в Саутгемптоне, вскоре переправленная в Петербург, насчитывала двенадцать тысяч томов.¹⁶⁷ И сам он постоянно выписывал английские издания по самым различным отраслям знаний, что подтверждает весьма впечатляющий по своему разнообразию состав московской, одесской и алушкинской библиотек.¹⁶⁸

Впрочем, в Мурино и Андреевское граф наведывался не часто. В Андреевское же он заедет только в марте 1805 г., а в сентябре-октябре 1812 г. прибудет сюда уже на излечение вместе с ранеными сослуживцами.¹⁶⁹ И хотя в наследование этих имений он вступит в 1832 г., его интерес к формированию собственных усадебных комплексов будет по долгу службы связан именно с южной Россией.

М.С. Воронцов приобретет земли в крымской Алушке в 1823 г. вслед за назначением на должность генерал-губернатора Новороссии.¹⁷⁰ Примерно тогда же он станет владельцем усадьбы Салгирка, находившейся тогда в ближнем пригороде Симферополя. И соответственно в обоих имениях будут заведены пейзажные парки, в обустройстве которых владелец примет деятельное уча-

стие. Как раз в это время он неоднократно будет наведываться в Англию: сначала в 1821 г., затем в конце 1826 г., а почти весь 1827 г. он проведет преимущественно в Вилтоне у сестры Екатерины, вышедшей замуж за графа Пемброк еще в 1808 г.¹⁷¹ В очередной раз Воронцов окажется в Англии в 1838 г., когда актуальность в обустройстве крымских своих имений все еще сохранялась.¹⁷²

Предназначавшаяся непосредственно для Алупки серия проектных чертежей, разработанная королевским архитектором Э. Блором (Edward Blore, 1787-1879) в 1832 г. помимо собственно комплекса застройки предусматривала еще и устройство двух обширных парков.¹⁷³ Под Английский парк отводилась обширная территория к северу от дворца в живописном предгорье Ай-Петри. А на круто ниспадающем югобережном рельефе сформируют Итальянский террасный сад по аналогии с Итальянским садом, устроенном совсем недавно в том же Вилтоне. Для реализации этого обширного и весьма затратного замысла будет выписан из Англии начинающий архитектор У. Гунт (William Hunt), который в декабре 1833 г. и возглавит все планировочные и строительные работы. Именно с ним, садовником Кебахом и самим заказчиком и следует связывать реализацию обеих этих парковых композиций. По проектам Гунта создадут и целый ряд оригинальных парковых сооружений в «восточном вкусе» - Закрытый колодец, многочисленные фонтаны, в том числе Фонтан слез, образное решение которого было навеяно одним из фонтанов Бахчисарайского дворца.¹⁷⁴

Большую увлеченность пейзажным садоводством княгиня Е.Р. Дашкова (1743-1810) пронесет через всю свою жизнь. Ее познания на этот счет вполне сопоставимы с профессиональной выучкой садового мастера. Не случайно, поэтому, она неоднократно оказывала действенную помощь в заведении и обустройстве целого ряда «аглинских» парков. Для этого, как представляется, у нее были весьма веские основания. Действительно, значительное число парков, с которыми княгине удалось познакомиться в Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльсе не поддается точному определению. Немаловажную роль в освоении теории и практики новейшего садоводства сыграли и специализированные из-

дания, входившие в состав личных ее библиотечных собраний. Увы, пожертвованная Московскому университету одна из них сгорела в пожаре 1812 г.¹⁷⁵ Однако известно, что в одной только московской библиотеке княгини на Никитской насчитывалось свыше пятисот английских книг.¹⁷⁶ Самая же крупная библиотека, видимо, находилась в главном усадебном доме в Троицком. Так, гостившая там продолжительное время англичанка К. Вильмот в письме к сестре Алисии от 7 декабря 1805 г. на этот счет замечала: «Следует подняться еще выше, в библиотеку, здесь собрано бог знает сколько тысяч томов на разных языках. Из этой залы открывается вид на окружающую местность...»¹⁷⁷ Остается только догадываться относительно того, какие именно английские собрания видовых гравюр и руководства по обустройству парков могли находиться в личном распоряжении княгини.

В путевых своих заметках, опубликованных в 1775 г. спустя пять лет по завершении первой поездки в Британию, Дашкова, пожалуй, первая привлечет внимание соотечественников к самым важным сторонам английской загородной жизни, и, соответственно, к самим паркам: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, образование, публичная и приватная жизнь, механика, строение и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях. Их сады одни уже достойны эпическим писателем быть описаны». Не ограничиваясь одним лишь перечислением встретившихся ей на пути парков, она заостряет внимание на взаимодействии пейзажных элементов, желая тем самым прояснить для себя самое непосредственное воздействие различных художественных средств и специфических приемов на появление художественно значимой пейзажной среды.

Окончательно расплатившись с долгами, а также заручившись согласием императрицы на свой длительный отъезд за границу, Дашкова с детьми и гувернанткой П.Ф. Каменской прибывает в Лондон в начале октября 1770 г., где и окажется под покровительством А.С. Мусина-Пушкина.¹⁷⁸ Задержавшись в англ-

лийской столице всего на две недели для знакомства с достопримечательностями и нанесения безотлагательных визитов, ранним утром 15 октября Дашкова отправится в двухнедельное путешествие по западным провинциям в сопровождении дочери, той же Каменской и своего двоюродного брата И.А. Воронцова. Тот, как известно, служил при русском посольстве еще в 1753-1762 гг., а потому хорошо знал все наиболее примечательные маршруты.¹⁷⁹

Из Лондона они вначале направятся в Гилфорд, оттуда в Портсмут, затем в Саутгемптон, Солсбери и Бат, где, задержавшись на некоторое время, проследуют через Бристоль и Вудсток в Оксфорд, Виндзор и Хэмптон-Корт.¹⁸⁰ И 29 октября вечером все благополучно вернутся в столицу, где пробудут еще две недели. Собственно тогда на одном из приемов, состоявшихся у герцогини Нортумберленской, Дашкова и познакомится с Уолполом. И тому запомнится ее пение, непринужденность разговора и еще то, что она «говорит немного по-английски».¹⁸¹ Из столицы, теперь уже с ирландскими своими подружками, Дашкова отправится в южном направлении и всю зиму проведет в Экс-ан-Прованс.¹⁸²

Впрочем, главный интерес представляют многочисленные заметки княгини, непосредственно связанные с посещаемыми ею парками.¹⁸³

Итак, вначале (15 октября) Дашкова посетит Кларемонт (Claremont, Surrey), пейзажный парк которого привлек внимание императрицы еще в 1766 г.: «Усадьба Клермон милорда Клейва. ...превеликий дом. Который еще не окончен по чему мы пошли смотреть сад, который чрезвычайно хорош и окружен превеликим зверинцем. По середине сада прекрутая гора на коей построен домик весь открытой, куда мы взойдя не только все окружные места, но и город, как на ландкарте видели».

Уже оттуда Дашкова отправится в Пейншилл (Painshill, Surrey). Находившийся там парк произвел на нее особо сильное впечатление. Действительно, руководствуясь полотнами Н. Пуссена и итальянских его последователей, владелец имения Ч. Гамильтон (Charles Hamilton, 1704-1786) в конце 1730-х гг.

приступил к устройству упирившегося в лесной массив искусственного озера, предопределившего основу всей пейзажной композиции.¹⁸⁴ Искусное же чередование оптических обманок позволило добиться еще большего его визуального увеличения.

Да и периметральная дорожная сеть была устроена таким образом, чтобы по ходу движения одни выразительные пейзажные картины сменялись другими, так или иначе, соответствуя подлинно живописным видам, запечатленным на этих полотнах. Удержанию активного восприятия немало способствовало и размещение во вновь сформированных прибрежных районах разностильных сооружений, таких как Храм Бахуса, Римский мавзолей, Грот, полуразрушенный Готический храм и помещенная в лесу Хижина отшельника. Самый же возвышенный береговой склон украшался Турецкой палаткой, откуда наиболее эффектно просматривалась вся окрестная местность.¹⁸⁵ Тут же у озера, с помощью искусной высадки пиний, был даже воспроизведен «кусочек» Альп. Вплоть до 1773 г., пока имение не было продано в счет погашения долгов, Гамильтон последовательно обустроивал различные части парка, привлекая преимущественно северо-американские деревья, кустарники, цветы. Причисляя эту пейзажную композицию к третьему или так называемому «лесному типу», Уолпол признавал в качестве несомненной удачи «запущенный» ее характер, более всего напомилавшей альпийские пейзажи. Дашкову же привлечет в этом парке тонкое взаимодействие самых различных художественных средств: «Отъехав оттуда три мили, *(из Кларемонта)* остановились в доме господина Гамильтона, называемом Кобгам. *(на самом деле Пейнсхилл)* Сад его совсем отменным вкусом отделан: положение оно на горе, под которою течет речка, из коей все то сделано, что только придумать можно; она введена в сад, где извинаясь на разные части, делает несколько островов, которые все насажены разными деревьями; у которых отделаны берега диким камнем так живо, как будто бы то естество произвело. Один из сих островов представляет совсем дикий остров, на котором никакого нет строения, и ничего кроме деревьев, которыя

без всякого геометрического порядка насажены; в конце оно увидели камни кучами накладенные, представляющие во всей точности каменную гору; сквозь она оставлен ход, куда мы пройдя, к большому своему удивлению очутились на крутом берегу, состоящем из таких же камней, но на которых по приличности насажены деревья и цветы; тут мост такой же каменной, сообщающий оной остров с другим близ того лежащим. Сошед вниз к самому мосту, нашли расселину в горе, куда войдя не мало удивились нашед пространную пещеру, отделанную всю с верьху до низу разными хрустальями, которые на подобие ледяных сосулек вмазаны в стены и в своде. (...) Отдохнув немного в сем прекрасном месте, вышли сквозь узкой проход на верх, где не меньше удивились, увидя себя на пустом берегу, где только изредка набросаны большие камни, которые так обросли травой, что казалось от создания света тут пребывают. Напротив оног вдали на горе видна палатка, возле которой пасется стадо; и хотя только одна река нас разделяла, однако мы еще версты три прежде обойти должны были (и почти на каждых десяти шагах новья картины видели). Пришед к палатке (которая не что иное, как галерея, отделенная на то подобие), увидели вдруг большую часть сада, и почти все разные домики, которые в нем по местам построены. Остановясь тут несколько, прошли еще с версту столь же прекрасными местами. Дорожки, или проходы в аглинских садах, тем более приятны, что единственности геометрических фигур не подвержены, и что новья картины, расположенныя по приличеству, беспрестанно твой взор прельщают. Тень разной зелени деревьев, тень от густоты или редкости деревьев, вышина или низость их, виды произведенные с таким искусством, чтоб казалось единственно им тут быть, различныя строения, все сие у них с великим рачением и искусством употребляется; но искусство так скрыто, что сады их кажутся выбранныя хорошие натуральныя места. И хотя по их стилю уже конец октября, однако зелень такова, как у нас среди лета никогда не бывает. Первая причина тому способность их климата, второе их собственная прилежность; их луга, или, так как они называют, зеленые ковры, гораздо дороже им становятся

всякого регулярного сада, потому, что они не только что каждую неделю траву подкошивают самыми тонкими косами, но сверх того укатывают оные превеликими досчатыми валями, от чего трава так чиста и так гладка, как настоящий ковер. Для содержания сего много работников имеют, однако не то число, какое чрез много у нас разумеется»; 19 октября княгиня прибудет в Вилтон (Wilton, Wiltshire): «...остановились в местечке Вильтон. Тут загородный дом милорда Пемброка. (...) В саду течет река, на которой стоят разные суда, в конце саду она река гораздо шире становится наподобие полумесяца, и во всю ширину оного сделан спуск, вышиною на несколько аршин, что составляет наипрекраснейшую каскаду». На следующий день Дашкова окажется в Лонглите (Longleat House, Wiltshire), где познакомилась с обширной пейзажной композицией, созданной Л. Брауном в конце 1750-х гг. Именно тогда здесь и появится новая дорожная сеть, серпантинное русло реки, большое озеро, террасы и живописно разбросанные на лугу холмы с уплотненными посадками: «Побывав там два часа, и погуляв в саду, поехали далее».¹⁸⁶

В образованном еще в 1660-х гг. имении Кливдон (Cliveden, Buckinghamshire) Дашкова окажется 23 октября, где увидит все еще сохранявшийся регулярный парк, композиция которого в 1720-х гг. будет откорректирована Ч. Бриджменом на пейзажный манер: «Загородный дом господина Голинг-Кливдон около Бристоля. Сад хотя регулярный и с фонтанами, однако, в аглинском вкусе».¹⁸⁷ А три дня спустя княгиня заедет в Бленхейм (Blenheim, Oxfordshire) и застанет устроенный здесь совсем недавно тем же Л. Брауном еще более обширный пейзажный парк: «26 была в Бленхейме, у герцога Мальборо. Сад и Парк (на несколько миль окружности) наполнен всякими дикими зверьми, которые однако так привычны, что стадами перед нашею каретою бегали, когда мы в нем ездили; тут введена река, на которой сделаны два каменные прекрасные мосты; она протекает чрез весь парк составляя в нескольких местах вечные каскады». Далее последует знакомство княгини с Оксфордом и ботаническим его садом, устроенном в прибрежной части на площади 2 га еще в 1621

г. В то время он все еще сохранял первоначальную ограду и украшался регулярными клумбами с использованием редких (коллекционных) растений: «...27 числа. Оксфордский Ботанический сад. Сад оной наполнен всякими травами и цветами редкими из всех разных земель и климатов свезенными».¹⁸⁸ Наконец, 29 октября, уже перед самым возвращением в Лондон, княгиня посетит королевский Хэмптон-Корт, вслед за чем сделает очередную запись: «Обойдя все комнаты, в коих много хороших картин, сошли в сад, который очень не велик, но весьма весел и хорош, будучи украшен Темзою и еще несколькими прудами, из коих безпрестанно бьют множество фонтанов».

В первых числах октября 1776 г. Дашкова снова окажется в Лондоне, где проведет три недели и удостоится аудиенции королевских особ.¹⁸⁹ В очередной раз покидая английскую столицу она направится в Шотландию и по пути заедет к своим друзьям – сначала к герцогу и герцогине Суссекс в их родовое поместье Истон Модит (Easton Moodit ? Northamptonshire), а далее, двигаясь на север, сделает еще одну остановку в имении Олнуик (Alnwick Castle, Northumberland) 1-го герцога Нортумберленского (1750-1786), где познакомится с еще одной пейзажной композицией Л. Брауна.¹⁹⁰ В Эдинбурге, куда прибудет 8 декабря 1776 г., Дашкова проживет в общей сложности два с половиной года и уже отсюда будет совершать поездки по всем наиболее примечательным направлениям.¹⁹¹ Одну из них вместе с детьми она предпримет летом 1777 г., по поводу чего сделает следующую запись: «Прогулки здесь очаровательны и места очень красивы. То тут, то там открываются руины старых замков, которые в самое отдаленные времена, полагаю, были столь же полезны, как необходимы теперь, придавая пейзажу романтический колорит. Прибавьте ко всему еще речку, что извивается так, будто стремится вернуться назад, и картина будет полной».¹⁹² Тогда же княгиня посетит и целый ряд частных имений. Так, в Инверей-Касл (Inveraray Castle) ее внимание привлечет водопад, названный ею «величественным», однако в целом впечатление от посещения этого усадебного комплекса останется у нее двояким: «Наконец мы оставили это место, очарованное произ-

ведениями, какие постаралась создать природа, и испорченное произведениями искусства».¹⁹³ В принадлежавшем графу Бредолбану имении Тэймут (Taumouth Castle, Kennmore, Perthshire), в котором в 1754-1760 гг. был устроен пейзажный парк, удостоенный в «Энциклопедии» Лаудона (1822) наивысшей похвалы, Дашковой запомнился эффектный водопад, но более всего удостоится ее внимания устроенное поблизости «очаровательное убежище» отшельника с заросшими мохом стенами и незамысловатой утварью, прикрытой оленьими шкурами. Осмотрит она и усадьбу «герцога Аргайла», где более всего «ей понравились красивые посадки деревьев в парке». Затем княгиня «несколько часов гостила в усадьбе герцога Монтроза» и, наконец, под вечер 7 сентября возвратится в Эдинбург.¹⁹⁴

С начала июля 1779 г. и вплоть до начала мая 1780 г. Дашкова проживет безвыездно в Ирландии и, следовательно, познакомится с еще целым рядом провинциальных парков нового типа.¹⁹⁵ Возвращаясь же снова в столицу, заметит: «Вся дорога до Лондона очень интересна, в Уэльсе виды – самые романтические».¹⁹⁶ Уже позднее она заедет к Уолполу, по поводу чего Э. Кросс отметит: «...ближе к концу июня она высадилась в Строберри-хилл со своей «татарской ордою», но сам Уолпол «на глаза не попадался, так как нечем было угостить, кроме единственной старой лошади».¹⁹⁷ Под самый конец этого растянувшегося на три с лишним года пребывания на Британских островах Дашкова в последний раз посетит королевские резиденции и в августе 1780 г уже навсегда распрощается со всем тем, что так ей здесь понравилось.¹⁹⁸

Все эти яркие впечатления от посещения самых разнообразных британских парков не пройдут даром и окажут решающее значение на становление садоводческой деятельности княгини.

Один из первых своих пейзажных парков Дашкова устроит в усадьбе Кирьяново.¹⁹⁹ Это вытянутое вдоль Петергофской дороги (на 100 саж.) обширное владение, простиравшееся на всю глубину вплоть до Финского залива, она приобрела еще в начале 1760-х гг. по настоятельной рекомендации отца: «Между

Петербургом и Красным Кабаком на расстоянии 10 верст протянулись болота и густые леса. (...) ...один из наделов был отдан некоему ораниенбаумскому голштинцу, который, испугавшись предстоящих расходов и трудов, предоставил правительству отдать его любому желающему.

Отец захотел, чтобы я непременно взяла эту землю. Напрасно доказывала я ему, что, не имея средств, не могу этого сделать, он решительно настаивал на своем, пообещав построить мне небольшой деревянный дом. Я подчинилась желанию отца, однако твердо решила не делать никаких затрат, которые могли бы обременить мужа. (...) В то время в Петербурге находилась добрая сотня крестьян моего мужа, которые вообще ежегодно приходили в столицу на заработки и получали большие деньги. В благодарность за свое благосостояние и из чувства преданности они предложили поработать у меня четыре дня и выкопать канавы, а затем поочередно продолжать работу в праздничные дни. Они трудились с таким усердием, что вскоре наиболее высокий участок был осушен и стал готов под застройку дома, служб и двора». ²⁰⁰

Из текста далее следует, что наряду со строительством совсем небольшого деревянного летнего дома, здесь производились вплоть до 1760-х гг. и мелиоративные работы. Однако к закладке парка Дашкова приступит уже после первого своего возвращения из Англии, когда на покупку земли и «на первые нужды» императрица в 1772 г. выделит ей 70 тыс. рублей. ²⁰¹ Весной же 1773 г. в кирьяновском «маленьком загородном доме» Дашкова поселится снова, однако осенью уедет в Москву. ²⁰² Более продолжительное время она проживет здесь лишь по прошествии десяти лет, вслед за окончательным возвращением из-за границы: «В 1782 году я приехала в С.-Петербург и, не имея дома в городе, поселилась на своей даче в Кирьянове, в четырех верстах от столицы»; к тому времени, как отмечалось, «загородный дом совершенно развалился». ²⁰³ Строительством же нового княгиня займется в 1782-1783 гг. находясь уже в должности директора Академии Наук: «Желая отдохнуть, я поехала в свой загородный дом, который велела выстроить из камня, и отказалась от всякого общества и от

визитов в город».²⁰⁴

Следовательно, к комплексному обустройству этой своей загородной усадьбы Дашкова сможет вплотную приступить в начале 1780-х гг., по поводу чего Георги напишет: «Дача Княгини Екатерины Романовны Дашковой Кир и Анова подле Ба! Ба! простирается по большой дороге на сто сажень и от оной до залива. Она была смешанный болотный лес, и приведена в нынешнее состояние самою Княгиною без помощи архитектора или садовника, как в заложении, так и в точном исполнении всех предприятий. Подле строений находится плодоносный сад с теплицами. Позади строений есть смешанный лес с знатным лугом, подле ручейка и знатных каналов, окружающих также небольшой остров с банею. В лесу идут прямые и извивающиеся дорожки к морскому заливу при которых имеется два каменных дома, и между обоими главный вход».²⁰⁵

На рисунке М. Рашевского, гравированном И.-К. Мейером, вблизи 2-х этажного усадебного дома отчетливо просматривается расходящиеся в разные стороны пейзажные дорожки, а также разбросанные на обширном лугу группы лиственных деревьев. На втором плане, в окружении высоких елей, показана и одна из беседок в виде ротонды.²⁰⁶

Впрочем, в 1794 г., вслед за отставкой, Дашкова окончательно удалится в калужское свое имение, а Кирьяново оставит в аренду Шаховским.²⁰⁷ Да и позднее, при вступившем в наследство (в качестве племянника) графе И.И. Воронцове-Дашкове (1790-1854), побывавшем, кстати, в Англии в 1812 г., этот парк все еще будет сохранять свой первоначальный облик.

Английский опыт садоводства будет востребован Дашковой и при заведении столичного Ботанического сада, по поводу чего Георги подчеркнет: «Императрица Екатерина II пожаловала в 1785 году дом и сад обеим Ея академиям, как то Академии наук и Российской, состоящими под начальством Княгини Дашковой, которая определила сад для Академии наук... Расположение Ботанического сада до ныне еще не кончено; однако же окружен оный уже каменною стеною и имеет каменные теплицы в 34 сажени длины...»²⁰⁸ Вполне веро-

ятно, что и в петербургской своей усадьбе, находившейся на Английской набережной между усадьбами англичан - купца Кука и придворного лейб-медика Д.С. Рожерсона (1741-1823), Дашкова могла обзавестись сравнительно небольшой пейзажной композицией.²⁰⁹

С несравненно большим размахом Дашкова проявит себя в качестве опытного «аглинского» садовника при устройстве парка в Троицкой своей усадьбе, располагавшейся в Тарусском уезде Калужской губернии.²¹⁰ Это имение, впервые упомянутое в Писцовой книге за 1628-1630 гг. с обширными окрестными землями, неизменно принадлежало роду Дашковых, но в 1764 г. после смерти мужа окончательно перешло к ней.²¹¹ Спустя три года, в 1767 г., «старанием и иждивением Дашковой» здесь будет выстроена в формах барокко каменная церковь Пресвятой Троицы, что наглядно свидетельствует о художественных ее вкусах той поры, видимо, устойчиво сохранявшихся вплоть до отъезда за границу.

Формирование отвечающей духу нового времени обширного усадебного парка произойдет уже после возвращения княгини из Англии. Главный итог этой многолетней растянувшееся на три основных этапа творческой деятельности подведет англичанка М. Вильмот в письме к отцу из Троицкого от 25 августа 1803 г.: «Место здесь чудесное. Английский вкус княгини помог на довольно скучном ландшафте создать одно из самых приятных и великолепных имений, какие мне приходилось видеть!»²¹² А проживавшая здесь же ее сестра - К. Вильмот в письме к А. Четвуд от 21 марта 1806 г. о самой устроительнице этого парка напишет: «Разговаривая со мной о Троицком, которое она обожает, княгиня протерла подолом юбки окно, чтобы взглянуть на пейзаж, и воскликнула: «Дорогая сестра Кэти, умоляю, давайте полюбуемся прекрасным Троицким. Посмотрите, видели ли вы даже в Англии, не говоря уже об Италии или Франции, а ведь это очень живописные страны, такой превосходный и притягательный вид, как этот великолепный луг на другом берегу реки? Скажите мне правду, разве это не истинный рай?» - «Но княгиня, я не вижу ничего, кроме снега.

В октябре, когда еще зелен лес, все было изумительно, но сейчас я не могу разглядеть ничего, абсолютно ничего из того, о чем вы говорите». – «Однако, дорогой друг, с вашим умом вы могли бы вообразить другое время года! Подождем немного, скоро деревья распустят листочки, и вы признаете, что никогда, никогда, ни за какие сокровища, вы не найдете такого очаровательного места как Троицкое. А почему мое дитя?

Я все сделала своими руками, работала вместе с каменщиками, сажала саженцы в ямки, чертила планы, а тысячи моих крестьян помогали мне. Я тогда не была так богата и все рассчитывала сама».²¹³

К проведению крупномасштабных земляных работ, непосредственно связанных с корректировкой рельефа, Дашкова приступит, видимо, еще осенью 1773 г. Именно тогда она вернется в Троицкое и проживет здесь вплоть до лета 1775 г. Тогда же, встретившись с императрицей в Москве, она снова отпросится за границу, прежде всего для того, «чтобы завершить воспитание сына».²¹⁴ Судя по всему, не менее активно реализация садовых идей происходила и в 1782-1783 гг., когда Дашковой, несмотря на занятость по службе, удавалось периодически навещать и в Троицкое. Во всяком случае, к лету 1784 г. парк уже был в целом сформирован, о чем в записках находим следующее упоминание: «Я испросила трехмесячный отпуск и повезла миссис Гамильтон в Москву. Она осмотрела все достопримечательности этой древней столицы и даже ее прекрасные окрестности, а затем мы отправились в мое любимое Троицкое, где мне хотелось бы жить и умереть. Я была в восторге, видя, что мою приятельницу восхищает красота этого очаровательного уголка и что она - англичанка, знающая все самые лучшие сады своей родины, - одобрила мой сад, который я сама распланировала и где каждое дерево, каждый куст были посажены при мне и по моему выбору».²¹⁵

Растянувшийся на целое десятилетие завершающий этап формирования троицкого парка обозначится в 1794 г., когда вслед за последовавшей отставкой Дашкова сможет, наконец, «полностью отойти от службы, от столичного шу-

ма».²¹⁶ Вероятно одним из ближайших ее помощников являлся в те годы садовник Прыткин.²¹⁷ О том, что в действительности садовые работы были возобновлены именно в 1796 г., узнаем из очередного отрывка: «Вернувшись из Круглого (*Белорусское имение*) в Троицкое, я постаралась завершить постройки. Были окончены четыре дома и завершены посадки, превратившие мой сад в самое отрадное для меня место: каждое дерево, каждый куст сажались мною самой или на моих глазах там, где я указала. Любоваться делом своих рук так естественно, и я, не колеблясь, могла бы назвать Троицкое одним из самых красивых имений, какие мне пришлось видеть в России или за границей».²¹⁸

На реализацию этого обширного замысла не могла повлиять и четырехмесячная ссылка, завершившаяся в конце марта 1797 г.²¹⁹ В записках на этот счет читаем: «Летом я спокойно возобновила свои садовые, земледельческие и строительные работы, и так как ни в одном из этих дел не имела среди моих людей сведущего помощника, они заполняли все мое время. (...) Дождливые дни, заставлявшие оставаться дома, давали мне повод заняться вычерчиванием планов построек и посадок, которые я собиралась осуществить».²²⁰ Впрочем, и к концу 1803 г. формирование отдельных частей парка не было завершено и продолжалось далее: «В Москву я вернулась уже глубокой осенью, однако еще поехала в Троицкое. Поскольку я была собственным архитектором, садовником (по склонности) и фермером (по необходимости), а земли в Троицком требовали ухода и забот непрерывных, мне нельзя было уезжать оттуда надолго».²²¹

Скупые графические материалы позволяют лишь в общих чертах прояснить исходный планировочный замысел троицкого парка. Эта органично растворявшаяся в большом лесном массиве композиция, подробно Кирьянову, совмещала в себе пейзажные и регулярные элементы. Так, главный дом с парными флигелями был связан с симметричной садовой частью парадного двора, куда приводила основная подъездная дорога. С противоположной стороны к этой представительной застройке подступал «естественный» береговой склон р. Протвы. Сообщавшийся с парадным двором пейзажный парк формировался вдоль мяг-

кой ее излучины и распространялся на довольно значительную глубину также в противоположном от нее направлении. Несомненно, ключевую роль в визуальном его многообразии играли заречные равнинные пространства, отличавшиеся от всех других пейзажных районов минимальной плотностью посадок.

Ряд высказываний самой Дашковой и ее английских подруг существенно дополняют наши сведения об этом парке: «Прекрасный лес – девять миль в длину, четыре в ширину, прилегающий к поместью, полон волков, вчера мы с княгиней заблудились в нем и проблуждали полтора часа. Чудесная речка, извиваясь, течет по усадьбе. Все же местность, окружающая Троицкое, равнинна и своей красотой обязана творению человеческих рук. Огромная часть поместья занята аллеями и регулярным парком совершенно в английском стиле. К грандиозному дому с обеих сторон пристроены флигеля, которые связаны с ним лишь балконами на уровне второго этажа».²²² Все эти разнообразно трактованные парковые части вплотную подступали к компактно сгруппированной усадебной застройке: «Если подъехать к дому сзади, взгляду открывается несколько зданий, окружающих площадь, в центре которой высится церковь. Они создают единый ансамбль с домом княгини, можно решить, что это маленький город. Тут и театр, и школа верховой езды, больница, конюшня, дом для гостей, дома для слуг, стойло и прочее».²²³ Вблизи же главного дома и его флигелей были устроены стриженные лужайки: «На небольшом лугу против моего окна 150 мужчин и женщин косят траву. Все мужчины в белых льняных рубашках подпоясаны цветным поясом и вышиты по подолу ярко-красной нитью. Вид у них очень живописный».²²⁴ Составной частью пейзажной композиции являлся пруд, к устройству которого приступили в октябре 1803 г.: «Только что я оставила ее (*княгиню*) с работниками, которые копают пруд. Другие возводят стену, не хуже настоящих каменщиков... Кажется мне уже приходилось писать о поразительной разносторонности русских».²²⁵

Образно-художественной доминантой одного из пейзажных районов парка служила Китайская беседка, окруженная благоухающим массивом цветов:

«Троицкое теперь в самом расцвете красоты. В одном из уголков имения стоит небольшая китайская беседка, называемая храмом. Пред ней расстилается поле, на котором не растет ничего, кроме цветущих и невыразимо благоухающих роз. (...) Я часто сижу в решетчатой беседке (храм - для нее слишком громкое название), спасая лицо от тучи комаров и ос с помощью москитной сетки, которая делается из очень легкой итальянской кисеи».²²⁶ Еще раз К. Вильмот упомянет беседку в 1808 г. в связи с получившим общеевропейское признание «готическим» романом Уолпола (The Castle of Otranto (1765), видимо, также имевшегося в троицкой библиотеке княгини: «...я не могла удержаться, чтобы не провести все утро, читая по-итальянски «Замок Отранто», в китайской беседке среди розовых кустов».²²⁷ Наконец, в самой удаленной части парка, непосредственно граничившей с лесом, размещалось ставшее столь привычным для английских парков «жилище» отшельника: «А теперь можно пойти погулять в сад, пройти по аллеям – мы ходим здесь каждый день, и снег совсем не помеха. Если ты найдешь, что слишком холодно, можно зайти в оранжерею. Княгиня любит тропинку, петляющую среди берез, - она ведет к холму, на котором высится гранитный монумент, посвященный восшествию Екатерины на трон! Позади него – келья отшельника с высеченными из камня сиденьями, устланными мхом, а за ней начинаются лесные дебри».²²⁸ Впрочем, этот созданный с большими издержками и неизменно поддерживавшийся княгиней в должном состоянии парк вскоре после ее смерти придет в полный упадок.²²⁹

Еще один сад Е.Р. Дашкова устроит близ подмосковного села Щукина в собственной усадьбе на берегу Москвы-реки, где во время ее ссылки по приказу Павла I здесь было расквартировано «90 солдат и 6 унтер-офицеров». В Записках находим на этот счет следующее упоминание: «Поэтому, к сожалению, мне пришлось продать этот дом, хотя я очень его любила, так как при нем находился сад, за тридцать лет приведенный в состояние совершенства; даже зимой дорожки и аллеи содержались в полном порядке, были очищены от снега и посыпаны песком, чтобы я могла там гулять».²³⁰

Есть основания полагать, что и в формировании пейзажного парка в подмосковном Михалкове Дашкова приняла участие. Еще в 1769 г. перед отъездом за границу она продаст это имение своему родственнику по линии мужа графу Н.И. Панину (1721-1789). Думается, выбор в пользу него не был простой случайностью. С 1760 по 1773 гг. Панин являлся воспитателем великого князя Павла Петровича и соответственно обладал обширными связями при дворе. Был он известен и в дипломатических кругах, не случайно для подмосковного своего Царицына императрица в 1776 г. именно ему доверит приглашение на службу английского садовника.²³¹ А британский посланник в России граф Д. Букингемширский (John Hobart, Earl of Buckinghamshire, 1693-1765), касаясь доверительных отношений, установившихся между Паниным и Дашковой, прямо подчеркивал: «Задушевною его любимицей является княгиня Дашкова. Он говорит о ней с нежностью, видится с нею почти в каждую свободную минуту и передает ей важнейшие тайны с таким безраздельным доверием, какое едва ли следовало бы министру оказывать кому-либо».²³²

В 1772 г. Михалково станет также собственностью старшего брата, генерал-аншефа П.И. Панина (1718-1783). Следовательно, обширная пейзажная композиция создавалась здесь в период их совместного владения. Когда же после смерти Н.И. Панина усадьба в 1789 г. была продана, основной массив садовых работ был к тому времени уже завершен. Подтверждением тому может служить состоявшаяся в 1775 г. доставка в Михалково пяти с половиной тысяч лип. Покидавший Россию в 1785 г. английский путешественник У. Кокс (William Coxe, 1747-1828) познакомится с михалковским парком еще до состоявшейся продажи усадьбы: «Нам было приятно видеть, что даже в этой отдаленной стране разбивают парки и сады в английском вкусе; здесь это весьма удобно, так как парки обширны, и зелень во время короткого лета развивается роскошно».²³³ Вполне вероятно, что именно Дашковой принадлежал общий замысел парка, где наряду с сохранением от прежнего времени регулярного сада было определено в конкретном месте устройство каскадных прудов и формирование на их

основе разнообразно трактованных пейзажных районов. Так, в одном из них за счет высвободившейся от копки прудов земли был насыпан высокий смотровой холм, что способствовало созданию наиболее впечатляющего восприятия различных частей парка, ближних и дальних живописных его окрестностей.²³⁴

Для совершенствования в «агрономических науках» в числе других выпускников киевской Духовной академии императрица в 1765 г. отправит в Англию А.А. Самборского (1732-1815). По прошествии четырех лет он станет священником русской посольской церкви, а в дальнейшем заметной фигурой при русском императорском дворе, вполне сопоставимой по своему положению с видными представителями аристократических семей. Собственно этой церковной службой он был обязан своим длительным пребыванием в Англии, позволившим в совершенстве овладеть английским языком, полностью освоиться с местной жизнью и даже жениться на местной сироте, прежде, впрочем, обращенной в православие. Не переставая профессионально интересоваться агрономией, Самборский в начале 1770-х гг. лично познакомится с А. Юнгом (Artur Young, 1741-1820) – в то время крупнейшим английским специалистом в области земледелия. Не менее известный в истории русско-английских связей ближайший коллега Самборского священник Я.И. Смирнов всегда весьма почтительно отзывался о Юнге и считал его «моим самым дорогим другом и наставником, настоящим кладом знаний о рациональном земледелии, распространяющихся сейчас на благо всем в Европе по всему миру».²³⁵ Вполне естественно поэтому, что в 1775 г. императрица доверит Самборскому уже самому набрать очередную группу русских студентов для изучения передового английского земледелия непосредственно на месте. Там же в Англии Самборский сблизился со многими деятелями искусств из Общества поощрения художеств, куда был принят по собственной просьбе в 1774 г. Весьма отчетливо представляя себе специфику современного садоводства, Самборский не ограничивался одним только знакомством с парками, находившимися в ближайших окрестностях Лондона, но неоднократно выезжал и в другие регионы. Там же в Англии

он приступил к комплектованию собственной библиотеки, куда не только входили английские сочинения и практические руководства по агрономии и сельскому хозяйству, но, безусловно, и садоводству.²³⁶

В августе 1781 г. императрица назначит Самборского настоятелем царско-сельского Софийского собора и духовником наследников и уже в следующем отправит вместе с ними в длительное западноевропейское турне. При ее же поддержке Самборский издаст собственное «Описание практического английского земледелия», где изложит основные положения о почвах и познакомит заинтересованных лиц с уже имеющимися по этой части новейшими сочинениями.²³⁷

Своими познаниями в области практического садоводства Самборский сможет воспользоваться при создании различных садово-парковых композиций и заведении царско-сельской Садоводческой школы. Пожалуй, ранее всего это проявится в 1776 г., когда граф П.А. Румянцев-Задунайский решит привлечь его к формированию собственного Английского парка в малороссийском своем имении в Вишенках. Другой раз, уже по просьбе императрицы, Самборский совместно с Ч. Камероном займется обустройством экспериментального пейзажного парка на Александровой даче вблизи Царского Села.²³⁸ Еще один сад он заведет в петербургской своей усадьбе на Гагаринской (Французской) набережной (наб. Кутузова, 4, Шпалерная ул., 18). Поначалу у капитан-поручика П.С. Кожина в 1789 г. Самборский приобретет совсем небольшое владение, которое для разбивки сада окажется явно недостаточным, что и приведет его к необходимости прикупить в 1791 г. еще и смежный участок. Тогда то и будут окончательно определены границы этого вновь образованного владения, основное пространство которого (вплоть до Литейного двора) отводилось под сад. Сразу ставший еще одной столичной достопримечательностью, он в основном украшался вывезенными из Англии плодовыми деревьями и кустарниками, включая различные сорта малины. Какое-то время облик этого сада сохранялся без существенных изменений и вслед за последовавшим в 1798 г. приобретением

усадыбы для размещения офицеров Артиллерийского ведомства. Окончательная же ликвидация этого, как подчеркивалось, во всех отношениях «замечательного сада» произойдет уже в 1851 г., когда основная его часть отойдет под строительство офицерского корпуса.²³⁹

Впрочем, наибольшее количество и сил и средств Самборский употребит на создание парка в царскосельской своей усадьбе, заведенной при дороге на Белозерку еще в елизаветинское время. Совместно с предназначавшимся «для Высочайших прибытий Ея императорского Величества» Белозерским каменным дворцом здесь размещались и отдельно украшенные сельскохозяйственные постройки, видимо, уже тогда удовлетворявшие особенностям «украшенной фермы» («*ferme ornée*»). Именно здесь, как особо подчеркивается, «императрица вкушала плоды сельского хозяйства непосредственно в пасторальной обстановке».²⁴⁰ Любила сюда наведываться и Екатерина II: «По вечерам в летнее время иногда благоугодно было государыням императрицам Елизавете, а потом и Екатерине II приезжать в оный дворец и прохаживаться в тамошнем густом лесу».²⁴¹

В конце апреля 1786 г. это свое имение вместе с окрестными землями императрица подарит Самборскому в знак особого своего расположения. Следовательно, к закладке парка он сможет приступить в том же году, чему способствовали и проведенные накануне мелиоративные работы (прорыты рвы и уложены в них деревянные трубы). Непосредственно подступавшая к сохраняемому главному усадебному дому новая парковая среда включит в себя разновеликие рыбные пруды, активно взаимодействовавшие с лесными массивами и открытыми луговыми пространствами. Основная же часть насаждений была представлена плодовыми деревьями и кустарниками, также в целом отвечая специфике «украшенной фермы».²⁴² Да и заведенное по новейшему образцу земледелие осуществлялось здесь на английский манер. Вполне возможно предположить участие в устройстве этого парка садового мастера У. Гульда, состоявшего на службе у князя Г.А. Потемкина. С ним Самборский неизменно

поддерживал дружеские отношения, часто принимая в петербургском своем доме.²⁴³

Впрочем, по прошествии десяти лет стало очевидным, что расходы на содержание этой усадьбы не покрывались спланированными доходами. А потому 27 января 1797 г. Самборский был вынужден обратиться к Павлу I: «За аглинское учение ничего я не получал; (...) почему я принужден был частично для благопристойного прожития, частью для устройства пустого и необитаемого дома заложить оной в Ломбард, а по временам и все мои пожитки. Кои, как и дом должны за невыкуп последовать к скорой продаже. Лишение дому тем поразительнее будет для моего семейства и для меня! Что я в оной дом вселился помощью Ваших Великодушных Щедрот».²⁴⁴

Видимо тогда император и распорядился передать в собственность Самборскому малороссийское имение Стратилатовка с пятью сотнями крепостных крестьян. Окрестные же земли Белозерки будут приобретены в казну и в соответствии с предложением самого Самборского отойдут под устройство общедоступной Школы практического земледелия.²⁴⁵ Вполне допустимо предположить, что при этом он мог руководствоваться знакомыми ему аналогичными английскими учебными заведениями. Это вновь образованное треугольное в плане владение, имевшее общую площадь 252 десятин 1170 сажень, ограничивалось сильно удаленными Московской и Павловской дорогами и смежными землями близлежащих деревень. Школьная территория разделялась на целый ряд участков, причем каждый должен был включать в себя учебные постройки и связанные с ними опытные уголья самих воспитанников для освоения ими практического курса в зависимости от избранной специальности. Таким образом, наряду с закреплением теоретических основ садоводства, лесоводства, архитектуры и механики, будущим «садовникам казенных и частновладельческих хозяйств» предоставлялись земельные наделы, где на практике они могли бы совершенствоваться в осушении заболоченных участков, разведении различных растений и луговых трав, устройстве живых изгородей и соответственно обу-

ройстве самых различных садово-парковых композиций.²⁴⁶ Тем более, что учебной программой специально предусматривалось и создание пейзажного парка в четком соответствии с проектным чертежом, где в качестве главного пейзажного элемента на-значалось искусно изгибающееся речное русло.²⁴⁷ Сохранившиеся изображения земледельческой Школы, происходящие из датированного 1801 г. «Альбома гравировальных чертежей», наглядно подтверждают, что в действительности была создана пейзажная часть у дороги на Павловск, непосредственно подступавшая к главному школьному корпусу.²⁴⁸ К ее реализации Самборский привлечет и А.А. Менеласа, также обучавшего воспитанников основам садоводства. Сам же Самборский в конце 1799 г. вместе с дочерью Анной выехал в Англию.²⁴⁹ И соответственно в следующем году белозерский усадебный дом, вслед за произведенными выплатами владельцу, также отойдет в употребление земледельческой школы.²⁵⁰ После состоявшегося в 1803 г. окончательного упразднения Практической школы земледелия Белозерку пожалуют Бушу-младшему «за его долговременную службу по садоводству».²⁵¹ Впрочем, владел он ей недолго, решив переселиться ближе к столице, на Елагин остров.

В Петербург Самборский возвратится только в 1804 г., когда Белозерка уже принадлежала В.Ф. Малиновскому (1765-1814), женатому на его дочери - Софье (1772-1812). В журнале «Приятное и полезное препровождение времени» за 1796 г. анонимно публиковались «Отрывки из писем одного путешественника. Россиянин в Англии» и, как полагает Э. Кросс, их автором был тот самый Малиновский.²⁵² В качестве советника посольства «при лондонской нашей миссии» он прослужит в Лондоне с 1789 по 1791 гг., там же летом 1790 г. познакомится и с Н.М. Карамзиным. А в 1811 г. его назначат директором царскосельского Императорского лицея.²⁵³ Надо полагать, что все эти годы созданный Самборским белозерский парк Малиновский неизменно содержал в должном порядке. Вероятно и в середине XIX в., когда Белозерка отошла военному ведомству и в главном доме устроили госпиталь, он все еще фрагментарно сохра-

нял свой первоизданный облик.²⁵⁴

Из известной фамилии графов Разумовских сразу четверо побывало в Англии. В 1766 г., еще задолго до своих сыновей, первым сюда прибывает как путешественник деятельный участник переворота 1762 г., президент Академии наук и последний гетман Украины граф К.Г. Разумовский (1725-1803).²⁵⁵ На рубеже 1760-х – 1770-х гг. в ближайших окрестностях столицы на Крестовском острове он и создаст первый свой пейзажный парк. Безвестный автор, ознакомившись с ним воочию и впечатленный всем там увиденным, опубликует в 1773 г. собственное стихотворение под названием «На Крестовский остров графа Кирилла Григорьевича Разумовского»:

«Какие красоты Природа мне являет!
В восторг приводит ум и мысль мою пленяет!
В приятных сих местах куда ни обращусь,
Везде прекраснейшим я зрелищем прильщусь.
Там вижу лес густой растет с начала века,
Священный ужас он вселяет в человека (...)
Разбросаны древа я вижу меж цветов;
Вокруг их множество молодых растет кустов,
Тропинки малые везде меж ними вьются. (...)
Такие зрелища простой мне кажет лес (...)
Живущий в доме сем взирает на суда,
Которыя несет прозрачная вода...»²⁵⁶

То, что основу этой островной пейзажной композиции составляли естественные лесные массивы, изысканные по очертанию береговые линии и необычайно активное перспективное восприятие уходящего за горизонт живописного русла Невы, подтверждает и Георги: «Крестовский остров ниже и больше всех прочих островов Невки. От востока к западу длиною он почти в 6 верст, шири-

ною более 1 версты и простирается до западного угла Кронштадского залива. (...) Сей остров был прежде дачею царевны Наталии Алексеевны, а ныне принадлежит графу Разумовскому. Он низок так, как и прочие острова, покрыт болотным лесом; искусственных же перемен в оном немного. К восточному концу находится господский овощной сад и жильё одного трактирщика; с северной стороны есть правильно расположенная деревня с деревянными домами, а на южной стоит графский каменной двухэтажный замок, с двумя флигелями, в самом лесу, без служеб и без саду; на берегу близ замка построена прекрасная тonya. В лесу есть прорубленные дорожки. В летнее время весьма многие приезжают гулять на сей приятный по своей обширности и по самой природе остров».²⁵⁷

После смерти отца граф П.К. Разумовский (1751-1823) продаст Крестовский остров князю А.М. Белосельскому (1752-1809), служившему в 1768 г. в русском посольстве в Лондоне. Причем наряду с каменным «охотничьим замком» и лесным массивом, упоминались при этой покупке также парк, пруды и дороги.²⁵⁸ М.И. Пыляев, касаясь произведенных уже новым владельцем изменений, подчеркнет: «Князь А.М. Белосельский, купив Крестовский, исправил и украсил дом, развел возле него сад, поселил несколько крестьян против Елагина острова, назвал место «Чухонской деревней».²⁵⁹

Располагающуюся в непосредственной близости от Петергофа усадьбу Гостилицы императрица Елизавета Петровна подарит графу А.К. Разумовскому (1709-1771) в 1743 г.²⁶⁰ После его смерти она отойдет в собственность брата - К.Г. Разумовского, сразу приступившем к устройству здесь на площади около 60-ти га пейзажного парка.²⁶¹ К концу XVIII в. здесь «уже существовали каскад из четырех живописных прудов, горбатые мостики через протоки, парковые павильоны Эрмитаж и Чайный домик.²⁶² Еще одной пейзажной композицией К.Г. Разумовский украсит свою мызу Знаменская, располагавшуюся на Петергофской дороге вблизи Стрельни и усадеб (Ба! Ба! и Га! Га!) Нарышкиных.²⁶³

Английский сад, как составная часть практически заново формировавшегося

ся усадебного комплекса, будет создан и в подмосковной усадьбе Поливаново в 1780-е – 1790-е гг. Располагался он на круто ниспадающей прибрежной территории р. Пахры, отличавшейся необычайно выразительным рельефом.²⁶⁴ От брата К.Г. Разумовский унаследует и подмосковную усадьбу Поречье, а потому его же следует считать инициатором создания здесь пейзажного парка, первоначальная структура которого, «по планам садовода Раша», будет существенно развита в 1810-е гг. уже при его сыне, Л.К. Разумовском.²⁶⁵ Данные 1820 г. подтверждают, что в то время в селе Поречье Можайского уезда «под господским двором, на оном разным строениям и Аглинским садом с островами земли... 50 десятин».²⁶⁶ Сам же парк был разбит на трех пологих естественных холмах, на площади около 100 га. Основа его композиции была определена центральным местоположением Большого пруда. Многообразие его восприятия немало способствовали разновеликие лесистые островки, соединявшиеся затейливыми мостиками. В западной части парка, на значительном удалении от главного усадебного дома, устроят Зверинец. А в восточной по проекту А.П. Брюллова возведут небольшое жилое строение с примечательным названием: «Домик Жуковского».²⁶⁷ В письме к преподобному Д. Четвуду от 14 октября 1806 г. К. Вильмот по поводу Поречья заметит: «...покинули Москву вечером 11 августа... Мы проехали 43 версты в северном направлении по самой восхитительной местности: по дороге встречались императорские резиденции, чудесные летние домики купцов, помещичьи усадьбы. По правую руку от дороги в окружении лесов стоит знаменитый дворец графа Разумовского, вокруг него вьется речка».²⁶⁸ Предметом особой гордости хозяина являлась тщательно подобранная им же коллекция оранжерейных растений, которая существенно пополнится тропическими видами приобретшим усадьбу в 1824 г. председателем Археологической комиссии графом С.С. Уваровым.²⁶⁹

В мае 1759 г. императрица подарит К.Г. Разумовскому малороссийский город Батурин с уездами, а также соседний Почеп.²⁷⁰ К обустройству собственного усадебного комплекса он вплотную приступит в 1790-е гг., когда решит

окончательно сюда перебраться.²⁷¹ Около этого же времени выстроят усадебный дом и ряд сопутствующих построек. И, видимо, также по проекту А.А. Менеласа, приступят к разбивке пейзажного парка.²⁷² Для заведения еще одного парка его же привлекут и в Яготин – еще одну малороссийскую усадьбу, принадлежавшую К.Г. Разумовскому. Некоторую ясность насчет проведения здесь обширных садовых работ вносит Я. Сиверс. Так, в отправленном 17 июля 1796 г. из Яготина письме, он заметит: «Около самого дома разведен небольшой регулярный липовый сад, далее фруктовый сад со множеством винограда... Граф намерен обратить в озеро огромный луг, находящийся перед домом».²⁷³

В 1768-1769 гг. совместно со своим наставником, будущим бароном Л.Х. фон Николаи, по английским провинциям отправятся в путешествие сразу трое старших сыновей К.Г. Разумовского - Алексей (1748-1822), Петр (1751-1823) и Андрей (1752-1836).²⁷⁴ Для Алексея тот же Менелас сформирует два «аглинских сада». Один из них в первой половине 1800-х гг. возникнет в находившейся в ближайшем пригороде Москвы в яузской усадьбе на Гороховом поле, отошедшей к нему в 1784 г. после раздела с братьями.²⁷⁵ Другой практически одновременно возникнет в подмосковных Горенках.²⁷⁶

Всякого рода замечаниями и рекомендациями отца и старших братьев, несомненно, руководствовался Л.К. Разумовский (1757-1818) при формировании пейзажного парка в подмосковной своей усадьбе Петровское, также отошедшей к нему в 1784 г. вслед за состоявшимся семейным разделом.²⁷⁷ Тот факт, что путешествующий вместе с лордом Гербертом в 1778 г. У. Кокс заедет сюда и не застанет пейзажного парка, свидетельствует о том, что его еще здесь попросту не было: «Имение походит скорее на город, чем на дачу. Оно состоит из 40 или 50 домов разной величины. Одни дома кирпичные, другие деревянные; одни окрашены, другие нет. У графа Разумовского находятся тут телохранители, множество слуг и оркестр музыки».²⁷⁸ Целиком пришедшееся на 1800-е – 1810-е гг. само формирование «аглинского парка» в полной мере отвечало задачам комплексной реконструкции созданного отцом усадебного комплекса. Вобрав

в себя большой пруд с живописными мысами, заливами и островками, а также обширные стриженные луга и Зверинец, он мыслился в качестве естественного продолжения сохранявшегося регулярного парка.²⁷⁹

Представление об этой вскоре полностью утраченной пейзажной композиции можно составить по датированным 1810-ми гг. акварельным рисункам И.И. Подчаского - «воспитанника» Л.К. Разумовского. Так, сама постройка вновь выстроенного главного усадебного дома, обращенного своими протяженными фасадами к двум обширным стриженным лугам, обеспечивала глубокие панорамные раскрытия преимущественно в западном направлении.²⁸⁰ Всю центральную часть парка занимал Лилейный пруд, обладавший подчеркнуто выразительным живописным абрисом. Максимально приближенный к его береговой линии павильон со сквозным портиком был целиком раскрыт на еще один просторный луг, замыкавшийся уплотненными посадками.²⁸¹ Сам же одноэтажный объем Кабинета помещался в Маленьком саду, главным украшением которого являлся асимметричный в плане стриженный луг.²⁸² Другой перспективный вид запечатлел самую значительную часть парка с находившимся здесь парковым павильоном, непосредственно обращенном к Большому пруду. Этот один из самых выразительных пейзажных районов был сформирован на открытой равнинной местности и хорошо обозревался со всех сторон.²⁸³ Показательно, что в непосредственной близости от всех этих садовых строений, в соответствие с новейшими тенденциями английского садоводства, были разбиты цветники. Со смертью Л.К. Разумовского кратковременный период существования этого пейзажного парка был окончательно завершён. Новые владельцы столь тщательно подобранные по месту посадки нещадно вырубят на дрова.

Составной частью весьма продолжительного западноевропейского турне графа И.И. Шувалова (1727-1797) станет пребывание в Англии в первой половине 1765 г. Большой знаток искусств, крупный коллекционер, учредитель и куратор императорской Академии художеств, он с особенным интересом знакомился с достопримечательностями Лондона и его окрестностей. Был Шува-

лов любезно принят при дворе и, следовательно, посещал королевские резиденции. Об этом становится известно из двух его писем, адресованных графу М.Л. Воронцову. О своем намерении незамедлительно покинуть Париж он сообщит в одном из них, помеченном 2 января 1765 г.: «В прежнем моем имел честь вашему сиятельству доносить, что еду в Англию скоро: если б что было угодно Вам из оной земли, прошу, милостивый государь, дать мне ваше приказание!»²⁸⁴ В другом от 10 мая, уже суммируя необычайно яркие впечатления о несомненных достоинствах воочию виденных им «натуральных» парков, Шувалов напишет: «Ее Величество королева, спрашивая меня о вашем сиятельстве, сожалела, что вы в Англию не приехали. (...) Сия принцесса весьма милостива... Король справедливо оное от всех имеет по своим редким качествам (...) Время начинает быть весьма хорошо. Ничего в свете приятнее не видел, как окрестности Лондона и деревни здешней земли! Сады прекрасные, совсем иного от других вкусу. По возвращении моем дам идею, как в Киморе подобный оным завести: все искусство в том, чтоб было сходно с натурой. Мне кажется, что сие лучшее. В июне намерен ехать а Aix la Chapelle для употребления вод».²⁸⁵ Судя по сохранившейся переписке Шувалов поддерживал дружеские отношения со многими влиятельными британцами - послом в России Ч. Уильямсом, посланником в Неаполе У. Гамильтоном, посланником при французском дворе сэром Стормонтом и его супругой, известным политиком лордом У. Шельборном, лордом Спенсером и лордом Честерфильдом.²⁸⁶ Совершенно особые отношения, непосредственно связанные с собирательской деятельностью, связывали Шувалова и с Уолполом, этим страстным коллекционером и увлеченным пропагандистом «готического вкуса».²⁸⁷ А потому следует полагать, что во время этой своей продолжительной поездки Шувалов посетил целый ряд частных поместий, в том числе и Строберри-Хилл.

Упомянутая Шуваловым усадьба Кимры находилась на берегах Волги в Тверской губернии и в действительности принадлежала графине А.К. Воронцовой. Обыкновенно он любил проводить летние месяцы именно здесь, особенно

в последний период жизни. Поэтому вполне допустимо предположить, что в создании кимрского «аглинского сада» именно Шувалову принадлежала основополагающая роль. Впрочем, еще одну пейзажную композицию граф мог сформировать в подмосковной своей усадьбе Знаменское (Денисьево-Знаменское), которой владел в общей сложности около двадцати лет, приобретая ее у А.Г. Разумовского еще в 1779 г.²⁸⁸

*4. И.П. Тюфякин, А.Б. Куракин, Н.П. Шереметев, С.С. Гагарин,
Орловы, В.П. Орлов-Давыдов, Нарышкины, Н.В. Репнин*

Тридцатилетний князь И.П. Тюфякин (1740-1804) в счет казны прибыл в Англию в 1771 г. как раз для того, «чтобы совершенствоваться в архитектуре и устройстве садов».²⁸⁹ Впрочем, на государственную службу он был зачислен еще в 1757 г., а десятилетие спустя калужское дворянство оказало ему доверие и выбрало «молодого и энергичного генерал-адъютанта Ивана Петровича Тюфякина» своим депутатом в Комиссию для составления нового свода законов.²⁹⁰ Английская стажировка князя изначально предусматривала профессиональную выучку чиновника высокого ранга, способного курировать неизменно производившиеся в императорских резиденциях строительные и садовые работы. Именно в Англии Тюфякин основательно изучит самим же избранные специальности и по возвращении на родину уже вполне самостоятельно мог разрабатывать самые различные архитектурные замыслы, о чем наглядно свидетельствуют относящиеся к 1790-м гг. два известных его проектных чертежа.²⁹¹ С не меньшей основательностью он разбирался и в вопросах современного садоводства. Не случайно, признавая глубокую его эрудицию и по этой части, граф П.А. Румянцев-Задунайский будет постоянно с ним консультироваться по самым различным вопросам, касавшихся заведения и обустройства пейзажного парка в усадьбе Троицкое-Кайнарджи. Почти четверть века Тюфякин прослужит в московской Конторе строений «ея императорского величества домов и садов». Но и оставаясь в чине действительного тайного советника и камергера, он продол-

жал поддерживать тесные деловые отношения с придворными архитекторами и садовниками.

Вслед за завершением английской поездки и последовавшего в 1776 г. назначения жалования «по камер-юнкерскому окладу» Тюфякин окажется при строении Екатерининского дворца.²⁹² И уже в Рапорте на имя директора по его строительству М.М. Измайлова за 1778 г. он заострит вопрос о невозможности дальнейшей эксплуатации деревянного моста через р. Язу. Безусловно поддерживая строительство нового по проекту архитектора К. Бланка, он вместе с тем призывал вести работы с предельной осторожностью, чтобы Головинские пруды и каналы при этом «не обсохли».²⁹³ В той же служебной записке находим и вполне конкретные предложения относительно комплексного благоустройства и озеленения территории Екатерининского дворца.²⁹⁴ В 1781 г. уже Тюфякину доверяют отъезд в столицу с чертежами и макетом Екатерининского дворца для согласования с императрицей проекта, разработанного Ф. Кампорези.²⁹⁵ А начиная с 1784 г., вслед за увольнением Измайлова, подписание всех важных документов, связанных как со строительством дворца, так и устройством прилегающего к нему парка, будут целиком находиться уже в его ведении. Практически одновременно Тюфякину поручат курировать формирование подмосковного императорского комплекса в Царицыне. И именно он 19 февраля 1776 г. распорядится отпустить В.И. Баженову все необходимые средства для проведения первоочередных строительных работ.²⁹⁶ И в 1785 г. Тюфякин все еще несет ответственность за расходование сумм, предназначавшихся М.Ф. Казакову для строительства Большого дворца, а Ф. Риду для устройства Английского парка.²⁹⁷

В правление Павла I, уже в качестве прокурора от Канцелярии строений, Тюфякин возглавит Гоф-интендантскую команду, и одновременно будет числиться «капитаном замка Кремлевского и Слободского дворцов». В 1801 г., в соответствии с указом Александра I, «сады как в Москве, так и подмосковные Царицынский и Всесвятской со всеми принадлежащими к оным оранжереями и

людьми» отойдут под «особенное и непосредственное ведение и управление» князя И.П. Тюфякина и назначенному ему в помощь князя Л.А. Кольцова-Масальского. А под конец государственной службы император поручит ему в 1802 г. устройство общедоступной «Аллеи на Невском проспекте», сразу ставшей одной из главных достопримечательностей столицы.²⁹⁸

В 1763 г. Тюфякин унаследует от отца в Калужской губернии сельцо Ковша и деревню Среднюю.²⁹⁹ Но для устройства собственного усадебного комплекса он остановится на соседнем с Алексиным селе Петровском, разительно отличавшемся исключительным по своей красоте ландшафтом и живописными видами окрестной местности. Содержащиеся в «Полном экономическом примечании Калужского наместничества Тарусского уезда» сведения за 1776-1778 гг. подтверждают, что к этому времени усадебный комплекс сложился практически полностью: «Селцо Петровское и деревня Ковшина... князя Тюфякина... Селцо на суходоле... В том селце дом, - господский каменный при нем сад нерегулярный с плодovitыми деревьями разных родов, с коих плоды собираются для господского обиходу».³⁰⁰ Упомянутый «нерегулярный» или Английский парк, устройство которого было завершено вслед за возвращением из Англии около середины 1770-х гг., сразу же привлечет повышенное внимание графа П.А. Румянцева-Задунайского, озадаченного заведением пейзажного парка в собственной усадьбе. Об этом становится известно из его же письма от 5 января 1776 г., отправленного Тюфякину из Троицкого-Кайнарджи: «Милостивый Государь мой, Князь Иван Петрович!

За присылку планов и к оным описей я найпризнательнее благодарю Вашему Сиятельству. Трудно, подлинно, разставаться со столь милою деревнею, где натура украсила ее положение и где Вы к тому наибольшую ей приятность испещрением и украшением на Английской вкус и построенным там хорошо и выгодно домом Вашим; но и тово труднее, мне кажется, уступить кому либо, кроме себя. По пути, который предлежит мне, я конечно буду в оной, и скажу Вам затем решительно о точности моего расположения.

С всегдашнею моею преданностью пребуду я».³⁰¹

Представительную часть усадьбы Тюфякин сосредоточит на самой возвышенной (левобережной) береговой террасе р. Оки, откуда хорошо просматривались живописные окрестности местности на много верст вперед. Спроектированный им самим в стиле раннего классицизма двухэтажный усадебный дом был фланкирован четырьмя симметрично расположенными флигелями, замыкавшими пространство парадного двора.³⁰² Отмеченная крупной полуротондой с дорической колоннадой, симметричная композиция главного фасада была целиком сориентирована в пространство парка. Туда же выходил и созданный на уровне 2-го яруса просторный циркульного очертания балкон. Помимо самого парка отсюда открывалась и величественная панорама окрестных земель с изысканной по очертанию речной излучиной, и уходящими за горизонт заречными луговыми пространствами. Сам же пейзажный парк был сформирован на круто ниспадающем сильно изрезанном береговом рельефе. Его возвышенная часть, напрямую связанная с главным усадебным домом, содержала просторный эффектно понижающийся на местности стриженный луг, позволявший разнообразить панорамное восприятие этих уникальных по образной своей выразительности приокских террас.

Без существенных изменений эта парковая композиция сохранялась, вероятно, вплоть до конца 1830-х гг. В 1810 г. сын князя - П.И. Тюфякин (1769-1845) продал Петровское В.Д. Гурко (урожденной Варваре Дмитриевне Полторацкой, ? - 1838), которая и далее содержала и саму усадьбу, и ее парк в образцовом порядке. Будучи дочерью Д.М. Полторацкого, обучавшегося в 1783-1784 гг. в Эдинбурге и ставшего впоследствии крупным пропагандистом заведения сельского хозяйства непременно «по английскому» образцу, она до замужества проживала в калужском имении Авчурино, где главной его достопримечательностью также являлся Английский парк, созданный отцом со знанием всех тонкостей пейзажного искусства.³⁰³

Формированием еще одной сравнительно небольшой своей усадьбы И.П.

Тюфякин займется в 1780-1789 гг. Располагалась она на открытой и хорошо просматривавшейся равнинной местности в предместье Москвы у сильно протяженного Хапиловского пруда, который на рубеже XVIII-XIX вв. все еще сохранял весьма эффектное змеевидное свое очертание. Вновь устроенный парк, вплотную подступавший к самой живописной западной его оконечности, «занимал более четырех десятин... доходил до р. Яузы и примыкал к улице и мосту». Д.П. Бутурлин также отмечал, что при главном «доме тянулся ряд оранжерей и теплиц с экзотическими растениями».³⁰⁴

Начавшееся в первых числах ноября 1771 г. путешествие по английским провинциям графа Н.П. Шереметева, князя Г.П. Гагарина и князя А.Б. Куракина (1752-1818) растянется на пять недель. За все это время, помимо прочего, они познакомятся с множеством самых различных парков. В «Воспоминаниях о путешествии в Голландию и Англию» (1813), изданных Куракиным по своим же собственным дневниковым записям, находим одно важное заключение: становление и стремительное распространение пейзажного садоводства он считал закономерным итогом именно глубинного проявления национального самосознания англичан.³⁰⁵

Эти воспоминания, представляющие собой один из ценнейших письменных источников эпохи Просвещения, позволяют достаточно полно проследить маршрут путешествия, но главное - познакомиться с оценками и наблюдениями автора, сделанных прямо по ходу посещения парков.³⁰⁶

«Мы остановились в Дувре в гостинице «Королевская голова». В Лондон мы поехали только на следующий день. Утром таможенники сделали осмотр нашего багажа. Эти господа изымали все, что было запрещено для провоза их приказами и их строгость доходила даже до того, что они сжигали некоторые вещи.

От Дувра до Лондона 71 миля, этот путь обыкновенно проделывается за 18-20 часов. Мы остановились в Кентенбери, так как из разговоров в Кале мы опасались воров, которые якобы в большом количестве встречаются на этой дороге. Мы осмотрели местный собор, обширное готическое здание... (...) Мест-

ность здесь гористая и редко встречаются живописные пейзажи. Местность становится приятнее по мере приближения к столице. Многочисленные корабли на Темзе, фермы, отличающиеся завидной чистотой, большое число загородных домов с парками и садами – вот что занимает взор путешественника. (...) 30 октября нового стиля 1771 года – день нашего прибытия в Лондон. (...) Когда мы прибыли в город, там путешественнику совершенно нечего было делать: двор находился в Ричмонде, а высший свет в имениях, где он остается обыкновенно до 18 января, дня рождения королевы. Тогда она возвращается в город и начинаются развлечения. Наш посланник г-н Мусин-Пушкин живет в Ричмонде, в красивом доме, который он снимает за 150 монет в год. (...) Соответственно указаниям из Петербурга, мы имели намерение хранить инкогнито во время всей нашей поездки, но г-н Мусин-Пушкин и Мелло дали понять г-ну Сальдену, что это смешно в стране, где титулы ничего не значат. Было решено, что мы выезжаем в большой свет под собственными именами. Дело шло к зиме, и все советовали нам воспользоваться ноябрем, чтобы совершить поездку по провинциям. Продолжительность нашего пребывания в Англии была ограничена четырьмя месяцами, нам показалось гораздо более приятным совершить такую поездку осенью, а не зимой, и посему мы последовали этому совету.

3 ноября состоялись лошадиные бега в Эпсоме, мы туда и отправились. Это зрелище было в новинку для нас. Эпсом находится в 18 милях от Лондона, а поскольку Ричмонд лежит на полдороге, то мы заехали обедать к Пушкину. Мы провели ночь в Ричмонде и на следующий день я посетил принца Эренеста-Мекленбург-Стрелицкого. Должен сказать, что я летел к нему как на крыльях. (...)

6 ноября мы отправились из Лондона в нашу поездку по провинции. Мы придерживались совета молодого Мэтти, сына доктора, хранителя Британского музея. Г-н Мусин-Пушкин тоже нам составил план путешествия, но он оказался нам не слишком обширным. Барон Ратсамхаузен тоже был так любезен, что указал нам дорогу, которой ехал сам с принцем Гессинским, начиная с

Кембриджа через Йорк, Лидс, Манчестер, Кастелтон, Дерби, Бирмингем, Бристоль, Бат, Плимут, Портсмут, Оксфорд и Виндзор. Очень веские причины... помешали нам заехать в Йорк и Плимут. Помимо этих двух городов, мы посетили все упомянутые выше местечки, не говоря уже о большом числе прекрасных населенных пунктов, встреченных нами на дороге. (...) В миле от Хемфорда находится Берли (*Berry Pomeroy Castle, Devon*), владение графа Экстер. (...)

Замок Берли, как свидетельствует надпись на фронтиспise, построен в 1585 году. Он обширен и, несмотря на то, что вполне соответствует архитектуре своего времени, однако радует взор благородством своих пропорций. (...) Часовня отличается своей благородной простотой.

Из Стенфорда мы отправились в Бенбимор через Грентам, Ньюарк и Таксфорд. Мы посетили Кламберталк, Тэрсби, Уолбек, Уорсопп-Мэнор, владения герцогов Ньюкасла, Кингстона, Портленда и Норфолка. Все эти владения великолепны. Приятно знать, что английские сеньоры тратят свои богатства на свои имения. Здесь они живут соответственно своему высокому положению и своему богатству и пребывают здесь восемь месяцев в году. (Я говорю о тех, кто не имеет обязанностей при дворе или в министерствах). Их обычное развлечение – это охота и прогулки. В определенные дни у них открытый стол. Приглашается на обеды вся местная знать. Они не довольствуются жизнью в кругу семьи, но любят также круг избранных друзей. Кроме того, на случай визитов путешественников, они держат множество комнат, готовых принять гостей, наехавших неожиданно. Они проявляют его не только по отношению к своим соотечественникам, но и к иностранцам, наезжающим к ним толпами, движимым двойной причиной – желая удовлетворить свое любопытство и познакомиться с нравами и обычаями страны, о которых книги дают весьма не полное впечатление и которые можно познать, только побывши на месте.

Я на своем опыте убедился, что англичане выше своей репутации. Это чистосердечие и человечность, составляющие основу характера англичан, относятся не только к высшему свету, где воспитание сильно влияет на характер, их

можно встретить среди любых сословий общества. (...)

В Кламбер (*Clumber*) парке можно проследить ведущиеся там работы, которыми вот уже несколько лет руководит герцог Ньюкасл. Парка еще не существует, сад едва намечен, а замок в основном уже завершен. У него четыре главных фасада, отличающихся друг от друга. Выстроен он в современном стиле. (...) Герцог был очень любезен с нами. Он пригласил нас позавтракать вместе с его семьей, извинившись, что не сможет присутствовать из-за недомогания... (...)³⁰⁷

В Тэрсби, (*Thoresby*) владении герцога Кингстона, имеется очень красивый парк с великолепным каналом, обрамленным густыми аллеями, с каскадами, своим тихим рокотом приглашающим к мечтаниям, с шелковистыми лугами, в которых бродят лани и олени.

Замок не очень большой, но приятного вида. Самое примечательное в нем — главная лестница, сделанная в итальянском вкусе. Покои обставлены с изяществом и простотой.³⁰⁸ (...) Мы прибыли в Тэрсби в воскресенье. Герцог и герцогиня были в церкви. Их отсутствие послужило причиной того, что мы прождали их два часа, прежде чем попали в замок, поскольку слуги не решились впустить нас без ведома хозяев. Вернувшись из церкви, герцог и герцогиня, не удовлетвовавшись тысячью извинений за то, что нам пришлось их так долго ждать, дали нам экипаж, чтобы мы совершили прогулку, пока для нас будут готовить комнаты. Нам показали дом и провели в гостиную, где нашему взору открылся стол, уставленный прохладительными напитками. Это был очень приятный сюрприз, особенно для путешественников, которых никто здесь не знал. Я должен упомянуть еще более яркий знак вежливости, проявленной по отношению к нам. Во время осмотра дома как только мы входили в комнату, герцог и герцогиня немедленно удалялись в другую, добровольно стесняя себя из боязни стеснить незнакомых людей. Я убежден, что ни в одной стране невозможно встретить подобную вежливость. И после этого говорят, что англичане грубияны и гордецы ! (...)³⁰⁹

Уорсопп-Мэнор (*Worksop Manor*) – владение герцога Норфолк. Оно, безусловно, самое красивое из тех, что нам довелось видеть. Дом недавно выстроен в старинном стиле, но с современными удобствами. Чтобы судить о его размерах, достаточно сказать: только в главном корпусе, не считая флигелей, в коих расположены службы и конюшни, имеется 140 спален. Если бы усадьба была построена по своему первоначальному замыслу, то немногие королевские дома смогли бы превзойти ее своим великолепием. Жилой корпус составляет только четвертую часть ее. К несчастью, здесь умер племянник герцога и его единственный наследник, и это событие внушило герцогу полное отвращение к Уорсопп-Мэнор, и он оставил начатое им прекрасное строительство. (...)

Уолбек (*Welbeck Abbey*) принадлежит герцогу Портлендскому. (...) Замок очень красив. В комнатах единственным украшением являются многочисленные портреты предков. Парк обширный. Самое примечательное там – это дуб, такой широкий в диаметре, что по его срезу могла бы свободно пройти коляска, запряженная шестеркой лошадей. (...)

Покинув Ноттингемшир, мы отправились в Йоркшир. Мы захотели осмотреть владения маркиза Рокингема и графа Стеффорда. Оба владения довольно обширные. Имение милорда Стеффорда мне особенно приглянулось своей необычностью. Милорд был очень любезен с нами. Он сам показал нам парк и дом. Мы намеревались ехать до Йорка и даже до Беверли, но он нам отсоветовал, уверяя, что там нет ничего особенного и дурные дороги заставят нас пожалеть о проделанном пути.

Здесь я хочу сделать несколько замечаний о вкусе англичан в разведении садов. Этот вкус кажется несколько странным, особенно иностранцам. Англичане любят отличаться от других народов, они подражают другим только в том случае, если без этого никак нельзя обойтись. Европейцы для того, чтобы разнообразить прогулки, сделали парковое искусство весьма сложным. Каждый край предлагает свой собственный стиль. Голландцы в оригинальности пошли дальше всех. Поначалу англичане, увлеченные общей модой, стали разводить

регулярные парки, но скоро им наскучил однообразный пейзаж, они подергали деревья и устроили все по своему вкусу. Они приводили бесконечные примеры ради оправдания собственной фантазии: однообразие парков, большие суммы, требующиеся для ухода за ними, малое пространство и пр. и пр.

С тех пор вокруг их загородных домов разводят парки разной величины и в которых возбраняется регулярность. Все тут странно и подчинено необычному вкусу, усвоенному ими. Всюду видны обширные луга, кое-где разбросаны холмы, рощицы, цветочные клумбы, поля, купы деревьев, отдельные деревья, а иногда можно встретить античные каменные статуи. Когда побываешь там на прогулке, то поражает новизна зрелища. На каждом шагу новая сцена. Все построено на контрасте. Даже зелень поражает разнообразием оттенков. Но, на мой взгляд, эти парки имеют один очень большой недостаток. Там слишком мало тени и деревья отстоят слишком далеко друг от друга, так что негде укрыться от жары. Говорят, что главной причиной реформы в разведении садов была экономия. Но верно и то, что расходы на нее ушли невероятные, и нужно быть такими богатыми, как англичане, чтобы позволить себе это. Можно себе представить, во что обойдется насыпка холмов и горок там, где была равнина. Англичане в своих парках не только прогуливаются, но и охотятся, поэтому там держат множество ланей, лосей и пр. В этих владениях можно найти все, что придумала щедрая природа вкупе с искусством человека, и то, что является результатом этого искусства, выглядит созданным природой.

Состояние могущества и процветания, в коем пребывает Англия, вызывает не ревность других держав, а скорее справедливое восхищение. (...)

В восьми милях от Лидса можно полюбоваться домом г-на Лессель-Эска. Он красивый, большой и правильной архитектуры. (...) Он построен довольно в странном вкусе... Возле дома нет пока ни парка, ни сада, он стоит одиноко среди полей. (...)

Воды Бэкстона довольно хорошо известны. Курорт расположен в почтовом доме, красивой постройки. Близ Кастелтона находится знаменитая пещера, ко-

торуую местные жители называют чертовой дырой. Эта пещера существует с незапамятных времен. (...) Природа в этих мрачных местах так же разнообразна, как и в теплых солнечных краях. Здесь можно увидеть дивные кристаллы, горячие источники и там слышно потрясающее эхо, которое проводник заставляет произносить все слова гимна, и оно режет слух. Пещера поделена на три основных грота. Их своды поначалу напоминают, скорее, искусную человеческую работу, чем легкую игру природы. Первые два грота разделены протекающим здесь ручьем, через который следует перебраться на лодочке. Необычность места и слабое освещение производят странное впечатление. Фантазии поэтов пришли мне на ум. Этот ручей казался мне Стиксом, а человек, сидевший в лодке на веслах, неумолимым Хароном. В некоторых местах приходилось перебираться через воду, забравшись на плечи проводника. Порой приходилось протискиваться между скалами, которые, казалось, готовы сомкнуться вокруг вас. Чтобы осмотреть это подземелье, уходит, по меньшей мере, три четверти часа. Когда приближаешься к выходу из пещеры, картина становится более веселой. Глаза уже привыкли к темноте, и им трудно смотреть на яркий солнечный свет, и этот контраст приятно поражает.

Чатворт (*Chatsworth*) – владение герцога Девоншира. Оно примечательно во многих отношениях. Замок красив своей архитектурой. Мебель там не современная. Парк, расположенный на двух горах, имеет очень приятный вид. Он отличается от других парков Англии тем, что там много фонтанов и главным его украшением является большой каскад. В самом диком месте стоит искусственное дерево, ветками коего служат также струи фонтана. (...) ³¹⁰

В четырех милях от Дерби находится красивый загородный дом лорда Скарсдейла, построенный в романском стиле. Мне очень понравилась кухня с ее чистотой. Милорд для того, чтобы иметь удовольствие видеть, как приготовляются блюда, соорудил верхнюю галерею, соединяющую кухню с его покоями. Эта идея, какой бы странной она ни казалась, мне понравилась и я решил использовать ее, если когда-нибудь мне доведется строить по своему вкусу.

(...)

В 12 милях от Бирмингема находится Хэглей Холл (*Hagley Hall, Worcestershire*), поместье лорда Литлтона. Дом обставлен с большой простотой, но особое внимание привлекает сад. Он ничуть не походит на другие парки, виденные мной в этой поездке. В нем есть дорожки в аллеях, посыпанные песком и предохраняющие от сырой травы. Здесь можно также увидеть каскады, маленькие часовенки, хижины и пр. (...) ³¹¹

Мы покинули Бат 1 декабря 1771 года. По дороге в Солсбери мы видели три великолепных поместья, сады в которых устроены совсем в другом вкусе, чем в Ноттингамшире. Принадлежали они г-ну Хоуэру (Hoare); Фаунт-Хилл (*Fonthill Abbey*), принадлежавший г-же Бэкфорд... (...) и наконец, Уилтон (*Wilton*), бывший монастырь, перестроенный в замок после реформы королевой Елизаветой и подаренной ею графу Пемброку. Его потомки до сих пор владеют замком. Там можно увидеть великое множество античных статуй: их невозможно осмотреть за один день. (...)

В шести милях от Оксфорда, близ Вудстока, городка, известной своей прекрасной фабрикой по производству стали, находится замок Бленхейм (*Blenheim*), построенный на средства парламента для знаменитого герцога Мальборо в знак народной признательности и для увековечивания победы генерала Мальборо, одержанной над французами в 1704 году, когда был пленен маршал Таллар. Это одно из самых больших и прекрасных зданий в королевстве. (...)

Виндзор расположен на возвышенности недалеко от Темзы, в 20-25 милях от Лондона. Вид окрестностей восхитителен. Виндзор известен благодаря старому замку, расположенному на горе, и часовне святого Георгия, принадлежащего рыцарям ордена Подвязки. (...)

Мы вернулись в Лондон 9 декабря после почти пятидневного отсутствия. 16 декабря мы отправились осматривать Вестминстерское аббатство. (...)

Все оставшееся время эти совместно путешествовавшие молодые предста-

вители аристократических семей посвятят уже знакомству с достопримечательностями самой столицы, совершив оттуда лишь единственную поездку в близлежащий Гринвич.

Сразу в нескольких принадлежащих А.Б. Куракину имениях пейзажные парки формировались при непосредственном его участии. Видимо, первым, еще в конце 1770-х гг., был создан на площади около 12 десятин обширный Английский парк в доставшейся от отца Куракиной даче, находившейся в те годы в ближайшем пригороде Петербурга (пр. Обуховской обороны, 187). В 1822 г., когда все это владение отошло Воспитательному дому, первоначальная его композиция все еще сохранялась без существенных изменений.³¹²

К созданию находившейся в Сердобском уезде Саратовской губернии самого известного своего усадебного комплекса в Надеждине Куракин приступит в 1782 г. вскоре по возвращении с графом и графиней Северными из западноевропейского путешествия.³¹³ Именно тогда императрице удастся отлучить его от двора и князь, таким образом, сможет прожить здесь довольно продолжительное время. Впрочем, насчет этого якобы «вынужденного» пребывания в Надеждине сам владелец в одном из писем к брату Алексею от 25 сентября 1786 г. выскажется вполне определенно: «...ваша городская жизнь не льстит и не манит меня; в деревне пробуду я до последнего моего нельзя...»³¹⁴

К середине 1790-х гг. основные садовые работы будут завершены. Об этом 12 мая 1794 г Куракин со всеми подробностями сообщит проживавшему в то время в Гатчине Павлу Петровичу, с которым с раннего детства (будучи сиротой) вместе обучался, и впоследствии неизменно сохранял дружеские отношения: «Вот наконец-то я в том Надеждино, которое я так желал еще раз увидеть, где ныне все внове для меня, где все меня радует и приводит в восхищение, где я доволен и счастлив, как только быть мож-но. (...) Во время моего отсутствия все постройки были перенесены на гору по соседству с прежней усадьбой. Эта фантазия, стоившая мне изрядно, удалась сверх ожидаемого, и удовольствие, которое я получил, с лихвой искупило все расходы, на нее затраченные. Сам

дом, как и все к нему примыкающее, стал больше, был заново оштукатурен и побелен. (...) Весь ансамбль представляет довольно приятное и величественное зрелище. (...)

В 60 туазах позади двора находится мой новый аглинский сад, почти уже готовый благодаря заботам и попечению; это огороженный участок диаметром в пять верст. В нем нет елей, почти нет берез, не увидишь там ни дубов, ни лип, ни молодых вязов и т.п. Но и более умеренный климат не мог бы создать такого приятного леса: с утра до вечера и даже ночью я слышу здесь соловьиное пение и щебет множества различных птиц. Я был приятно поражен четырьмя очаровательными павильонами, построенными в мое отсутствие по английским рисункам, переданным мне князем Сергеем Голицыным. Я только что назвал их храмами, сочинил имена храмам, просекам и дорожкам этого восхитительного сада. На каждом просеке будет находиться множество указателей с надписями, обозначающими их названия, дабы все прогуливающиеся могли тотчас проникнуться соответственными идеями и настроениями. Эти названия будут вызывать у меня приятные и поучительные воспоминания: они указуют на природу моих чувств и представляют имена персон, покоровших мое сердце. Они будут часто пробуждать во мне грусть, но и всегда соседствовать с душевным покоем, и вслед за грустью последует радость неомраченного счастья, свободного от забот, тревог, укоров совести, сожалений, которым так часто предаешься помимо своей воли в большом свете. Я сделал для Вас, мой дорогой покровитель, уменьшенный план моего сада и отправляю его Вам, как только будет готов список названий, коими я его наполнил. Эти имена не будут представлять для Вас загадку, как для других: они позволят Вам проникнуть в самые сокровенные тайники сердца Вашего покорного слуги и откроют для Вас его чувства, чаяния, радости. Вы узрите его обнаженную душу и увидите, что он всегда таков, каким Вы его знали».³¹⁵

Упомянутый «План Англинскому саду из Нагорной Дубравы позадь Господского дома в Селе Надеждине Князя Александра Борисовича Куракина 1795

Года», а также сохранившиеся полотна Ж. Месмера и В.П. Причетникова в целом позволяют высветить ряд присущих ему композиционных особенностей.³¹⁶

Под устройство парка отошла весьма обширная возвышенная территория, близкая в плане к форме овала. При этом здесь находившийся первозданный лесной массив в целом был сохранен. Отдельные вырубки будут связаны лишь с устройством дорожной сети и созданием в периферийных частях парка двух сравнительно небольших разновеликих прудов. Именно вблизи них и будут образованы локальные по своей значимости открытые луговые пространства. Вполне сопоставимая с парком в Стоу дорожная сеть также учитывала самое активное взаимодействие прямолинейных широких «просек» Нелидовой, Браницкой, Отрады, Малой тени, Приятного наслаждения, Славных дел со скругленными дорожками (Уединения, Преодоление трудностей, Жаркаго Любовника, Постоянного друга, Скорого достижения, Доброго согласия, Верных Любовниц и пр.). Самая же протяженная из них связывала все периферийные районы парка, обеспечивая по ходу следования наилучший обзор живописных окрестностей имения. Парк в целом отвечал идеям У. Чемберса и был насыщен различными постройками, закреплявшими места пересечения основных прогулочных путей. Причем все они, будь то «храмы» Славы, Терпения, Лады, Дружбы, Благодарности, Вместилища чувствий вечных, Истины, или же менее значимые строения (Ворота красиваго вида, Летний дом, Дом Молчанова, Китайская беседка), органично были связаны с пейзажным своим контекстом. А один из уголков парка украшался обелиском, установленным в честь Марии-Антуанетты.³¹⁷

Все утилитарные строения выносились за пределы парка и композиционно на него не влияли. Самая же возвышенная его часть закреплялась объемами главного усадебного дома и парных его флигелей. Именно отсюда открывалась величественная панорама всей окрестной местности. Соответственно из парадных помещений, как подчеркивал сам владелец, «можно было видеть реку, великолепный луг, озеро, простирающееся на целую версту, деревни, равнины и

леса».³¹⁸

Растянувшееся почти на полтора десятилетия формирование этого усадебного комплекса в целом завершится к 1797 г. Однако, вскоре вступив в службу, Куракин так более сюда и не возвратится и даже последние годы проживет не в любимом своем Надеждине, а в Веймаре.³¹⁹ При наследниках Надеждино станет быстро приходить в упадок. Побывавший здесь в 1844 г. А.М. Фадеев с горечью заметит, что «сады и рожи заросли бурьяном, местами вырубленные».³²⁰ Четыре года спустя столь же неприглядную картину застанет и Д. Карташев: «Пройдя широкий двор, мы вошли в сад, прохладный, дремучий, где не видно голубого неба, все зелень и тень. По прямой широкой аллее мы дошли до круглой площадки, где находился прежде летний деревянный домик. От него тянутся лучами широкие аллеи, будто тоннели, проложенные в массе зелени, открывая вдаль разнообразные картины; впечатление, какое они производят на зрителя, истинно очаровательное; (...) прежде здесь было много храмиков-беседок с названиями, значение которых было особенно приятно и понятно князю. (...) Теперь одни небольшие полянки, поросшие молодой осиной, указывают только места их. Уцелел лишь земляной курган, на котором по вечерам гремела музыка...»³²¹

Практически полностью утраченный в 1880-х и конце 1910-х гг. еще один пейзажный парк А.Б. Куракин создаст на рубеже XVIII-XIX вв. во вновь сформированной на берегах озера Евсеево усадьбе Александрово. Эти дворцовые земли бывшего города-крепости Врева Псковской губернии подарит ему Павел I вскоре после коронации, состоявшейся 5 апреля 1797 г.

На датированном 1889 г. «плане сельца Александрово, Врев тож» достаточно отчетливо просматриваются фрагментарно сохранившиеся пейзажные элементы первоначальной планировки парка, распланированного на круто ниспадающем рельефе у южной оконечности озера.³²² Соответственно располагавшийся на самом возвышенном месте главный усадебный дом обеспечивал, как и в Надеждине, впечатляющие панорамные раскрытия. Всякий раз испытывая

восторженные чувства от редкой по своей красоте первозданной местности, князь в письме к Павлу I отметит: «Из своего окна я вижу речку, за ней озеро в две версты, село Александровское, деревни, вспаханные поля, равнины, пастбище, огромный лес. По этому наброску картины, которая ежедневно предстает перед моими глазами, Вы можете представить себе, что происходит во мне, и как я должен быть сейчас покоен и счастлив».³²³

К устройству в усадьбе Степановское (Зубцовского уезда Тверской губернии) еще одного своего Английского парка князь приступит вскоре после того, как получит ее в наследство от бездетного брата С.Б. Куракина (1754-1805). В 1809 г. всю отведенную под парк территорию распланируют, тогда же произведут и первые посадки.³²⁴ Вероятнее всего разбивочные работы находились в непосредственном ведении Дж. Кваренги, выстроившего здесь по своим же проектам главный усадебный дом с флигелями.

Весьма значительная по своим пространственным габаритам парковая композиция создавалась на базе естественного лесного массива. Известно также, что северо-восточнее дома были осуществлены обширные посадки хвойных и лиственных пород, а в заболоченной части, вслед за прокладкой дренажных каналов, были насыпаны валы. На них-то и устроят протяженные аллеи за счет высадки исключительно хвойных деревьев. Неотъемлемым структурным элементом этого парка являлся и обширный стриженный луг. Замыкался он живописными куртинами из перемешанных между собой хвойных и лиственных пород и был раскрыт на большой копаный пруд, занимавший всю северо-западную часть парка. Сам же пруд обладал изысканной по очертанию береговой линией и дополнялся разновеликими островами и полуостровами. Он был так велик, что даже допускал проведение «морских баталий» на потешных судах, для чего, собственно, и были предназначены пристани и придвинутые к береговой линии смотровые беседки.

Видимо, уже при следующем владельце - князе Б.А. Куракине (1784-1850) на невысоком насыпном холме был установлен белокаменный Александров-

ский столп в честь спланированного визита императора. Тогда же выстроят и «готический замок», украшавшийся фамильным штандартом и пушками, производившими по торжественным случаям эффектную пальбу. Именно на фоне таких знаковых атрибутов новый хозяин предпочитал устраивать всевозможные костюмированные представления, призванные воскрешать «славную эпоху» рыцарства.

Впрочем, просуществовал этот «аглинский сад» также совсем недолго, уже к середине XIX в. его планировка будет практически полностью утрачена, а в 1870 г. ликвидируют и пруд.

Не следует исключать участие А.Б. Куракина и в создании на основе обширного пруда полностью утраченного пейзажного парка в подмосковной усадьбе Алтуфьево, также являвшейся с 1786 г. собственностью его брата.³²⁵

Обучавшийся в Лейденском университете двадцатилетний граф Н.П. Шереметев (1751–1809) окажется в Англии в конце 1771 г. и проследует тем же маршрутом, что и А.Б. Куракин с Г.П. Гагариным. Следовательно, также значительную часть своего времени он потратит на знакомство с частными загородными поместьями и их парками. Именно тогда и зародится его интерес к английской художественной культуре.

Так, дворцовые интерьеры подмосковных усадеб Н.П. Шереметева в Останкине и Кускове украшались многочисленными произведениями декоративного искусства, изготовленных на ведущих английских предприятиях. Среди прочего находим здесь и приобретающую общеевропейское признание фарфоровую продукцию Веджвуда, в частности, профильные изображения Петра I и Екатерины II, а также хрустальные и стеклянные столовые сервизы из Дерби, украшенные изысканной гравировкой.³²⁶ Не раз сотрудничал Шереметев и с английскими живописцами. Именно Д. Аткинсону (John August Atkinson, 1775–1830) он закажет в 1800–1801 гг. свой парадный портрет «в мальтийском уборе».³²⁷ Для создания же декораций к оперно-балетному спектаклю «Данаиды» в Останкинский театр он привлечет У. Хадфилда (William Hadfield). Этот анг-

лийский художник сопровождал Екатерину II в ее путешествии по южной России и в том же 1787 г. исполнил целую серию акварельных видов.³²⁸

Владел Шереметев и поистине огромным собранием английской печатной графики, основная часть которой вплоть до 1812 г. размещалась в московском его доме на Воздвиженке.³²⁹ Выяснится это совершенно случайно, да и то в 1905 г., когда при посредничестве русского посольства в Лондоне это уникальное по своей полноте отечественное «Собрание английских гравюр, принадлежащих графу Николаю Петровичу» было продано на аукционе Кристи его внуком - графом С.Д. Шереметевым.³³⁰ Сюда входили целые тематические серии: «Избранные виды Великобритании» Т. Герна, «Коллекция 150 видов Англии, Шотландии и Ирландии» в рисунках П. Сэндби, «Живописные виды» У. Уотса (1779), «Замечательные руины и романтические виды Северной Британии и ее древних памятников» П. Мазелла (1795).³³¹ Был хорошо знаком Шереметев и с творчеством знаменитого английского гравера меццо-тинто Ф. Бартолоцци, чьи иллюстрации к «Временам года» Дж. Томсона хранились в одной из его библиотек.

В обширных библиотечных собраниях графа имелись специализированные издания по архитектуре и садово-парковому искусству. Их насчитывалось не менее ста. Только одна подборка книг под рубрикой «Архитектура» занимала несколько шкафов.³³² Основное в них место занимали, судя по всему, английские иллюстрированные руководства. Здесь, например, хранились «Британский Витрувий» Колена Кэмбела (1715), «Труды по архитектуре» братьев Адамов (1779), «Новая коллекция каминов» Джорджа Ричардсона (1781), «Трактат о пяти ордерах» Джона Ричардсона (1783), «Планы и разрезы усадебных домов» Джона Пейна (1783), «Трактат о гражданской архитектуре» Уильяма Чемберса (1791), «Записная книжка столяра-краснодеревщика и обойщика» Томаса Шератона (1791-1794), несколько экземпляров альбомов с проектами коттеджей архитектора Джона Пло (1796), пять экземпляров с видами сельских домиков Чарльза Мидлтона (1793) и Джона Миллера (1797), акватинты с проектами за-

городных домов Джеймса Мэттона (1795), сэра Джона Соуна (1798) и Ричарда Элсейма (1803), «Ландшафтное садоводство» Хемфри Рептона (1795) и «Ботаническое собрание новых и редких растений» (1797).

Все выше сказанное убеждает в том, что архитектура и садово-парковое искусство интересовали Шереметева на профессиональном уровне. Вот почему он мог вполне самостоятельно заниматься разработкой самых различных проектных решений и со знанием дела собственноручно подготавливать для этого необходимые чертежи. Соответственно и нанимаемые на службу садовники должны были руководствоваться достаточно четкими указаниями весьма осведомленного своего заказчика.

Непродолжительная строительная деятельность Н.П. Шереметева целиком связана с 1790-ми - началом 1800-х гг. Именно в этот период, вслед за кончиной отца - графа П.Б. Шереметева (1713-1788), он стал беспрепятственно распоряжаться огромными фамильными средствами по собственному усмотрению.³³³ Да и садовые работы, осуществлявшиеся в целом ряде его имений Московского и Петербургского регионов, были в основном продиктованы насущными задачами их комплексной реконструкции.

К заведению пейзажной композиции на месте регулярного парка в находившейся в окрестностях столицы мызе Шампетр Н.П. Шереметев приступит в 1794 г., пригласив для этого Буша-младшего. Видимо он же практически одновременно примет участие и в формировании пейзажной среды в Вознесенском, вблизи Пеллы. Занимаясь полным обновлением этого усадебного комплекса, Шереметеву удастся привлечь к этим работам и И.Е. Старова.³³⁴ В Отписке управляющего П. Александрова, датированной 31 июля 1794 г., на этот счет сообщалось: «...Старов сам осматривал строение и местонахождение прежнего, а потом осматривал и другие места, чтоб построить вновь дом приличнее... потом ездил за реку Неву, на другой берег, смотрел, как делает вид, где он назначил построение вновь дому...»³³⁵

В подмосковной усадьбе Марково, являвшейся составной частью фамиль-

ных охотничьих угодий Шереметевых, в 1790 г. будут выстроены главный дом и Театральный корпус. Это и станет главной причиной отправки сюда в августе того же года, «для разводу вновь цветников», кусковского садовника немца П. Ракка (Peter Rack).³³⁶

На рубеже 1791-1792 гг. к формированию пейзажного Останкинского парка граф привлечет выписанного из Англии самой императрицей царицынского садового мастера Ф. Рида (Fransis Reid). Здесь он проработает около шести лет.³³⁷ И уже затем широкомасштабные садовые работы в Останкине будут доверены английскому садовому мастеру Р. Мэннерсу (Robert Manners), еще до этого успевшем сформировать пейзажную композицию при шереметьевском Фонтанном доме и в самой столице.³³⁸ Ему же в 1803 г. Шереметев поручит создание «аглинского сада» при московском Странноприимном доме. Пользовавшийся особым покровительством графа, тот же Мэннерс с конца 1790-х гг. примет деятельное участие и в формировании пейзажных районов Кусковского парка. Там же в Кусково в 1805 г. начнет свою деятельность и английский садовник Р. Керис (Robert Carys?).³³⁹ По всей видимости, он был не менее опытным мастером. Так, в неоднократно дававшихся им объявлениях в «Московских ведомостях» за 1806 г. сообщалось о продаже оранжерейных деревьев и наборе всех желающих «для обучения разводить английские сады и регулярные, рисовать планы и чертежи».³⁴⁰ Мэннерс, а затем и Керрис, вероятно, принимали не менее деятельное участие в формировании Английского парка в подмосковной усадьбе Жихарево, принадлежавшей Шереметевым еще с середины XVIII в. В письме от 18 октября 1803 г., разъясняя А.Ф. Малиновскому, московскому своему управляющему, главный смысл задуманной вслед за кончиной супруги кардинальной реконструкции этой усадьбы, Н.П. Шереметев подчеркивал: «Прекрасное расположение того сельца подало мысль построить небольшую хижину, которая со временем может для меня быть приятным уединением».³⁴¹ На этот раз курировать начавшиеся летом 1804 г. садовые работы граф поручит именно Малиновскому. Следовательно, принадлежавший, скорей всего, твор-

честву Мэннерса проектный замысел парка был к этому времени уже одобрен заказчиком.

Под устройство пейзажной композиции отойдет живописно изрезанный глубокими оврагами береговой склон р. Малой Истры. Парк включал в себя березовую рощу, липовые аллеи и многократно увеличенный в габаритах пруд, дополнявшийся целым рядом разновеликих островов. Во многом непривычный для пейзажного планирования его абрис представлял собой подчеркнута асимметричную многоугольную форму.³⁴² Совершенно особую образно-смысловую значимость придавал этому парку располагавшийся в непосредственной близости от него старинный («готический») комплекс Ново-Иерусалимского монастыря.³⁴³ И сам господский дом, и парные его флигеля, и основная часть парка были сориентированы именно на него, что способствовало появлению поразительных по художественной своей новизне панорамных раскрытий. Соответственно и зеркало пруда многократно усиливало этот пространственный эффект. Впрочем, сам заказчик так и не сможет посетить Жихарево и на месте оценить всех достоинств еще одного своего пейзажного парка, который после его смерти придет в полное запустение.

Относящиеся к 1804 г. сведения подтверждают, что село Константиново Серпуховского уезда Московской губернии принадлежало в то время графу Н.П. Шереметеву.³⁴⁴ В находившейся поблизости одноименной усадьбе был сформирован пейзажный парк, скорее всего, также в начале 1800-х гг.³⁴⁵ Его композиция была изначально определена очень выразительным сложно-пересеченным рельефом, весьма развитой водной системой и впечатляющими панорамными раскрытиями. Главенствующую же роль в этом парке играл сформированный на притоке р. Рожайки обширный пруд. Причем восточной его оконечности был придан лучковый абрис, что позволяло активизировать визуальное восприятие со стороны усадебного дома, закреплявшего верхнюю кромку рельефа. К нему же вплотную подступал обширный стриженный луг, устроенный на плавно понижавшемся рельефе. Уже во 2-й половине XIX в.

первоначальный облик парка был в значительной мере утрачен. В сильно трансформированном виде до нашего времени сохранятся только большой пруд с живописно разбросанным по склонам раскидистыми липами и созданный к северу от усадебного дома высокий мыс с круглой в плане беседкой Миловида.

Между 1769 и 1784 гг. сразу четверо представителей княжеского рода Гагариных посетят Англию.³⁴⁶ Деятельный участник Чесменского сражения (1770) Иван Сергеевич (1754-1810) будет находиться здесь по делам флота с 1763 по 1769 гг.³⁴⁷ Гавриил Петрович Гагарин (1745-1808), как уже отмечалось, путешествовал по английским провинциям совместно с Н.П. Шереметевым и А.Б. Куракиным в конце 1771 г.³⁴⁸ Уже в следующем 1772 г. также в качестве путешественника сюда прибудет Сергей Сергеевич Гагарин (1745-1798). Наконец, прикомандированный к А.С. Мусину-Пушкину Петр Иванович Гагарин прослужит в русском лондонском посольстве более десяти лет, с 1773 по 1784 гг.

Скорее всего, английская поездка князя С.С. Гагарина отвечала вполне конкретному замыслу по заведению собственной усадьбы в недавно приобретенном подмосковном селе Никольское (Никольское-Гагарино). Соответственно и к закладке здесь пейзажного парка он приступит сразу по возвращении из Англии. Под обширную его территорию отойдет круто ниспадавший береговой склон р. Озерной у впадения ее в Тростенское озеро. Северной своей частью этот парк подступал к закреплявшем самую возвышенную точку рельефа главному усадебному дому, который совместно с парными его флигелями будет выстроен по проекту И.Е. Старова.³⁴⁹ Помимо собственно владельца в самой реализации этой полностью утраченной парковой композиции деятельное участие, как полагают исследователи, примет и А.Т. Болотов. Отмечая безупречный выбор места для размещения представительной части усадьбы и примыкавшего к ней Английского парка, он в 1776 г. напишет: «Едучи подле большого озера, прилегающего к той горе, на которой построен у молодого князя каменный дом, не мог я положением и красою всех окружающих оное озеро мест довольно налюбоваться».³⁵⁰

Из знаменитой пятерки братьев графов Орловых трое побывали в Англии, Владимир Григорьевич (1743-1831), Григорий Григорьевич (1734-1783) и Алексей Григорьевич (1737-1808).

Вплоть до двадцати лет В.Г. Орлов по слабости здоровья проживал в основном в деревне. Здесь и зародится наполненное возвышенными поэтическими образами совершенно особое его отношение к природе среднерусской полосы.³⁵¹ Пребывая в должности директора Академии наук вскоре по завершении Лейпцигского университета, он в очередной свой отпуск в апрельские дни 1770 г. отправится из Москвы по Каширской дороге и будет с большим интересом примечать живописные достоинства подмосковных земель: «Места между селами Пахрой и Лопасней хорошие, с многими рощами».³⁵² Тогда же П.Ф. Нащокин пригласит графа отобедать в своем имении, и тот проследует через Хатунскую волость – самую выразительную из тех, что доводилось ему видеть прежде.

Следующим летом, находясь с супругой в западноевропейском турне, В.Г. Орлов встретит во Франкфурте уже посетившую Англию Е.Р. Дашкову. И та поведает ему о наиболее ярких английских своих впечатлениях.³⁵³ Спустя год он решит и сам воочию познакомиться с Англией, где проживет в общей сложности более четырех месяцев - с 8 октября 1772 г. до 18 февраля 1773 гг.³⁵⁴ Уже много позже граф В.П. Орлов-Давыдов касательно этой поездки деда напишет: «В Англии путешественник выведен был из своего постоянного спокойствия удивлением благосостоянию жителей и фабричной деятельности, и политическими учреждениями народа, тогда уже первенствовавшего в просвещении. Владимир Орлов был тронут приветливостью англичан и, несмотря на обычный его лаконизм, видно, как он поражен был прениями в Нижней Палате Великобританского парламента».³⁵⁵

Целый ряд обстоятельств пребывания в Англии В.Г. Орлова проясняются из его же собственного путевого дневника.³⁵⁶ Отсюда узнаем, что вместе с ним путешествовали поверенный в делах в Испании С.С. Зиновьев (1740-1794) и обер-

прокурор Сената А.В. Нарышкин (1742-1800). Помимо курортного Бата все вместе посетят Виндзор, Оксфорд, Дерби, Манчестер, а перед этим еще и познакомится с целым ряд частных поместий, в том числе и со знаменитым Стоу: «...5-го октября сели на корабль: я с семьею моею, Степан Степаныч Зиновьев и Алексей Васильевич Нарышкин. Он не мог войти в гавань и мы принуждены были доплыть до Довера в маленьких лодочках. 8-го октября прибыли в Лондон. Дорога шла чрез Кантербург и Рочестер. Виды были прекрасные, особливо около Рочестера. (...) В Лондоне остановился только несколько дней. А 16-го пустился странствовать по земле, и того же дня видел Виндзор, увеселительный королевский дом с обширным садом, онаго окружность 42 версты. В Оксфорде осмотрел университет и больницу, а поблизости сего города замок Бленгейм, принадлежащий фамилии Марлборутской, сие строение редкое и прекрасное. (...) Сад Лорда Темпеля в Стове (*Stowe*). Сей из первых, который расположен по Аглинскому вкусу. Поля осажены плотным кустарником, что не мало украшает. Скот остается по ночам в поле... Очень много поденщиков, из которых некоторые довольно бедны. Был в саду у Лорда Литлетона (*Hagley Hall*), в котором мало искусства, но положение прекрасное и виды отменные».³⁵⁷

Посещал Орлов и королевские резиденции, где близко сошелся и с самыми влиятельными придворными лицами: «Пять раз был я с женою при дворе. Король и королева обходились с нами с отменною милостию. Король говорил часто со мною о моей семье, многие подробности были ему известны, что меня не мало удивляло... услышав от меня, что мы живем не в разделе (с братьями), крайне сему удивлялся. (...) Герцог Нотумберланд с супругою своею, Милорд Шельборн, Болби и Г. Мориц оказывали нам отменные ласки, особливо дом Герцога Нотумберланда. Они всеми силами старались сделать пребывание наше приятным со всех сторон и в Лондоне и в Бате. (...)»³⁵⁸ Внук на этот счет добавит: «(...) При Сентжемском Дворе Владимир Орлов отличался от многих знатных иностранцев и от своих соотечественников тем, что не имел никаких орденов – ни звезды, ни ленты, ни малейшего креста. (...) Герцог Нотумбер-

ландский, разставшись с Орловым, послал ему в подарок пару отменных лошадей; - Орлов отдал ему его соболями. С ним и с другими англичанами он переписывался конфиденциально о своих семейных делах и о здоровье своей жены и детей». ³⁵⁹

Впрочем, основную часть визита Орлов проведет не в столице, а на излечении, в курортном Бате (Bath): «4 Ноября приехала жена моя и с детьми в Бат... (...) Бат город очень небольшой, но прекрасный, здания отменные и великолепныя, окружен со всех сторон возвышенностями, зелень в сие время была почти, как середь лета, и по уверению жителей, во всю зиму продолжается. Здесь находятся три целительные ключа, - из одного пил я две недели. Здесь я остановился 8 недель, а к новому году возвратился в Лондон». ³⁶⁰

В поездках же по стране особого внимания и зависти удостоится развитая сеть рукотворных каналов, игравших важную роль в экономическом могуществе страны: «11 миль от Манчестера видел канал, - сделал его Герцог Бриджватер, - возят по нему в город каменные уголья, построен очень хорошо, и конечно стоит большого издивения. Сей канал проведен теперь до Ливерпуля, стены и свод онаго сделаны из простого кирпича, и так крепки, что ни где ни малейшей порчи не видно; он простирается на 2 мили под землю до самого места, где копаются уголь, подвоз водою унижил много цену. За сие благодеяние народ обожает Герцога, особливо бедные. (...) В сей земле наделано очень много каналов. Мне случилось видеть три, которые ведены чрез реки, поперег оных; сперва состроят свод с однаго берега на другой, потом по обеим сторонам онаго стены, и вода находится в них как в ящике». ³⁶¹

Не менее глубокое впечатление произвела на графа и красота пейзажных парков. Обобщая все виденное, он отметит: «Луга и текучие воды поблизости домов и в виду украшают очень Аглицкие сады. Траву косят обыкновенно чрез две недели, чрез что зелень и мягкость ее сохраняется. Прочую красоту садов их видеть было невозможно в сие позднее время. При расположении оных стараются... подражать природе, и скрыть работу, которая необходима, и часто мно-

го труднее бывает, нежели в регулярных. В сих садах все разбросано инде лесок, инде кустарник, инде цветы, инде лужок».³⁶²

Английская поездка еще более укрепит намерение В.Г. Орлова окончательно оставить службу и перебраться на постоянное жительство в собственное имение. В.П. Орлов-Давыдов по этому поводу замечал: «Впечатления путешествия по Англии обнаружались впоследствии в разных распоряжениях частной жизни Орлова. Он занялся очень серьезно устройством сельской своей резиденции, оставил первую мысль строить большой дворец в Симбирской губернии и выбрал местность более доступную, особенно в то время, когда средства сообщения были самая недостаточная, и потому поселился окончательно в Московской губернии. Тут, как будет видно впоследствии, он соединил по возможности все, что могло составлять наслаждение сельской жизни; тут принимал он родственников и друзей, которые у него гостили по целым неделям».³⁶³

Действительно, в 1774 г. В.Г. Орлов выйдет в отставку и сразу приступит к формированию собственного усадебного комплекса в Семеновском (Серпуховского уезда Московской губернии), в той самой Хатуни, которая и после возвращения из Англии оставалась для этого самой подходящей. Впрочем, прежде последует его обращение с настоятельной просьбой к старшему брату Григорию о получении от императрицы Хатунской волости в качестве подарка. И только решив этот важнейший для себя вопрос, он приступит к детальному ознакомлению с местностью, о чем в начале мая 1774 г. и проинформирует его: «В твоей Хатуни все места выглядел, и избрал для дома место, где буду помаленьку и строиться. Положение деревни сей вообще хорошо и для житья выгодно... Местоположение есть между тем очень хорошее, из того числа выбранное мною. Эта гора лежит точно против той горы, где для тебя хоромы будут строить. Мы будем верстах в пяти друг от друга, и в зрительскую трубку можно глядеть; я было нынешний же год хотел построить хоромы на выбранном месте, в чем мне Алехан Московский и руку помощи обещал... Еще было у нас маленькое несогласие в выборе деревень, только все кончилось ладно и

дружелюбно, и он взялся на каменный дом материалы заготовлять на будущий год и с меня во всем подписку взял». В сделанной же приписке он особо подчеркивал, что «с Хатунью по красоте и богатству мест может сравниться только одно из сел Григория под Костромой».³⁶⁴

Для разработки проекта и формирования на живописных берегах р. Лопасни обширного Английского парка он, как и Н.П. Шереметев, привлечет императорского садовника Ф. Рида, приезжавшего сюда из Царицына наездами начиная с конца августа 1787 г. Впрочем, тот изначально должен был не только руководствоваться уже сложившейся структурой усадебной застройки, но и всякий раз учитывать вполне конкретные пожелания графа, весьма эрудированного по части садоводства, к тому же единственного из братьев имевшего высшее образование.

После смерти В.Г. Орлова усадьба Семеновское-Отрада вплоть до 1845 г. будет находиться в собственности его дочери - Е.Г. Новосильцевой, а затем надолго отойдет к В.П. Орлову-Давыдову (1809-1882). И соответственно корректировка сложившейся структуры парка будет происходить уже при непосредственном его участии с привлечением садовника Василия Калинина, английского архитектора К.П. Бруммера и английского садового мастера Джона Финлея.³⁶⁵

В свои неполные 16 лет под присмотром гувернера-англичанина В.П. Орлов-Давыдов отправится в Эдинбургский университет для продолжения образования летом 1825 г.³⁶⁶ Наряду со множеством английских и шотландских парков он уже в первый свой визит сможет познакомиться с пейзажной композицией В. Скотта в Абботсфорде, устроенной самим именитым владельцем на живописных берегах р. Твид.³⁶⁷ Граф посетит также Британские острова в 1837, 1860, 1867 и 1872 гг. Он же в 1858 г. поместит в общедоступном журнале «Библиотека для чтения» собственную развернутую статью «О господских поместьях в Англии». В ней автор счел нужным привлечь первостепенное внимание к несомненным достижениям англичан в деле создания эстетически выразительной садовой среды, ставшей непременным атрибутом практически каждого

английского жилища: «...в течение столетия с небольшим, четвертая часть Англии, превращена из дикого места в сад. (...) Нигде природа так не привлекательна, как в парках и садах, где она украшена, но не разряжена искусством. (...) ...и один почти господский дом не попадает расположенный на самой дороге. Они все более или менее скрываются от глаз проходящего народа, и находятся в центре огромных парков. Гладкая укатанная дорога ведет от ворот к господскому дому, проходя по самым живописным местам, под густыми аллеями, но более между единичными деревьями, а иногда по великолепным мостам, перекинутым через реки. Дом то показывается издали приближающимся гостям, то скрывается за деревьями, и, наконец, вблизи является, смотря по своему характеру, великолепным, прекрасным и уютным. (...) Описания, напечатанные с прекрасными картинами парков, строений и главных внутренних помещений, дают довольно верное понятие об английских загородных домах всех времен, размеров и характеров».³⁶⁸

В 1859 г. Англию посетит также следующий владелец Семеновского-Отрады, граф С.В. Орлов-Давыдов, сын В.П. Орлова-Давыдова. В дневниковой его записи от 11 сентября относительно знакомства с одним частным парком читаем следующее: «В 11 часов по железной дороге в Плимут. (...) Там ездили по морю на лодке, видели много кораблей. Вышли на остров Маун-Еджкомб, там гуляли в парке лорда этого имени».³⁶⁹

К формированию располагавшейся на волжских берегах усадьбе Усолье В.Г. Орлов приступит практически одновременно с Отрадой. Уникальную природную красоту этой местности граф оценил еще во время состоявшегося в 1767 г. путешествия по Волге, когда был причислен к свите императрицы. Занимаясь же устройством не менее обширного усольского пейзажного парка, владелец решит за основу принять исходную планировочную схему своей подмосковной. В 1836 г. уже следующий владелец - В.П. Орлов-Давыдов, вслед за новейшими тенденциями английского садоводства, откорректирует первоначальный замысел парка. Именно тогда перед главным восточным фасадом уса-

дебного дома появится регулярная его часть, для чего собственно, и был нанят французский садовый мастер Помре. Украшалась она фонтаном и разделявшейся регулярной сетью дорожек цветочными клумбами, охваченными стриженными боскетами и разноцветными кустами сирени, насчитывавшей около 16 сортов. К этой регулярной вплотную подступала практически полностью затопленная в 1960-х гг. обширная первоначальная пейзажная часть, основанная на уникальном природном своеобразии Жигулевских гор. Именно поэтому кроме лиственницы все остальные деревья (дубы, липы, клены и сосны) доставляли сюда прямо из окрестных жигулевских лесов.³⁷⁰

Новый владелец Гатчины Г.Г. Орлов, разделявший увлеченность императрицы пейзажным садоводством, обращаясь 23 февраля 1767 г. из подмосковной Хатуни к Ж.-Ж. Руссо обратит, прежде всего, внимание на первозданные природные достоинства этого самого крупного своего имения: «Я думаю, что вы теперь в Англии у герцога Ричмондского и полагаю у него вам хорошо. Тем не менее, мне вздумалось сказать вам, что в 60 верстах от Петербурга, т.е. в 10 немецких милях, у меня есть поместье, где воздух здоров, вода восхитительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулки и возбуждающие к мечтательности. Местные жители не понимают ни по-английски, ни по-французски, еще менее по-гречески и латыни. Священник не знает ни диспутировать, ни проповедовать, а паства, сделав крестное знамение, добродушно думает, что сделано все. И так, милостивый государь, если такой уголок вам по вкусу, - от вас зависит поселиться в нем. Все нужное будет к вашим услугам, если вы пожелаете. Если нет, располагайте охотою и рыбною ловлею. (...) Сверх того, если вы пожелаете, всякая огласка о вашем пребывании будет устранена. (...) Вот, милостивый государь, что я счел вправе предложить вам из признательности за почерпнутое мною в ваших книгах, хотя они были писаны и не для меня. Остаюсь с глубоким уважением и пр».³⁷¹

К устройству в Гатчине пейзажного парка граф приступит спустя три года, когда императрица выпишет для этого английских садовых мастеров. Ко вре-

мени отъезда графа в Англию часть садовых работ будет осуществлена, но предстояло сделать еще очень многое. В Лондоне вместе с В.Н. Зиновьевым Григорий окажется 29 сентября 1775 г. Спустя два с половиной месяца он покинет английский берег, отплыв из Плимута 12 декабря в направлении Петербурга.³⁷² В местной столичной прессе от 19 октября, относительно пребывания очередного высокопоставленного российского гостя на английской земле, сообщалось: «Посмотрев два дневных заезда в Ньюмаркете, его сиятельство посетил аббатство Уоборн, Стоу, Бленхейм и Оксфорд; до возвращения в город он намеревается посетить Бат, Солсбери, Винчестер, Портсмут, Пейнзхилл и т.д».³⁷³ Известно также, что 25 октября Орлов посетит одну из королевских резиденций, где ему также был оказан радушный прием.³⁷⁴ Видимо именно тогда его привлечет искусство английских художников, особенно мастерски воспроизводивших морские батальные сцены. Так, парадные интерьеры гатчинского дворца граф украсит произведениями довольно известного у себя на родине английского мариниста Р. Пэйтона (Richard Paton, 1717-1791). Об этом упомянет оказавшийся в Гатчине в 1787 г. венесуэлец Ф. де Миранда (1750-1816): «Меня разместили в салоне, где была целая серия картин. На четырех больших полотнах изображены действия эскадры у анатолийских берегов; это, как мне сказали, английская работа, выполненная из papier mache».³⁷⁵

Английская поездка существенно обогатит представления Г.Г. Орлова о пейзажном садоводстве что, несомненно, скажется на обустройстве целого ряда пейзажных районов гатчинского парка. И если подаренная императрицей Ропша так и останется без малейшего его участия, всякий раз вызывая лишь тягостные воспоминания, то в другом своем имении - Лигово к устройству Английского парка он приступит вскоре по возвращении из Англии.³⁷⁶ Находилось оно у одноименной деревни на Петергофской дороге в тринадцати верстах от Петербурга вблизи Александрино, принадлежавшей И.Г. Чернышеву.

Лиговский парк формировался во 2-й половине 1770-х – начале 1780-х гг., видимо, с привлечением все тех же выписанных из Англии гатчинских садовых

мастеров. Само же участие владельца могло сказаться в исходном замысле, предполагавшем самое активное использование береговой линии р. Лиговки и доходившего до Финского залива соснового леса. Георги в данной связи будет весьма немногословен: «Лигово или Полежаевский парк - имение Г.Г. Орлова, подаренное ему императрицей».³⁷⁷ Орловский парк все еще продолжал существовать и в 1840-е гг., когда усадьба отойдет к А.Г. Кушелеву и поступит в ведение англичанина Мак-Лотлинг. Последние зримые свидетельства его существования обнаружит в конце XIX в. М.И. Пыляев, отмечая, что «по дну оврагов и обмелевших прудов еще посейчас кое-где растут на вековых своих пнях ракиты и ольхи, посаженные рукою Г.Г. Орлова».³⁷⁸

В отправленном из Петербурга письме от 2 февраля 1781 г. касательно графа А.Г. Орлова-Чесменского британский посланник Д. Гаррис заметит: «Я постоянно старался поддерживать знакомство с Орловыми; и, хотя они отъявленные враги моего друга, но мне до сих пор удавалось сохранять с ними хорошие отношения, не навлекая тем на себя его раздражения. Задача эта была мне весьма облегчена их особенно-либеральным характером и их доброжелательством к Англии, основанном на патриотизме и на здравом смысле. Граф Алексей, самый просвещенный и самый деятельный из всего семейства, хотя и не в милости, однако имеет большое влияние всякий раз, как говорит с императрицей; он особенно ясен в своих речах, счастлив в выражениях и говорит императрице с такой свободой, которую бы никто другой не смел употребить.

Я много разговаривал с ним по его приезде и сделал все, что от меня зависело, с целью уговорить его вызвать императрицу на разговор о политических предметах. Вчера он сообщил мне разсуждения, происходившие между ними в понедельник. Поводом к ним послужило то, что еще в субботу императрица спросила у него, почему в последнее свое путешествие он не посетил Англии. Он отвечал посреди многочисленного общества, что ему совестно было показаться в королевстве, которому Россия была стольким обязана, показаться в ту минуту, когда Русский флот отправлялся в море с целью действовать прямо

вразрез с самыми существенными интересами этого королевства; что, появившись в Лондоне, он бы ожидал, что все его старинные знакомые Средиземного моря отвернутся от него».³⁷⁹

Англию граф все же посетит, но только спустя восемь лет вслед за тем, как в январе 1779 г. сюда прибудет его сын А.А. Чесменский (1763-1820), отправленный отцом для изучения математики на попечение лорда Г. Пемброка (Herbert, Henry, 9th Earl of Pembroke).³⁸⁰ Александр проживет здесь более полутора лет, завершив учебный курс летом 1780 г. За полгода до этого, в январском обращении к попечителю тот же У. Кокс упомянет его как вполне освоившегося на новом месте русского студента, который «уже несколько месяцев, как поселился в Кембридже, но не в каком-нибудь из колледжей, а в частном доме. Он всем очень нравится и повсюду его хорошо принимают. Он очень старается и удивительно хорошо говорит по-английски».³⁸¹

Столь длительное пребывание в Англии немало способствовало непосредственному знакомству Чесменского с частными поместьями и соответственно с их парками. Он, вероятно, неоднократно гостил у именитого своего попечителя и в самом Вилтоне. Поэтому не следует исключать участие Александра в обустройстве пейзажных парков своего отца. Оставив армейскую службу и выйдя в отставку в 1795 г., он обоснуется в Садках, в подмосковном его имении. Увлеченный передовой английской техникой, он даже наладит здесь выпуск сельхозмашин, широко привлекая для этого английских мастеров.³⁸² Остается только догадываться относительно устройства в Садках хотя бы небольшого пейзажного парка.

Насчет посещения Англии графом А.Г. Орловым-Чесменским мало что известно. В Лондон он прибудет с графом Ф.В. Ростопчиным в 1787 г. и останется там на некоторое время еще и в следующем году. Оба посещали петушинные бои, а однажды «попали на бой знаменитых в то время в Англии кулачных бойцов: англичанина Жаксона и ирландца Рейна».³⁸³ Впрочем, после обстоятельных рассказов уже посетивших Англию братьев и сына, Алексей не мог огра-

ничиться только этими экзотическими зрелищами, но видел еще много чего, в том числе сады и парки - общегородские, королевские и частные.³⁸⁴

Выйдя в отставку в 1775 г. в возрасте 38 лет, А.Г. Орлов практически одновременно приступит к обустройству сразу нескольких своих подмосковных усадеб, каждая из которых формировалась в наиболее живописных местах с непрерывным использованием сложно-пересеченного рельефа. Одна из них, сформированная практически заново, располагалась в непосредственной близости от усадьбы Семеновское-Отрада, и, надо полагать, также включала в себя пейзажный парк.³⁸⁵

Юго-восточнее Москвы Алексей полностью перестроит усадьбу Остров, подаренную самой императрицей еще в 1767 г. вместе с дворцовыми землями одноименного села.³⁸⁶ Английский парк здесь формировался в 1780-х - начале 1800-х гг. А в 1808 г., когда усадьба перешла к дочери - А.А. Орловой-Чесменской, там уже находились «обширный дом и превосходный сад, раскинутый по холмам и скатам холмов с удивительным разнообразием и украшенный множеством беседок и павильонов».³⁸⁷ Сам же выбор места, как и использование протяженного рва с валом («ha-ha»), или ведущих свое происхождение от У. Кента живописно разбросанных куп высокорослых деревьев («clumps»), убеждает в том, что помимо самого владельца устройством пейзажного парка занимался высококлассный специалист. Е.П. Щукина, обследовавшая Остров в 1948 г., наглядно это подтверждает: «(...) Лежит эта усадьба на вершине продолговатой возвышенности, которая мысом врзается в широкую луговую долину р. Москвы. Неширокая речка Бережанка (Южинка), искусственно углубленная и подведенная под самую возвышенность, крутой дугой огибает ее. Эта водная преграда является рубежом усадебного парка и делает Остров недоступным со стороны равнины.

Воспринимая усадьбу при подходе к ней со стороны охватывающих ее с севера широких лугов, мы обращаем прежде всего внимание на ее удивительно простой и цельный художественный образ. (...) Кульминационным пунктом

композиции является оконечность мыса с воздвигнутой на нем шатровой каменной церковью... (...) По склонам возвышенности, охватывая широкой дугой верхнее плато, раскинулся натуральный сад. Наиболее художественно и архитектурно-разнообразным участком парка является изгиб дуги, охватывающий оконечность мыса. Он решен в виде трех террас.

На нижней террасе между Бережанкой и началом подъема лежит продолговатый изогнутый пруд. Этот пруд своей зеркальной гладью с глубоким отражением иллюзорно увеличивает крутизну и высоту подъема начинающейся за ним возвышенности. На лугу перед прудом сохранилось несколько одиночных деревьев; густая и мощная растительность сосредоточена по берегам Бережанки, окаймленной огромными старыми ивами. Сохранившиеся парковые дороги идут вдоль берегов пруда и у подошвы возвышенности.

Средней террасой является довольно широкая врезанная в склон парковая аллея, которая проходит над прудом примерно на высоте 6 метров, а затем круто спускается к реке. В свое время эта аллея была обсажена деревьями, по видимому, скомпонованными в группы. (...) Наконец, верхней террасой являлась вершина, на которой в северо-восточной части стояла церковь. (...) По восточному склону растянулся липовый парк, пересекаемый несколькими широкими парковыми дорогами, свободно идущими сначала по склону возвышенности, а затем у ее подножия. Восточным рубежом этой части усадьбы служит небольшой ров и вал, идущие вдоль края парка».³⁸⁸

Формированием собственного Английского парка в подмосковной усадьбе Нескучное А.Г. Орлов займется в последние годы жизни. Это станет возможным вслед за слиянием двух прежде смежных владений, находившихся в непосредственной близости от Донского монастыря, между Старой Калужской дорогой и Москвой-рекой. Поначалу в 1786 г. его брат Ф.Г. Орлов (1741-1796) приобретет Г-образное в плане фабричное имение купцов Сериковых. Это владение «с садом с березовою рощею и с пустопорозжею белою землею» все еще содержало поблизости от дороги производственные строения, вскоре сне-

сенные.³⁸⁹ В 1793 г. ему же удастся выкупить у вдовы князя А.А. Вяземского Е.Н. Вяземской (урожденной Трубецкой) еще один усадебный комплекс, который вплоть до конца 1780-х гг. принадлежал П.А. Демидову.³⁹⁰ Произошедшее тогда же объединение двух имений и позволит вплотную приступить к широкомасштабным садовым работам. Впрочем, побывавший здесь в начале 1790-х гг. У. Кокс нового сада здесь еще не увидит, зато упомянет об усадебной застройке, перешедшей к А.Г. Орлову от Демидова: «Дом находится на краю города, на возвышенном месте, у него очень хороший вид на Москву и окрестности. Вокруг него расположено много отдельных зданий. Помещения служащих, конюшни, берейторская школа и другие здания построены из булыжника, фундамент и нижний этаж графских хором также из булыжника, верх же деревянный и выкрашен в зеленую краску».³⁹¹ Предметом особой гордости нового хозяина были и демидовские оранжереи. И, соответственно, Кокс был приятно удивлен изобилием предложенных ему на десерт экзотических фруктов.³⁹²

Сам же Английский парк формировался в рамках завершившейся уже в начале следующего столетия комплексной реконструкции имения, что и подтверждает К. Вильмот в письме к А. Четвуд от 16 июня 1807 г.: «Очень красив сад Орлова – расположенный на склоне, он изрезан бесчисленными дорожками, холмиками, лужайками и обрывами; разнообразие беседок и купален радует глаз. Между прочим, в парковой архитектуре используется березовая кора: вы и представить себе не можете, как это замечательно выглядит – как будто летние домики и беседки возведены рукой самой природы. В споре с голландскими садоводами победили англичане, и парки в голландском стиле повсеместно исчезают».³⁹³ Впрочем, в более раннем лейпцигском издании этого письма нетрудно различить и другие смысловые оттенки: «У Небольсиной мы нашли большое собрание окружных помещиков... Эта женщина даже очень веселая вдова, живущая, подобно королеве, в ее богатом имении, среди садов, устроенных в Английском вкусе. (...) Каждый вечер мы посещали окрестности Москвы, гуляли в

«Нескучном», Останкино, Царицыне и других превосходных местностях. (...) На склоне этой горы раскидывается сад Орлова, изрезанный разнообразными аллеями, холмами, пропастями, лужайками, с непременною баней и церковью. (...) Благодаря Англинским садовникам, немецкий вкус здесь уничтожается».³⁹⁴

В принадлежавшей некогда Демидовым северной части имения А.Г. Орлов перестроил главный дом и выстроил по единой поперечной оси два парных флигеля. Вновь образованный циркульный парадный двор теперь совмещался с Калужской дорогой благодаря подъездной трассе, целиком сориентированной на главный усадебный дом. Соответственно и оба примыкавшие к ней участка, прежде содержавшие лишь производственные строения Сериковых, комплексно озеленятся. Располагавшийся же между главным домом и Москвой-рекой демидовский регулярный террасный парк в целом сохранялся. Радикально менялась лишь подступавшая к сильно изрезанной береговой линией его пониженная часть, приобретшая чисто живописную трактовку.³⁹⁵ Под Английский же парк отводилась основная часть усадебной территории, располагавшейся юго-западнее протяженного оврага.

В 1796 г. Ф.Г. Орлов завещал Нескучное своей племяннице А.А. Орловой-Чесменской. Та продаст имение в 1832 г. Николаю I, в результате чего оно и окажется в ведении императрицы Александры Федоровны. Составленный тогда же фиксационный генплан позволяет высветить ряд композиционных черт Английского парка, безусловно, создававшегося с привлечением опытного, вероятно, английского садового мастера.³⁹⁶

Парк размещался на круто ниспадающей и сильно изрезанной береговой кромке Москвы-реки и дополнялся целым рядом разностильных сооружений. Практически все его пейзажные части визуально сообщались с древней столицей и самим Кремлем, особенно эффектно воспринимавшегося на фоне уходящего в даль плавно изгибающегося речного русла. Для связи двух разделявшихся оврагом садовых пространств, служили два моста: «мост каменный о трех арках, соединяющий дворы чрез овраг» и «мост малый каменный об одной

арке соединяющий сад... на оном турецкая беседка деревянная крыта железом». Скругленную кромку рельефа в юго-западной части парка закреплял «летний домик каменный о двух этажах». Южнее него находился приближенный к реке большой копаный пруд, украшенный островком не менее живописного очертания. На противоположном берегу этого пруда помещался «проходной грот с каменным сводом... убранный снаружи ноздреватым камнем; на оном деревянная беседка ветхая бересчатая внутри оштукатурена, а снаружи обшита тесом». С восточной оконечностью пруда был совмещен украшенный колоннами «домик у пруда каменной ветхой одноэтажной со сводом дикого камня». Восточнее него, также с видами на пруд, располагалась «беседка египетская деревянная ветхая на каменном фундаменте... внутри оштукатурена а снаружи покрыта тесом». Также отмечалось, что и «над колодцем в ограде аглинского сада» имеется «вроде беседки с куполом деревянное ветхое строение». Однако подчеркивалось: «...за исключением главного дома, и при оном двух флигелей, в агленском саду двух домиков, прочее строение вышеписанное с наружи неоштукатурены».³⁹⁷ При императрице Александре Федоровне все эти постройки, видимо, некоторое время еще сохранялись. Выразительность же самого рельефа этого последнего орловского парка можно было ощутить и в 1920-е гг.³⁹⁸

В XVIII в. сразу несколько Нарышкиных побывали в Англии. Для обучения мореплаванию в 1709-1721 гг. здесь находились два совсем еще юных двоюродных брата Петра I, Александр Львович (1694-1746) и Иван Львович (1700-1734). Одному в год прибытия было четырнадцать, а другому всего восемь лет.³⁹⁹ По возвращении на родину Иван, из-за неважного здоровья, скоро уволился из флота, а Александр в 1722 г. станет директором петербургской Морской академии, однако, при Петре II (1727-1730) ненадолго окажется в ссылке.⁴⁰⁰

Нам, впрочем, неизвестно, посещал ли Англию его сын - Лев Александрович Нарышкин (1733-1799) или его интерес к пейзажному садоводству перешел

от отца, однако именно с ним - обер-шталмейстером Екатерины II, и будет связано формирование одного из первых отечественных «аглинских садов». Создавался он в кратчайшие сроки на нижней террасе в ближайшем от Красного Кабачка имении Левендаль (Га! Га!), приобретенном владельцем в конце 1760-х гг. и вскоре ставшем одним из самых известных на Петергофской дороге.⁴⁰¹ Надо полагать, что уже к лету 1770 г. значительная часть садовых работ была завершена. Это подтверждается июльским посещением императрицы, только что приступившей к реализации своего собственного царскосельского пейзажного парка. После обеда она пошла «к взморью, в рощу, среди которой сделаны перспективные каналы и озерки, посреди которых находятся островки и на оных несколько беседок».⁴⁰² Те же садовые новшества привлекут внимание и В.Г. Рубана, опубликовавшего собственное стихотворение в августе того же года:

«Природа в сих местах искусство превышает;
Искусство естеству в порядке подражает,
В ведении кривых дорог промеж дерев,
Стремительным с горы течением ручьев,
Которые свой бег на части разделяют,
И взору острова прелестны представляют... (...)
Прошед сии места, холм узришь возвышенный,
На коем храм стоит Дианнин украшенный (...)
И Флора разными владеет здесь местами,
Прекрасными оными они разпещрены цветами.
И к удовольствию Нимф, Граций и Наяд
Прозрачные ручьи с веселием шумят,
Кудрявых древ верхи в себе изображают
И к белтским берегам бег быстрый устремляют
И причиняют тем приятный слуху шум,

Впрочем, и в последующие два года эти с самого начала интенсивно осуществлявшиеся работы не прекращались, видимо, именно тогда и было создано большинство садовых сооружений. Один из репортеров «Санктпетербургских ведомостей», описывая состоявшийся 29 июля 1772 г. грандиозный праздник в честь императрицы, русского оружия и покорения Крыма, подчеркивал в этой связи: «В роще каждое место было разнообразно украшено. На острове, где стояли прежде качели и другие игры, происходили разные театральные представления. Гуляя по саду, государыня незаметно вступила в густоту дремучего леса, в глубине которого находилась глубокая пещера, мхом и дерном обросшая; на верху пещеры лежали плоды и цветы. При осмотре последней государыня вдруг услышала пастушью свирель. Следуя к голосу свирели, Екатерина подошла к холму, покрытому цветами, на верху холма стояла пастушья хижина, у подножия холма виднелись пастухи со стадами овец и пастушки, собирающие цветы. (...) Но тут гора, к которой подходила императрица, вдруг расступилась и вместо хижины открылся огромный и великолепный храм победы, выстроенный о двух покоях... (...) Просмотрев все эти картины, государыня отправилась в Китайский домик... Все здания, как роща и ограды, были освещены налитым воском... По окончании ужина и по возвращении императрицы в рощу был сожжен на лугу, на берегу реки, именуемой Красной, фейерверк...»⁴⁰⁴

В очередной свой раз императрица посетит Левендаль 3 июля 1774 г. Вернувшись со свитой из Петергофа в столицу, она сначала отобедает у И.И. Бецкого, затем заедет в Зимний и посетит Академию художеств, а на обратном пути отправится на мызу обер-шенка А.А. Нарышкина в Островки.⁴⁰⁵ Как сообщалось в Камер-фурьерском журнале, именно здесь в среде пейзажного парка уже находились «китайский», «земляной» и «охотничий» домики.⁴⁰⁶ Несомненно, считая этот парк достойным образцом новейшего садоводства, она 10 июня

1777 г. заедет сюда со шведским королем Густавом III, а в 1780 г. с австрийским императором Иосифом II.

То, что облик парка в целом отвечал художественным воззрениям У. Чемберса, подтверждает и М.-Д. Корберон: «Есть там цветники, киоски, китайские беседки и повсюду расставлены удобные садовые скамейки. На острова проложены мостики, настоящие и плавучие. Хорошенькая золоченая шляпочка готова для прогулок по воде...»⁴⁰⁷ Он же подчеркивал, что для достижения еще большего художественного эффекта все садовники были переодеты в китайские костюмы. Эту основную стилевую направленность парка подмечает и Георги: «По левой стороне дороги находится (...) знатный жилой дом в два этажа с садом, а по правой главный сад, простирающийся до морского залива. Он состоит в увеселительном лесу в аглинском вкусе, с прудом, храмом, великолепным китайским мандариновым двором, одним российским и одним голландским крестьянским двором, жилищем пустынника, беседками и пр.»⁴⁰⁸

Во 2-й половине XVIII – начале XIX вв. Л.А. Нарышкин также владел подмосковной усадьбой Кунцево. И видимо при нем на речке Фильке был устроен Большой пруд, призванный стать главным элементом вновь формирующейся пейзажной композиции. Именно здесь в господском доме в летние дни 1800 г. проживал Н.М. Карамзин, который, восторгаясь окрестными видами, подчеркивал, что «в окрестностях Москвы нет ничего ему подобного красотой». К этому времени и на возвышенных берегах Москвы-реки, и в прибрежной ее части обширные садовые работы, скорее всего, были уже завершены.⁴⁰⁹

Другой не менее успешный сын А.Л. Нарышкина, обер-шенк императрицы Александр Александрович Нарышкин (1726-1795) практически одновременно с Левендалем формировал Английский сад в соседней своей усадьбе Красная Мыза (Ба! Ба!). Еще в 1762 г. он обзавелся одним из стандартных участков у Петергофской дороги, но вскоре прикупил еще три.⁴¹⁰ Довольно развитая водная структура этого парка учитывала размещение в центральной его части обширного пруда живописного очертания с несколькими островами. Проложен-

ные от него в разные стороны извилистые ручьи доходили и до канала, фиксировавшего северную границу участка. Один из них упирался в строение Адмиралтейства, где помещались специально предназначенные для хозяев и публики прогулочные суда. Соответственно на островах, как и на всей парковой территории, имелась развитая сеть пейзажных дорог. Здесь же, на фоне обширного зеркала воды помещались и основные парковые сооружения, в частности, Зал для балов и Круглый зал. В одном из них была даже установлена камера обскура, призванная еще более акцентировать красоту окрестных видов в тесной зависимости от времени года, погоды, утренних или вечерних часов. Тому отвечало и подступавшее к главному усадебному дому, и самому пруду обширное луговое пространство со свободно пасущимися на нем животными. Вместе с тем в целом сумрачная композиция существенно удаленного от дома приморского пейзажного района была изначально predeterminedена сохранявшимся «диким» лесным массивом, прорезаемым всего лишь единственной просекой. Именно поэтому в глубине темных его зарослей едва угадывался силуэт специально помещенного сюда Арабескового зала.⁴¹¹

Представить первоначальный облик парка позволяют разъяснения Георги: «Главный сад простирается по правой стороне дороги... Оный состоит в увеселительном лесу в Аглинском вкусе, с широкими рвами и многими островами; холмиками, домом для балов, круглым храмом, разнообразными домиками и беседками, качелями и пр. Каналы снабжены плотами и прекрасными гондолами; также находятся в оных пеликаны, лебеди, чужестранные утки, и пр. Одна часть леса составляет небольшой зверинец для красных зверей. Многие в нечаянное удивление приводящие предметы, в сем преимущественном саду находящиеся, суть причиною, что оный обыкновенно Российским восклицательным названием Ба! Ба! именуется... Сад... открыт в летнее время по воскресениям для почтенной публики...»⁴¹²

Как и соседний в Левендале, красномызовский парк пользовался очень большой известностью, а Я. Бернулли даже подчеркивал, что «вряд ли в Анг-

лии найдутся подобные по красоте».⁴¹³ Показательно и то, что длительное время он оставался одним из самых притягательных в русской поэзии объектов. Так, неизвестный автор, опубликовавший свое произведение в 1773 г., всячески подчеркивал в данной связи собственные инициативы владельца:

«(...) Нарышкин, ты умел природу одолеть,
Умел болотному ты месту повелеть
Преобразиться в рай и быть для всех любезным...»⁴¹⁴

Та же восторженная реакция на все здесь увиденное явственно проступает и в написанных в 1775 г. «Стихах на дачу, называемую Красная мыза» И.Ф. Богдановича (1743-1803):

«Болота превратить в прекрасные луга,
Извлечь из недр земли ключи потоков чистых,
Повсюду взор привлечь на тропки, на берега,
Явить во всей красе приятность рощ тенистых,
Гуляющим дарить веселье и покой, -
Таких блаженных мест чудестное начало
В старинны времена богам принадлежало,
Но ныне строится Нарышкиных рукой».⁴¹⁵

И Левендаль, и Красную мызу унаследует сын Л.А. Нарышкина и дядя А.А. Нарышкина - обер-камергер Александр Львович Нарышкин (1760-1826), прослуживший директором петербургских театров целых два десятилетия (1799-1819).⁴¹⁶ И уже при нем в 1803 г. А.С. Шишков (1754-1841) опубликует посвященное Красной мызе собственное стихотворение. Примечательно оно еще и потому, что его автор - вице-адмирал и историограф флота, посетивший Англию еще в 1776 г., более всего был известен как публицист, филолог, ли-

тератор и основатель весьма популярного периодического издания «Беседы любителей русского слова»:

«(...)Из храмин я смотрю пространных, возвышенных,
Рукою щедрости искусно украшенных:
Там море предо мной, там пышный град Петров,
Там бархатны луга, там пестрота цветов,
Там птицы на прудах, там скачущия воды,
Там хитрость разума, там простота природы; (...)»⁴¹⁷

Семен Кириллович Нарышкин (1710-1775) в качестве дипломатического представителя прослужит в русском посольстве в Лондоне целый год и еще семь месяцев в промежутке между 1741 и 1742 гг.⁴¹⁸ Под Петербургом, в нескольких верстах от Знаменки, ему принадлежала усадьба и вероятнее всего именно там в 1770-е гг. он и займется устройством пейзажного парка.⁴¹⁹

Известный литератор и друг Д. Дидро Алексей Васильевич Нарышкин (1742-1800) путешествовал по Англии с 7 октября по 18 февраля 1773 г., как уже отмечалось, совместно с графом В.Г. Орловым.⁴²⁰ В августе 1776 г. в его же усадьбе гостил шотландский путешественник П. Брайдон (Patrick Brydone), который очень лестно отозвался об устроенном здесь парке в «аглинском стиле».⁴²¹ Речь, видимо, шла о калужском имении, где владелец проживет последние свои годы вслед за возвращением из-за границы. А.Н. Радищев - владелец соседней усадьбы Немцово, в письме к графу А.Р. Воронцову от 21 сентября 1797 г. на этот счет заметит: «Соседей хоть пруд пруди, но я никого не видел. Г-н Алексей Васильевич Нарышкин с семьей; он болен, живет в 8 верстах».⁴²²

Составной частью сильно растянувшегося отпуска, предоставленного для поправления здоровья, следует рассматривать кратковременное пребывание в Лондоне в 1773 г. князя Н.В. Репнина (1734-1801), известного дипломата и выдающегося военного деятеля, в 1796 г. удостоенного звания генерал-

фельдмаршала. В течение всего английского визита опекал его Самборский, который, вероятно, даже лично сопровождал князя при осмотре достопримечательностей, включая столичные и пригородные парки.⁴²³

К заведению пейзажного парка в собственной усадьбе, располагавшейся в пригородах столицы на Петергофской дороге и граничившей с упоминавшимся имением Эбсворт А.Г. Демидова, Репнин приступит уже после возвращения из Англии.⁴²⁴ Предположительно участие в этом деле того же Самборского. Георги заметит: «Загородный дом князя Репнина по левой стороне дороги на 17 версте имеет аглинский сад и деревянные строения, совсем в китайском вкусе».⁴²⁵ Тот же экзотический привкус, указывающий на образную линию У. Чемберса, подметит и Пыляев: «Сад перед домом был разбит в китайском вкусе, с небольшими подстриженными деревьями, на пригорках стояли скамейки, беседки, качели... За домом тянулся на большое пространство парк в английском вкусе, с мостиками, прудами, храмами, эрмитажем и другими постройками».⁴²⁶

Еще в начале XVII в. принадлежавшая Репниным подмосковная усадьба Воронцово по семейному разделу 1778 г. отойдет к Н.В. Репнину, который сразу же принялся ее реконструировать. Наряду с восстановлением существующих и возведением новых жилых и служебных объемов, не менее активно формировался Английский парк, вплотную подступавший к главному усадебному дому. В результате старинный Большой пруд приобрел и залив, и остров, и подчеркнуто живописное очертание. Севернее него была образована цепь малых прудов, что и привело к появлению достаточно развитой водной системы. Особой выразительностью отличался северный пейзажный район, вобравший в себя сложно пересеченную местность, разновеликие перелески, обширные луговые и пахотные пространства. Вместе с тем доходившая до удаленной Калужской дороги вся южная часть усадебного комплекса содержала обширный лесной массив, который, подобно Гатчине, прорезался регулярной сетью широких просек. Здесь же у пологого склона, на существенном удалении от главного дома,

был заново спланирован фруктовый сад, воспринимавшийся теперь в качестве неотъемлемой, но все же утилитарной усадебной части.⁴²⁷

5. Н.С. Мордвинов, В.Н. Зиновьев,

Н.Б. Юсупов, Г.И. Бибиков, Г.А. Потемкин

Удостоенный графского титула в 1834 г. сын адмирала Н.С. Мордвинов (1754-1845) в возрасте десяти лет был приближен ко двору и воспитывался вместе с великим князем Павлом Петровичем, очень скоро став близким его товарищем. В 1766 г. отец отдал его в гардемарины, а в 1771 г. в качестве старшего адъютанта он был командирован в Кронштадт к находившемуся на русской службе английскому адмиралу Ч. Ноульсу (Sir Charles Knowles). В январе 1774 г. Мордвинова отправляют на стажировку в Англию, где дальнейшая его служба, прерванная в связи со смертью отца в 1777 г., уже проходила на кораблях британского военно-морского флота.⁴²⁸ За все это время он познакомился с самыми различными сторонами общественной, хозяйственной и художественной жизни страны. Следует, например, упомянуть происходящую из личного архива Н.С. Мордвинова и помеченную 1 ноября 1805 г. заметку «Об особой важности собирания антиков», где всячески подчеркивался достойный каждой великой державы приоритет Англии в деле собирательства античной скульптуры: «Англия делает бесчисленные издержки, посылая во все края света своих антиквариев. Джонсы, Ченслеры, Вуды непрестанно обогащают Британский музей...»⁴²⁹ Мордвинов поддерживал отношения со многими британцами, был он хорошо знаком и вел переписку и с известным английским философом И. Бентамом (Jeremy Bentham, 1748-1832).⁴³⁰ В 1783 гг., уже в качестве капитана 2-го ранга и командира корабля, Мордвинов с русской флотилией прибывает в Ливорно, где встретит будущую свою супругу, о чем в Воспоминаниях дочь Наталья заметит: «Там отец познакомился с матушкой. Матушка моя, Генриетта Александровна, из фамилии Коблей (Cobleу) родилась в 1764 г. в Англии, после родителей своих она осталась восьми лет, была взята старшею сестрою Mrs. Partridge к

себе в Италию».⁴³¹ Упомянутая Г.А. Кобли (1764-1843) была приемной дочерью английского консула в Ливорно. Судя по всему, она получила всестороннее образование, подобающее ее социальному статусу. Переехав же в Россию, она неизменно поддерживала отношения с проживавшими здесь британцами и продолжала состоять в переписке с многочисленными своими родственниками, всякий раз информируя супруга о последних новостях английской жизни.

Увлеченность садоводством Мордвинов сохранит на протяжении всей своей продолжительной жизни, думается, в значительной мере этому способствовали необычайно яркие впечатления от поездки в Англию. Подкреплялась она и художественными пристрастиями супруги, стремившейся устроить счастливую семейную жизнь в России непременно на английский манер. Наталья в этой связи замечала: «Отец мой очень любил садоводство и всякие сельские работы: разводить школы, осушать болота, готовить землю разных качеств и прочие садовые занятия. Сам собирал семена, особенно яблоневые, и душистый горошек (остальные семена разных цветов собирала я для него) и все пакетики хранил он у себя до весны. Часто обрезал сухие ветви у фруктовых деревьев; не доверял ножа садовникам, находя, что они портили их своею излишнею стрижкою».⁴³² Она же, подчеркивая исключительно возвышенное его отношение к первозданной природе, добавляла, что даже у себя в имении «он гулял обыкновенно по лесам и лугам, редко по обделанным дорожкам».⁴³³

С многочисленным семейством Мордвинов отправится в Новороссию. Там в течение пяти лет (1784-1790) проживет в причерноморском Херсоне, где под его руководством в предельно сжатые сроки соорудят верфи, административно-деловые и жилые здания.⁴³⁴ Одновременно начнется разбивка кварталов для размещения военного и Купеческого форштадтов. Составной частью всех этих широкомасштабных мероприятий станет устройство в 1784-1785 гг. общедоступного городского парка, порученное У. Гульду – английскому садовнику князя Г.А. Потемкина.⁴³⁵ Скорее всего, именно Мордвинов курировал деятельность и Муффета - еще одного английского специалиста, который в соответствии с подписан-

ным 1 апреля 1783 г. контрактом занялся созданием крупных лесных массивов в совершенно безлесных окрестностях Херсона.⁴³⁶ В самом городе или ближних его окрестностях Мордвинов приступит также к обустройству собственной усадьбы, предполагая завести в ней и парк. Видимо, для этого он отправит в 1786 г. в Кричев (белорусское имение князя Г.А. Потемкина) крепостных своих людей, которым поручалось перенять опыт у служившего там управляющим англичанина С. Бентама (Samuel Bentham). В сделанном на этот счет предписании прямо заявлялось, что предполагалось «прежде всего употребить их на обработке земли и в садоводстве».⁴³⁷

В 1789 г. Мордвинов покинет Херсон и снова сюда возвратится уже после смерти Г.А. Потемкина. Видимо тогда он и обзаведется самым крупным своим имением (Чернянка), общая площадь которого достигала колоссальной величины - 46 тысяч га. Предназначалось оно для заведения исключительно крупного высокопродуктивного сельского хозяйства. Надо полагать, что именно здесь по «английской» методе и работали возвратившиеся из Кричева упомянутые крепостные специалисты. Маловероятно, чтобы в Чернянке, включавшей в себя достаточно развитый комплекс жилой и хозяйственной застройки, не была сформирована хотя бы небольшая садово-парковая композиция.

Получив новое назначение, Мордвинов в 1794 г. вместе с семьей переедет в еще более динамично развивающийся г. Николаев, основанный пятью годами ранее (1789) на живописном междуречье у впадения Ингула в Буг. Здесь самое деятельное участие в формировании городской среды примет на себя царско-сельский архитектор П.В. Неелов, видимо, знакомый Мордвинову еще по Англии. Помимо прочего, он выстроит для него Адмиралтейский дом, а при нем устроит парк, вероятнее всего, ландшафтный.⁴³⁸

Несомненно, «аглинские сады» являлись составными частями загородных мордвиновских имений, о чем можно судить по воспоминаниям дочери: «Летом мы всегда проживали за городом; один год жили в Богоявленске, в 12-ти верстах от Николаева, а остальные годы – в Спасском, прекрасном месте на берегу

реки Буг». ⁴³⁹

В Крым Мордвинов перевезет семью уже после того, как в январе 1799 г. Павел I отправит его в отставку. Именно здесь на крымской земле, вполне смирившись с отстранением от службы, он приобрел целый ряд обширных владений. Среди них – в Байдарской и Варнаутской долинах, а также в находящейся в 25 верстах от Симферополя долине Саблы с живописной излучиной реки Алмы. Впрочем, дочь упомянет и о других: «В то время в Крыму имения продавались по дешевым ценам, отец мой купил Сауксу, Эль-бузау и виноградники в Судаке. Саблы и Корентху тоже купил, но опять продал, чтобы приобрести Байдарскую долину и имение в Пензенской губернии». ⁴⁴⁰

Как минимум в двух крымских своих владениях Мордвинов приступит к созданию довольно крупных садово-парковых композиций. Первую заложит вблизи Судака в имении Саук-Су, расположенном в исключительной по красоте горной местности. Именно здесь он выстроит по собственному проекту главный усадебный дом, а рядом с ним разобьет сад. ⁴⁴¹ Вспоминая эти счастливые майские дни 1799 г. Наталья отметит: «Мы поехали в Крым. (...) Оставив нас, отец поехал в Саук-су. В наше имение, где он назначил нам будущее местопребывание. Селение это находится в узкой долине, окруженной высокими горами, покрытыми темным, густым лесом; кое-где дикие разнообразные скалы; иные из них казались нам развалинами, убежищем каких-нибудь отшельников древних времен. Между горами протекает речка Саук-су и разделяет селение на две части: посреди селения на этой речке бьет фонтан чистой воды; место очень живописное, но чрезвычайно мрачное. Отец мой, избрав на склоне горы место для постройки дома, очистил несколько татарских изб для временного нашего помещения, и мы туда переехали. С нами были... матушкина сестрица Мадекс с мужем и двумя детьми, которые приехали из Англии погостить к нам в Николаев. Отец мой занялся постройкою дома... (...) Матушка, неразлучная с батюшкою, всегда находила большое удовольствие разделять труды его в устройстве хозяйства и разведении маленького сада перед домом». ⁴⁴²

Другой еще более обширный парк Мордвинов создаст в имении Хорошая пустынь, находившемся всего за версту от тогдашней совсем еще малой Ялты в не менее живописной долине реки Гува.⁴⁴³ Это имение в количестве двухсот десятиин было подарено ему «за примерную службу» еще Екатериной II.⁴⁴⁴ Он здесь также выстроит каменный господский дом, а основу сформированной пейзажной композиции - одной из первых на полуострове, определяют выразительный рельеф с излучиной реки, открывавшиеся с возвышенности и наиболее впечатляющие в направлении моря панорамные виды, а кроме того образцы местной флоры, подчеркивавшие своеобразие сильно пересеченной местности.⁴⁴⁵

При Александре I Мордвинов вновь оказывается на службе, он покидает Крым и вместе с семьей отправляется в Петербург. Тогда-то и возникнет еще один мордвиновский пейзажный парк. Размещался он на живописно-всхолмленном рельефе в приобретенной в 1800-х гг. усадьбе Знаменская, находившейся в сорока верстах севернее Москвы, «недалеко от станции Черной Грязи, на устье речки Клязьмы - местоположение прекрасное и веселое».⁴⁴⁶ Весной 1812 г., как уточняет Наталья, «все семейство сюда приехало». Впрочем, после изгнания французов от этого вполне сложившегося усадебного комплекса останутся одни только руины. Деревянный же господский дом выгорит полностью вместе с семейным архивом и библиотекой. Столь же неприглядно выглядел и сад: «...до четырех тысяч народа, которые поселились в нашем саду», привели его к полной негодности.⁴⁴⁷

Все эти печальные обстоятельства ускорят приобретение около 1814 г. очередного фамильного имения, более известного как Мордвиновка. Размещалось оно в престижном столичном пригороде, на Петергофской дороге, в двенадцати верстах от столицы.

Еще в конце XVIII в. графом Р.И. Воронцовым здесь был выстроен соединявшийся с парными флигелями главный усадебный дом, а близ него разбит пейзажный парк.⁴⁴⁸ Несомненно, что и обосновавшаяся здесь уже надолго семья

Мордвиновых на правах новых владельцев неизменно вносила коррективы в прежде сложившуюся его композицию. В частности, свободно помещавшиеся на обширном стриженном лугу «мордвиновские дубы» застанет еще в 1891 г. поселившийся здесь художник И.И. Шишкин.⁴⁴⁹

Само же обустройство этой вновь приобретенной усадьбы в действительности совпало с состоявшимся в 1818 г. весьма продолжительным пребыванием семейства Мордвиновых в Англии, что могло отразиться и на облике парка. Наталья вспоминала: «Три недели пробыли в Лондоне, где отец мой часто виделся с известным Иеремею Бентамом. Из Лондона мы поехали в Ливерпуль, где пробыли пять недель у приятельницы матушки Миссис Эрл (Earl), погостили у дядюшки Джона Коблей, который жил в Чедаре, близ Бристоля, пробыв несколько времени в Лондоне, поехали зимовать в Париж».⁴⁵⁰ Там же в Лондоне Мординов неоднократно встречался и со своим племянником, историческим и портретным живописцем Б.Р. Гейденом (Benjamin Robert Haydon, 1786-1846). В том же году тот же Гейден незамедлительно отправит президенту Академии художеств А.Н. Оленину в качестве ценного учебного пособия собственные гипсовые слепки с доставленных в Англию лордом Эльджиным подлинных древнегреческих мраморов.⁴⁵¹

Выпускник Лейпцигского университета, дипломат, сенатор, писатель, переводчик, тайный советник, действительный камергер двора и президент медицинской коллегии В.Н. Зиновьев (1754-1827) побывает в Англии дважды. Первый раз осенью 1775 г., когда путешествовал с двоюродным братом графом Г.Г. Орловым.⁴⁵² Уже тогда, наряду со столичными, Зиновьев познакомится со знаменитыми парками в Стоу, Бленхейме и Пейнсхилле, а также увидит оксфордские университетские сады.

Несравненно больше времени Зиновьева проведет на Британских островах десятилетие спустя. На этот раз весомую роль в его знакомстве с Англией сыграет его зять - С.Р. Воронцов.⁴⁵³ Впрочем, и в этот раз главной целью поездки станет знакомство с провинциями и соответственно с неизменно встречающи-

мися на пути частными именами, чему немало способствовало его неплохое владение английским языком. Но прежде, с января по июнь 1786 г., Зиновьев проживет почти безвыездно в Лондоне и лишь однажды совершит поездку в Виндзор. Не без участия зятя детально спланированное трехмесячное путешествие, пришедшееся на июль, август и сентябрь, предполагалось осуществить по следующему маршруту: Лондон - Оксфорд - Варвик - Бирмингем - Шеффилд - Лидс - Йорк - Эдинбург - Глазго - Манчестер - Бристоль – Бат. И уже оттуда, из курортного Бата, было решено возвратиться в Лондон. Обо всех своих дорожных впечатлениях Зиновьев с должной регулярностью будет информировать С.Р. Воронцова, а через него и священника посольской церкви Я.И. Смирнова. Вся эта подборка писем - незаурядный документ эпохи Просвещения, позволяющая прояснить, в каких имениях Зиновьев в действительности побывал, и что более всего привлекло его внимание.⁴⁵⁴

Поначалу по дороге в Лидс Зиновьев заедет в Вентворт: «Видел «Wentworth-Hause», принадлежащий лорду Willam».⁴⁵⁵ В начале XVIII в. здесь близ перестроенного в 1709-1713 гг., как полагают, по проекту французского архитектора главного дома помещался огромный цветник в «версальском вкусе», что соответствовало его композиции. Первые же элементы пейзажного стиля появляются в имении достаточно рано, так как поначалу владельцы крупных поместий старались избегать радикальных изменений вполне сложившейся садово-парковой среды. Уже в 1730-х гг. вблизи господского дома на всхолмленном рельефе была поставлена «готическая» башня, игравшая роль своеобразной доминанты в парке. Соответственно у памятного обелиска, сооруженного в честь лэди Монтагью (Lady Mary Wortley Montagu), доставившей в Англию из Турции вакцину от оспы в 1720 г., сходились две аллеи, одна из которых уходила вверх по склону в непосредственной близости от дома. Впрочем, в законченном своем виде Зиновьев застанет парковую композицию, сформированную в 1740-х – начале 1750-х гг. уже следующим владельцем, лордом У. Вентвортом (William Wentworth, four Earl of Stafford).⁴⁵⁶ Именно для

ее устройства за счет окрестных земель и последует существенное расширение границ усадебного комплекса. Тогда же ликвидируют главную аллею и находившийся поблизости от дома восьмиугольный пруд с фонтаном и создадут эффектно спускающийся в долину пологий холм, становившийся важнейшим элементом вновь формирующейся пейзажной композиции. В самой же долине было проложено эффектно изгибавшееся речное русло, акцентированное небольшими куртинами из одних только высаженных заново дубов. На противоположном берегу в окружении лесного массива появится еще один холм, закреплявший искусной копией знаменитого храма в Тиволи. Художественная значимость этой пейзажной композиции была столь велика, что неизменно вызвала восторженные отклики даже у таких видных законодателей пейзажного вкуса, как У. Мейсон. Он, например, всячески подчеркивал основополагающую роль в деле устройства парка самого владельца, решительно отказывавшегося от помощи профессионального садовника. Импонировала ему все еще редкая по тем временам идея создания искусственного речного русла. Не менее восторженно отзывался о парке и Уолпол: «Мое самое любимое место - сменяющие друг друга лес и вода; во всем чувствуется прекрасный вкус».

Севернее Лидса по пути в Йорк Зиновьев посетит еще одно поместье: «Путру был в «Harwood...»⁴⁵⁷

Создание Л. Брауном обширного пейзажного парка в Хэрвуд-Хаус (Harewood House) являлось неотъемлемой составной частью широкомащтабных мероприятий, связанных с обустройством полностью обновляемого усадебного комплекса. В конце 1750-х гг. здесь был выстроен главный дом при участии тогда еще малоизвестного архитектора Р. Адама (Robert Adam, 1728-1792). Браун прибудет сюда в 1758 г., а в 1764 г., вслед за подписанным контрактом, произведет первоочередные разбивочные работы. Ему же в 1772-1780 гг. поручат возглавить работы и на завершающей стадии формирования парка.⁴⁵⁸ Структурную основу этой во всех отношениях оригинальной композиции составит резко понижающийся естественный рельеф долины р. Готорп, верхняя

кромка которого закреплялась протяженным объемом главного дома. Браун перегородит реку и создаст на ее основе сильно удлиненное озеро, акцентируя живописно изгибающуюся его береговую линию одиночно высаженными деревьями. А располагавшийся сразу за озером обширный пологий склон он решит украсить живописно разбросанными купами деревьев, сквозь которые эффектно просматривались уходящие в даль обширные луговые пространства с пасущимися на них животными.

Еще один известный парк Зиновьев посетит уже во время путешествия по центральной Англии: «...я в «Warwik» поехал, куда вечером и прибыл». ⁴⁵⁹ Как известно, именно здесь на площади примерно в 30 га была создана в самом начале 1750-х гг. все тем же Брауном одна из первых его пейзажных композиций. ⁴⁶⁰ Тому немало способствовал все еще сохранявшийся монументальный объем средневекового замка (Warwick Castle), закрепивший верхнюю кромку круто ниспадающего берегового склона р. Эйвон. Взяв за основу петляющее русло реки, Браун сформирует весьма развитую пейзажную композицию, активно используя при этом принцип контрастности. Так, сильно трансформированная береговая линия была подчеркнута отдельными сгущенными посадками, а на обширном заречном луговом пространстве он высадит одни лишь крупноммеры, особенно эффектно воспринимавшиеся на фоне уплотненных периметральных посадок. Ради сложения исключительно целостной парковой среды садовник был вынужден радикально трансформировать находившиеся у береговой черты (к западу от замка) регулярные сады, восходящие к XVI столетию. Побывавший здесь в 1753 г. А. Каналетто запечатлел одну из частей этого нарождающегося парка. На списанном с натуры полотне, в частности, видно, как группы деревьев фланкируют спиралевидную дорожку, выводящую на вершину все еще сохранявшегося нормандского кургана, который в этой обширной пейзажной композиции становился одним из важнейших образно-значимых пейзажных атрибутов. Не случайно Уолпол, впечатленный всем здесь увиденным, впоследствии напишет: «...пейзажи настолько порадовали меня, что я да-

же не могу этого выразить; река Эйвон стремится вниз через каскады. Все это создал Браун... вот что получается, когда превалирует хороший вкус».⁴⁶¹

В отправленном из Матлока письме от 20 июля Зиновьев упомянет только что виденные им парки в Стоу и Бленхейме, однако, отдаст явное предпочтение последнему, не перегруженном постройками: «Получил твое письмо и, по прочтении онаго, поехал в Вудсток. Возле сего места находится славный Блендхейм. Я редко видел что-нибудь, чем бы так доволен был; особливо сад для меня еще лучше, нежели дом, и так хорош, что, несмотря на мою склонность критиковать, мне ничего не остается, как только его хвалить... Здесь есть одно место, которое на одно гатчинское походит. Со стороны двора дворец очень похож на построенный в Царском Селе городок, в котором гвардейские солдаты живут, с тою лишь разницей, что тут огромное несравненно. (...) Не обедав, поехал в Стоу, теперь здесь есть трактир, и пошел в сад и дом дюка Букингемского. Часто наставленными строениями в саду, Стоу очень похож на Царское Село и мне совсем не нравится».⁴⁶²

24 июля Зиновьев делает следующую запись: «Осматривал дом дюка Девоншира, который мне очень понравился. (...) Парк изрядный, фонтаны в оном есть; но, зная Петергофские, только Версальские смотреть можно, - и так, я оные не видал».⁴⁶³ А 7-8 августа, уже под самый конец путешествия, он познакомится с не менее оригинальной парковой композицией на севере Англии: «Был в «Стюдлей-парке» (*Stydley Royal*) где есть изрядные виды, но много регулярности...»⁴⁶⁴ Этот довольно обширный для своего времени «водный пейзажный парк», все еще сохранял родовые черты переходного типа, а потому устойчиво ассоциировался у современников с «китайским стилем». Всякий раз он поражал их воображение большим разнообразием водных своих затей. Показательно, что сам владелец, Д. Эслайби (*John Aislabie*, ?- 1742), занимавший в государственном Казначействе довольно большой пост, был даже вынужден для реализации собственных идей уйти в отставку.⁴⁶⁵ Примечательно еще и то, что создавался парк в промежутке между 1722 и 1742 гг. еще до появления сочине-

ний У. Чемберса.

Действительно, на основе запруженной р. Скелл, протекавшей по заросшей лесом живописной долине, была создана очень развитая водная композиция, вобравшая в себя Большое озеро, завершавшийся каскадом сильно протяженный канал и три разновеликих пруда, почти буквально воспроизводящие очертания луны - один круглый, а два других в форме полумесяца. Эффектно ниспадающий склон речной долины содержал уплотненные посадки вдоль главной прогулочной дорожки, непосредственно подводившей к петляющему тоннелю Грота, вынесенного к береговой линии озера. Одна из дорожек подступала к гребню холма, откуда внезапно открывались впечатляющие виды и на канал, и на каскад, и на удаленные монастырские руины. В украшении парка принимали самое активное участие и многочисленные сооружения. Помимо нескольких разновеликих гротов здесь также находились восьмиугольный Готический храм, Храм Благодетеля, Ротонда, Банкетный зал. Впрочем, главенствующую роль неизменно играла Китайская пагода, хорошо просматривавшаяся из самых различных уголков парка.

Посетивший имение в 1744 г. Ф. Йорк подчеркивал, что «природная красота этого места превосходит все, что мне приходилось видеть, и эта красота использована с большим вкусом прошлым и нынешним владельцами». Однако в конце столетия один из основоположников теории «живописного» У. Гилпин (William Gilpin, 1724-1804) уже критически оценивал и все еще сохранявшиеся здесь черты регулярного стиля, и чрезмерное употребление архитектурных сооружений и скульптуры. И соответственно Зиновьев полностью разделял эту точку зрения.

Это впечатляющее по своей широте знакомство с английскими парками не могло остаться без последствий. Не стесненный в средствах, Зиновьев при устройстве собственных пейзажных композиций, несомненно, руководствовался, прежде всего, виденными им воочию английскими образцами.⁴⁶⁶

В начале 1800 г. он выйдет в отставку и удалится в собственное имение Ор-

ловской губернии. Надо полагать, что еще до его второго отъезда в Англию там уже существовал пейзажный парк. Женившись в третий раз в 1809 г., он приобретает у графа Л.К. Разумовского, в стороне от деревни Копорье Ямбургского уезда, бывшую мызу шведского пастора с окрестными ее землями, где сразу же приступит к формированию усадебного комплекса Гревова. Само же устройство пейзажного парка на живописных берегах р. Копорки будет происходить уже в 1810-е гг. Десятилетие спустя этот вновь образованный усадебный комплекс уже включал в себя деревянный главный дом, служебные флигеля и размещенные на периферии оранжерейные корпуса, вероятно, возведенные по проекту архитектора В.И. Берети вместе с другими постройками. Первоначальная планировка этого «аглинского сада» была определена сильно протяженными аллеями, обширными стриженными лугами, Большим прудом с двумя островами и насыпным видовым холмом. Существенную роль в образной его трактовке играли асимметрично разбросанные на понижающемся рельефе компактные древесные группы, в частности, липовые, все еще сохраняющиеся в южной части. Примечательно и то, что сын Дмитрий, ставший владельцем Гревова уже после смерти отца, существенно увеличит исходную территорию парка.

А.Б. Куракин отмечал, что князь Н.Б. Юсупов (1750-1831) еще в мае 1775 г. намеревался выехать из Голландии в Англию сразу по завершении занятий в Лейденском университете.⁴⁶⁷ Впрочем, вскоре выяснится, что учебный курс продлили до февраля следующего года, и соответственно планы поменяются.

В библиотеке Лейденского университета сохранились отправленные из Англии и адресованные профессору Лейденского университета Л.К. Валькена-ру письма Н.Б. Юсупова, позволяющие прояснить ряд обстоятельств этой поездки.⁴⁶⁸ В первом из них, написанном в Лондоне 18 марта 1776 г., отмечалось, что накануне князь был представлен королю и королеве. А вечер провел в гостях у адмирала, сэра Ч. Ноулса (Charles Knowles, 1704-1777), служившего в 1771-1774 гг. в России, где возглавлял строительство верфей и кораблей. В письме от 31 апреля Юсупов упомянет и о новых своих знакомствах, подчерк-

нув при этом, что много времени проводит с президентом Лондонского королевского общества профессором Д. Принглом (John Pringle, 1707-1782). Познакомится князь с известным филологом и переводчиком С. Майсгревом (Samuel Musgrave, 1732-1780), и с главным библиотекарем Британского музея, издателем «Journal Britannique», М. Мэтью (Maty Matthew, 1718-1776). Сообщит он и о посещении Обсерватории в Гринвиче. А в Оксфорде Юсупов проведет несколько часов в местной Обсерватории с «очень трудолюбивым и любезным ученым астрономом» Т. Хорнсби (Thomas Hornsby, 1733-1810). Уже отсюда он возвратится в Лондон, откликаясь на приглашение Д. Пристли (Joseph Priestley) поучаствовать в опытах с «неподвижным воздухом». В корреспонденции же, отправленной 6 мая, Юсупов проинформирует Валькенара о том, что приобрел в пяти томах сочинения Плутарха и уже подобрал для себя обширную коллекцию эстампов, которую также собирался незамедлительно ему выслать.⁴⁶⁹

Совершая путешествие по английским провинциям в направлении Бата, Оксфорда, Бристоля и Солсбери Юсупов познакомится с самыми различными поместьями, в частности, заедет в Вилтон.⁴⁷⁰ Посетит он и Строберри-Хилл, по поводу чего Уолпол в майской своей корреспонденции сделает, пожалуй, одну из самых язвительных своих записей, во многом отражавшая истинное положение вещей: «Я должен запечатать письмо и покинуть мою синюю комнату, чтобы предстать перед князем Юсуповым, который присылал за пригласительным билетом. Иностранцы хлынули к нам в Англию потоком, и к несчастью, их всех шлюют сюда, а тут они ничего не понимают и через полчаса удаляются».⁴⁷¹

Юсупов покинет Англию, вероятно, в начале лета. Во всяком случае, судя по отправленному 17 августа очередному своему письму, он в это время находился уже в Париже, успев до этого еще побывать в Португалии и Испании.

Этот почерпнутый им воочию английский опыт пейзажного планирования в дальнейшем будет востребован Юсуповым довольно широко. Судя по всему, он в этом деле разбирался довольно основательно. Показательно в этой связи, что именно его в качестве эксперта привлекут к устройству подмосковного Пет-

ровского парка близ Путевого императорского дворца. Детально ознакомившись в 1827 г. с проектным замыслом А.А. Менеласа, именно Юсупов согласует его для последующей реализации.

Приуроченное к женитьбе на племяннице князя Г.А. Потемкина – Татьяне Васильевне создание одной из первых пейзажных композиций было задумано в рамках спланированной комплексной реконструкции столичной усадьбы Юсупова на Фонтанке (Набережная р. Фонтанки, 115). В начале 1790-х гг. вместо разобранного барочного, здесь будет выстроен в строгом «классическом вкусе» по проекту Дж. Кваренги новый дворец.⁴⁷² Соответственно заведенный еще отцом Б.Г. Юсуповым (1695-1759) регулярный сад будет полностью ликвидирован, а под устройство Английского отойдет основная часть квартала, общей площадью около десяти гектаров.⁴⁷³ Два выкопанных здесь прежде пруда существенно расширят и объединят, что позволит создать четыре разновеликих островка. Соответственно и их береговые линии приобретут при этом чисто живописное очертание. В самой удаленной от главного усадебного дома северной части парка, непосредственно подступавшей к Большой Садовой улице, тогда же разместят насыпную горку, а у ее подножия - Грот из туфа и кирпичную арку. Все эти парковые сооружения были композиционно связаны с Большим прудом, являвшимся главным структурным элементом этого Английского парка. Подступавший к дому и пруду просторный стриженный луг, по аналогии с парком Таврического дворца, фланкировался уплотненными периметральными посадками, отделявшими нерегулярные районы парка от регулярного городского окружения. Оранжерейный комплекс выносился на периферию парка и на представительную часть усадьбы влияния не оказывал. В «Санктпетербургских ведомостях» за июль 1801 г. в связи с ним было помещено следующее объявление: «В саду Его Сиятельства Князя Николая Борисовича Юсупова, состоящем в 3 Адмиралтейской части, в 3 квартале, имеются для продажи разные фрукты, как то: лучшие ананасы, дыни, арбузы, разных сортов смородина, фиги и

шпанские вишни; желающие все сии фрукты купить оптом являться могут для условий... к садовнику Фёдору Нейгольцу».

Побывавшая здесь 29 июня 1810 г. княжна М.Н. Волконская отметит: «Мы приехали к Княгине Исуповой, который дом чрезвычайно великолепен и наполнен редкими статуями и картинами. (...) Она призвала своего сына Князь Бориса, которого она чрезмерно любит; хотя ему уже шестнадцать лет, она содержит его еще как ребенка; однако ж в нем виден ум и хорошие расположения. Как скоро он увидел детей Княгини Катерины Ивановны, то очень обрадовался, взял их за руки и повел с собою в сад; посидевши тут немножко, пошла я с Княгинею Катериною Ивановною в сад, который очень просторен и совершенно в Аглинском вкусе. Тут можно забыть город; здесь протекает речка, по которой катаются на лодке».⁴⁷⁴ Первоначальный облик этого «аглинского сада» претерпит ряд изменений уже после 1810 г., когда владелец, ввиду состоявшегося развода с супругой, решит немедленно продать усадьбу в казну.

Практически одновременно у вдовы Н.А. Голицына Юсупов приобретет подмосковную усадьбу Архангельское. Желая непременно сохранить структурно связанную с главным домом обширную регулярную партерную часть, он новые пейзажные части будет формировать в непосредственной близости от нее. И.К. Бахтина на этот счет замечает: «В начале XIX в. в Архангельском под влиянием Павловского парка создаются участки пейзажного парка. Живописные рощи как бы веером окружили основное ядро усадьбы. Так, к западу примыкали: Горятинская роща с театром и беседками, Аполлонова роща с круглой площадкой в центре, от которой расходилось 8 аллей, на площадке стояла статуя Аполлона. С севера примыкала роща «Быкуша», Прусская, Малиновая. С юго-востока – Архангельская роща со зверинцем, в котором содержались три верблюда, ламы, английские и мериносные бараны, овцы и тибетские козлы. Часть этой рощи называлась «Магометовым лесом» с павильоном «Мекка». Продолжением Архангельской рощи называлась Захаровская роща. С севера к Москве-реке примыкал Архангельский луг, а с юга – Лохинский луг с Лохин-

ской рощей. Окончательное свое завершение ансамбль получил уже после перестройки архитектором В.Г. Дрегаловым парковых террас в конце 1820-х гг. и строительства двух круглых белокаменных беседок на холмиках у подпорной стенки нижней террасы».⁴⁷⁵

К реконструкции очередной своей усадьбы в подмосковном Васильевском (Москва, ул. Косыгина, 26) Юсупов вплотную приступит в 1816-1818 гг., хотя станет бессменным ее владельцем еще в 1806 г.⁴⁷⁶ При этом сложившиеся около середины XVIII в. еще при В.М. Долгорукове регулярные части он решит сохранить, органично связав их с вновь формирующейся пейзажной композицией. Под саму же территорию Английского парка отойдут лежавшие восточнее главного усадебного дома прежде неосвоенные земли с Большим прудом с островом посреди. Именно в эти годы здесь будут осуществлены обширные садовые работы, предполагавшие засыпку одного из двух прудов с последующим устройством обширного стриженного луга перед главным домом, создание весьма разветвленной сети пейзажных дорог, существенную корректировку береговой линии Москвы-реки с учетом вновь устраиваемых террас в прибрежной части парка. Помимо произведенных одиночных посадок на лугу, не должны препятствовать восприятию со стороны дома заречных далей и величественной панорамы Первопрестольной, здесь устроят еще и целый ряд разновеликих рощ преимущественно из липы, клена, ясеня, рябины и березы.⁴⁷⁷

В 1819-1830 гг. Юсупов также являлся владельцем усадьбы Горенки, где незадолго до этого по проекту А.А. Менеласа была создана одна из самых впечатляющих ландшафтных композиций в Подмоскowie. И при новом владельце парк неизменно поддерживался в образцовом своем состоянии, где производились лишь незначительные корректировки.

Подмосковной усадьбой Спасское-Котово Юсупов владел с 1788 г., здесь же его и схоронили.⁴⁷⁸ Как известно, еще около середины XVIII в. в непосредственной близости от дома был устроен частично сохранившийся регулярный парк. Само же участие князя, скорее всего, выразилось в создании собственно

пейзажных парковых частей, по аналогии с Архангельским.

По наследству к Юсупову перейдет и находившаяся в Харьковской области усадьба Ракита, сформированная на высоких берегах одноименной речки. Именно при нем за счет запруды было образовано пять каскадных прудов, ставших основой достаточно развитой пейзажной композиции. Под саму же территорию парка отойдет эффектно ниспадающее пространство самого мыса. Вблизи одного из прудов за счет высвободившейся земли был насыпан высокий холм, откуда хорошо обозревались различные части парка с ближними и дальними живописными своими окрестностями.

Ярко выраженным экзотическим характером обладала созданная Юсуповым сравнительно небольшая пейзажная композиция в унаследованной им старинной московской усадьбе (Большой Харитоньевский пер., 21). Пожалована она была в 1729 г. еще его деду - Г.А. Юсупову самим Петром II в упраздненной Огородной слободе.⁴⁷⁹ Этот «Юсупов сад», помещавшийся на территории двух объединенных владений, сразу стал яркой местной достопримечательностью. Подступал он к выстроенным еще на рубеже XVII-XVIII вв. в глубине участка каменным палатам и включал в себя вековой дуб. Вокруг него и передвигался на золотой цепи «говоривший» по голландски огромный пушистый кот с зелеными глазами, специально изготовленный голландскими механиками по заказу князя. Как раз эта часть сада неизменно притягивала к себе повышенное внимание многочисленных посетителей, в том числе и совсем еще юного А.С. Пушкина, запечатлевшем кота в своей поэме «Руслан и Людмила».⁴⁸⁰ Эта во многом сказочная атмосфера пейзажного сада находила свой отклик и в интерьерах старинных палат. Приглашенная на званый обед англичанка К. Вильмот 10 января 1808 г. оставит в своем дневнике следующую запись: «В субботу мы обедали с князем Юсуповым в его татарском дворце, который, на мой взгляд, ничем не отличается от любого дома подобных размеров. Он пристроил к нему красивую просторную галерею; чтобы попасть в нее, надо спуститься по извилистой лестнице через библиотеку. В галерее выставлены замечательные

картины, среди которых мне больше всего понравились две работы Анжелики Кауфман... Для развлечения гостей есть там и самые разнообразные птицы; так как галерея огромна, их трескотня и гвалт производят впечатление шумной ругани. Гости ходят от клеток с попугаями к клеткам к каскаду и далее, к сладкоголосым жаворонкам, которых у Юсупова очень много. Хозяин сказал, что днем они поют редко, обычно они поют рано утром или вечером в ответ на песни друг друга. Из галереи вы попадаете в Зеленый зал, на дальней стене которого сделана роспись, производящая волшебное впечатление, а в центре – ротонда для увеселения гостей, окруженная апельсиновыми и лимонными деревьями огромной величины».⁴⁸¹

Генерал-майор Г.И. Бибиков (1747-1803) путешествовал по Англии в 1776 г.⁴⁸² К формированию пейзажного парка, как составной части вновь формирующегося усадебного комплекса в Гребнево Богородского уезда Московской губернии, он приступит в 1780-е гг. вслед за приобретением имения в 1781 г. у князя Н.Н. Трубецкого. В основу композиции Английского парка будет положена образованные запрудой р. Любосеевки целая сеть разновеликих прудов. Внучка Г.И. Бибикова на этот счет вспоминала: «Дом там был огромный, каменный, окруженный большими садами, среди которых выкопаны были огромные пруды с несколькими на них островами, а на островах также разбиты сады и выстроены беседки... ездили всем обществом по широким дорожкам сада, на пароме переправлялись на острова и в беседке чай пили...» Существенную роль в образной структуре парка играли также лесные массивы, прорезавшая узкую ложину живописно изгибающаяся речка, а также обширные холмистые стриженные луга, непосредственно подступавшие к главному дому с южной стороны. Примечательно и то, что ряд парковых сооружений владелец решит выстроить исключительно в «готическом стиле».⁴⁸³ Несомненно, эта парковая композиция сохранялась и после 1811 г., когда вся усадьба окончательно перейдет к князьям Голицыным.⁴⁸⁴

Князь Г.А. Потемкин (1739-1791) рассматривал Англию в качестве достой-

ного образца для всестороннего развития собственной страны, а потому стремился к установлению прочных двусторонних отношений в самых различных областях, включая культурные связи. И по службе, и вне ее он постоянно поддерживал отношения со многими британцами, нередко лично занимаясь решением их неотложных дел.⁴⁸⁵ Судя по всему, Потемкин являлся большим ценителем английского искусства. Не случайно весьма обширная его коллекция произведений искусства включала в себя и достаточно редкие для российского коллекционирования XVIII в. работы английских мастеров. Среди них находим такие крупные имена, как Г. Неллер (Godfry Neller) «Портрет П.И. Потемкина», 1682 г.; Ф. Роллес (Philipp Rolles) Серебряная лохань, 1705-1706 гг.; А. Фогерберг (Andrew Fogelberg) Серебряная ваза, 1-я пол. XVIII в.; Т. Джонса (Thomas Jones) «Пейзаж с Дидо и Энеем», 1769 г.; Д. Кокс (James Cox). Часы «Павлин», 1770-е гг.; Р. Бромптон (Richard Brompton) незаконченный «Аллегорический портрет во весь рост графини А.В. Браницкой», около 1780 г., незаконченный «Портрет начатой во весь рост графини К.В. Скавронской», около 1780 г.; Д. Рейнольдс (Joshua Reynolds) «Воздерженность Сцепиона», 1788-1789 гг., «Амур, развязывающий пояс у Венеры», 1788 г.; У. Марло (William Marlow) «Прибрежный вид», кон. XVIII в.⁴⁸⁶ При посредничестве князя был зачислен на императорскую службу достаточно известный у себя на родине английский скульптор Т. Бэнкс (Thomas Banks, 1735-1805), прибывший в С. Петербург в июне 1781 г. Собственно рекомендательное письмо британского посланника при российском дворе лорда Д. Малмсбери (James Malmesbury, 1746-1820) и обеспечило ему покровительство Потемкина, как подчеркивалось, большого ценителя изящных искусств, коллекционера и крупного мецената.⁴⁸⁷

В личной библиотеке князя насчитывалось свыше полутора сотен английских изданий, охватывающих самые различные стороны общественной и культурной жизни Англии. После его смерти императорское библиотечное собрание пополнилось целым рядом богато иллюстрированных книг, в том числе по пейзажному садоводству.⁴⁸⁸ Большой интерес проявлял Потемкин и к новейшим

способам ведения сельского хозяйства. Был он знаком с брошюрой А.А. Самборского «Описание практического Аглийсаго земледелия», изданного в 1781 г. В том же году он распорядится отправить в Англию «своих молодых людей» из кричевских мещан - Степана Гребницкого, Герасима Козлова и Ивана Сапонкевича. Все они пройдут практику на английских фермах под наблюдением А. Юнга и в 1787 г. приступят к работе в белорусских имениях князя.⁴⁸⁹

В Богоявленске Потемкин основал в 1790 г. Школу практического земледелия, главной целью которой являлась всесторонняя подготовка местных кадров для широкомасштабного освоения отошедших к России новых земель.⁴⁹⁰ Он также являлся основателем Конторы земледелия и домоводства Таврической области. Ее сотрудники неизменно курировали насущные вопросы заведения и развития непосредственно в Новороссии современного хлебопашества, садоводства и виноделия.⁴⁹¹

Именно Потемкина следует признать самым крупным отечественным заказчиком пейзажных парков и надо полагать, что в этом отношении он обладал должной эрудицией, мог самостоятельно рассматривать различные проектные замыслы и вносить в них вполне конкретные изменения. Потемкинские «аглинские сады» заводились в самых различных регионах страны - в Петербургской и Московской губерниях, Белоруссии, Малороссии и соответственно в Новороссии. В общей сложности их можно насчитать более двух десятков. Помимо многочисленных собственных имений они создавались и как общедоступные в целом ряде вновь формирующихся южных городах империи одновременно с доками, верфями, жилой и хозяйственной застройкой. Причем большинство из них следует напрямую связывать с творчеством главного садовника князя - англичанина У. Гульда (William Gould), прослужившего у Потемкина более пятнадцати лет. Показательно, что даже в совсем малых имениях князя создание пейзажной среды считалось делом обязательным. Поэтому и находившуюся в пригородах столицы усадьбу Колтуши, устроенной всего на двух десятинах, Гульд все же смог украсить весьма выразительной пейзажной композицией.⁴⁹²

*б. Румянцевы, Вяземские, А.Г. Головкин,
Ф.В. Ростопчин, А.П. Ермолов, А.Г. Бобринский*

Приступая во 2-й половине 1770-х гг. к обустройству сразу нескольких своих усадеб, граф П.А. Румянцев (1725-1796) заинтересуется особенностью пейзажного садоводства.⁴⁹³ Тогда и привлекут самое пристальное внимание фельдмаршала целый ряд одновременно устраиваемых парков - в Яропольце З.Г. Чернышева, Михалково П.И. Панина, малороссийских усадьбах К.Г. Разумовского. Да и со стороны домашних он найдет в этом деле полное понимание, поддержку и вполне конкретную помощь. Примечательно в этой связи адресованное супругу письмо Е.М. Румянцевой (урожденной Голицыной, 1714-1779), отправленное из Петербурга 25 января 1776 г.: «(...) При сем посылаю эстампы аглинские, которые дети к тебе прислали, будучи в Голландии, они из Англии нарочно выписывали для тебя «батюшка».⁴⁹⁴ В письме к А.И. Маркову от 10 февраля теперь уже сам П.А. Румянцев отметит: «Вы одолжите меня присылкою планов и фасадов самым лучшим увеселительным Турецким домам».⁴⁹⁵

К заведению пейзажного парка в находившейся в девяти верстах от Кускова подмосковном имении Троицком, в знак особых заслуг подаренном императрицей в 1775 г. вместе со 100 тыс. руб. на обустройство, он приступит уже в следующем году.⁴⁹⁶ Этот начальный этап формирования Английского парка хорошо прослеживается по сохранившейся переписке, наиболее выпукло передающей повседневную реальность эпохи Просвещения.

Осознавая всю сложность поставленной задачи, Румянцев решит поначалу прибегнуть к помощи князя И.П. Тюфякина. И, соответственно, находившийся в то время на стадии своего формирования пейзажный парк в тюфякинском Петровском также привлечет его повышенное внимание. В очередной раз Румянцев обратится к нему 25 февраля 1776 г.: «Прошу... доставить мне... верное и подробное наставление как и каким образом устилать дерном партеры и дорожки убивать песком и илом, или глиною».⁴⁹⁷ А спустя месяц, 25 марта, стремясь как можно скорее приступить к садовым работам, он попросит Тюфякина

незамедлительно приехать и прямо на месте поделиться собственными соображениями: «Милостивый Государь мой, Князь Иван Петрович!

Коль скорое, столь и ясное, имею уже я от Вас объяснение, в следствие предшедшаго моего, о дорогах в садах во вкусе Английском описание, которое получил я при всеприятнейшем Вашем, от 18-го Марта. Благосклонное Ваше приятие есть из первых побудительных причин, что я иногда наношу Вам доуки, и тоже самое настоящей. Я, имея всю нужду к окончанию своих начатых домов в двух человеках, одном, который бы мог плафоны и стены малевать на вкус алфреско, и другой умел золотить, всепрележно и всепокорно прошу Вас, любезный мой Друг, употребить свое посредство к приохочиванию сих художников, из подкомандных Ваших, хотя на два, или на три, месяца, и, договоря их, сего вручителю, Г. Майору Бессину, оставленному мною в Москве для некоторых комиссий, отдать, которым дальше отправление я ему препоручил.

Бросьте, хотя на минуту, Ваш взор, на мою Подмосковную, и укажите там, что Вы сходственно с натурою, по Вашему вкусу, определите, и сообщите о том всепризнание к благодениям Вашим имеющему и пребывающему всегда в совершенной преданности покорным слугою».⁴⁹⁸

Нам, впрочем, неизвестно, удастся ли на этот раз выбраться Тюфякину. Однако садовый мастер графа К.Г. Разумовского здесь побывал, о чем свидетельствует датированное 1 апреля 1776 г. благодарственное письмо Румянцева: «Милостивый Государь мой, Кирилл Григорьевич!

Благодарю всепокорно Вашему Сиятельству за присылку, при благосклонном письме, садовника. Он объехал положение сих мест, и по своему искуству находит удобными к обращению на вкус Английской; найдется ли, однако, во мне Англичанин относительно издержек, в том мы еще не снесли и не сочлись; а думаю, что надобно будет, сообразно одному и другому, поступить и смешать Русское с Английским. Но главный пункт, записанный точно от Вашего Сиятельства, Вам и разрешить надобно: может ли он иногда отлучаться для надзирания за производством своего плана, и на то мне дать свое соизволе-

ние».⁴⁹⁹ Вероятнее всего это был достаточно опытный английский специалист. После детального ознакомления с местностью он разработал для Троицкого проектный генплан парка и, видимо, принимал на первых порах самое деятельное участие в его реализации.

К полномасштабным садовым работам в Троицком-Кайнарджи приступят незамедлительно, и в конце лета начнется уже устройство очередного пруда с островом, что подтверждает письмо Румянцева от 24 августа: «Милостивый Государь мой, граф Александр Петрович!

Имею сообщенным письмо Ваше к Графине, жене моей, читал я оное, и сличая в соображении полезного с увеселительным и в небольшой сумме состоящее, хочу я Вашему рассуждению в точности последовать. А потому прошу всепокорно средней пруд до чистого грунта выкопать и отсыпать остров приказать, но берега, не теряя виду нынешняго вкуса, коль можно, отложее сделать и устать дерном так, чтобы оные казались натуральными и толь больше для зрения приятными».⁵⁰⁰

15 декабря П.А. Румянцев отправит своему управляющему С.Ф. Уманцу конкретные распоряжения относительно дальнейшего обустройства имения: «Государь мой, Семен Федорович!

Соглашаясь на заплату Якову Филипповичу четырех сот и пятидесяти рублей за ранжерею, я щитаю что она уступлена со всем строением, и хотел бы, чтоб оную перевезть в Кочуровку, но не зная ее расположения, определить мне место для оной трудно, почему прошу Вас поговорить Г. Алексееву, чтоб он снял сей план, и оной прислать ко мне.

Требованию садовника Генриха Христиана Цина, если на меньшем чем постановлено не будет, удовлетворить соглашаюсь; но в контракте, который сделать с ним на три года, в заключение упомянуть необходимо потребно, что он должен двух моих мальчиков (коих назначьте ему из тамошних обывателей и из сиротских, к тому способных и проворных) научить всему тому, что нужно к сведению о деревьях, цветах, и травах всякого роду; и как смотрение за первыми

и употребление последних есть главным пунктом садового дела, то по тому и обязан показывать им, как плодоносное дерево беречь, прививки делать, плоды собирать и оные сохранять; с другими, что служат к увеселению, как на всякое время их производить, содержать и оберегать, а в последних различать уметь, что на кухню и к столу потребно и в котором времени года; словом: коснуться всей подробности, что лежит до садовых и огородных произрастений. К слову бы упомянуть и о том, что если не выучит он их в сие время, подвергает себя какому либо штрафу или взысканию.

Имея давно сведение о тамошнем моем строении, я хотел бы быть уведомлен, до какой степени в производстве доходит оное, и что еще нужно из материалов к конечному довершению всего начатого? Не меньше желается знать и о пруде пред домом – вычищен ли уже сей, или нет? также из свободных работников, есть ли надежда там иметь, и на какой заплате, поденно или от сажени? а между тем и о луге, что за избой прикащика, где мы ходили – сух ли оный или нет?»⁵⁰¹

Из другого письма Румянцева, помеченного 28 января 1777 г. и адресованного Я.Н. Алексееву, выясняется, что заказчик уже достаточно ясно представлял себе специфику пейзажного планирования: «Вам известны и мои прихотливые затеи, чтобы иметь при хорошем, возвышенном, или ровном, положении хорошие виды, разные натуральные украшения, как дубравы и другого дерева лески и рощи, пруды, реки, речки, а иногда и весьма заменяющие оные хорошие ключи».⁵⁰²

13 февраля владелец обратится к своему адъютанту М.А. Замятину, который и будет курировать садовые работы, ибо, по словам Е.М. Румянцевой, всегда очень ответственно относился к любому порученному делу: «Скажу изо всех, что у нас не было этакое человека, как он, трудно достать и знаниями и поведением своим, как он много трудится, неусыпно смотрит».⁵⁰³

Помимо чистовой отделки пруда, устройства канала и плотины, в одном из писем Румянцева оговаривались и конкретные вопросы, непосредственно свя-

занные с архитектурным обликом хозяйственных построек, для чего, собственно, и предназначались «образцовые» чертежи: «Из представления ко мне моего в делах поверенного, Матисова, по двум артикулам, я имею большую надобность в Вашем благодеянии и пособии, и именно о новых прудах, кои он непременно полагает надобность вычистить, и о мельнице Авдеевке, чтобы по ветхости вновь выстроить; я бы желал пруды, уступя в надобных местах, обделывать берега дерном отлогим образом, а мельницу таким, чтобы настоящая плотина была равна с высотой воды, потребной на колеса, так, дабы лишняя, без вешников чрез плотину просто шла, а ров, исходящий в левую и свою сторону, обратить в канал, и обделав его, провести им воду на колеса, коим число определить по количеству и течению воды, и чтобы амбар, плотина и канал с лотками, что на колеса, и въезжий двор отделаны были чисто и манерно, и амбар бы имел фигуру Китайского строения, а въезжий двор Немецкой корчмы с покоем для мельника и гостей выгодным, а сараем для помещения возов и лошадей пространным. Я прилагаю и планы тут идеальныя, прося Вас... сделать смету... А для оной идеи прилагаю при сем для амбара фасад, а для въезжаго двора фасад и план».⁵⁰⁴

Спустя два дня, 16 февраля Замятину будет поставлена очередная задача. В самое ближайшее время ему предстояло составить генплан усадьбы с непременно включением окрестных земель для вскоре задуманного существенного увеличения парковой территории: «Благодарю Вас наипризнательнейше за присылку плана моему лесу Троицкому с принадлежностями и за приложенное к тому экономическое описание. (...) Теперь, имея оный, ожидаю нетерпеливо и мною прошенной и Вами обещанный план увеличительной меры месту, что лежит под домом и садом, я желал бы иметь оный план, начав от сарая кирпичнаго и обняв рощу по дороге, что за ней до первой или верхней плотины новых прудов, и перейдя оную, захватить все рощи, параллельно с садом и домом лежащая, до дороги Троицкой на Авдеевку, а перейдя оную обойти рощу мелкую и крупную, что за житницею, спустясь лугом к реке Пехарке, до впадения в

оную двух речек, Некинки и Рудневки, прося Вас прилежно не только всю внутреннюю ситуацию положить на сей план, но и высоту от реки Пехарки берегов назначить по всему сему разстоянию». ⁵⁰⁵ А из корреспонденции от 21 марта узнаем и о начале посадочных работ: «Николай Васильевич!

Я уверен, по Вашему ко мне дружескому расположению, что Вы не упустите удобного времени к насадке деревьев и приведении других мест выровнять по плану садов, и где надобно дерном устлать; а что до цветов лежит, то ежели Батуринский садовник дать и сам быть отречся, Вы можете оных требовать от Василя Карповича от Топали, к коему я писал, чтобы и садовника на время к Вам прислать. В работниках за деньги недостатку, конечно, не будет». ⁵⁰⁶

Явным стремлением заказчика достичь в «аглинском саду» наибольшей художественной выразительности, продиктованы очередные указания Замятину от 27 апреля: «Чтоб не упустить время удобно к строению мельницы до моего прибытия, спешу Вам дать знать, что видя, кроме лишних издержек, многия затруднения к строению оной на новом месте, соглашаюсь начать оную по плану, мне присланному, на старом, и сходственно тому и двор мельничной расположить по способности. Что до прудов, то моего мнения не было и нет сделать их и малейше регулярными, как в Вашем плане показано, но только по берегам, оставя дороги на 4 аршина, кругом берегов снять весьма отлого и до воды устлать дерном, оставляя их в их настоящем положении, разве бы некоторыя места поправить и углубить, чтобы вода везде равно покрывала; а по сему моему мнению и прошу Вас, иногда исчисление сделав, ко мне прислать.

Желание мое есть нечто в саду переменить и вновь разсадить, время к тому удобное еще не прошло. План укажет Вам, где и как я определяю, а в лесе недостатку быть не может. Садовник свой, под присмотром Вашим и по показанию найдется в состоянии сделать оное. Приметить хочу только о образе дороги: обложить надобно дерном на 1 фунт, нечто с возвышением убить песком с хрящем, и от дороги зачинать садить мелким, а в середину крупным деревом, мешая сосну, ель, березу, липу и другия, и так часто, чтобы только корню было

свободное место».⁵⁰⁷ Весной же 1778 г. в усадьбу прибудет с сыном Сергеем супруга фельдмаршала, под ее как раз присмотром и начнут прорубать здесь просеки.⁵⁰⁸

После смерти отца Троицкое-Кайнарджи в 1796 г. перейдет к сыновьям - Николаю и Сергею. Именно они и примут на себя все последующее обустройство Английского парка и восстановление его вслед за изгнанием наполеоновских войск.

Дипломат и основатель Румянцевской библиотеки С.П. Румянцев (1756-1838) прибыл в Лондон 21 августа 1780 г. вместе с М.А. Замятиным. В Англии он в общей сложности находился около года, затем 17 августа 1781 г. оправится в Бельгию, оставив Замятина на некоторое время в Лондоне.⁵⁰⁹ Столь длительное пребывание в Англии, несомненно, способствовало основательному знакомству графа с садово-парковым искусством Англии. Он посещал столичные и пригородные королевские резиденции, побывал в Вилтоне, всевозможные пейзажные парки всякий раз встречались ему и на пути в курортный Бат. Возвратится граф в Россию в 1783 г. В это время все еще производившиеся в Троицком-Кайнарджи садовые работы по-прежнему курировал Замятин. В Англии он приобрел навыки архитектора, и мог теперь вполне самостоятельно разрабатывать самые различные проекты, в том числе и по садоводческой части.⁵¹⁰

Государственный канцлер, министр иностранных дел, коллекционер и крупный меценат граф Н.П. Румянцев (1754-1826) не менее основательно был знаком с общественной и культурной жизнью Англии, чему всячески способствовало хорошее знание английского языка. С английскими парками он воочию познакомится в 1808 г., когда в качестве посланника был командирован Александром I в Лондон для ведения достаточно сложных переговоров.⁵¹¹ Был он знаком и с А.А. Менеласом, которому восьмью годами ранее (28 апреля 1800 г.) передаст служебную свою корреспонденцию для вручения в Лондоне С.Р. Воронцову.⁵¹² Именно по инициативе Николая для Троицкого-Кайнарджи в качестве управляющего будет нанят англичанин Роджер, в ведение которого перей-

дет и содержание парков.⁵¹³ Тот же Роджер курировал деятельность «английского садовника Буша», в 1805 г. являвшегося главным садовым мастером и попутно занимавшегося продажей оранжерейных растений.⁵¹⁴

Пришедшееся на 1770-е – 1820-е гг. формирование пейзажного парка в Троицком-Кайнарджи в целом учитывало прежде сложившуюся структуру усадебного комплекса. Был сохранен совмещенный единой осью (север-юг) с главным домом регулярный липовый парк. Сохранили и образованное за счет запруды - наподобие извилистого пруда, широкое русло р. Пехорки, граничившее с оврагом и луговой долиной.⁵¹⁵ Размещенные в линейном порядке перпендикулярно основной речной протоке три террасных живописного очертания пруда, об устройстве которых с должным постоянством упоминалось в переписке, были вырыты на существенном удалении от регулярного парка. Они и определяют своеобразие северного пейзажного района. И по разнообразию рельефа, и по наличию обширных водных пространств именно он обладал наибольшей художественной выразительностью, хорошо воспринимаясь из парадных покоев.

Охватывая первоначальное ядро усадебного комплекса, основная территория Английского парка занимала площадь около 160 га. Помимо одиночных, групповых и линейных посадок, существенную роль в образном его восприятии играли пахотные земли, вплотную подступавшие к южному, северному и заречному районам. В рамках общего замысла претерпели изменению и береговые очертания р. Пехорки. Причем в представительной части комплекса они отличались особой выразительностью. Именно здесь ширина реки позволила устроить целый ряд разновеликих островков, наиболее эффектно воспринимавшихся на фоне изгибающегося ее русла непосредственно со стороны главного усадебного дома. Английский парк вобрал в себя и находившийся на существенном удалении от дома вновь сформированный комплекс Кагульской экономии, включившего в себя симметрично размещавшиеся строения, квадратный в плане двор и небольшой пруд овального очертания.

Эта весьма обширная пейзажная композиция сохраняла художественную

свою значимость и в середине XIX в., о чем наглядно свидетельствует опубликованное тогда же описание окрестностей Кускова: «Тотчас за полями и фермой начинается лесная дача Троицкого. Это огромный парк, по которому, на пространстве 450 десятин, вьется широкая садовая дорога и затейливо огибает множество полян и отдельных рощиц».⁵¹⁶

Судя по относящейся к этому же времени восторженной заметке еще одного неизвестного автора, безусловно, тонкого наблюдателя и ценителя пейзажного стиля, не менее впечатляющее зрелище производил и соседний парк. Находился он у села Зенино, на противоположном от Троицкого-Кайнарджи западном берегу, и поначалу принадлежал П.А. Румянцеву, а затем отошел в собственность его младшего сына: «Зенино – это прекрасно разбитый сад и берега Пехорки. Вы идете мимо прелестнейших полян и рощ и вовсе не замечаете, что их насадила рука человека; вы не можете свести глаз с этой чистой, зеркальной влаги, с этих чудесных берегов, с этих миниатюрных мысов и заливов, которые так прихотливо обрисовывает река; вы удивляетесь природе, которая так щедро рассыпала здесь дары свои и вам никак не придет на мысль, что все это искусство – искусство изящное, высокое, требующее образованного ума и самого утонченного вкуса. Представьте, что здесь, не более как за 20 лет, были прежде огромные наносы тины, и река пряталась в болоте и водяных растениях, и что на место этих прекрасных, округленных холмов, на которых теперь нежится взор ваш, прежде были почернелые пни и кочки. После этого легко говорить, что зенинский сад, шоссе и искусственные берега Пехорки для устройства своего требовали капиталов далеко больше тех, какие нужны были для возделывания дома, оранжерей и фермы со всеми их принадлежностями. И так, вот чем именно замечательно в настоящее время Зенино: его сад именно представляет тот редкий пример, когда сад интересен не побочной обстановкой, напр., гротами, павильонами, обелисками и т.д., а единственно своими видами, своей природой, или таким искусством, от которого выигрывает каждый куст, каждая поляна, каждый песчаный холм, насыпанный ветром, или рытвина – след дождя

и снега».⁵¹⁷

С 1764 г. являясь бессменным президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии, П.А. Румянцев не с меньшей активностью устраивал парки и в малороссийских своих имениях - в Вишенках, Черешенках, Ташани, Качановке, Великой Топали, Парафиевке, Кочуровке и Гомеле, также приобретенных и затем подаренных ему самой императрицей.

Задумывая формирование в Вишенках (Черниговской губернии) не менее представительного своего комплекса, П.А. Румянцев проявлял особое внимание к английскому поместью Кедлстоун (Kedleston Hall, Derbyshire). И видимо отсюда ему удалось получить чертежи его главного господского дома.⁵¹⁸ Устраивая же Английский парк, он, прежде всего, рассчитывал на действенную помощь А.А. Самборского, о чем становится известно из датированного 29 марта 1776 г. письма графа к приказчику П.М. Юткевичу: «Государь мой, Петр Мартынович!

Отец Андрей Санборский, сего вручитель, особливо быв мне усердным, схотел принять на себя труд заехать в Вишенки и осмотреть всю тамошнюю окрестность, дабы подать мне потом свои идеи в рассуждении ситуации тамошней, к положению во вкусе чегонибудь точнаго. И я, приемля не без признательности добрую его в том волю, провождаю его сим к Вам, с тем, чтобы Вы показали ему все то, в чем больше нужно ему иметь примечание по месту тамошнему для выгод и увеселения хозяину, и угостили так, как весьма приятнаго мне человека. Есьм Вам и всегда доброжелательным слугою».⁵¹⁹

Зимой 1787 г. в сопровождении владельца с Вишенками ознакомится императрица. «Смешанно-готический» усадебный дом и церковь к этому времени были выстроены, вероятно, и основные садовые работы находились на стадии своего завершения. Под парк отошли живописно понижавшиеся береговые склоны р. Десны и непосредственно связанное с главным домом пространство верхнего плато, откуда открывались перспективные виды на окрестную местность. В Ташани, куда граф перебрался в 1791 г. и где прожил последние дни,

Английский парк выявлял и подчеркивал образную значимость возведенного «готического замка». Вероятно, уже при С.П. Румянцеве эта парковая композиция получит дальнейшее свое развитие.

В расположенной в 180 км. от Киева Качановке местным архитектором М.Н. Мосципановым по проекту К.И. Бланка осуществлялось строительство очередного «готического» дома и закладка на площади свыше 440 га обширного парка. Обращаясь непосредственно к нему весной 1777 г., граф подчеркивал: «Хотелось бы мне, чтобы не упуская удобного времени и в Качановском хуторе, начатые вами перспективы, что от одной рощи к другой, ведены с правой стороны вплоть к березовой роще, а с левой стороны до дороги, что садовником назначена на полуостров...»⁵²⁰ В письме упоминалось также и о прибытии сюда в скорости садового мастера из Батурина. Речь шла все о том же англичанине, практически одновременно занимавшегося разработкой проектного замысла парка в Троицком-Кайнарджи. Именно с его творчеством следует связывать устройство качановского парка, сформированного на базе сильно протяженного живописно очерченного пруда и обширного стриженного луга, непосредственно подступавшего к западному фасаду господского дома. В одном из пейзажных его районов еще при жизни фельдмаршала был устроен высокий холм, укрепленный восьмигранной обзорной беседкой. Украшалась она стрельчатыми проемами и называлась не иначе, как «грот и зала для гульбища над оным». Своеобразие другого пейзажного района подчеркивала искусно сделанная «руина», воспроизводившая остатки старинной крепости. Не менее важными атрибутами этого Английского парка призваны были стать фазаны, лебеди и даже рыбы разных пород. А кроме того померанцевые и лимонные деревья, которые владелец намеревался непременно выписать из Константинополя. В 1808 г. С.П. Румянцев продаст Качановку и, вероятно, совсем скоро первоначальная структура парка претерпит существенные изменения. Побывавший здесь в 1836 г. М.И. Глинка в этой связи отметит: «Первое впечатление было в пользу владельца. Подъезжали к поместью с нескольких сторон по стройным аллеям из

пирамидальных тополей; дом большой, каменный - стоял на возвышении; огромный, прелестно раскинувшийся сад с прудами и вековыми кленами, дубами и ясенями величественно ласкал зрение.

Но, осмотрясь, удивление уменьшилось: дом был как будто не окончен, дорожки в саду недоделаны; (...)»⁵²¹

В Великой Топали, расположенной в Клинцовском районе южнее г. Клинцы, П.А. Румянцев, как и в подмосковном Троицкому-Кайнарджи, решит сохранить связанный с заново выстроенными главным домом и церковью доставшийся от М.В. Рагузинского регулярный сад. А создававшийся на прибрежных землях речки Топалки пейзажный мыслился структурным его продолжением.⁵²²

В формировавшейся фактически заново Гомельской резиденции само заведение пейзажного парка станет составной частью мероприятий по комплексной реконструкции этого старинного малороссийского имения. В результате последует полная разборка древнего замка М. Чарторыйского, будут окончательно ликвидированы все еще сохранявшиеся при нем ров и земляная крепость. Сооружавшийся, вероятно, по проекту И.Е. Старова начиная с 1785 г. главный усадебный дом разместят на естественной возвышенности, а под устройство подступавшего к нему вплотную пейзажного парка отойдут береговые склоны речки Сож и не менее живописное плато с обширным оврагом и ручьем Гомеюк. С.П. Румянцев, также считавший Гомель главной своей резиденцией, продолжит начатые отцом мероприятия по обустройству усадьбы. Именно для этого будет выписан из Англии довольно известный у себя на родине архитектор Дж. Кларк (John Clarke), который в 1800-е-1810-е гг. достроит дворец, его флигеля и, видимо, примет участие в формировании отдельных частей Английского парка.⁵²³

Князь А.И. Вяземский (1754-1807) отправится в путешествие по Англии и Шотландии в 1783 г. по тому же маршруту, что и Н.П. Шереметев, Г.П. Гагарин и А.Б. Куракин. И хотя Путевой его дневник обрывается на Англии, все же из-

вестно, что он располагал рекомендательными письмами ко многим британцам, что, конечно же, во многом облегчало посещение частных имений.⁵²⁴ Подтверждением тому служит сделанная в июле 1784 г. дневниковая запись графа А.И. Бобринского: «В Англии князь Вяземский давал балы, человек на 200 приглашенных».⁵²⁵

Готовя себя к службе в армии, Вяземский еще в юности овладел основами фортификации и потому мог вполне самостоятельно выполнять проектные чертежи самой различной сложности, что, конечно же, существенно облегчало его знакомство с планировочной структурой посещавшихся английских парков. Постоянно проявлявшийся интерес князя к самым различным сторонам общественной, культурной и художественной жизни Англии подкреплялся и его супругой, ирландкой по происхождению Юджинией (Женни) Куин, урожденной О'Рейли (O'Reilly ?-1802). С ней он повстречается вскоре по возвращении из Англии.⁵²⁶

Вслед за кончиной родителей, так и не смирившихся с женитьбой сына на побывшей замужем иностранке, князь в конце 1780-х гг. решает продать родовое имение Удино. Но вместо него у фабриканта И.И. Сухарева он приобретет в 1792 г. подмосковное Остафьево. Наряду с формированием практически заново всей усадебной застройки и устройством Английского парка, здесь изначально предполагалось завести также крупное доходное хозяйство, причем непременно по английскому образцу. Последовавшая в 1800 г. отставка князя во многом способствовала скорой реализации этих обширных замыслов.⁵²⁷

На момент покупки усадьбы к парадному ее двору, образованному симметрично расположенной жилой и хозяйственной застройкой, подступал с северной стороны асимметричный участок плодового сада, протяженная липовая аллея которого по единой оси была совмещена с главным усадебным домом. Еще севернее находился небольшой «лужок» и прямоугольный «малый копаный пруд», а далее располагалась обладавшая геометрическими очертаниями обширная «саженная роща». Вся эта парковая территория с запада ограничивалась

проезжей дорогой, а с восточной и южной - живописным абрисом Большого пруда, устроенным за счет запруды речки Молоди, видимо, еще в XVII столетии.⁵²⁸ В основу новой парковой композиции была положена идея самого Вяземского, не менее основательно разбиравшегося и в частных вопросах садоводства. Так, среди его бумаг, впоследствии влившихся в состав Остафьевского архива, до нас дошла датированная 1790-ми гг. инструкция «О сделании дороги на подобие Аглинской», где с должной основательностью освещалась последовательность проведения работ, в том числе и на завершающем этапе, непосредственно связанная с укладкой щебня.⁵²⁹

Вероятно, собственноручно разработанный князем около середины 1790-х гг. «Проект Английского сада в Остафьево» в действительности представлял собой один из предварительных вариантов.⁵³⁰ Главный его смысл сводился к созданию исключительно целостной пейзажной среды, учитывавшей корректировку всех прежде сложившихся садовых элементов. В частности, назначавшаяся заново плавно изгибающаяся сеть дорог в основном охватывала периферийные части парка, выявляя и подчеркивая живописный абрис Большого пруда и создавая тем самым оптимальные условия для наиболее активного восприятия всей окрестной местности. Основная южная часть парка, непосредственно связанная с главным домом и парными его флигелями, должна была содержать обширные скругленные в плане разновеликие стриженные луга, отмеченные по периметру миниатюрными рощицами. Видоизменялась и большая «саженная роща», которая за счет новых посадок существенно увеличивалась в габаритах, приобретая при этом волнообразный абрис. Созданный же на ее основе весьма значительный северный парковый район, максимально удаленный от главного дома, теперь трактовался как обширный лесной массив, прерывавшийся лишь круглой поляной в центре. В неизменном своем виде сохранялись лишь липовая аллея и визуально связанный с ней Малый пруд. Впрочем, уже следующий известный фиксационный чертеж (аксонометрический план), датированный 1805 г., убеждает в том, что данный замысел так и не был реализо-

ван.⁵³¹

Само появление сильно протяженного фронта представительной усадебной застройки за счет постановки новых объемов главного дома и связанных с ним колоннадой парных его флигелей повлекло за собой существенное расширение отводившейся под парк территории с 11 до 17 га. Именно это обстоятельство и приведет к упразднению находившегося несколько западнее сельца Климова. Несмотря на принципиально иные пространственные габариты и равномерно устроенную дорожную сеть, вся эта вновь сформированная пейзажная композиция в целом отвечала замыслу 1790-х гг., ибо также учитывала сохранение первоначальных элементов. Главное отличие сводилось лишь к устройству близ северного фронта застройки связанного с липовой аллеей регулярного парка, который своей восточной частью теперь упирался в береговую линию Большого пруда.

Летом 1806 г. Остафьево посетит работавший в то время в Петербурге шотландский художник Р. Портер (Robert Ker Porter, 1777-1842). В «Заметках о путешествии по России и Швеции» (1809), вспоминая и оказанный А.И. Вяземским радушный прием, и сами обстоятельства знакомства с проживавшим здесь же с 1804 г. Н.М. Карамзиным, он отметит следующее: «Мой хозяин был не только образцом гостеприимства, но и отличался большой образованностью и талантами. Его дворец красиво расположен. Выстроенный из камня с большим вкусом и великолепием, он обладает всеми приспособлениями для самых веселых развлечений, а равно и для глубочайшего исследования... Великолепный обед и восхитительный бал завершил этот день в гостеприимных залах князя. Среди многочисленных гостей я встретился с джентльменом необыкновенных умственных способностей. В наших разговорах он поведал мне о происхождении и истории Москвы...»⁵³²

Именно Карамзину, женатому на старшей дочери А.И. Вяземского, и было завещано руководить воспитанием пятнадцатилетнего сына графа – П.А. Вяземского. И соответственно с 1807 г. усадьба перейдет в полное его ведение.

Вспоминая счастливые годы, проведенные в Остафьево, он с явной грустью впоследствии заметит: «Мы там наслаждались всею прелестью жизни... там текли средние, едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства в тишине страстей мятежных».⁵³³ Несомненно, и прежде Карамзин участвовал в формировании остафьевского парка, разделяя общую увлеченность А.И. Вяземского пейзажным садоводством. Ему же и в последующие годы предстояло заниматься его обустройством и поддержанием в должном порядке. Тогда и пригодятся навыки «практического» садоводства, которыми Карамзин овладел еще в подмосковных усадьбах Покровское-Стрешнево и Кунцево, где некоторое время проживал на рубеже XVIII-XIX вв.⁵³⁴

Непосредственное знакомство двадцатичетырехлетнего Н.М. Карамзина с английским садово-парковым искусством состоится во время двухмесячного его пребывания в Англии летом 1790 г. Среди примечания достойных предметов в поле зрения поэта окажутся и общедоступные столичные парки: «Из Вестминстерского Аббатства прошел я в славный Сент-Джемской парк - несколько изрядных липовых аллей, обширный луг, где ходят коровы, и более ничего!»⁵³⁵ Привлечет к себе внимание и расположенный поблизости огромный Гайд-парк: «Вчерашний день пригласил меня обедать богатый Англичанин Бакстер, Консул, в загородный дом свой, близ Гайд-парка. В ожидании шести часов я гулял в Парке...»⁵³⁶

За пределами же английской столицы Карамзин вначале посетит размещившийся на площади свыше 1000 га королевский парк в Виндзоре, который к тому времени представлял собой весьма обширную композицию, вобравшую в себя целый ряд разновременных садово-парковых частей. Так, он все еще сохранял с конца XVI в. совмещенную с южным фасадом замка весьма протяженную (в три мили) аллею, образованную двойными рядами вязов, а от начала XVIII в. расположенные в непосредственной близости от замка цветники и террасы, устроенные королевским садовником Г. Уайзом (Henry Wise, 1653-1738).

Несколько позднее, в 1740-х -1750-х гг., именно здесь происходило формирование самой обширной парковой части с весьма развитой водной системой, более известной как Вирджиния Уотер (Virginia Water). Поначалу на холмах, связанных с долиной ручья, были произведены обширные посадки деревьев и кустарников, затем здесь соорудят плотину, грот и каскад, а на одном из холмов установят треугольную «готическую» беседку. Остров же украсит Большой Китайский павильон, к которому обыкновенно причаливала специально изготовленная Яхта мандарина. А в начале 1780-х гг., за счет устройства дополнительной плотины, устроят Большой каскад, сразу же ставший яркой местной достопримечательностью. И соответственно неизменно притягивали внимание многочисленных посетителей парка мощные столетние дубы.⁵³⁷

Карамзин отмечал, что в пять вечера «вступили в Виндзорской парк». Показательно, что в образном его «прочтении» он как раз воспользуется поэтическим видением А. Попа: «Твои леса, Виндзор, и твои зеленые убежища – приют одновременно и короля и муз». И далее: «Мы сняли шляпы... веря Поэту, что это - священный лес. «Здесь, (говорит он) являются боги во всем своем великолепии; здесь Пан окружен бесчисленными стадами, Помона рассыпает плоды свои, Флора луга, и дары Цереры волнуются как необозримое море»...

Описание Стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные леса, прекрасные лесочки, поля, луга, бесконечные аллеи, зеркальные каналы, реки и речки, все есть в Виндзорском Парке! – Как мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя под густою сению, где пели над нами всякого рода лесная птицы, то бегая с оленями, которых тут множество! – Стихотворец у меня в мыслях и в руках». ⁵³⁸ И уже утомленный столь яркими впечатлениями, Карамзин уединится в одном из уголков парка: «Сидя под тению дубов Виндзорского парка, слушая пение лесных птичек, шум Темзы и ветвей, провел я несколько часов в каком-то сладостном забвении - не спал, но видел сны восхитительные и печальные». ⁵³⁹

Покинув Виндзор, Карамзин отправится в Гринвич: «Мы отобедали в ко-

фейном доме, погуляли в парке, сели в лодку и поплыли...»⁵⁴⁰ Однако более всего ему, очевидно, запомнится своеобразие обширной открытой холмистой местности с возвышающимся в центре Обсерваторским холмом, откуда открывались величественные панорамы живописных окрестностей Лондона. Здесь же в Гринвиче он неоднократно гостил у С.Р. Воронцова, проживавшего в то время в «прекрасном сельском доме».⁵⁴¹ Далее состоится поездка в Хэмптон-Корт: «Гамптонские сады напоминают старинный вкус».⁵⁴² Впрочем, очередной королевский парк в Кью не оправдал его надежд: «Я один раз был в славном Кьюском саду, Kew Garden, место, которое нынешний король старался украсить по всей возможности, но которое само по себе не стоит того, хотя в описаниях и называют его эдемом: мало, низко, без видов. Там китайское, арабское, турецкое перемешено с греческим и римским. Храм Белоны и Китайский павильон; храм Эола и дом Конфуциев; Арабская Алгамбра и Пагода!»⁵⁴³ Зато заслужит похвалу прежде всего впечатляющими своими видами находившийся поблизости Нью-парк: «Между Ричмонда и Кингстона есть большой парк, называемый New Park, которого хотя и нельзя сравнить с Виндзорским, но который однако ж считается одним из лучших в Англии. Величественные деревья, прекрасная зелень; а всего лучше вид с тамошнего холма: шесть провинций представляются глазам нашим...»⁵⁴⁴

Особенные чувства переполняли Карамзина, когда он осматривал имение А. Попа со знаменитым парком поэта, относящимся к начальной фазе пейзажного садоводства: «Из Ричмонда ходил я в Твитнам (Twickenham), милостивую деревеньку, где жил и умер Философ и Стихотворец Поп. Там множество прекрасных сельских домиков; но мне надобен был дом Поэта (принадлежащий теперь Лорду Станопу). Я видел его кабинет, его кресла – место, обсаженное деревьями, где он в летние дни переводил Гомера – грот, где стоит мраморный бюст его, и откуда видна Темза - наконец столетнюю иву, которая чудным образом раздвоилась, и под которою любил думать Философ и мечтать Стихотворец; я сорвал с нее веточку на память».⁵⁴⁵

Этот сад прославленного поэта создавался им в конце 1710-х гг. и для отдыха, и для созерцания, а потому, как особо подчеркивалось, одновременно совмещал в себе элементы «дикости» и «интригующего разнообразия». ⁵⁴⁶ Хотя в действительности композиция представляла собой в целом характерный для рококо переходный тип парка, где регулярность все еще господствовала, а пейзажные элементы помещались лишь в периферийных его частях. ⁵⁴⁷

Еще до отъезда в Англию Карамзин мог составить об этом парке довольно полное представление по опубликованному еще в 1745 г. (на следующий год после смерти поэта) описанию, снабженному генпланом и перспективным видом Грота – этим важнейшим парковым сооружением. ⁵⁴⁸ Некогда проложенный под подъездной дорогой тоннель, одновременно ориентированный на главный дом и парк, Поп превратит в Грот с помощью отделки его стен минералами и ракушками, чему способствовали друзья, отовсюду доставлявшие эти «естественные» редкости. Совсем скоро Грот окажется в центре внимания и иностранных почитателей поэта, прежде всего потому, что обладал впечатляющими картинными видами, которые Карамзин сразу же приметит. Грот не только удерживал «отзвуки бегущей воды», но и представлял собой своего рода камеру-обскуру, позволяя любоваться чарующими видами Темзы. Подступавший к нему сравнительно небольшой прямоугольный в плане парк был разбит на площади всего двух гектаров. Ограждали его плотные куртины, а центральную часть прорезали серпантинные прогулочные дорожки, проложенные между купами деревьев. Помимо амфитеатра, сада трав и площадки для гольфа в западную оконечность парка был помещен украшенный кипарисами каменный обелиск, посвященный матери поэта. Не мог не привлечь к себе внимание спроектированный У. Кентом ракушечный Храм и расположенный вблизи насыпной холм, искусно украшенный кустарниками и живописно разбросанными глыбами камня. Как раз с его вершины, отмеченной постановкой статуй и урн, осуществлялись главные панорамные раскрытия на Темзу. ⁵⁴⁹

Наряду с общедоступными, Карамзин осмотрит и частные парки, главным

образом связанных с Темзой. Все они представлялись ему одним сплошным живописным массивом, уходящим за горизонт: «Берега Темзы прекрасны; их можно назвать цветниками и вопреки Английским туманам, здесь царствует Флора».⁵⁵⁰

Впрочем, вряд ли возможно определить общее число английских парков, неизменно привлекавших внимание Карамзина, ибо сам он подчеркивал: «...я наименую только самые лучшие из виденных мною домов вокруг Лондона». Среди них будут названы: «Так называемый Бельведер Лорда Турлова, откуда прекрасный вид на окрестные поля и Темзу, покрытую кораблями (...) - Герцога Девонширского, может быть самый огромный в Англии, построенный среди темных кедровых алей – Графа Дорсета, окруженный самым диким парком, где множество зверей, птиц, и где есть прекрасный готический эрми-таж с искусственными развалинами - Графа Букенгамшира с милovidными каштановыми лесочками, прекрасным гротом, обсаженным благоуханными кустами - Sion-House Герцога Нортумберландского с большими садами, всего более украшенными текущею в них Темзою – Вальполя в готическом вкусе - Графа Тильнея, откуда с террасы видны река, каналы, бесчисленные алей, пустыни, лесочки, которые составляют необозримый амфитеатр – Аддермана То-маса, называемый *hacked beauty* (чистая красота) – господина Бинга и Карю (Carew), где обширные сады, а в садах столетние померанцевые деревья (что беспрерывно в Англии). (...) при каждой оранжереи, где собраны плоды и растения всех частей мира»;⁵⁵¹

Как фиксирует Журнал посещений, парк в Строберри-Хилл Карамзин посетит в августовские дни вместе с Г.А. Демидовым.⁵⁵² Не менее известный дру-гой, расположенный вблизи Ричмонда в имении Сайон-Хауз (Syon House, Middlesex), ко времени этого визита претерпит два основных этапа своей эволюции. Собственно первый восходил еще ко второй половине XVI в., когда на базе упраздненного монастыря герцог Соммерсет сформировал здесь собственный усадебный комплекс с оригинальным террасным своим садом, вплотную под-

ступавшем к главному дому. Целиком относящийся к 1760-м гг. другой был связан с творчеством Л. Брауна. Именно ему граф Нортумбурлендский (1st Duke of Northumberland, 1715-1786) в качестве заказчика и выдвинул главное условие: формирование на окрестных землях обширного пейзажного парка не должно привести к изменению первоначального облика регулярного сада.⁵⁵³ А потому добиваясь визуального взаимодействия решительно всех парковых частей с окружающей местностью, Браун был вынужден ограничиться лишь существенным понижением его каменного ограждения. А чтобы открыть впечатляющие виды на Темзу, Ричмонд и Кью-гарден, он создает у реки возвышенность, придавая ей эффектное естественное очертание. Браун также устроит здесь два удлиненных озера, крупный лесной массив и Ботанический сад, причем все они будут объединены изысканно изгибающимися на фоне зелени дорожками из белого гравия.⁵⁵⁴

Особого внимания заслуживают высказывания Карамзина о национальных корнях и присущих особенностях современного ему садово-паркового искусства. Проясняя основные причины зарождения пейзажного стиля именно в Англии, он отметит: «Другия Европейския земли похожи на регулярные сады, в которых видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, в нравственном смысле, растут как дикие дубы по воле судьбы, и хотя все одного рода, но все различны»;⁵⁵⁵ Признавая несомненные в этом деле достижения англичан, он вместе с тем с явной грустью заметит: «В заключение скажу, что нигде, может быть, сельская Природа так не украшена как в Англии... (...) Рощи, парки, луга, сады: все это прекрасно в Англии; но все это покрыто туманами, мраком и дымом земляных угольев».⁵⁵⁶

Да и много позже, все еще оставаясь под сильным воздействием английских своих впечатлений, Карамзин в «Записках старого московского жителя» (1803) подчеркнет несомненную, по его мнению, художественную упрощенность регулярных парков: «Рощи – где дикость Природы соединяется с удобствами Искусства, и всякая дорожка ведет к чему-нибудь приятному (...) ...наконец за-

ступают у нас место так называемых правильных садов, которые ни на что не похожи в натуре и совсем не действуют на воображение. Скоро без сомнения перестанем рыть и пруды, в уверении, что самый маленький ручеек своим быстрым течением и журчанием оживляет сельские красоты гораздо более, нежели чем мутные зеркала, где живет вода неподвижная».⁵⁵⁷ Вероятно, в сгоревшей в 1812 г. обширной библиотеке Карамзина, помимо собственно гравюр, хранились и английские руководства по садоводству, приобретенные им непосредственно в Англии.⁵⁵⁸

Занимаясь в течение ряда лет поддержанием и совершенствованием остафьевского Английского парка, Карамзин всякий раз решал вполне конкретные художественные задачи. Видимо, окончательная смена регулярной части парка на пейзажную, с сохранением всего лишь одной липовой аллеи, также была осуществлена еще при нем.⁵⁵⁹ Показательно и то, что вслед за отъездом Карамзина в Царское Село этот остафьевский «аглинский сад» стал без должного ухода быстро зарастать и терять свой оригинальный художественный замысел.⁵⁶⁰

П.А. Вяземский (1792-1878), проведший детские и юношеские годы в усадьбе Остафьево, хорошо усвоил от матери, отца и Карамзина, как своего наставника, ни с чем несравнимую образную значимость пейзажной системы садоводства. Это явственно проступает в одном из созданных им там же произведений (октябрь 1857), где особое внимание уделялось завораживающим воображение зрителя панорамным раскрытиям:

«(...) Здесь и природа мне так памятно знакома,
Здесь с каждым деревом сроднился, сросся я,
На что ни посмотрю - всё было, всё жизнь моя.
(...) Тобой люблюсь я, какой и прежде знал,
Когда с весной моей весь мир мой расцветал.
Всё те же мирные и свежие картины:
Деревья разрослись вдоль прудовой плотины,

Пред домом круглый луг, за домом темный сад,
Там роща, там овраг с ручьем, курганов ряд,
Немая летопись о безымянной битве;
Белеет над прудом пристанище молитве,
Дом божий, всем скорбям гостеприимный дом.
Там привлекают взор, далече и кругом,
В прозрачной синеве просторной панорамы,
Широкие поля, селенья, божьи храмы,
Леса, как темный пар, поемные луга
И милovidные родные берега
Извилистой Десны, Любучи молчаливой,
Скользящей вдоль лугов струей своей ленивой.(...)»⁵⁶¹

Уже выйдя в отставку, поэт задумает в 1821 г. скорректировать сложившуюся структуру парка, пригласив для этого «архитектора и практиста садов» Ф. Мельникова. И хотя на этот раз будет разработано целых два варианта «Английского сада» с сооружениями, более уже характерными для романтической поры (Руин троянский, Драконова пещера, Крокодилово гнездо), они так и не будут реализованы.⁵⁶²

Вяземский побывает в Англии осенью 1838 г., следствием чего и станет появление очерка «Об Англии» (1838).⁵⁶³ Некоторую ясность в его знакомстве с отдельными английскими провинциями вносят дневниковые записи: «6 октября выкупался я в 26 раз в Брайтонских волнах и простился с ними. В 11 часов утра сел на дилижанс и отправился в Портсмут. На дороге, не доехав Arundel Castel, замок, выстроенный отцом поэта Shelley [Шелли] и принадлежащий ныне малолетнему сыну его. В Портсмут приехали довольно поздно за частыми остановками кучера и не застали уже парохода. Из лодки, куда сели мы, чтобы догнать его, напрасно кричали - он не остановился и принуждены были мы ночевать в Портсмуте. Вечером полковая зоря. (...) В 8 час. утра сели мы на паро-

ход и в 9 часов пристали мы к pier городка Вуде, на острове Wight. Тут совершил я 27-е купание. Бродили по городу. Красиво обстроено. Сады. Опрятность, милость. В сады нас не пускали, потому что день воскресный, а по воскресениям Англия не показывается. Она ханжит». ⁵⁶⁴ Помимо самих купаний, более всего путешественнику понравятся два предмета: «Что за прелесть Английская езда! Катишься по дороге как по бархату, не зацепишься за камушек. (...) В Англии зелень имеет особую свежесть и прелесть». ⁵⁶⁵

Впрочем, вряд ли эта поездка могла существенным образом отразиться на облике остафьевского парка. После 1831 г. П.А. Вяземский бывал в Остафьеве только наездами, проживая главным образом за границей.

Без уточнения имен Э. Кросс отметит, что некий граф Головкин, с некоей графиней Головкиной, побывают в Англии в 1786 г. в качестве путешественников. ⁵⁶⁶ Вероятнее всего, речь шла о графе А.Г. Головкине (1767-1813), известного в Москве коллекционера живописи и страстного библиофила. Действительно, опубликованный в 1811 г. каталог собственной его библиотеки подтверждает наличие многочисленных зарубежных изданий. ⁵⁶⁷ Среди них мы находим целиком относящиеся к XVIII столетию семьдесят три английских печатных издания. Большинство из них, судя по всему, было приобретено как раз во время этой поездки. Так, заслужившие общеевропейское признание богато иллюстрированные фолианты с изображением классических древностей были представлены «Мраморами Оксфорда» (1707), «Развалинами Пестума» Р. Вуда (Wood R. Ruins of Paestum (1753) и «Руинами Пестума» Т. Майора (Major Th. The Ruins of Paestum... (1768). Еще целый ряд близких по данной тематике изданий адресовались античным геммам. Имелись здесь «Красоты Великобритании» У. Бёрча (1791), «Собрание видов северного Уэльса и «Истории Темзы» Д. Бойдел (History of the Thames, drawn by Joseph Farrington Published by John Boydell (1794-1796) и «Избранные виды Великобритании» С. Мидлимен (1803). Здесь же находим и специализированные издания, явно свидетельствующие об интересе графа к английскому садоводству: «Диссертация о восточном садоводстве» У.

Чемберса (1771), «Сочинение об искусстве современного садоводства» Г. Уолпола (1785), «Ботаническое собрание новых и редких растений» Х. Эндрю (1795), «Ботанический журнал, или Цветущий сад» У. Кёртиса с 432-мя раскрашенными от руки гравюрами (Curtis W. Botanical Magazine; or, Flower-Garden displayed. (1793-1798), наконец, одна из книг Х. Рептона, иллюстрированная цветными акватинтами самого автора.⁵⁶⁸ Соответственно и издания У. Уотса и Дж. Ричардсона с проектными изображениями парковых построек также следует причислить к той же группе иллюстрированных изданий.

Этими изданиями и конкретными впечатлениями от посещения английских парков граф, безусловно, руководствовался при решении и общих, и частных задач. В 1787 г., вскоре по возвращении из Англии, А.Г. Головкин унаследует находившуюся в Звенигородском уезде Московской губернии усадьбу Михайловское, которая находилась в его собственности вплоть до кончины. Скорее всего именно здесь, на живописных берегах Москвы-реки, и был заведен им пейзажный парк.⁵⁶⁹ С 1797 г. граф также являлся владельцем московской усадьбы в Покровской части (Елоховский проезд), где занимался уже давно назревшей ее реконструкцией. В результате был кардинально перестроен старый дом с пристройкой зимнего сада, а на основной усадебной территории разбит парк.⁵⁷⁰

Первый раз граф Ф.В. Ростопчин (1763-1826) посетит Англию в 1787-1788 гг. Еще незадолго до этого в чине подпоручика он оставит службу и тогда же, с целью совершенствования образования, он решает отправиться за границу.⁵⁷¹ Поначалу как частное лицо Ростопчин займется в Берлине изучением математики и фортификации. Затем прослушает курс лекций в Лейпцигском университете и по другим предметам.

Поселившись в Лондоне, Ростопчин попадет в самую гущу динамичной столичной жизни: станет часто наведываться в обсерваторию, посещать театры и даже приобщится к боксу, тренируясь под началом известного бойца Рейна. Там же он сблизится с С.Р. Воронцовым, и будет сохранять эту дружескую

привязанность вплоть до конца жизни. Да и сам Воронцов однажды заметит: «Мы узнали друг друга в Лондоне, мы связались дружбою, которая даже укрепилась несмотря на разлуку, время и расстояние нас разъединяющее; и что довольно редко, эта дружба была всегда и будет основана на взаимном уважении».⁵⁷²

Неоднократно посещал Ростопчин и королевские резиденции, о чем его биограф А.Ф. Брокер впоследствии напишет: «Во время пребывания своего в Лондоне, граф Ростопчин пользовался таковым же расположением от английского короля. Его Величество пригласил его с малым избранным обществом к себе на обеденный стол, пить изволил за его здоровье и во все время стола занимался своим гостем. Граф приметил в одной из комнат короля прекрасную голову работы Леонарда Винчи и долго на оную любовался, возвратясь домой, был он весьма приятно поражен, найдя на столе своем картину, столь ему понравившуюся и которую король просил его принять знаком памяти от Его Величества».⁵⁷³

Столь длительное пребывание графа в Англии позволит ему основательно познакомиться с садами и парками Англии, чему содействовал и сам Воронцов, очевидно, не раз сопровождавший его в ознакомительных поездках. То, что полтора месяца он проживет в одном только Бленхейме, становится известно из дневниковой записи М. Вильмот, сделанной в Троицком 12 июня 1804 г.: «Граф Ростопчин произвел чрезвычайно хорошее впечатление. Обед прошел весьма приятно: граф был моим соседом, мы разговаривали по-английски и по-французски. Он бывал в Англии и шесть недель провел в Бленеме».⁵⁷⁴

Уже возвратившись на родину и находясь с 1793 г. на службе при дворе Павла Петровича в Гатчине, Ростопчин имел хорошую возможность ознакомиться и с уже устроенными здесь пейзажными парками и с энергично осуществлявшимися английскими мастерами широкомасштабными садовыми работами.⁵⁷⁵ В 1794 г. он женится на графине Е.П. Протасовой - племяннице камер-фрейлины императрицы, а в 1799 г. Павел I возведет его в графское достоинство.

во и наградит тремя тысячами крепостных и тридцатью тысячами десятин земли. Тогда и возникнет реальная возможность заведения собственного поместья, о чем в письме к С.Р. Воронцову Ростопчин в начале 1800 г. заметит: «Я торгую имение у графа Артемия Ивановича (*Воронцова*), и у меня великие хозяйственные затеи».⁵⁷⁶ Д.П. Бутурлин в данной связи напишет: «Идет речь о продаже Вороново и довольно серьезно, и хотя покупатель не называет себя, кажется, это граф Ростопчин, мой тесть просит 350 тысяч, но, вероятно, отдаст за 300 тысяч».⁵⁷⁷

Реализации обширных замыслов по обустройству собственной усадьбы во многом способствовала растянувшаяся более чем на десятилетие отставка Ростопчина. Ее главные мотивы он изложит в очередном своем письме к Воронцову: «Мне противно покидать службу на тридцать восьмом году возраста, но я сказал себе, что оставаться более нельзя. Я не в силах более бороться против каверз и клеветы и оставаться в обществе негодяев, которым я неугоден и которые, видя мою неподкупность, подозревают и не без основания, что я противодействую их видам. Лишь бы мне позволили жить в Вороново с женой – вот чем ограничивается все мое домогательство».⁵⁷⁸

Начавшаяся фактически с 1801 г. комплексная реконструкция расположенной юго-западнее Москвы у Калужской дороги усадьбы Вороново учитывала три основных направления. Осуществлявшееся непосредственно в русле экспериментальной деятельности А.А. Самборского и Д.М. Полторацкого первое будет напрямую связано с заведением высокорентабельного сельского хозяйства, чему способствовало приглашение из Англии специалистов самого различного профиля.⁵⁷⁹ Не случайно в очередном своем письме от 1802 г. граф просил Воронцова посодействовать в этом деле: «Много занимаясь земледелием и помышляя не о своих только барышах, я имею надобность в смышленном англичанине, которого бы я мог сделать главноуправляющим в этом имении. Англичане превзошли всех в умении улучшать земли и собирать обильные урожаи. Мне бы хотелось иметь умного фермера, опытного в произращении зернового хлеба

и овощей, который бы умел завести севооборот сообразный со свойствами почвы; а жена его заведовала бы фермой, коровами, маслом и пр. Я дам нужное ему жалование, содержание и через три года, когда все будет заведено шестую долю урожая как с полей, так и с фермы. Я был бы очень доволен получить такого фермера, какой у графа Николая Румянцева: он уже творит чудеса у него в подмосковной». ⁵⁸⁰ Сначала в Вороново вместе с лошадьми придут коневод Андерсон и наездник Рохвий. Затем усилиями шотландцев здесь заведут ферму - «из находящихся у меня на службе шотландцев один отлично опытен в уходе за скотом». Наконец, в октябре 1808 г. в Воронове окажется сын А. Юнга, которому предоставят возможность реализовать и собственные идеи. ⁵⁸¹

Не меньших усилий потребует перестройка главного дома и парных его флигелей, возведенных в стиле классицизма по проекту Н.А. Львова еще при А.И. Воронцове. ⁵⁸² Летом 1793 г. на этот счет Бутурлин в письме к С.Р. Воронцову отметит: «Вы знали Вороново со времени Ивана Ларионыча и моего времени. Ну, вы там ничего не узнаете. Дом – это дворец типа примерно московских, даже еще больше... Вкус Львова обнаруживается в колоннах и ротондах. Бог знает, когда постройка будет закончена. (...) Природа великолепна, леса во всей красе...» ⁵⁸³ Соответственно связанный с его западным фасадом регулярный парк середины XVIII в. претерпит лишь локальные изменения. Как фиксирует межевой план 1766 г., он располагался между самим домом и Большим прудом и включал в себя центральную и боковые аллеи, непосредственно подведшие к береговой его линии. ⁵⁸⁴

В 1800-х гг. здесь высадят деревья, кустарники и цветы, а также установят заказанные в Италии мраморные статуи. Самым же крупным начинанием графа станет заведение на холмистой прибрежной местности р. Воронки и ее притоков обширного Английского парка, своей южной оконечностью подступавшего к регулярному. ⁵⁸⁵ Занимаясь его устройством, Ростопчин вместе с тем будет учитывать произведенные здесь еще Н.А. Львовым первоочередные ландшафтные работы. Соответственно и образованные за счет запруды р. Вороновки кас-

кадные пруды станут составной частью этой новой весьма обширной парковой композиции.⁵⁸⁶ Не менее важную роль в формировании пейзажных районов будут играть отмеченный островом протяженный Большой пруд, разновеликие стриженные луга с живописно разбросанными крупномерами и открытые заречные пространства в обрамлении естественных лесных массивов.

Вместе с самим владельцем, деятельное участие в формировании парка примут и специально выписанные английские садовые мастера.⁵⁸⁷ Вероятно, к середине 1800-х гг. основной массив садовых работ был завершен, что подтверждает побывавший в Воронове только лишь проездом О. Гунн: «За домом видны нам были преобширные сады, казавшиеся нам в темноте лесом. (...) Вообще местоположение здесь должно быть совершенно романтическое. Оно довольно высоко, имеет много лесов, воды, бураков и говорят, отделано со вкусом и знанием».⁵⁸⁸

И хотя осенью 1812 г. Ростопчин, как московский генерал-губернатор, распорядится сжечь свой господский дом, возглавлявший французский авангард маршал Мюрат все равно разместит свой штаб именно в Воронове.⁵⁸⁹ Ввиду финансовых затруднений сильно пострадавший Английский парк удастся восстановить лишь частично, да и то лишь к 1815 г. Тогда же для поправления здоровья Ростопчин вместе с семьей покинет усадьбу и отправится за границу.⁵⁹⁰ В Вороново он возвратится уже в 1823 г., однако, перед этим в 1820 г. снова окажется в Англии.⁵⁹¹ После его смерти заново отстроенный главный дом и приведенный в порядок пейзажный парк унаследует сын - А.Ф. Ростопчин, а затем его супруга - небезызвестная поэтесса и писательница Е.П. Ростопчина. Следует подчеркнуть, что в Воронове до сих пор сохраняются отдельные пейзажные фрагменты этого парка, подтверждающие необычайно высокий уровень садоводческого мастерства.

Не ограничиваясь одним только Вороновым, пейзажный парк Ф.В. Ростопчин заведет и в орловской своей усадьбе Космодемьянское, находившейся поблизости от деревни Ливны. Еще один «аглинский сад» возникнет в приобре-

тенном им же воронежском имении Анна как неотъемлемая часть вновь сформированного усадебного комплекса.⁵⁹²

Тринадцатилетний сын сергачского помещика А.П. Ермолов (1754-1836) в 1767 г. будет отправлен Екатериной II на учебу в столицу. Это произойдет уже после того, как, путешествуя по Волге, она посетит фамильное имение Ермоловых в селе Черновском. Затем Ермолов послужит адъютантом у Г.А. Потемкина, а в феврале 1785 г. уже в качестве фаворита императрицы переедет во дворец и вскоре станет генерал-майором и действительным камергером. Впрочем, уже в июле 1786 г. Ермолова окончательно отлучат от двора, но пожалуют при этом четыре тысячи крестьянских душ и около 400 тыс. деньгами, а также земли в Могилевском наместничестве. Тогда же ему предложат за казенный счет совершить еще и длительное западноевропейское путешествие, следствием чего и станет посещение Ермоловым Англии в 1787 г.

Опекавший его в Лондоне С.Р. Воронцов сразу найдет в нем «очень славного малого, совсем необразованного, но довольно скромного», который лишь однажды проявит несговорчивость, непременно желая быть представленным ко двору: «Король, немного спустя после этого представления, хотел со мной пошутить на этот счет, но я притворился, будто не понимаю, и принял такой серьезный вид, что отбил у него охоту шутить и заставил заговорить о другом; но я знаю, что с другими и он, и его дражайшая супруга, которая очень злоязычна, насмеялись над господином Ермоловым и над императрицей. Особенно смешным король находит, что у нас можно за два года, не служив, стать из сержанта генерал-майором».⁵⁹³

По возвращении на родину, А.П. Ермолов поселится в Москве (на Тверской), женится на Е.М. Голицыной и с увлечением займется созданием собственного родового гнезда в усадьбе Красное Рязанской губернии, составной частью которого и станет «великолепный английский парк». Сформируют его среди полей на открытой круто ниспадающей (в сторону села Красного) пересеченной местности, верхнюю кромку которой и закрепит связанный с вновь

устроенным обширным лугом объем «готического» дома. С помощью устройства земляных плотин здесь создадут целую сеть разновеликих проточных прудов, определивших структурную основу всей пейзажной композиции. Между двумя из них и был образован асимметрично очерченный полуостров, где разместят не менее живописные (в духе баженовской «готики») постройки Скотного двора. То же стремление акцентировать выразительные природные формы неординарными архитектурными сооружениями прослеживается и в постановке на лесистом холме усадебной церкви, возведенной, как полагают, также во второй половине 1780-х гг.⁵⁹⁴ Показательно, что практически каждый усадебный объем, мастерски вписанный в пейзажный контекст, прежде был рассчитан на оптимальное восприятие именно по ходу движения.

Обходя, например, холм справа, можно было вплотную приблизиться к пруду, откуда наиболее выигрышно просматривался весь комплекс Скотного двора. Аналогичный композиционный прием был использован и при размещении полностью утраченного комплекса Конного двора и оранжереи.⁵⁹⁵ Не случайно, сходясь в едином мнении, исследователи подчеркнут: «Здесь стремление к созданию английского поместья проявилось в полной мере артистизмом и благородной ясностью во всех его частях - от умело использованного рельефа участка (что позволило создать выразительную драматическую пространственную композицию с чередованием тем) до зданий, выполненных в разных стилистических манерах...»⁵⁹⁶

Когда сын генерала Ф.А. Ермолов в 1836 г. все же решит продать усадьбу Красное полковнику Реткину, то, видимо, этот пейзажный парк все еще сохранял свой первоначальный облик.⁵⁹⁷

Обучавшийся в 1772-1774 гг. в Лейпциге сын императрицы А.Г. Бобринский (1762-1813) только в павловское правление будет удостоен графского титула. После окончания Сухопутного кадетского корпуса он вместе с несколькими своими товарищами в сопровождении полковника А.М. Бушуева и профессора Н.Я. Озерецковского отправится в 1782 г. в длительное путешествие по

России, а затем и за границу.⁵⁹⁸

Весной 1785 г. Бобринский задержится в Париже, где по просьбе матери окажется под присмотром М. Гримма. В Англию он прибудет в октябре 1787 г. вместе со своим воспитателем адмиралом Рибасом. Проживая в основном в Лондоне, Бобринский пробудет здесь вплоть до начала марта следующего года, когда стараниями С.Р. Воронцова его удастся вернуть на родину.⁵⁹⁹ Этот растянувшийся почти на четыре месяца визит, несомненно, позволит ему воочию познакомиться со многими парками, причем не только в самой столице, но и в пригородах, а может быть и в других графствах, и соответственно составить достаточно ясное представление об особенностях тамошнего садово-паркового искусства. Впрочем, судить об этом можно лишь по Франции, где Бобринский неизменно проявлял интерес к известным садам и паркам и неоднократно посещал сады Пале-Руаяля, Тюиллери и Булонский лес. Однако более всего, судя по его же записям, притягивали его внимание живописные местности с естественными своими красотами и глубокие панорамные раскрытия на первозданный ландшафт.⁶⁰⁰ Да и сохранявшееся на протяжении всей жизни увлечение Бобринского астрономией позволяет сделать вывод, что вслед за парижской он неоднократно наведывался и в гринвичскую обсерваторию, а заодно и прогуливался в близлежащих парках.

В конце апреля 1788 г. прямо из Англии Бобринского доставят в Ригу и уже оттуда перевезут в Ревель, избранный самой императрицей в качестве наиболее подходящего места для дальнейшего его пребывания.

Именно там он почти безвыездно проживет вплоть до 1794 г., пока по собственному желанию и вслед за последовавшим высочайшим соизволением не приобретет в живописных окрестностях Дерпта средневековый замок Оберпален, приурочивая эту покупку к запланированной на январь 1796 г. женитьбе на А.В. Унгерн-Штернберг (1769-1846). Вслед за завершением интерьерной отделки парадных покоев в самом новейшем классическом вкусе, он сможет здесь с супругой разместиться весьма комфортно. Сюда же перевезут и существенно

пополненную за границей собственную библиотеку, считавшуюся самой крупной в Лифляндии. А одну из башен замка граф решил приспособить под собственную обсерваторию.

Видимо, тогда же, руководствуясь, виденными за границей многочисленными образцами, главным образом в Англии, Бобринский благоустроит и озеленит дворовое пространство замка, а заодно и сформирует подобающее образной его значимости выразительное пейзажное окружение, чему, несомненно, способствовали все еще сохранявшийся ров с водой и первозданная окружающая местность с впечатляющими перспективными раскрытиями. Впрочем, помимо Оберпалена, Бобринскому принадлежало, хотя и номинально, как минимум еще два вновь сформированных усадебных комплекса.

Еще в 1763 г. императрица подготовит указ, в соответствии с которым «малолетнему Алексею Григорьеву сыну князю Сицкому», по достижении им зрелого возраста, даровалось обширное имение в Тульской губернии. Включало оно в себя село Бобрики и село Богородицкое, а также прилегающие к ним деревни, что в совокупности составляло 200 000 десятин.⁶⁰¹ Существовавший же здесь прежде уезд заменялся «собственной её императорского величества» волостью, которая передавалась в особое управление «генерал-поручику князю С.В. Гагарину».

Вначале к формированию в Богородицке для Бобринского развитого усадебного комплекса подключат И.Е. Старова. Вслед за исходным намерением императрицы отвести под его размещение живописные береговые склоны р. Уперты, зодчий разработает ей же утвержденный 4 августа 1771 г. генеральный план, предполагавший окончательную ликвидацию все еще сохранявшейся здесь слободской застройки. Соглашалась она и с постановкой главного дома на гребне холма, что обеспечивало господствующее его положение над всей окружающей местностью. А сравнительно небольшие регулярные части парка планировалось поначалу разбить вблизи его торцевых фасадов, параллельно вновь создаваемому Большому пруду.

К реализации в только что образованной новой волости этих обширных замыслов Гагарин привлечет А.Т. Болотова в 1773 г., относительно чего тот впоследствии заметит: «Потом сделал (*князь*) мне такое предложение, какого я всего меньше от него ожидал, а именно: не соглашусь ли я съездить с ним в Бобрики и не возьму ли на себя труд сочинить всей тамошней волости камеральное описание?»⁶⁰²

Практически одновременно начнутся и строительные работы, о чем 17 сентября императрица упомянет в одном из очередных своих обращений к Гагарину: «Что Вы в городе Богородицке и в селе Бобриках дома заложили, а церкви в обоих местах заложите будущей весной, сим я довольна. А что вы просите дозволения из шлюз по Донскому каналу брать камень для делания базов и прочего, как к дому, так и к церквей службам, на сие не только не позволяю, но и запрещаю отнюдь камня оттуда не брать, а доставать оной покупкою или подрядом как за способное признаете».⁶⁰³

Действительно, весной 1774 г. поблизости от дворца начнется возведение по проекту Старова усадебной Казанской церкви, тогда же приступят и к рытью прудов. Одновременно императрица приобретет еще и соседнюю Киясовскую волость, куда Болотова сразу и направят. И в последующие два года он займется приведением в должное состояние находившиеся там два регулярных парка и разобьет еще один. А в Богородицк уже в качестве вновь назначенного управляющего он прибудет в конце октября 1776 г.

К тому времени Большой пруд уже существовал: «...он перед самым домом и превеликий, совсем ещё новый, и сделанный в то же лето (1776) моим предместником. Преогромная и широкая плотина была оплотом сему великому и длинную версты на две простирающемуся водоему и соединяла собой оба берега речки Упёрта, на которой сей пруд был запружен и снабжён посреди большим рубленным спуском». Одну из частей создававшегося парка нашел он также в целом завершенной - «подле церкви сей находился выкопанный нарочитого пространства продолговатый, четверосторонний пруд, обсаженный кругом бе-

резками, содержащий в себе воды совсем еще немного». Сам же Богородицк, по словам Болотова, был «ни село, ни город, а некий междуумок между ними», что и приведет к разработке им обширного замысла, утвержденного императрицей 13 сентября 1778 г. Предложенная Болотовым трехлучевая схема развития города изначально учитывала центральное местоположение дворца, который становился композиционной его доминантой.

К широкомасштабным садовым работам Болотов сможет приступить в 1777 г. Именно тогда северо-западнее дворца, поблизости от дома управляющего и на месте нынешнего обширного луга, возникнет сравнительно небольшой регулярный сад. В следующем же году Болотов займется все еще находившемся «в крайнем небрежении» «леском», который задумает «превратить в увеселительное гульбище, разрубив оный в прошпекты и многие перекрестные аллеи». Впрочем, дальнейшая садоводческая деятельность Болотова, предусматривавшая также создание регулярного парка поблизости от дворца в соответствии с исходным проектным решением Старова, будет внезапно прервана ввиду возлагавшегося на него руководства по обустройству самого города.

В последующие пять лет, как раз совпавших с выпуском в 1777-1785 гг. многотомного труда по садоводству К.К.Л. Хиршфельда, и произойдет радикальная смена художественных ориентиров Болотова. Это, в конечном счете, и предопределяет возникновение пейзажной структуры Богородицкого парка: «Сии книги преобразили совсем мои виды относительно до садов. И как до сего времени привержен я был к системе лентовой и любил сады регулярные, так, напротив того, в сие время их совсем разлюбил и получил вкус в садах новых, называемых садами иррегулярными, натуральными...»⁶⁰⁴

Безусловную ценность представляли для Болотова помещенные в томах Хиршфельда описания всех наиболее примечательных для пейзажного стиля английских парков. Стремительному освоению Болотовым новой системы садоводства во многом способствовали и многочисленные собственные публикации в «Экономическом магазине», где вслед за первоисточником он столь же

убежденно пропагандировал неоспоримые достоинства английского ландшафтного садоводства.

Уже руководствуясь вполне четкими на этот счет указаниями Хиршфельда, Болотов займется детальнейшим обследованием всей придворцовой местности: «Мое первое дело было обегать все обнажившиеся от снега высокие и беспорядочнейшие берега и горы, прикосновенные с нашей стороны к большому пред дворцом находящемуся пруду. И на всяком месте останавливался смотреть и соображаться с мыслями о том, к чему бы которое место было способнее и где бы произвести мне водные, где лесные, где луговые украшения, где обделать, сообразно с новым видом, бугры и горы, где произвести каменные осыпи, где проложить широкие, удобные для езды, и где узкие, назначаемые для одного только хода, дороги и дорожки, где смастерить разных родов мосточки, и потом где б со временем произвести и разные садовые здания и отдыхалницы и прочее тому подобное. Все сие, бегая и ходя несколько дней к сряду по всем сим неровным местам, не только я придумывал, но в мыслях своих изображал их уже в том виде, какой должны они получить по отделке и разросшись. И не успевала какая отменная мысль родиться в моем воображении, как спешил уже я изображать ее на бумаге не планами и не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтами и теми разнообразными садовыми сценами, какие должны были впредь иметь и в самой натуре свое существование».⁶⁰⁵

Примеряя на практике известное изречение А. Попа «советуйся во всем с гением места», Болотов подчеркивал, что «определять, что и как высаживать, должна сама местность, за исключением этого пункта во всех прочих отношениях любые изменения характера и рельефа местности были допустимы».⁶⁰⁶ Прямым следствием столь подробнейшего ее изучения станет появление принципиально нового проектного замысла. С ним то и будет ознакомлен Гагарин: «Я тотчас и прежде всего развернул ему план всему местоположению вокруг дома, на котором все сделанное уже обозначено было красками и тушью, а за-

мышленное вперед карандашными чертами».⁶⁰⁷

Сама же реализация этого нового еще более обширного проектного замысла, незамедлительно начавшегося вслед за рассмотрением его императрицей, и, безусловно, Бобринским, займет не более двух лет (1784-1785). Все последующие годы, вплоть до состоявшейся в 1798 г. отставки, Болотов уже занимался совершенствованием и поддержанием в должном порядке всех районов парка, общую площадь которого он доведет почти до 100 га. Не исключено, что это было напрямую связано с предложениями самого Бобринского.

Столь незначительные сроки исполнения поистине колоссального объема садовых работ на практически голом и безводном месте объяснялись, прежде всего, хорошей организацией дела, бесперебойным финансированием и привлечением не менее двухсот местных крестьян. Особую сложность представляла высадка в один сезон нескольких десятков тысяч деревьев, преимущественно взрослых. Их начали сажать весной, продолжили летом: каждое дерево тщательно выкапывалось и с большим комом земли, причем в вертикальном положении, доставлялось к месту высадки. Уже к осени прежде унылые холмистые берега Большого пруда радикально преобразились: теперь их украшали живописные рощи и перелески, окаймлявшие обширные луга. В рамках реализации общего пейзажного замысла подверглись корректировке и прежде сформированные части парка, в частности, полностью сложившийся район «лесочка»: «Как лес, содержащий в себе десятин до 20 и более нарочито уже возрос, сгустился и составлял уже лесок довольно высокий, лежал же в виду очень далеко от дворца, на прекраснейшем и таком месте, что из него виден был весь наш город и всё наше село со всеми его знаменитейшими зданиями и весь длинный и обширный пруд, отделяющий город от села нашего, и всю сию рощу кругом обливающий, то, почитая оный неудобнейшим к превращению в английский парк или составлению из него увеселительного и такого леса, в котором можно было ездить для гулянья и сие с удовольствием в оном предпринимать, начал обрабатывать в мыслях, как бы сие наилучше сделать». В майские дни 1784

г. здесь проложат новые аллеи, сориентированные исключительно на примечания достойные виды: гору, пруд или «самую даль». В густых же участках леса прокладывалось «множество извиляющихся и способных для гулянья дорожек», связывающих «разнообразные полянки, снабжённые для отдыха дёрновыми сиделками и прочими тому подобными украшениями». Составной частью весьма развитой водной структуры парка станет пейзажный район Нижнего пруда, сформированный северо-западнее дворца.⁶⁰⁸ От Большого пруда Нижний отделялся обсаженной липами плотиной, имел сильно вытянутую форму и подчеркнуто естественное очертание береговых своих линий, островов и полуостровов. А проложенная по его периметру извилистая тропинка обеспечивала контрастное восприятие и различных частей парка, и живописных его окрестностей, включая новый город Богородицк, размещенный по другую сторону Большого пруда.⁶⁰⁹

Впрочем, в образной трактовке целого ряда пейзажных частей Болотову так и не удастся достичь должной выразительности, более-менее сходной с признанными образцами пейзажного стиля. Об этом позволяет судить серия акварельных «Видов имения Бобринских», созданных им совместно с сыном Павлом в 1786 г.⁶¹⁰ В целом ряде запечатленных здесь пейзажных фрагментов должные пространственные габариты отсутствуют, что приводит к нарушению как общих, так и частных масштабных соотношений. Эта проступающая с первого взгляда несоразмерность, отсутствие четкой пропорциональности и присущая измельченность взаимодействующих между собой «природных» элементов еще более усиливалась вследствие использования преимущественно грузных парковых сооружений, более всего созвучных образному языку барокко. На многих изображениях бросается в глаза и чрезмерное увлечение насыпными горками, крайне затрудняющими панорамное восприятие и в действительности приводящее к излишней планировочной дробности парковой композиции. Все еще не преодолены и остаются в силе тенденции барочного формотворчества, например, в устройстве Главного водопада, криволинейно очерченных симмет-

ричных террас при главном входе во дворец и в планировке Церериной роши. Данью барочной традиции станет и размещение в парке всевозможных «обманных» объектов. Так, находясь в одном из районов парка, посетитель вдруг неожиданно замечал величественные развалины старинного монастыря, но, приближаясь, убеждался, что перед ним всего лишь бутафория, устроенная благодаря искусному перспективному построению. Среди подобного рода барочных затей следует упомянуть и Грот, в интерьере которого активно использовались размещенные под разными углами зеркала и своеобразную «шутиху» - Горку-улитку, выложенную дерном и обсаженную по периметру стриженным кустарником. Совершенно неожиданно для присутствующих она заливалась водой, долгожданное же «спасение» обеспечивалось посредством разводного моста.⁶¹¹

В правление Павла I Бобринский смог, наконец, подтвердить свои права на владение и усадьбами, и обширными своими землями, и столичным дворцом графа Г.Г. Орлова. В начале сентября 1798 г. он окончательно выйдет в отставку и решит переселиться в богородицкую свою усадьбу, откуда лишь изредка будет наведываться в столицу и Оберпален.

Там он и проведет последние 15 лет своей жизни, время от времени внося изменения в уже сложившуюся структуру парка. Косвенным подтверждением тому могут служить его дневниковые записи и записные книжки. Отсюда следует, что Бобринский неизменно проявлял интерес к минералогии, ботанике, изучению грибов и составлению гербариев. Привлекали его и специфические вопросы ведения сельского хозяйства, в частности, пчеловодство и заведение хлебопашества на песчаных землях.

И даже спустя десять лет вслед за кончиной своего владельца, Богородицкий парк все еще производил на современников большое впечатление. Так, побывавший здесь в 1823 г. А.Г. Глаголев напишет: «Небольшой городок сей можно употребить картине, составленной из яркого света, и самой темной тени. На луговой стороне обширного пруда видишь собрание хижин и изб, крытых соломою; по другую сторону, на плоском холму, великолепный дом графа

Бобринского и обширный сад, который в прошлом столетии почитался чудом здешнего края». ⁶¹²

Собственно и принадлежавший А.Г. Бобринскому пейзажный парк в соседней усадьбе Бобрики, сформированный также в конце XVIII в., в значительной мере сохранял в эти годы свой первоначальный облик. ⁶¹³

7. Строгановы, Николаи, И.И. Бяратинский, В.П. Кочубей

С юного возраста граф П.А. Строганов (1772-1817) стал проникаться руссоистскими идеями, страстным поклонником которых являлся его француз-воспитатель Ж. Ромм. ⁶¹⁴ С конца 1779 г. они много путешествовали, сначала по России, а с июля 1786 г. и по странам Западной Европы. В их компании окажется получивший в том же году вольную начинающий зодчий А.Н. Воронихин (1759–1814) и троюродный брат Павла барон Г.А. Строганов (1770-1857), все четверо из Швейцарии прибудут во Францию в конце мая 1788 г.

Первый раз П.А. Строганов побывает в Англии в 1790 г., когда по настоянию отца - графа А.С. Строганова (1733-1811) будет вынужден незамедлительно покинуть революционную Францию. Впрочем, посещение Британских островов было спланировано еще до начала драматических событий 1789 г. Так, Ромм в очередном своем уведомлении Строганову-старшему относительно ближайших своих планов замечал: «К концу года мы намереваемся проехать в южные провинции, оттуда направимся в Германию, Голландию и Англию, дабы продолжить занятия по различным дисциплинам (...) Пребывание в Германии будет преследовать цель упрочить наши навыки в немецком и приступить к изучению права. После овладения этим языком, знать который в России настоятельно необходимо, я хочу, чтобы он (*Павел*) освоил английский, дабы суметь прочесть вышедшие на нем несколько хороших книг по искусству. Изучение этих языков окажется для него менее трудным, поскольку он довольствуется освоением прозы, которая всегда проще, чем речь поэта». ⁶¹⁵ В сопровождении того же Ромма Строганов 9 августа посетит Эрменонвиль и поклонится могиле

Руссо, а в декабре, окончательно распрощавшись со своим воспитателем, покинет Францию и видимо прямо оттуда отправится с Ворониным в Англию, которая, как подчеркивалось, «понравилась Воронихину, он успел хорошо познакомиться с английским обществом».⁶¹⁶ Строганов пробудет в Англии около года и вместе с начинающим зодчим возвратится на родину в конце 1790 г. За все это время они посетят большое множество английских парков. Именно тогда и будет приобретен целый ряд английских иллюстрированных изданий, пополнивших и без того весьма значительное библиотечное собрание Строгановых. Помимо гравюр с произведений К. Лоррена, сюда войдут исполненные не менее известными граверами живописные виды Британии, монография, посвященная поместью Хоутон Холл, а также изданные еще в 1763 г. «Виды садов и усадьбы в Кью» У. Чемберса.⁶¹⁷

Довольно насыщенная о вольнодумстве Строганова-младшего, императрица поспешит отослать его подальше от столицы, в находившееся северо-западнее Москвы имение Братцево. Приобретено оно было отцом около 1780 г., но после развода окончательно отойдет матери - графине Е.П. Строгановой (1744-1815).⁶¹⁸ Впрочем, на продвижении по службе эта «ссылка» никак не отразится и уже в следующем 1791 г. девятнадцатилетний П.А. Строганов станет поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. Именно в это время он и приступит к формированию несколько южнее вполне сложившейся усадьбы своего собственного комплекса, что напрямую было связано с последовавшей в 1793 г. женитьбе на княжне С.В. Голицыной (1775-1845). Его создание было изначально predetermined совершенно удивительными по многообразию живописными особенностями местности. Она совмещала в себе петляющее русло р. Сходни, уходящие в даль обширные заливные луга и эффектно ниспадающий амфитеатром склон, верхнюю бровку которого в центральной части и закрепил 2-х этажный объем господского дома.⁶¹⁹ Да и детально разработанная композиция размечавшегося на площади около 25 га Английского парка была максимально приближена к этому первозданному необычайно выразительному релье-

ефу, что позволяло избежать крупномасштабных земляных работ.

За счет старицы и благодаря прокладке двух эффектно изогнутых ответвлений реки по оси север-юг был устроен крупный остров и образована целая цепь не менее выразительных по своему очертанию разновеликих прудов, составивших основу единого планировочного замысла. Такое решение одновременно позволяло осушить заливные земли и преобразовать их в стриженные луга, под которые отводились основные пространства парка. Общей структурной целостности пейзажной композиции отвечало и изысканное очертание плавно изгибающихся прогулочных дорог, позволявших ощутить образно-художественную значимость прибрежного ландшафта.⁶²⁰ Наибольшей плотностью посадок обладали частично размещавшиеся на повышенном рельефе восточные районы парка, фланкировавшие главный дом с двух сторон. При этом укрупненная западная часть парка, включавшая в себя пруды и удаленное от дома русло р. Сходни, трактовалось как плавно расширявшееся от дома равнинное пространство, акцентированное асимметрично разбросанными рощицами и единичными посадками. Своей восточной оконечностью оно вплотную подступало к господскому дому, обеспечивая глубокие панорамные раскрытия по линии запад-восток, служившей главной композиционной осью ансамбля.

В состав парка вошли и визуально связанные, прежде всего, с домом обширные заречные земли, что подтверждает датированная 1818 г. «Топографическая карта окружности Москвы».⁶²¹ О первоначальном облике этого «аглинского сада» можно судить по исполненным в 1810 г. акварелям А. Кузнецова, наиболее ярко передающим подлинно живописную его атмосферу.⁶²²

В специальной литературе авторство главного дома и все еще сохраняющейся в парке колонной беседки приписывают А.Н. Воронишину.⁶²³ Его же следует считать и одним из авторов этого, несомненно, выдающегося произведения ландшафтного искусства, созданного при непосредственном участии заказчика в первой половине 1790-х гг. вслед за возвращением из Англии.

Практически одновременно и также с участием П.А. Строганова была

осуществлена реконструкция находившейся всего в пяти верстах от Калуги усадьбы Городня, принадлежавшей матери С.В. Голицыной - княгине Н.П. Голицыной (1741-1837). До этого, как отмечалось в Описании 1782 г., здесь располагалось «два сада, один регулярный, другой с плодовыми деревьями». Собственно этот сохранявшийся от середины XVIII в. регулярный было решено органично ввести в структуру вновь создававшегося усадебного комплекса.⁶²⁴ Как результат, на месте старого разобранного главного дома, закреплявшего бровку насыпной террасы, был выстроен новый с четырьмя парными флигелями, местоположение которых определила главная протяженная ось сохранявшегося регулярного сада. Ее продлят, чем и положат основу ландшафтной планировки Нижнего парка. Этот создававшийся на мягко понижающемся в сторону реки Городенки выразительном рельефе Английский парк подступал к дому восточной своей частью. На западе он доходил до берега реки и связанного с ним оврага, органично растворяясь в близлежащем лесном массиве. Спланированный, как полагают, высококлассным английским специалистом, этот парк устраивался с «учетом всех особенностей рельефа».⁶²⁵ И действительно, компоновка всех важнейших его составляющих (большого и малого копаных прудов, лугов, овражков, протяженного вала, живописных групп деревьев и дорожек) тщательно продумывалась и соответственно разнообразные по очертанию склоны и холмы тонко обыгрывались с ясным пониманием присущих пейзажному планированию особенностей. Несмотря на значительно меньшие свои пространственные габариты, эта парковая композиция по общему своему замыслу имела много общего с братцевским пейзажным парком. Это подтверждается и его планировочной структурой, и исполненными в начале XIX в. литографиями С. Лукина «Собрание видов села Городни и его окрестностей».⁶²⁶ То, что именно Воронихин разработал для Городни целый ряд проектных чертежей, проясняется из датированного концом лета 1798 г. письма владелицы к дочери, где, в частности, отмечалось: «Я нашла здесь по приезду законченное крыло нового здания, исключительно красивого. Послезавтра я туда переезжаю... Хо-

рошенько поблагодари от меня Андре, это он сделал план».⁶²⁷

Около 1796 г. опала была снята и П.А. Строганов немедля выезжает в Петербург. Уже в павловское правление его приблизят ко двору, и он станет близким приятелем великого князя Александра Павловича, а в 1798 г. удостоится звания действительного камергера. Впрочем, к обустройству очередного своего владения Строганов-младший приступит еще в конце екатерининского правления. Для этого отец выделит достаточно крупный участок из собственной Строгановской дачи, располагавшейся в пригородах столицы севернее Каменного острова - между Чёрной речкой и Большой Невкой.

В петровское время здесь размещалась дача С.Л. Владиславича-Рагузинского с деревянным домом и регулярным садом, которая затем отойдет к его племяннику - графу М.И. Владиславичу. Тот в 1743 г. решает продать ее барону С.Г. Строганову (1701-1756).⁶²⁸ Из объявления в столичной газете от 24 февраля 1755 г. становится известно, что здесь размещались 2-х этажный дом, сад и огород.⁶²⁹ После смерти С.Г. Строганова владение унаследует его сын, А.С. Строганов. И, видимо, уже на рубеже 1750-х-1760-х гг. сюда пригласят А.А. Ринальди. Он то и внесет ряд изменений в первоначальную структуру регулярного парка.⁶³⁰ В 1772 г. последует существенное увеличение владения за счет приобретения смежных земель с западной и восточной сторон.⁶³¹ Таким образом, появятся все необходимые условия для заведения парка в новейшем вкусе, относительно чего Георги отметит: «Летний дом гр. Строганова на Невке... отличается тем, что из кровли нижнего строения выходит второй высокий этаж четверугольником, на котором стоит ещё третий шестиугольный. Тамошний лес превращён в прекрасный сад».⁶³² Пейзажная его структура хорошо прочитывается и на исполненных в 1783 и 1790 гг. акварелях Ж.-Б. де ля Траверса. Так, на одной из них показан в окружении пышной растительности на берегу Большой Невки двухэтажный жилой дом с просторным балконом-гульбищем, выстроенный по проекту Ринальди. На другой - стриженный луг, примыкавший к этому объему с северной стороны.⁶³³

Молодой чете Строгановых отойдет обширный участок, отделявшийся протяженным каналом, окончательно соединившим Чёрную речку с Большой Невкой. Сформированный здесь около середины 1790-х гг. новый комплекс застройки теперь включал в себя одноэтажные домики и павильон с колоннадой, выстроенный по проекту А.Н. Воронихина на месте разобранного ринальдиевского дома.⁶³⁴ А устроенная на втором его ярусе просторная терраса, почти буквально воспроизводившая царскосельскую Камеронову галерею, служила просторной смотровой площадкой, обеспечивая поразительный по многообразию панорамный охват ближних и дальних окрестностей Строгановской дачи. Помимо собственно городских панорам, отсюда хорошо обозревались и непосредственно связанные с Большой Невкой многочисленные острова, а также находившиеся на значительном удалении Финский залив и не менее живописные районы Черной речки. Не случайно проживавшая в Петербурге в 1790-е гг. французская художница Виже-Лебрен, побывавшая на одном из часто устраиваемых здесь праздников, отметит: «(...) В три часа мы поднялись на крытую террасу, обрамленную колоннами, куда отовсюду проникал дневной свет. С одной стороны можно было наслаждаться видами парка, а с другой – зрелищем Невы, покрытой тысячью лодок, более или менее украшенных. (...) После обеда мы совершили прелестную прогулку по парку, а к вечеру снова поднялись на террасу, откуда при спустившихся сумерках наслаждались зрелищем нарочито устроенного для нас фейерверка, каковой, отражаясь в водах Невы, производил магическое впечатление. И наконец, в завершение всех развлечений, подплыли две узенькие лодки с индейцами, которые стали плясать для нас. (...)»⁶³⁵

В 1840 г. этот колонный (деревянный) павильон сгорел и более не восстанавливался, что в действительности ускорило процесс окончательной ликвидации парка.

Важнейшим структурным элементом этого чернореченского «аглинского сада» являлся овальный в плане луг, связанный единой осью север-юг с главным 2-х этажным объемом. Поэтому и устроенный на уровне 1-го этажа широ-

кий коридор соединял его с парадной пристанью, устроенной со стороны Большой Невки. Созданный на месте своего предшественника этот партерный луг обладал несравненно большей величиной. Замыкался он уплотненными посадками, составленными из лиственных крупномеров с вкраплением хвойных.⁶³⁶ Другой вход в парк, отмеченный постановкой грузных Египетских ворот, был устроен непосредственно со стороны Черной речки.

В целом созвучная образному языку эпохи Просвещения общехудожественная линия парка была задана легендарной темой «путешествий Овидия».⁶³⁷ Поэтому сразу за большим лугом был устроен круглый пруд, призванный символизировать царство Нептуна. Соответственно и на острове, как особо подчеркивалось, «обитала нимфа Калипсо, державшая в плену Одиссея». Да и сами по себе разностильные парковые сооружения (Мусульманский павильон, Египетские ворота, Обелиск) и замыкавшие дорожку у пруда гранитные сфинксы, должны были в доступной для посетителей изобразительной форме воскрешать скитания главного героя по необъятному миру.⁶³⁸ Разностильной тематической направленности парка отвечала и композиция двух мостов, соединявших остров с «материком». В одном из них угадывалась древняя руинированная постройка, другой же являлся искусной копией знаменитого железного моста самой новейшей английской конструкции (Coalbrookdale Bridge, 1779).

Побывавшая здесь 28 июня 1810 г. княжна М.Н. Волконская отметит: «...ездила я с батюшкою гулять в сад Графа Строгонова; сие есть прекрасное гуляние; цветов множество, и между прочими вещами примечательны мост на подобие развалин и гроб Ахиллесов».⁶³⁹

Не менее значимую роль в общепарковой ландшафтной структуре играли и всякого рода пейзажные объекты: рощи, канавки, малые пруды и горки. Органично был связан с природным контекстом и специально доставленный с одного из островов греческого архипелага упомянутый Волконской мраморный античный саркофаг и, конечно же, Грот, запечатленный в названии стихотворения В.В. Капниста «Утро в гроте графа Александра Сергеевича Строганова» (1797):

«Приятно утро расцветает;
Заря златит лазурный свод;
Вздремал зефир и не лобзает
Поверхности хрустальной вод;
Спокойна роща в ней глядится;
Хор птичек слышен лишь в глуши:
Везде в местах сих образ зрится
Спокойствия твоей души. (...)»⁶⁴⁰

О том, что этот, как подчеркивал современник, «сад большой аглинской в новейшем вкусе» в действительности формировался английским садовым мастером, было упомянуто в одном из писем А.С. Строганова к супруге сына, С.В. Строгановой.⁶⁴¹ Тогда ближайшим его помощником, а скорее полноправным соавтором, следует признать Воронихина. Именно он во все время устройства этого парка согласовывал свои проектные чертежи с П.А. Строгановым как непосредственным своим заказчиком.

Еще в начале XX в. В.Я. Курбатов подчеркивал: «О работах Воронихина по садовой архитектуре судить слишком трудно, так как над садом Строгановской дачи пронеслось слишком много невзгод, но распределение рощ в восточной части его и остатки прудов в западной указывают, что основы благородного искусства Чемберса, Камерона и Гонзаго были удачно применены Воронихиным. (...) Воронихин стилистически был связан с Камероном и с английскими мастерами (бр. Адамами, Чемберсом, Кентом и т.д)».⁶⁴²

Действительно, в специально разработанной для Строгановской дачи целой серии проектных чертежей зодчего сразу проступает мастерское овладение пейзажным планированием, чему, прежде всего, способствовали виденные им воочию английские образцы. Во всех без исключения изящно исполненных ри-

сунках отчетливо просматривается чисто живописный принцип компоновки самых различных ландшафтных элементов.⁶⁴³

Воронихин, женившийся в конце 1801 г. на дочери английского пастора - М.Ф. Лонд (Mary Lond, ?-1822), был лично знаком с представителями петербургской британской общины. Не раз он пользовался советами и обширным библиотечным собранием Ч. Камерона, что выясняется из его же прошения на имя Александра I: «Повергаю к стопам Вашего Величества оказать мне честь, дав мне возможность служить Вам в качестве архитектора вместо г. Камерона, которого уже нет в живых и чья эрудиция и библиотека много способствовала тому, что я в состоянии его заменить».⁶⁴⁴

Второй раз П.А. Строганов окажется в Англии в 1806 г., когда Александр I назначит его поверенным в делах при русском посольстве в Лондоне. Он проживет здесь с 10 мая по 7 декабря, все это время убеждая представителей английского правительства в необходимости выработки совместного плана действий для пресечения агрессивной политики наполеоновской Франции. Так и не добившись в этом деле положительных сдвигов, граф решит более уже не возвращаться к дипломатической деятельности и в начале 1807 г. окончательно выберет для себя армейскую службу. Впрочем, все эти новые английские впечатления не пройдут даром, подкрепляя давнее намерение графа сформировать свой собственный усадебный комплекс.

В 1811 г. генерал-адъютант П.А. Строганов, помимо долгов и крупной недвижимости, унаследует от отца находившееся в 69-ти верстах юго-восточнее Петербурга принадлежавшее еще прабабке - вдове «именитого человека» баронессе М.Я. Строгановой (урождённой Новосильцевой, 1677-1733) Тосненское имение, которое в честь нее же и будет переименовано в Марьино. В том же году «у вдовы статского советника Сарры Андреевны фон Фок» будут приобретены смежные угодья с близлежащей деревней Андрианово, что и приведет к появлению обширной строгановской вотчины. Впрочем, к комплексной реконструкции образованного в конце XVIII в. А.В. Хлебниковым на высоком пра-

вом берегу р. Тосны усадебного комплекса новые владельцы смогут вплотную приступить лишь по завершении Отечественной войны.⁶⁴⁵

Наряду с радикальной перестройкой в духе позднего классицизма главного усадебного дома еще более значимыми станут мероприятия, связанные с многократным расширением прежде здесь устроенного пейзажного парка. Именно в рамках формирования крупного дворцово-паркового ансамбля предстояло создать на площади около 13 тысяч десятин весьма обширную пейзажную среду.

Выразительный пересеченный рельеф данной местности должен был прежде всего ассоциироваться с островной территорией. Так, с западной и северной сторон она ограничивалась руслом р. Тосны, с восточной - ее притоком р. Пяля, а с южной - Жаровским озером. Впрочем, главной проблемой оставалась сильная заболоченность этого места. Не случайно А.Н. Оленин, обращаясь в 1814 г. из Марьино к сыну, Петру Оленину, служившему в то время адъютантом у П.А. Строганова, замечал: «Местоположение похоже на наше Приютино – также тихо и скромно, также близко от города верстами и временем. Марьино и Приютино – настоящие оазисы, окруженные не песками ливийскими, а лесами и болотами финскими... Горизонт Марьинский и Приютинский окружен со всех сторон высоким лесом».⁶⁴⁶

Именно поэтому в рамках проведения предварительных землеустроительных работ предстояло осушить заболоченные земли, для чего, собственно, и предполагалось создать весьма разветвленную водную систему, вобравшую в себя протяженный канал со шлюзами и множество ручьев. Вероятно, на исходном этапе эти работы находились в непосредственном ведении А.Н. Вороникина и его учеников.⁶⁴⁷

В самом начале сентября 1816 г. в Марьино приедет А.А. Менелас, к чему, вероятно, был причастен находившийся в дружеских отношениях со Строгановыми А.К. Разумовский. Он и разработает новый генеральный план усадьбы, наглядно подтверждающий высокую эрудицию зодчего и в области садово-

паркового искусства.⁶⁴⁸

Согласно общему замыслу, вся отходившая под парк территория радикально расширялась с северной стороны и уходила в южном направлении, тем самым, отвечая центральной оси главного усадебного дома. Образно-художественная значимость пейзажных его районов определялась сильно пересеченной местностью и весьма развитой водной системой с живописно изгибающимися ручьями, излуциной р. Тосны и устроенным вблизи дома сильно протяженным с запада на восток Большим прудом.

Фактически на каждом этапе проектирования и самой реализации марьинского «аглинского сада» происходило детальное обсуждение текущих вопросов с заказчиками. Им, видимо, и принадлежала полуфантастическая идея украшения одного из его пейзажных районов храмом Солнца, очевидно, навеянная мегалитическими сооружениями Стоунхеджа. По их же инициативе был отправлен в Англию для «изучения усадеб со знаменитыми пейзажными парками» работавший в те годы в Марьине ученик Воронихина, выпускник Академии художеств по классу архитектуры Х.Ф. Майер (1789-1848). По своему возвращении он и примет самое деятельное участие в обустройстве парка.⁶⁴⁹

Важным итогом этой продолжительной поездки станет появление альбома с двадцатью семью перовыми рисунками. Все они были сделаны с натуры и подобраны в серию под общим названием «Предметы для сельских и садовых английских строений, снятых с натуры в окрестностях Лондона и посвященных Ея Сиятельству Графине Софье Владимировне Строгановой, урожденной Княгине Голицыной признательнейшим слугою Архитектором Христианом Мейером».⁶⁵⁰

Сделанные к рисункам подписи позволяют прояснить, какие именно примечательные места ему рекомендовалось посетить в первую очередь: «Свод, который одно время служил мостом по дороге в Оксфорд и воротами сада называемого Парк плейс»; «Ворота каменные в Королевском саду Кью, сделанные нарочито в виде развалин»; «Мост из неотделанных камней в саду Дюка

Девеншира в Чизвик парк». ⁶⁵¹

Всякий раз обращая внимание на вполне конкретные образцы, более всего созвучные облику вновь создающегося марьинского парка, Майер зарисует и столь понравившуюся ему «беседку в деревенском вкусе с соломенной крышей и обсаженную виноградом». А среди реализованных им парковых сооружений находим беседку, напоминающую возведенный по проекту У. Чемберса мавзолей принца Уэльского. С творчеством Майера следует связывать и сооружение живописной Руины с открывавшимся оттуда одним из самых впечатляющих видов на главный дом, а также навеянную темой «украшенной фермы» Зеленую мызу, помещенную в один из районов парка на место упраздненного Скотного двора.

Еще одним ближайшим помощником Менеласа в Марьине являлся домашний художник Строгановых и выпускник ландшафтного класса Академии художеств Е.И. Есаков (1790-1840). При обустройстве отдельных частей парка он, видимо, не раз применял испытанный уже на практике «изобразительно-сравнительный» метод Х. Рептона. В частности, на одном листе художник запечатлел старый усадебный дом в Марьине «как оный был в 1814 году». А на другом в парковый пейзаж был уже вписан новый дворец «как оный ныне в 1820 году находится». ⁶⁵² Показательно и то, что одно из сочинений этого видного пропагандиста новейшего пейзажного стиля как раз входило в состав марьинской библиотеки. ⁶⁵³

Да и сам Менелас, видимо, следуя вполне конкретным рекомендациям Рептона, особое внимание обращал на формирование весьма развитой системы видовых точек, что, в первую очередь учитывалось при начавшейся высадке сразу нескольких тысяч деревьев. Целый ряд наиболее впечатляющих панорамных раскрытий обеспечивала и искусственная горка, закрепленная «готической» руиной Майера.

Под непосредственным руководством Менеласа, уже состоящим придворным архитектором, но все еще часто приезжавшим в Марьино, работал и садо-

вый мастер Василий Паркичев. Ему и было доверено устройство дорожной сети (с отводом части трассы Москва-Петербург за Поваренный ручей), формирование выразительного абриса береговых линий р. Тосны, прокладка многочисленных ручьев, устройство прудов и каскада с водопадом у места впадения р. Пяльи в р. Тосну.

Целый ряд садовых работ исполнит и английский фермер Пигамм, арендовавший у С.В. Строгановой земли за деревней Примерное.⁶⁵⁴ Впрочем, специализировался он на оказавшемся столь прибыльным делом разведении декоративных овец и птиц, являвшихся неотъемлемыми атрибутами пейзажных парков. С ним и следует связывать устройство вблизи Оранжерейного комплекса Аптекарского и Фруктового садов.

К 26 июня 1818 г., когда направляясь из Грузино в Финляндию Александр I заедет Марьино, основные работы по формированию здесь ландшафтного парка были уже позади.⁶⁵⁵ То же подтверждают и акварельные виды парка, исполненные в 1818-1820 гг. Е.И. Есаковым.⁶⁵⁶

В образцовом своем состоянии марьинский парк сохранялся и при дочери П.А. Строганова, А.П. Голицыной (1799-1882), супруг которой, князь В.С. Голицын вместе с В.А. Винспером совершит в 1819 г. кратковременную поездку в Англию, где и познакомится с достопримечательностями Лондона и его окрестностей.⁶⁵⁷

Оказавшийся в Марьине в 1847 г. журналист Н. Матвиевский подтверждал несомненные достоинства этой обширной садово-парковой среды, все еще сохранившейся в должном порядке: «...начинаются земли села Марьино, поросшие хвойным лесом, по опушкам которого стелются обильные луга. (...) Местоположение живописно, виды разнообразны... (...) Перед домом в полуциркуле устроен газон и цветочный сад, оканчивающийся прудом и обставленный померанцевыми, лимонными, апельсиновыми и редкими хвойными деревьями... Пруд тянется во всю длину сада и оканчивается высоким искусственным каскадом. Под садом до 20 десятин, ограничивающихся с одной стороны Тос-

ной, с другой – живой изгородью таволги и сирени. (...) Марьино изобилует множеством живописных видов. Оно простирается на 15 верст и изрезано многочисленными и прекрасными дорогами». ⁶⁵⁸

В имении Монрепо, расположенном на живописных берегах и островах Выборгского залива, растянувшееся почти на три десятилетия формирование парка будет тесно связано с их владельцами, баронами Николаи, неизменно сохранявших увлеченность идеями пейзажного садоводства. ⁶⁵⁹ Достаточно сказать, что в библиотечном их собрании хранились все пять томов «Теории садового искусства» К.Л.Л. Хиршфельда, «Трактат об архитектуре» У. Чемберса, «Исследование об изменении вкуса в пейзажном садоводстве» Х. Рептона. ⁶⁶⁰

Выходец из старинной шведской семьи и будущий президент императорской Академии наук Л.Х. Николаи (1738-1820) побывает в Англии в 1768-1769 гг. Именно тогда, находясь на службе у графа К.Г. Разумовского в качестве воспитателя, он сопровождал старших братьев Разумовских в их ознакомительной поездке по европейским странам. ⁶⁶¹ Уже будучи приближен ко двору и став доверенным лицом Екатерины II, Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны, он в 1787 г. приобретает Монрепо у ее родного брата - выборгского губернатора Фридриха Вильгельма (1753-1816), сразу ставя себе задачу радикально преобразовать этот в целом уже сложившийся усадебный комплекс. Впрочем, основная часть затрат будет напрямую связана с многократным увеличением сравнительно небольшой пейзажной части, заведенной еще предшествующим владельцем. Именно для этого уже в следующем 1788 г. и последует приобретение довольно обширных смежных лесных угодий, напрямую связанных с северо-восточной береговой линии Финского залива. В результате возникнет оригинальная композиция прибрежного типа, сразу ставшая непревзойденным отечественным образцом северного пейзажного стиля.

В 1930-х гг. обширный семейный архив Николаи был вывезен в неизвестном направлении, а потому крайне затруднительно определение основных этапов формирования монреповского парка и выявление непосредственных его участни-

ков. Следует полагать, что начало масштабным садовым работам будет положено в конце 1790-х гг., когда Л. Николаи в соответствии с последовавшим указом Павла I от 13 февраля 1797 г. станет крупным собственником. В вечное и потомственное владение ему отойдет дворцовое село Кулики Тамбовской губернии Моршанского округа с полутора тысячами крестьян, что и позволит многократно укрепить финансовое его положение и соответственно вплотную приступить к реализации грандиозных своих замыслов. Тем более, что в 1803 г. Николаи сможет, наконец, выйти в отставку и окончательно переселиться в Монрепо. По прошествии десяти лет, уже почти утратив зрение, он все последующее обустройство парка доверит сыну-наследнику - П.А. Николаи (1777-1866). Будучи штатным сотрудником российского посольства тот прослужит в Англии в общей сложности около 10 лет, с 1798 по 1803 и с 1804 по 1808 гг., что позволит познакомиться с самыми различными сторонами ее общественной и культурной жизни.⁶⁶² В очередной раз Николаи-младший окажется на Британских островах в 1816 г., когда в качестве гида будет сопровождать великого князя Николая Павловича в продолжительной его поездке по Англии и Шотландии.⁶⁶³

В сложении художественного облика монреповского парка отчетливо прослеживаются две основные формообразующие тенденции. Первая напрямую связана с воздействием художественных идей основоположников «живописного садоводства» - У. Гилпина (William Gilpin, 1724-1804) и Р. Найта (Richard Paine Knight, 1750-1824), стремившихся противопоставить ставших уже «скучным и спокойным ландшафтам» Л. Брауна подчеркнута динамичные композиции, способные пробуждать «чувство страха и благоговения перед буйством природы». Весьма показателен в этой связи Хокстон-Парк (Hawkstone Park, Shropshire), образная структура которого была определена гигантскими скалами красного известняка с живописно разбросанными на них вековыми деревьями.⁶⁶⁴ Искусно охватывавшая эти утесы сеть прогулочных дорог была проложена таким образом, чтобы величественные виды и самого парка, и живописных

его окрестностей воспринимались, прежде всего, с головокружительной высоты. Оказавшийся здесь в 1774 г. один из посетителей был поражен совершенно мастерским использованием принципиально новых художественных средств: «эффектными пейзажами с внушающими трепет тенями», «пугающими пропастями», «яркой зеленью ложбин», «надменностью скал». «Все это, по его мнению, навеивает высокие и благоговейные мысли». ⁶⁶⁵ Эта более всего отвечающая романтическим чаяниям формообразующая линия проявит себя и в типологии прибрежного парка, обозначив собственную эстетическую значимость северной «дикий» природы. Так, например, ландшафтный парк в Даунхилле (Downhill Castle), создававшийся в 1770-е – 1780-е гг. его владельцем - епископом Дери (3rd Earl of Bristol) на северном побережье Ирландии, размещался на холмистой местности и включал в себя омываемый водами Атлантики сильно выступающий живописный мыс с асимметрично разбросанными на скалах садовыми постройками. Подлинно драматической его атмосфере было полностью созвучно завывание северных ветров, крик чаек и нескончаемый шум набегающих волн. ⁶⁶⁶ Показательно и то, что в начале викторианской эпохи такого рода парки войдут в повсеместное употребление под собирательным термином «Скальных садов» («Rock garden»). ⁶⁶⁷

Другая тенденция обнаруживает тесную связь с поэтическим творчеством шотландца Д. Макферсона (James Macpherson, 1736-1796) в созданном им возвышенном образе странствующего барда Оссиана. Именно эта поэзия, как особо подчеркивается, «породила мощный общеевропейский всплеск интереса к «дикий» природе с такими подлинно романтическими ее атрибутами, как высокие скалы, шумные водопады, мрачные пещеры, темные сосновые рощи на морском берегу и т.п». ⁶⁶⁸

Пик российского интереса к оссиановским образам пришелся именно на начало XIX в. и сильное их воздействие испытал на себе Л. Николаи. ⁶⁶⁹ Об этом свидетельствует сочиненная им легенда об Эрихштайне. Да и в поэме «Имение Монрепо в Финляндии» (1806) он демонстрирует пристальный интерес к мифо-

логическим образам и сюжетам северо-европейских народов, скупому, но вместе с тем поразительному по своей величавости природному их миру.⁶⁷⁰ Соответственно и облик воспетой Макферсоном Шотландии будет в России уже прочно ассоциироваться с Финляндией. Не случайно посетивший в 1836 г. Монрепо А. Греч напишет: «Смотря на этот прелестный сад, невольно задумаешься о могуществе Творца вселенной! Скажите: кто воздвигнул эти вековые гранитные скалы и поставил их в таком стройном и великолепном порядке? Кто омыл эти пустынные берега зеркальным морем? Кто дал этому небольшому куску земли такие прекрасные формы? Бог!... Скажите еще: зачем нам путешествовать по чужим краям, когда любезное отечество наше так богато великолепными картинами природы? Нам мало всей жизни нашей, чтобы осмотреть все любопытное и достойное внимания в обширной России».⁶⁷¹ Да и позднее, искушенный современник, совершенно очарованный непривычной атмосферой монреповского парка, увидит в нем сочетание все тех же возвышенно-поэтических образов северной природы: «Вообразите целый лабиринт гранитных скал, местами возникающих в виде отдельных утесов, местами собранных в дикие и живописные группы, то обнаженных, как череп, то одетых густыми деревьями и ярко-зеленым мохом, - все это отражается в светлых и тихих водах залива... Это идеал северного сада. (...) Посреди этого живописного хаоса беспрестанно встречаете вы поразительные и разнообразные виды».⁶⁷²

Это явное стремление самого владельца воспроизвести в монреповском парке самые выразительные композиции из обширного арсенала прибрежных северных пейзажей отмечают и современные исследователи: «Тщательно продуманная сеть прогулочных дорожек и видовых площадок как бы соединяла стихию камня и стихию воды. Лобовые выходы гранитов чередуются с заливами и бухточками, россыпи камней - с источниками и ручьями, луга - с хвойными рощами. (...) Все созданное человеком только продолжает естественные черты местности, в которой доминируют две береговые террасы и залесенная гряда холмов, обращенных в сторону залива».⁶⁷³

Показательно, что эта образно-смысловая связь с горной Шотландией обнаруживает себя даже в отдельных деталях. Д.С. Лихачев отмечал, что «со стороны материка «оссиановский парк» в Монрепо ограждала изгородь из диких камней в духе шотландских хайков».⁶⁷⁴

Собирательными образами древних шотландских замков вдохновлялся и видный английский архитектор неоклассического направления Ч.Х. Тэтам (Charles Hearcote Tatham, 1772-1842). В 1827 г. по заказу П.А. Николаи он спроектировал фамильную усыпальницу в виде монументального объема, закрепившего один из самых выразительных скальных островов Монрепо.⁶⁷⁵ Прямое английское художественное влияние демонстрировал и Палаточный остров. Именно здесь, по аналогии с Пейншилом (Painshill), размещалась Турецкая палатка, от которой наиболее эффектно воспринималась уходящая в даль величественная панорама залива.

В тринадцатилетнем возрасте князь И.И. Барятинский (1767-1825) был зачислен адъютантом к генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину, затем он принимал участие в польской военной компании А.В. Суворова, а при Павле I некоторое время исполнял должность главного церемониймейстера двора. В 1801 г. Александр I определит его в Коллегию иностранных дел и отправит в Лондон в качестве секретаря русского посольства, возглавляемого только что возвращенным на дипломатическую службу С.Р. Воронцовым. Здесь Барятинский прослужит более семи лет, вплоть до конца октября 1808 г., когда уже в должности чрезвычайного посланника отправится в Мюнхен. Именно тогда П.Х. Граббе, встретившись с ним в тамошнем «аглинском саду», увидит в нем и по привычкам, и по вкусам, и по размаху в ведении дел «совершеннейшего англичанина».

В Англии Барятинский увлекся сельским хозяйством и стал последователем известного агронома графа Лейчестерского (Thomas William Coke, 1st Earl of Leicester, 1752-1842).⁶⁷⁶ И соответственно теория и практика современного английского садоводства ему были также хорошо известны. В состав поистине огромного и еще неизученного библиотечного собрания князя входили приоб-

ретенные в лондонскую пору жизни многочисленные специализированные английские издания по сельскому хозяйству, архитектуре и садоводству.⁶⁷⁷

Большой любитель наук, музыкант, смелый агроном-экспериментатор, Бярятинский был известен в свое время и как крупный коллекционер произведений английского искусства.⁶⁷⁸

Особую ценность представляло обширное его гравюрное собрание, включавшее в себя целые серии гравюр ведущих английских мастеров.⁶⁷⁹ Наряду с галереей портретов и живописными видами, здесь широко были представлены мифологические, жанровые и сатирические сцены. Итальянские пейзажи находим, например, в работах Р. Джеймса (Robert James) (1765) и У. Пикетта (William Pickett) – «Вид Виллы Мондрагоне во Фраскати» (1799), «Сад Виллы Боргезе в Риме» (1799). Относящиеся же к 1760 г. произведения У. Воллета (William Woollett, 1735-1785) воспроизводили английские пейзажи и не менее впечатляющие виды усадеб с их замечательными парками: «Фут-Крейс-Плейс. Вид поместья эсквайра Клива Борчера в Кенте» («Foots-Cray Place in Kent the seat of Bouchier Cleave»), «Поместье Кумбант в Кенте», «Вид сада Карлтонхауса с Пэлл-мэлл», «Вид с запада на островок в парке достопочтенного эсквайра Чарльза Гамильтона».

Увлеченность князя английской художественной культурой поощрялась и первой его супругой, дочерью лорда Шерборна М.Ф. Дюттон (Мэри Фрэнсис Деттон, ?-1807). Прожив в счастливом браке всего два года, Бярятинский похоронит ее, здесь же в Англии он навсегда распрощается и со своей единственной дочерью Елизаветой, которая после смерти матери воспитывалась в фамильном имении Шерборнов.

Само намерение сформировать собственную усадьбу возникнет у Бярятинского еще в пору английской службы. Так, в 1804 г. «склонившись над планом огромного курского поместья, он наметил квадратик на северном берегу старого пруда и твердым четким почерком вывел: «La mansion».⁶⁸⁰ Однако вплотную к реализации этого обширного замысла князь сможет приступить

лишь по прошествии восьми лет, когда вслед за смертью родителей унаследует огромное состояние. Окончательно решив для себя оставить государственную службу, он выйдет в 1812 г. в отставку и вскоре женится на дочери прусского посланника в Вене графине М.Ф. Келлер (Мария Луиза фон Келлер, 1793-1858).⁶⁸¹

Крупный дворцово-парковый комплекс в Марьине формировался на некогда принадлежавших гетману И.С. Мазепе (1644-1709) обширных землях в полтора верстах от села Ивановского Львовского уезда Курской губернии. Для этого будет избран самый живописный северный береговой склон речки Избицы.⁶⁸² В растянувшихся на целое десятилетие крупномасштабных работах Барятинский с самого начала преследовал цель создания многопрофильного фамильного имения по аналогии с обширными поместьями родовитых лендлордов: «Из сотен крепостных были созданы группы, прошедшие учебу у столичных мастеров. Поэтому Марьино уже через несколько лет превратилось в своеобразный центр губернии, где каждый, «кому нужно было заказать экипаж, прочную мебель, кто отделывал дом, имея надобность в слесарях, обойщиках, малярах и других мастерах, каждый, кто желал украсить свои комнаты ценными деревьями и кому нужно было приобрести теленка или барана возвышенной породы, ехал в Ивановское с уверенностью найти там желаемое».⁶⁸³

Именно по инициативе владельца здесь на плодородных землях по «аглинскому образцу» и с привлечением английских специалистов будет заведено высококорентабельное многопрофильное хозяйство, ему же и при строительстве главного усадебного дома удастся воспользоваться некоторыми английскими новшествами: «Во всех домах в Англии оконные рамы делаются чугунные, кои будут гораздо тоньше деревянных требуют стекол большей величины и через то содействуют немало к светлости и красе комнат...»⁶⁸⁴

Да и на всех этапах одновременно происходившего формирования Английского парка сам владелец, несмотря на заграничные свои поездки, примет самое деятельное участие. Это подтверждают многочисленные письменные его

уведомления, адресованные управляющему Ф. Резникову и архитектору К.И. Гофману. В них и содержались самые различные указания и относительно общей планировки парка, и местоположения Большого пруда, изначально становившегося главным элементом пейзажной композиции. То же подтверждает и датированный 1810-ми гг. генплан усадьбы с собственноручными пометками Барятинского по поводу прокладки главной аллеи. И в повседневной своей практике непосредственные устроители парка обыкновенно руководствовались вполне конкретными его распоряжениями. Одно из них, в частности, предписывало, чтобы решительно каждая крестьянская подвода, въезжающая на территорию усадьбы, непременно включала бы в себя и саженцы. Он же станет инициатором заведения крупного Зверинца с оленями, косулями, дикими козами, соловьями и куропатками. Также по личному усмотрению Барятинского в западной части парка разместят «поэтические домики», специально предназначенные для княжеских детей. Показательно, что этот замысел отвечал вполне сложившейся практике английской просветительской педагогики с ее идеализацией сельского труда.

Как фиксирует составленный в 1820 г. «Геометрический план», эта сформированная на площади около 70-ти га весьма значительная парковая композиция охватывала обширное береговое пространство эффектно извивающейся р. Избицы.⁶⁸⁵ Ее запрудили и устроили южнее главного дома два разновеликих пруда. Совмещенной единой осью (север-юг) с дворцом Большой пруд приобрел выразительное ассиметричное очертание и был дополнен двумя разновеликими островами, украшавшимися парковыми сооружениями в «готическом» и «классическом» вкусе. В октябре 1817 г., обращаясь по этому поводу непосредственно к Гофману, Барятинский напишет: «Не забудьте, пожалуйста, выстроить на острове, где была плотина, род храма с колоннами... ротонду. Строение сие не должно быть огромно... но архитектура оного самого изящного вкуса...»⁶⁸⁶

Вдоль береговой линии Большого пруда была проложена одна из самых про-

тяжелых прогулочных дорог, обеспечивавшая восприятие различных частей парка на фоне обширной его водной поверхности. Их искомое разнообразие достигалось за счет радикальной корректировки рельефа на маловыразительных участках. В периферийных частях парка широко практиковалась периметральная высадка деревьев, позволявшая сформировать уплотненные кулисы и тем самым существенно разнообразить уходящие в даль обширные степные пространства. Генплан зафиксировал наличие этих уплотненных посадок к северу от дома и юго-восточнее Большого пруда, где наряду с кустарниками массовым порядком высаживались хвойные и лиственные крупномеры - лиственница, дуб, каштан, серебристая ель, клен, сосна, канадские и пирамидальные тополя. Просторный же стриженный луг был устроен на плавно понижавшемся большом участке, находившемся между домом и Большим прудом.

Судя по изображению на картине неизвестного художника, датированной 1816-1817 гг., объемы главного дома и парных его флигелей были к этому времени полностью выстроены, что же касается пейзажного парка, то он находился в стадии становления, а потому и посадки здесь все еще отсутствовали.⁶⁸⁷ Перед самым началом разбивочных и земляных работ Барятинский выпишет из Англии опытного мелиоратора Ивана Гулета (Гулерта). С ним и следует связывать осуществлявшееся с начала 1810-х гг. осушение обширной парковой территории, обусловившее формирование весьма развитой водной системы с разветвленной сетью дренажных каналов. Сместив плотину в западном направлении и многократно расширяя габариты находившегося здесь совсем небольшого пруда, он привлекая местных крестьян - наемных литовских и белорусских грабарей, сможет устроить Большой пруд, доведя общую его площадь до 18 га.⁶⁸⁸ Впрочем, изначально его величина и глубина определялись также с учетом заводившейся «потешной» флотилии, которая особенно картинно воспринималась именно со стороны дворца. Сам же сильно вытянутый с востока на запад Большой пруд должен был восприниматься в качестве изысканного по очертанию естественного озера, закреплявшего собой центральную часть парка.

Отдавая должное Гулету в формировании обширной марьинской пейзажной среды, владелец распорядится в соседнем селе Мазеповке поставить памятный обелиск и на чугунной плите сделает следующую надпись: «Князь Иван Иванович Борятинский отдавая признательность свою господину англичанину Ивану Гулету за осушение «Иван-болота» до 2900 десятин соорудил в честь ему сей памятник 1822 года, ноября 15-го дня».⁶⁸⁹ Около 1816 г., а может быть и ранее, в Марьине начнет работать английский садовник Броун (Browne?) в соответствии с назначенным ему жалованьем 1500 руб. и бесплатной провизией.⁶⁹⁰ Ему и была поручена разработка проекта «аглинского сада» С ним, видимо, следует связывать и само устройство упирающейся в протяженную липовую аллею сравнительно небольшой симметричной парковой композиции парадного двора, образованного постановкой главного дома и парных его флигелей. Деятельность Бруна была также высоко оценена. Как и соотечественник, он удостоился памятного знака, установленного на территории усадьбы.

Следует полагать, что оба английских специалиста принимали деятельное участие и в формировании пейзажного парка в селе Нижние Деревеньки соседнего Льговского уезда. Здесь, как и в Марьине, усадебный комплекс создавался заново.⁶⁹¹ Известно лишь, что треть доставшихся по наследству И.И. Борятинскому окрестных земель Льговского, Рыльского и Путивльского уездов он безвозмездно передал в ведение своей сестры - княжны А.И. Борятинской (1774-1825). Князь лично курировал ведущиеся здесь работы, о чем можно судить по датированному 28 августа 1816 г. его распоряжению: «При сем прилагаю план дома и церкви Ея Сиятельства Графини Анны Ивановны равно как и план земли к Нижним Деревенькам прилегающей, как были присланы ко мне архитектором г. Гофманом».⁶⁹²

Благодаря участию дяди, графа А.А. Безбородко, будущего известного дипломата графа В.П. Кочубея (1768-1834) в девятилетнем возрасте отправят из Малороссии в Петербург и определяют в частный пансион де Вильнева. Совсем недолго прослужив адъютантом у Г.А. Потемкина, он в том же 1784 г. отпра-

вится на дипломатическую службу в Стокгольм, где и продолжит образование в местном университете. По возвращении же в Петербург весной 1788 г. подающего большие надежды Кочубея сразу зачислят к «лондонской нашей миссии». Согласно планам Безбородко, ему предстояло прослужить в Англии около двух лет, а затем через Лиссабон и Мадрид он должен был переехать в Париж и прожить там еще год и уже через Италию и Австрию возвратиться на родину. Впрочем, еще до отъезда на Британские острова Кочубей успеет посетить с императрицей Крым и получить придворный чин камер-юнкера. Первый раз он пробудет в Англии почти два года, с ранней весны 1789 г. вплоть до начала января 1791 г. Другой раз окажется здесь спустя год, проживет еще шесть месяцев и возвратится в Петербург 9 июля 1792 г.⁶⁹³ Столь продолжительный срок пребывания в Англии позволит Кочубею вникнуть в суть английской жизни, много где побывать и, конечно же, осмотреть большое множество частных поместий, чему в немалой степени помогала дружеская расположенность С.Р. Воронцова.

По случаю обручения великой княжны Александры Павловны Кочубей в феврале 1799 г. удостоится подарком в 50000 руб., а 4 апреля ему присвоят и титул графа. Именно тогда он и заявит о собственной отставке, по поводу чего 8 августа последует соответствующий Указ: «Вице-канцлера нашего Кочубея по желанию его всемилостивейше увольняя от службы, повелеваем остаться ему при исправлении должности до приезда тайного советника графа Панина».

Панин вступит в эту должность 25 сентября, а поздней осенью, женившись 13 ноября на М.В. Васильчиковой, Кочубей оставит столицу и отправится в родительское имение Диканька, задумав комплексно его реконструировать. В результате возникнет крупнейший на Полтавщине дворцово-парковый комплекс - один из лучших в Малороссии. Составной его частью станет Английский парк, устройство которого начнется, видимо, уже ранней весной 1800 г. Скорее всего к садовым работам приступят при непосредственном участии графа, так как только в мае он покинет Диканьку и отправится за границу. Воцарение Алек-

сандра I заставит Кочубея вернуться на службу, поэтому вторая отставка, вызванная, прежде всего, резко ухудшившимся состоянием здоровья, последует 24 ноября 1807 г. Именно с этого времени все строительные и садовые работы в Диканьке будут производиться во все возрастающих объемах.⁶⁹⁴ При сохранении главного усадебного дома, возведенного по проекту Дж. Кваренги еще в XVIII в., здесь будут выстроены Николаевская церковь, колокольня и Триумфальная арка в память о посещении Диканьки Александром I, а также просторные оранжереи, заведены на английский манер Фазанья и Павлинья фермы и завод для разведения породистых английских коней, тонкорунных овец, молочной породы коров и «темворских» свиней. Соответственно приводились в полный порядок старые и заводились новые фруктовые сады. Под основную часть «аглинского сада» отойдет граничившая с густым лесом живописная долина р. Ворсклы. Заботами князя обширную местность поблизости дворца также заново распланируют и устроят аллеи, просторные луга и разновеликие пруды. Здесь же поместят и специально доставленную из Греции и Италии античную скульптуру. А обширные пейзажные районы будут формироваться с привлечением привезенных также при Кочубее американских акаций, английских тополей и пирамидальных дубов, все еще кое-где сохраняющихся. При нем же в 1820-е гг. на площади в 2 га в пятиметровом совсем неприглядном карьере, где прежде размещались одни лишь хозяйственные постройки, создадут Сиреневый гай - самый живописный район парка, поражавший воображение современников тщательно подобранными по цвету кустами сирени самых различных сортов.

Из собрания архитектурной графики, принадлежавшей А.А. Менеласу, происходят несколько проектных чертежей господского дома, подписанные им и его ближайшим помощником И.А. Ивановым.⁶⁹⁵ Предназначались они для строительства во вновь формирувавшейся царскосельской усадьбе В.П. Кочубея, находившегося в то время на посту министра внутренних дел. Здесь же заводился и сравнительно небольшой пейзажный парк, композиция которого

просто не могла не согласовываться во всех деталях с самим владельцем. Тем более, что еще в 1805 г. Кочубей занимался трудоустройством Менеласа, о чем свидетельствуют две его служебные записки.⁶⁹⁶

В 1-й половине XVIII в. на этом месте вблизи проезжей дороги располагалась старая корчма, в конце столетия сменившаяся караульней Павловской заставы. Основное же пространство будущей усадьбы по-прежнему оставалось неосвоенным и представляло собой обширный массив пахотной земли. В 1817 г. выделенный участок в количестве 1,5 десятин Александр I передаст в собственность княгине Кочубей, а в следующем распорядится существенно его расширить за счет переноса караульни на другое место.⁶⁹⁷ В то время это вновь сформированное домовладение, близкое в плане к трапеции, подступало к городской черте с южной стороны. С севера оно ограничивалось Нижним поперечным каналом, сообщавшимся с Большим прудом Екатерининского (Английского) парка, с запада – Павловской дорогой, являвшейся продолжением ул. Садовой, с востока – ломаным ответвлением Московской дороги, а с юга – созданным в 1817-1820 гг. по проекту В.И. Гесте городским бульваром, который в то время являлся фактической границей города.⁶⁹⁸

Расположение отведенного участка в целом соответствовало горизонтальной оси всей южной оконечности императорского пейзажного парка, где, также в соответствии с замыслом Менеласа, было устроено три пруда с разделявшими их плотинами.⁶⁹⁹ Здесь же в 1821 г. со стороны Павловской дороги эту вновь устроенную парковую часть закрепили парадными воротами Любезным моим сослуживцам, сооруженным в соответствии разработанными еще в 1817 г. чертежами В.П. Стасова и все того же Менеласа.⁷⁰⁰

Датированный второй половиной 1820-х гг. генеральный план Царского Села подтверждает, что главный дом кочубеевской усадьбы Менелас разместит в северо-западной части владения, существенно придвигая его к каналу и одновременно удаляя от Павловской дороги.⁷⁰¹ Несмотря на в целом небольшие размеры участка, ему удалось создать довольно выразительную пейзажную композицию.

Уже в проектных чертежах главного дома были прорисованы живописные поляны в плотном окружении хвойных и лиственных деревьев. Добиваясь полного охвата 2-х этажного объема пейзажными частями, Менелас был вынужден разместить парадный двор в стороне от него – в непосредственной близости от ответвления Московской дороги. Связан он был с содержащим исключительно мелкомасштабные постройки хозяйственным двором, фланкированным уплотненными посадками. Показательно и то, что даже обращенный к парадной магистрали (ул. Садовой) и сильно смещенный относительно ворот Любезным моим сослуживцам торцевой западный фасад здания также был плотно прикрыт зеленью. Таким образом, несмотря на малые габариты участка, зодчему удалось практически полностью изолировать главный дом от городского окружения и утилитарной составляющей усадьбы. Составной частью пейзажного парка станут довольно просторные разновеликие стриженные лужайки. Вполне развитая сеть извилистых дорожек связывала воедино все его части. План зафиксировал и различную степень плотности посадок, очевидно, минимальной она была в северной части парка, непосредственно связанной с каналом.⁷⁰²

Столь активно происходившее формирование аристократических усадебных комплексов сильно сокращается во 2-й четверти XIX в. вследствие уже обозначившейся общей тенденции оскудения аристократических родов. Упразднение же крепостного права еще более усилит их экономическую слабость и вплотную подведет к банкротству. «Золотой век» аристократического «аглинского сада», являвшегося зримым воплощением идеалов века Просвещения и романтической эпохи, был окончательно завершен.